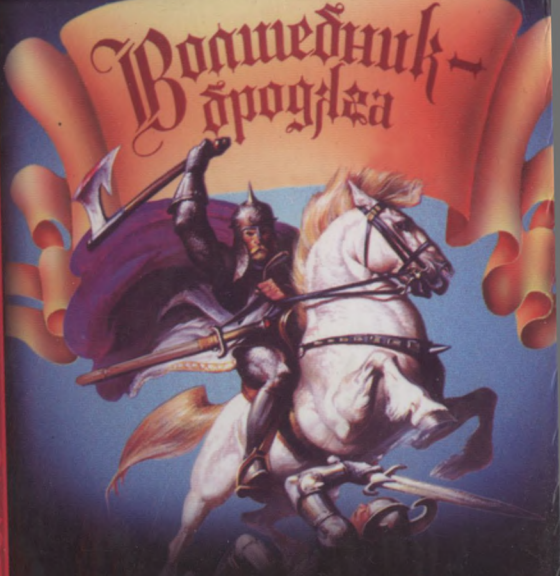

Волшебник не в своем уме
Волшебник в бедламе

Волшебник
не в своем уме
Волшебник в бедламе

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Кристофер
Сташеф

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

CHRISTOPHER
STASHEFF

A Wizard in Mind

A Wizard in Bedlam

КРИСТОФЕР

СТАШЕФ

ВОЛШЕБНИК-БРОДЯГА

**Волшебник
не в своем уме**

Волшебник в Бедламе

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

Серия основана в 1999 году

Christopher Stasheff
A WIZARD IN MIND
1995
A WIZARD IN BEDLAM
1979

*Перевод с английского Н.А. Сосновской («Волшебник не в своем уме»)
и К.А. Сошинской («Волшебник в Бедламе»)*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Сташеф К.

**С11 Волшебник не в своем уме. Волшебник в Бедламе: Фантаст.
романы / К. Сташеф; Пер. с англ. Н.А. Сосновской, К.А. Сошин-
ской. — М.: ООО «Издательство АСТ»; 2001. — 573, [3] с. —
(Золотая серия фэнтези).**

ISBN 5-17-006502-7.

Сын легендарного «чародея поневоле» Магнус — это, что называется,
оригинальное слово в искусстве Высокой магии!

Есть, знаете, масса чародеев, бродящих из мира в мир во исполнение
своей высокой миссии... а вот как насчет волшебника, что бродяжничает
В ПОИСКАХ этой самой миссии — а найти ее ну никак не может?..

Есть, знаете, просто куча магов, готовых сей секунд пустить свое искус-
ство в ход во имя благого дела... а вот как насчет волшебника, что во имя
благого дела чародействовать КАК РАЗ НЕ НАМЕРЕН?..

Это — блистательный сериал Кристофера Сташефа.

Самая забавная смесь фэнтези и фантастики, невероятных приключений и
искрометного, озорного юмора, какую только можно вообразить.

Вы смеялись над славными деяниями «чародея поневоле»? Тогда не
пропустите сногшибательную сагу о странствиях ВОЛШЕБНИКА-БРОДЯГИ!

ББК 84 (7США)

© Christopher Stasheff, 1995, 1979

© Перевод. Н.А. Сосновская, 2001

© Перевод. К.А. Сошинская, 2001

© ООО «Издательство АСТ», 2001

ISBN 5-17-006502-7 (АСТ)

**Волшебник
не в своем уме**

Пролог

Шпион не может бросить работу и остаться невредим — это всякий знает. На самом деле шпион не может бросить работу и остаться жив, а вот Магнус д'Арман все еще был жив, здоров и невредим, хотя ушел в отставку из Ассоциации Борцов с Ростками Тоталитаризма шесть с лишним месяцев назад — да, он был жив и здоров и не очень переживал по этому поводу.

Ну, по правде говоря, АБОРТ не была тайной спецслужбой карательного характера — она была (официально) частной организацией, предназначенной для предотвращения диктаторских режимов и постановки планет на путь демократического развития до окончания средневекового строя. Поэтому, строго говоря, назвать Магнуса шпионом было нельзя, хотя он и был тайным агентом. Еще он был тайным чародеем. Порой это ему помогало. Порой — очень помогало.

В данный момент он сидел в отсеке управления своего звездолета и разговаривал по душам с его кибермозгом.

— Ну, Геркаймер, за какую планету мы возьмемся на этот раз?

— Выбор весьма обширен, — отозвался Геркаймер и, театрально вздохнув, изобразил звук перебирания карточек в картотеке. — Насколько я понимаю, мне нет смысла убеждать тебя выбрать планету, для которой демократия является идеальной формой правления?

— Ты мог бы убедить меня в выборе планеты, но не демократии — по крайней мере этого бы тебе не удалось сделать без неопровержимых доказательств. В конце концов именно из-за этого я и ушел из АБОРТа — потому, что не желал навязывать демократию тем обществам, которым она совершенно не годилась.

— И еще потому, что ты не одобрял некоторых методов АБОРТа — да, я помню.

Геркаймер не стал упоминать о другой причине, по которой Магнус осуждал «навязывание» демократии. Дело в том, что отец молодого человека, Род Гэллоугласс, был одним из самых знаменитых агентов АБОРТа (вот только сам Род об этом не догадывался) и большую часть своей жизни употребил на закладывание основ демократии на родной планете Магнуса, Грамерае. Потребность молодого человека в том, чтобы отделить свое имя от имени отца и завоевать собственную репутацию, несомненно, во многом повлияла и на его решение покинуть АБОРТ, и объясняла его нежелание заниматься установлением демократических режимов.

— Я не могу согласиться с тем, что нужно жертвовать невинными людьми только для того, чтобы пробить дорогу для вашей обожаемой формы правления, — проворчал Магнус. — Общество принимает множество

самых разнообразных форм, Геркаймер, и потому здравый смысл подсказывает, что и форм правления должно быть множество. Если мне попадетя планета, которой требуется диктатура, то я стану трудиться на благо установления диктатуры!

— Безусловно, Магнус, если ты найдешь такую планету и такое общество, — отозвался Геркаймер. Он уже закончил сканирование базы данных АБОРТа параллельно с семейным архивом д'Арманов, который достался ему в наследство от Векса, кибермозга звездолета отца Магнуса. Располагая таким объемом информации, Геркаймер мог легко определить, что, хотя диктатура могла быть хороша для общества в целом, она уж никак не могла быть хороша для отдельных людей — если бы, конечно, не нашлось бы какого-то способа гарантировать их гражданские права. Но в таком случае речь бы уже не шла о полной диктатуре. Это означало бы, что общество движется к какой-то иной форме правления.

— Пожалуй, планета Канарк близка к тому, о чем ты думаешь, — сообщил Геркаймер и вывел на экран изображение.

Магнус нахмурился, разглядывая крестьян в поношенных шляпах и полинялых синих рубахах. Они брели по желтому полю и пели, в такт размахивая серпами.

— Диаметр планеты на восемь процентов больше диаметра Терры, — оповестил хозяина Геркаймер, — но гравитация составляет девяносто восемь процентов от терранской. Вероятно, это связано с меньшим процентным содержанием тяжелых металлов в ее ядре. Период обращения вокруг оси составляет двадцать два

часа и сорок минут по терранскому стандарту. Наклон оси — девять градусов, расстояние от солнца — одна целая, пять сотых астрономических единиц.

— Значит, там немного холоднее, чем на Терре?

— Да, и полярные шапки больше, как и площадь материков. Тем не менее недостатка в воде не ощущается, и такие растения, как кукуруза, овес, ячмень и пшеница, произрастают весьма успешно.

— Видимо, их завезли туда древние колонисты.

— Отчеты о колонизации подтверждают это предположение, — согласился Геркаймер. — Экономика пока сельскохозяйственная, но промышленная база растет.

— Стало быть, большая часть населения — крестьяне?

— Да. Йомены. Восемьдесят процентов владеют гектаром-двумя земли. Остальные двадцать составляют примерно в равной пропорции купцы и сельскохозяйственные рабочие, трудящиеся на крупных землевладельцев.

— Которые, естественно, представляют собой правительство.

— Верно. Правительство имеет пирамидальную структуру. Более мелкими землевладельцами управляют более крупные. Десяток самых богатых людей в каждом из суверенных государств являют собой верховную власть. По части юриспруденции у них полное взаимопонимание, но между тем каждый из них в своих землях представляет и законодательную, и исполнительную власть. Землевладение и титулы передаются по наследству.

— Аристократия, и притом довольно авторитарная, — нахмурился Магнус. — Давай теперь посмотрим, как живут эти благородные господа.

Картина на экране изменилась. Вместо работающих на поле крестьян появился интерьер большой округлой комнаты с деревянными панелями, большими окнами, сквозь которые проникал солнечный свет. В камине горел огонь. По комнате передвигалось с полдюжину человек. Магнус еще сильнее сдвинул брови.

— Одеты все неплохо, но небогато. А где же правители?

— Герцог стоит возле камина. Остальные — члены его семейства.

Магнус вытаращил глаза.

— Не сказал бы, что они шикарно выглядят. Да и комната не слишком-то роскошно обставлена! Я бы даже сказал — по-спартански. А теперь покажи мне жилище йомена.

На экране возникло весьма схожее с предыдущим жилище, вот только потолок тут был существенно ниже — обитатели дома в количестве восьми человек чуть ли не упирались в него головами. Трое, судя по всему, были подростками, двое — среднего возраста, и еще трое — совсем дети. Окна здесь поменьше, чем в доме герцога, а стены вместо обоев украшены гирляндами из веток каких-то вечнозеленых растений.

Магнус вздернул брови.

— Похоже, в плане состоятельности здесь все почти равны. Есть ли свидетельства угнетения?

— Только в области уголовных наказаний, которые включают наказание за политическую деятельность. Это не слишком богатая планета.

— Но при этом большинство ее жителей жизнью довольны. — Магнус покачал головой. — Я мало на что способен, чтобы сделать их богаче, да и в любом случае они производят впечатление счастливых людей. Так что, если я мог бы что сделать, так только ухудшить их жизнь. Ты мне лучше покажи людей, которые изнывают под властью более сурового режима.

Экран опустел, и Геркаймер снова сопровождал поиск информации звуком перебираемых карточек. Магнус ждал, чувствуя странное волнение. Аристократы, несомненно, прежде всего действовали в собственных интересах, но между тем они, похоже, понимали, что их процветание зависит от благосостояния других людей и что их власть покоится на удовлетворенности йоменов своим житьем. Магнус на самом деле не видел причин вмешиваться. Он не сомневался в том, что людская власть должна предназначаться для людей — вот только он не был так уж уверен в том, кто должен стоять у руля этой самой власти. В данном случае аристократы справлялись с этим так, что все, похоже, довольны — что-то в этом было неправильное.

— Андория, — сообщил Геркаймер, и на экране возникла группа людей, одетых более чем скромно — в одни только набедренные повязки. Склонившись в три погибели, они жали серпами пшеницу.

— От геофизических подробностей можешь воздержаться.

Магнус наклонился ближе к экрану, чувствуя, как учащенно забилося сердце. Картинка в смысле угнетения одного класса другим выглядела более многообещающе, но когда он присмотрелся повнимательнее, то обнаружил, что все крестьяне, как на подбор, неплохо упитаны. Эти тоже пели за работой, и песня была веселая.

— Начни с правительства! — нетерпеливо поторопил робота Магнус.

— Правительство представляет собой абсолютную монархию, — отвечал Геркаймер, — с оттенком теократии, поскольку монарх является богокоролем.

— Богокоролем? — нахмурился Магнус. — Это разве неолит?

— Бронзовый век, однако некоторые понятия здесь носят усложненный характер, чему, видимо, способствовали первые колонисты, чья терраноподобная культура развалилась из-за отсутствия высокоразвитой техники, с помощью которой можно было бы сохранить инфраструктуру. Вся земля здесь является собственностью короля и управляется его вельможами, под началом у каждого из которых находится около сотни бейлифов.

— Как они избираются?

— Отбор кандидатов осуществляется посредством испытаний, но окончательный выбор делает король.

— Гражданская служба!

— Да, но большей частью наследуемая. Король склонен назначать на ответственные посты потомков одних и тех же семейств, из поколения в поколение, век за веком. Новая кровь вливается в жилы системы

государственной службы только в тех случаях, когда в одном из таких семейств не рождается наследника мужского пола, либо тогда, когда продолжатель рода почему-либо избирает другую профессию — становится священником или поступает в армию.

— Значит, здесь имеется регулярная армия?

— Да, но она королевская, и только королевская. Офицерский состав — это в основном выходцы из аристократических родов, однако офицерами могут стать и выдвиженцы из простонародья. Как на гражданской службе, так и в армии «пришлые» составляют примерно двенадцать процентов.

— Значит, некая вертикальная подвижность все-таки существует, — заключил Магнус и поджал губы. — Судя по тому, что король склонен держать под ружьем регулярную армию, я готов предположить, что основная задача гражданских чиновников состоит в сборе средств и ресурсов, необходимых для обеспечения самого короля и его семейства.

— Нет, хотя эта функция выполняется, судя по всему, неплохо. — Геркаймер вывел на экран изображение каменного дворца с роскошным декором и мраморным, отполированным до зеркального блеска полом. Выстроившиеся в две шеренги до пояса обнаженные воины с копьями стояли по обе стороны от золоченого трона на высоком помосте, на котором восседал высокий мужчина в мантии, расшитой золотом и драгоценными камнями. — Богокороль требует от своих вельмож заботы о благосостоянии народа. Да, они собирают каждую лишнюю унцию зерна в королевские житницы, но из этих житниц людей кормят, а

одевают в одежду из хлопка и льна, сотканных королевскими ткачами.

— Стало быть, все продумано до мелочей, и у народа все отбирается, но только для того, чтобы затем снабдить его всем необходимым, — задумчиво проговорил Магнус.

— Верно. В итоге только пятнадцать процентов дохода тратится на поддержание роскоши короля и его чиновников.

— Да и роскошью-то это не назовешь, — проворчал Магнус. — Не сказал бы, что и тут пахнет угнетением. Ничего повеселее не найдется?

— Сейчас поищем, — отозвался Геркаймер, и под звук перебираемых карточек на экране возникли танцующие цветные точки. Магнус нервно и устало откинулся на спинку кресла, но довольно скоро мысленно одернул себя: с какой стати он так расстроился, обнаружив две планеты, которые ни капельки не нуждались в его помощи?

Но ведь у него не было другой цели в жизни. Его родные вполне могли сами позаботиться о себе, и родная планета Магнуса, Грамерай, без него преспокойно обошлась бы. От мысли о том, чтобы влюбиться, жениться и произвести на свет потомство он уже давно отказался. Ему был всего двадцать один год, однако он уже располагал кое-каким печальным опытом по части дам и влюбленностей. Некая часть этого опыта была очень даже печальна, а хорошего Магнус вообще не мог вспомнить. А куда еще было богатому молодому человеку девать время? Ну, не то чтобы такому уж богатому, но все-таки у него был собственный

звездолет (преподнесенный в подарок родственниками, которые таковым презентом как бы извинились за свое богатство), и он мог сделать денег сколько нужно, когда в этом возникала необходимость. Именно сделать, поскольку Магнус был волшебником. Ну, то есть не в буквальном смысле волшебником, поскольку никаких чудес он творить не умел, но зато он был необычайно одарен по части телепатии, телекинеза и прочих проявлений экстрасенсорной перцепции. Безусловно, он бы мог посвятить свою жизнь сколачиванию столь же огромного состояния, как у его родни, но это казалось ему бессмысленным при том, что ему было положительно не на кого тратить деньги, как только на самого себя, и к тому же представлялось не слишком честным способом употребления талантов, которыми он был наделен от природы. Краткий опыт службы в АБОРТе и уход из этой организации придали Магнусу ощущение глубокого удовлетворения тем, что он помогал угнетенным классам обретать свободу — и притом только тем, кто воистину нуждался в свободе. Он жаждал вновь испытать это чувство, пусть даже через посредство борьбы и страданий, которые вели к нему. В глубине души он гадал, уж не верит ли в то, что заслуживает страданий.

— Моя задача в значительной степени облегчилась бы, — сказал Геркаймер, — если бы ты позволил мне учитывать и те планеты, на которых уже осуществляются проекты АБОРТа.

Магнус покачал головой.

— Зачем тратить время и силы, когда кто-то уже трудится на благо их освобождения? — Помимо всего

прочего, он не желал вступать в конфликт с организацией отца. На последней планете, где он понял для себя, что агенты АБОРТа поступают неправильно — вернее говоря, что они пытаются достичь верной цели неверными средствами, — там все было иначе. Там он ощутил необходимость выступить и защитить ни в чем не повинных людей, которыми агенты АБОРТа были готовы пожертвовать. Но чтобы намеренно отправиться на планету, где уже трудились сотрудники этой организации, с твердым намерением пустить насмарку их работу — нет, это было совсем другое дело. — Нет. — Магнус покачал головой. — Нет смысла делать двойную работу.

— Как пожелаешь, — произнес Геркаймер обреченным тоном, из-за чего Магнус пожалел о тех старых добрых временах, когда роботы еще не умели имитировать эмоции. — Твой следующий шанс — планета под названием Петрарка.

На экране возникла пасторальная картина — широкая, залитая солнцем равнина и стены средневекового города. По дороге к городским воротам катились повозки.

Магнус нахмурился, не заметив положительно ни одного тяжело угнетаемого.

— Судя по всему, заброшенная колония, — сказал он.

Собственно говоря, а чем еще могла быть эта планета?

«Не обязательно», — мысленно поправил себя Магнус. Несколько терранских колоний в свое время были настолько хорошо спланированы, и им так повезло,

что они успели заложить основы промышленного производства до того, как Терра отказала им в снабжении во времена существования Пролетарской Изолированной Социалистической Коммуны. Однако без торговли с Террой — большинство колоний, регрессировали, а некоторые скатились к полному варварству на уровне каменного века. Правда, чаще всего регресс останавливался на грани средневековья, а общественный строй, по причине утраты электронных средств связи между материками, устанавливался в виде той или иной формы феодализма. Похоже, Петрарка пребывала в более или менее сносном состоянии.

— Петрарка обращается вокруг звезды типа G на расстоянии одной и одной третьей астрономической единицы от нее, — сообщил Геркаймер, но Магнус поспешно вмешался, предотвратив продолжение лекции:

— Избавь меня от геофизики, пожалуйста. Лучше сразу скажи, есть ли здесь какая-нибудь политическая проблема, требующая нашего вмешательства?

— Я так полагаю, ты хотел сказать — диверсии?

У Магнуса мелькнула было мысль: не перекодировать ли голос робота так, чтобы он звучал подобно голосу доброй тетушки?

— А что, есть резон?

— Еще какой, — заверил его Геркаймер. — Когда Терра отказала Петрарке в поддержке, цивилизация здесь, можно сказать, рухнула. Инфраструктуру невозможно было сохранить без электронной техники, и в результате на всех материках воцарилась полная анархия. Люди в деревнях дрались друг с другом за скуд-

ную еду и остатки топлива. Деревни воевали между собой, появились военные вожди и стали драться друг с другом за власть.

Магнус побледнел. Он хорошо знал, что значит такой поворот событий для отдельных простых людей.

— Но это было пятьсот лет назад! Наверняка они успели уйти вперед!

— Но не на двух из пяти континентов, — с сожалением проговорил Геркаймер. — Здесь же существует с десяток раздробленных игрушечных королевств, которые непрерывно воюют друг с другом.

А когда воюют друг с другом игрушечные королевства, сражаются и умирают крестьяне. Либо, если не умеют быстро бегать и хорошо прятаться, могут погибнуть только из-за того, что случайно окажутся на поле боя.

— Ну а на остальных трех материках какая картина?

— Там процветает варварство. Там обитают племена, занимающиеся охотой и собирательством, племена скотоводов, ведущие примитивное земледелие, и кочевники, пасущие большие стада. Кое-где возникли небольшие царства, управляемые тиранами, но империй нет.

— Будем надеяться, что их никто не изобретет, — буркнул Магнус, в голове у которого вихрем пронеслись видения пыточных камер, вооруженных сборщиков налогов и голодающих крестьян. — Да, пожалуй, тут мы могли бы поработать. А теперь расскажи мне об истории этой планеты.

— Петрарка была впервые заселена в двадцать третьем веке, — сообщил Геркаймер, сопроводив начало

рассказа выводом на экран изображения высоких пластикризовых башен терранской колонии. Перед ними прошли женщины в длинных вышитых бархатных платьях, мужчины в камзолах и лосинах. У некоторых имелись рапиры, но выглядели они довольно солидно, словно клинок и рукоятку выковали из одного куска металла.

— Да... — задумчиво проговорил Магнус. — Ведь в последнем десятилетии этого века произошло возрождение Ренессанса, верно? Помнится, Векс нам, детишкам, внушал, что это был классический пример массового сумасшествия.

— Все правильно — и насчет века, и насчет десятилетия, но вот сумасшествие довольно быстро прошло на остальных планетах терранской сферы. А вот на Петпарке закрепилось.

Картинка сменилась, но фасоны одежды остались прежними. На заднем плане виднелись невысокие сборные домики из пластикрита, типичные для всех первых терранских колоний, но кое-где уже стояли дома, выстроенные из дерева и отштукатуренные, что говорило о первом этапе строительства из местных материалов. Время от времени Магнусу на глаза попадались костюмы с широченными подложными плечами, шляпы с тульями высотой два фута, длинные разноцветные вуали.

— Похоже, они довольно забавно прогрессировали.

— Да, но исключительно в контексте Ренессанса. На Талипоне — острове посреди внутреннего моря, стиль одежды законсервировался, так же как архитектура, живопись и все прочие аспекты культуры.

— Странный случай, — нахмурился Магнус. — Для этого была причина, или просто имела место массовая аберрация?

— Причиной стал государственный переворот, в результате которого возникла Пролетарская Изолированная Социалистическая Коммуна. Когда это произошло, ПИСК прервала все связи с дальними планетами. В итоге Петрарка просто заморозилась на уровне культуры, имевшем место в то время.

— Хорошо еще, что в колонии уже имелись экономика и техника, которые смогли поддержать этот уровень, — негромко произнес Магнус и сдвинул брови. — Удивительно, как еще непрекращающиеся войны не отбросили людей в каменный век. Ведь именно так и произошло на большинстве планет.

— Такое впечатление, что здесь существуют союзы государств, богатых природными ресурсами, с государствами-производителями, — пояснил Геркаймер.

— Союзы? А не завоевания?

— Есть и то, и другое. Более отдаленные территории регрессировали, а некоторые скатились до довольно-таки примитивного состояния.

— Итак, здесь три варварских континента, два феодальных и остров с современной цивилизацией?

— Вряд ли такой уж современной. Скорее всего там царит позднее средневековье, а может быть, даже Ренессанс.

— И как велик этот остров?

— Его площадь составляет четыреста девяносто на сто тридцать пять километров. На острове — несколько независимых городов-государств, непрерывно вою-

ющих друг с другом, однако войны носят локальный характер, поскольку во всех этих городах разговаривают на одном и том же языке, и люди постоянно переезжают из одного города в другой.

Магнус кисло усмехнулся.

— Похоже на страну с большим числом спортивных команд-соперниц.

— Неплохая аналогия, — одобрительно прокомментировал высказывание Магнуса Геркаймер. — Правда, некоторые виды спорта почти смертельно опасны, и в ряде городов действуют только собственные правила, но на самом деле можно смело назвать жителей острова единой нацией.

— При отсутствии национального правительства?

— Полном отсутствии. В действительности каждый из городов-государств имеет ту форму правления, какую считает нужной. Тут есть монархии, аристократии, олигархии, даже некое подобие республики с более или менее демократическими тенденциями.

— В таком случае этот город мог бы стать центром просветительства по части прав человека, — глубокомысленно изрек Магнус. — Насколько я понимаю, города-государства — сельскохозяйственного типа?

— Несколько из них находятся на ранней стадии развития промышленности, а с десятков портовых городов — торговые. Два города-государства достигли особо высокого уровня и превратились в настоящие торговые империи — Венога и Пироджия.

— Идеальные места для распространения передовых взглядов! Да, я склоняюсь к мысли о том, что

Талипон прекрасно подойдет в качестве базы для начала операции. Существуют ли какие-либо препятствия для моей работы?

Магнус хорошо помнил об анархистах и тоталитаристах из будущего, которые постоянно вставляли палки в колеса его отцу, старавшемуся подтолкнуть Грамерай к демократическому пути.

— Никаких, кроме АППИСа, — радостно отозвался Геркаймер.

Магнус проворчал:

— Тоже мне — «никаких»! Никаких, кроме межпланетного общества доброхотов, пытающегося всюду сунуть нос! Никаких, кроме неофициального крыла межзвездного терранского правительства! А стоит ли мне тогда вообще напрягаться?

— Стоит-стоит, — поспешил заверить его Геркаймер. — АППИС — отнюдь не пример организации с хорошо поставленной работой.

На взгляд Магнуса, Геркаймер еще сделал АППИСу комплимент. АППИС, Ассоциация Поддержки Правительственных Институтов и Систем, была частной, неправительственной организацией, которая тем не менее получала щедрые субсидии от Децентрализованного Демократического Трибунала — правительства Терранской Сферы, поскольку деятельность АППИСа помогала налаживанию связи между отсталыми колониями и цивилизованными планетами и подготовке их к вступлению в ДДТ. АППИС неустанно трудилась ради повышения уровня цивилизованности тех планет, на которых работала. Дабы достичь этой высокой цели, она старалась свести к минимуму войны, мо-

дернизировать экономику и внедрить в сознание народов идеи гражданских прав и прав личности. Права человека члены этой организации ставили превыше образования и развития искусства. Они относились к своей работе с поистине миссионерской страстью, но частенько не задумывались о том, чего могут добиться в итоге. Как правило, между тем их усилия приводили к созданию преддемократических форм правления. Но это — как правило. На счету АППИСа имелась и парочка монархий. Но это членов организации особо не огорчало, поскольку так или иначе способствовало развитию души человеческой.

— Дилетанты, — сварливо пробурчал Магнус. — Они не способны предвидеть результатов собственной деятельности. Косноязычные, неуклюжие...

— Но с благими намерениями, — напомнил ему Геркаймер.

— Ладно тебе, уж мы-то с тобой знаем, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями. И что, АППИС развернула деятельность на всей планете или только на Талипоне?

— Прежде всего на Талипоне, с надеждой на то, что затем идеи распространятся по всей планете через посредство распропагандированных купцов и моряков торгового флота.

— Что ж, по крайней мере одна мысль у них верна — самая очевидная. Пожалуй, можно было бы поразмыслить над тем, как я мог бы немного подпортить их работу в неофициальном духе. По крайней мере, если уж там заправляет АППИС, большего вреда, чем они, я уж точно планете не причиню.

— Согласен, — отозвался Геркаймер. — Ну и какие у тебя мысли насчет внедрения?

Магнус приобрел задумчивый вид.

— Учитывая, что феодальные титулы передаются по наследству, я так думаю, самое лучшее будет, если я выберу прежнюю легенду и явлюсь под видом вольнонаемного воина.

— Тогда ты уж точно сумеешь проникнуть в любой город, в какой только пожелаешь.

— Ну, насчет «проникнуть»... Я бы не стал это так называть.

Геркаймер никак на это не отреагировал.

— И псевдоним тоже прежний оставишь?

— «Гар Пайк»? Да, можно, пожалуй, на нем остановиться. — Магнус поджал губы. — Но появляться прямо на Талипоне мне вряд ли стоит. Мне бы лучше приземлиться на материке, в одном из менее развитых царств, чтобы затем отправиться на остров более или менее естественным путем.

— Да, так бы ты мог избежать подозрений АППИСа, — согласился Геркаймер. — В конце концов среди талипонцев ты бы очень выделялся.

— Правда? — нахмурился Магнус. — Почему? Ты ведь обучишь меня их языку, верно?

— Обучу, само собой, но беда в том, что средний рост талипонцев пять с половиной футов.

А Магнус был ростом в семь.

Глава 1

Старик Антонио указал вперед и что-то крикнул. Молодой Джанни Браккалезе посмотрел в ту сторону, куда указывал старик, увидел впереди столб черного дыма, и сердце у него екнуло.

Всего-то пару минут назад Джанни сунул руку за ворот камзола, всей душой мечтая о том, чтобы можно было снять эту неудобную и жаркую одежду. Солнце к полудню немилосердно раскалило поля, а теперь, ближе к вечеру, ветерок стих, и единственным, что двигалось, был пот, стекавший со лба Джанни. О, если бы они только не были так близко от Аччеры! Конечно, не такой уж большой это был город, но все же у двоих местных купцов всегда можно было купить вдоволь зерна и хлопка, за которые потом удавалось выручить немало денег дома, в Пироджии. У купцов этих имелись и красивые камни — орцаны, из которых получилось бы чудесное ожерелье для любой девушки, на какую бы ни положил глаз Джанни. Потому он понимал, что не может посрамить отца, появившись в городке раздетым до пояса, какая бы ни стояла жарища. Он корил себя за то, что не додумался снять кам-

зол до полудня, когда только начало припекать, но ведь он впервые вез товары в город в разгар лета, да если на то пошло, он и вообще впервые вез товары в город! После Дня Всех Святых Джанни исполнилось двадцать, и отец повысил его в должности — сделал настоящим торговцем. Джанни так мечтал блеснуть в новом платье, а теперь — на тебе!

Он смотрел на облако дыма, чувствуя, как противно сосет под ложечкой от страха. Такой дым мог объясняться одной-единственной причиной: в городе был пожар.

— Скорее! — крикнул он Антонио. — Быть может, мы успеем вовремя и сможем кого-нибудь спасти!

Старик Антонио скривился, но все же послушно велел возницам погонять мулов. Джанни ощутил прилив благодарности к старику. Он нисколько не сомневался в том, что отец велел Антонио приглядывать за ним на первых порах и обучать искусству торговли. Возницы и стражники вели себя с Джанни учтиво, но ни для кого не было секретом, кто на самом деле главный в караване. Правда, с каждой очередной поездкой Джанни задавал все меньше вопросов, становился все более уверен в отдаваемых распоряжениях и более ловко торговался. Он даже сумел неплохо зарекомендовать себя в двух небольших стычках с разбойниками.

Но теперь... Теперь предстояло нечто совсем иное! Одно дело — разбойники, нападающие на торговый караван, а совсем другое — разбойники, отважившиеся напасть на город! Ну да, что верно, то верно — не таким уж большим и богатым городом была Аччера,

ведь она стояла так далеко от берега моря на совсем маленькой речушке, но все-таки ее окружала стена, и ее жители знали, как пользоваться арбалетами — знали не хуже других!

Но почему Джанни думал о горожанах так, словно их уже не было в живых?

Он скакал верхом, время от времени в тревоге поглядывая на мулов, навьюченных товарами отца. Возницы поторапливали животных негромкими окриками, боясь шуметь больше, чем нужно. У Джанни похолодело в груди при мысли о том, почему возницы так себя ведут. Что бы за разбойники ни подожгли город, они могли находиться где-то поблизости — быть может, даже в самой Аччере! Джанни проверил, легко ли вынимается из ножен меч, снял арбалет с крючка на седле. Пусть он был новичком в торговых делах, но зато оружием владел на славу. Это было необходимо любому торговцу в стране, где разница между торговцем и воином была не так уж велика — просто каждый был волен выбирать, чем зарабатывать на хлеб.

Линия на горизонте постепенно превратилась в стены Аччеры, а в стене была брешь! Казалось, будто великан вырвал кусок из стены огромными зубами — великан, которому не было дела до несчастных, валявшихся вокруг дыры. Некоторые трупы лежали, перевалившись через разлом, их онемевшие пальцы все еще сжимали копыя. Джанни придержал коня, поднял руку, дав знак своим людям, и весь караван замедлил ход. Нет, здесь похозяйничали не оголодавшие крестьяне, явившиеся в город за куском хлеба, — здесь поработали мастера своего дела. Кондотьеры.

Мулы протестующе заржали, почуяв кровь, но возницы погнали их вперед — они знали толк в этом деле. Вскоре они, соблюдая предельную осторожность, преодолели пролом в городской стене. Джанни бросил взгляд на погибших жителей Аччеры и тут же отвел глаза, не в силах смотреть. До сих пор ему лишь раз довелось видеть мертвецов, когда Пироджии пришлось драться с обитателями соседнего города Любеллы из-за того, что пироджийский граф вздумал обвинить любеллийского купца в совращении его дочери. Дрались недолго — ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы удовлетворить оскорбленное самолюбие графа. При этом погибло двенадцать человек, и все ради того, чтобы оправдать беременность высокородной распутницы. Джанни до сих пор гадал, кто же был ее любовником на самом деле.

Караван медленно ехал по главной городской улице, между стоявшими по обе стороны глинобитными, выкрашенными бежевой краской домами под красной черепицей. Торговцы опасливо оглядывались по сторонам, держа наготове арбалеты. Из-за одного занавешенного окошка слышался плач, и Джанни тут же захотелось найти того, кто плакал, утешить и ободрить, но он понимал, что делать этого ни в коем случае нельзя — сейчас, когда где угодно могли затаиться враги. Потом он увидел мертвую женщину — юбка была задрана выше талии, а лиф разодран, увидел лужу крови, и ему сразу расхотелось спешить и утешать кого-то — он понял, что не найдет нужных для утешения слов.

Они ехали по городу, вздрагивая от каждого звука. Джанни видел разбитые двери и ставни, но ни один

дом не горел. У него возникло нехорошее подозрение относительно того, где именно он увидит пожар, и сердце его болезненно сжалось.

Что-то шевельнулось в тени, и с полдюжины арбалетов тут же развернулось в ту сторону, но это оказался всего-навсего старик. Он опирался на клюку, лицо его было искажено страданием.

— Не бойтесь, господа торговцы, — сказал он. — Мерзавцы ушли.

Джанни нахмурился, подавив желание выругать старика. С рассеченной брови того стекала струйка крови — это означало, что ему досталось в сражении, а огромный кровоподтек на левой щеке свидетельствовал о том, что, даже будучи калекой, он храбро бился, защищая свое семейство — бился, покуда были силы.

Антонио спросил:

— Кондотьеры?

Старик кивнул.

— Шайка Стилетов, судя по нашивкам. — Он указал вперед. — Там полегли те, с кем вы приехали торговать. Не сказать, правда, что у них осталось, что вам предложить.

Антонио кивнул, посмотрел в ту сторону, откуда к небу вздымался черный дым.

— Благодарим тебя, добрый горожанин. Мы вернемся и поможем, чем сумеем.

— Тогда и я отблагодарю вас, — чуть насмешливо кивнул старик. — А пока, я понимаю, вам нужно посмотреть, как там ваши.

Джанни сдвинул брови, подавив желание сказать о том, что сеньор Лудовико и старый приказчик Ан-

сельмо — всего лишь соратники по торговым делам, а никак не родственники, но он понял, что имел в виду старик. Аччера была крестьянским городком — товары сюда привозили в обмен на продовольствие, и для крестьян торговцы были представителями другогословия.

Свернув за угол с единственной широкой улицы, караванщики увидели слева поток, хлещущий из-под водяных ворот, а справа — горящие руины склада.

— Западный край еще цел! — прокричал Джанни. — Скорее! Может быть, они еще живы!

Он поспешил вперед. Вся его осторожность улетучилась после заверения караванщиков, что кондотьеры из города ушли. Более опытный Антонио рывкнул на возниц, и те, схватив арбалеты, принялись усердно озираться по сторонам.

Сказать, что западный край склада еще цел — это было большим преувеличением. Крыша обрушилась, а главное стропило, упав, прихватило с собой половину стены. Но огонь еще не добрался до покосившегося дверного проема, где лежало чье-то безжизненное тело, и до угла, возле которого скрючился еще один человек. Спешившись и бросившись к складу, Джанни почему-то отметил, что оба одеты слишком просто — не в камзолы, а в просторные полотняные рубахи и штаны. Рубахи несчастных были залиты кровью. Он опустился на колени возле того мужчины, тело которого лежало в дверях, увидел на его шее глубокую рану и лужу крови на земле. Джанни замутило, и, чтобы унять дурноту, он встал и поспешил к другому несчастному. Опустившись рядом с ним на колени, он увидел, что

рубаха на груди бедняги залита кровью, но грудь его едва заметно вздымается и опадает. Джанни перевел взгляд на лицо раненого, увидел, как ставшие землистыми губы дрогнули, зашевелились. Раненый пытался что-то сказать.

— Это Лудовико, — сказал опустившийся рядом с Джанни на колени Антонио и поднес флягу с бренди к губам несчастного. Ему удалось влить немного спиртного в рот раненого, тот закашлялся, но открыл глаза, и взгляд его дико заметался.

— Я Антонио, — поспешно проговорил старик. — Синьор Лудовико, я Антонио, вы меня знаете, мы с вами частенько торговали!

Лудовико уставился на Антонио, губы его растянулись, сжались, и наконец он еле слышно вымолвил:

— Ан... Анто...

— Да-да, Антонио. Любезный синьор, что тут случилось?

И зачем только этот старый олух спрашивает, когда и так все понятно? Но тут Джанни понял, что только так старик мог хоть немного успокоить Лудовико, подбодрить его.

— Кон... кондотьеры! — выдохнул Лудовико. — Сти... Стилеты! Их было... слишком много... Мы не могли отбиться... но...

— Но все же сразились с ними, — понимающе кивнул Антонио. — Они забрали в плен ваших работников, а вас избили.

— Работники... бежали! — с трудом выговорил Лудовико. — Приказчики... домой!

— Побежали домой, чтобы защитить своих жен и детей? — кивнул и нахмурился Антонио. — Конечно. Ведь не их же товары лежат на этом складе.

— Мы... сражались! — возразил Лудовико. — Арбалеты... вон... — Он кивком указал на разбитый арбалет, и Джанни поежился при мысли о том, с какой жестокостью обрушились кондотьеры на стариков, дерзнувших сразиться с ними.

— Они... решили... мы мертвые, — прохрипел Лудовико. — Слышал... как они говорили.

— Ну будет вам, будет, — успокоил его Антонио. — Вам надо прилечь, отдохнуть.

Он бросил на Джанни многозначительный взгляд, и тот, поняв старика, снял плащ и, свернув его, превратил в подушку.

— Не... надо лежать! — запротестовал Лудовико и с трудом поднял руку. — Говорить! Надо... рассказать! Они... говорили... про... про то... что им... платит господин!

— Да-да, я понимаю, — заверил его Антонио. — Вы слышали, как кондотьеры говорили о том, что их нанял какой-то дворянин. Это понятно, об остальном нетрудно догадаться. Принеси воды, Джанни.

Джанни быстро принес и открыл бурдюк с водой. Антонио влил немного воды в рот синьора Лудовико. Купец закашлялся, попытавшись сказать что-то еще, но в конце концов отказался от этой попытки и стал пить. Вкус чистой свежей воды, похоже, лишил его последних сил, и он повалился на руки Антонио.

— Как его рана? — заботливо спросил Джанни.

— Ее надо промыть, — вздохнул Антонио. — Постарайся расстегнуть его рубашу, Джанни, но как можно осторожнее.

Это по крайней мере для Джанни было не ново. Он бережно, аккуратно расстегнул рубашу и отвел ткань от раны. Ткань уже успела пропитаться запекшейся кровью, но Лудовико, похоже, боли не заметил. Джанни, едва касаясь раны кончиками пальцев, потрогал ее, борясь с дурнотой.

— Рана большая и глубокая.

— Значит, его ранили мечом, да еще и крутанули в ране, — кивнул Антонио. — Проткнуто легкое, но сердце не задето. Он может выжить. Но все равно рану надо промыть. Вылей на нее немного бренди, Джанни. — Обратившись к Лудовико, он добавил: — Будет больно, потерпите, надо потерпеть.

Джанни выждал несколько секунд, дабы убедиться в том, что Лудовико услышал предупреждение Антонио, но больше ждать не стал, чтобы Лудовико не успел ничего возразить, и, наклонив флягу, вылил на рану немного спиртного. Лудовико громко вскрикнул и стиснул зубы. Увидев, что Джанни закрывает флягу пробкой, он облегченно вздохнул.

— Прибери тут рядом с ним, — распорядился Антонио. — Будет лучше, если мы не станем его трогать.

Джанни нахмурился.

— Но кондотьеры...

— Они сделали свое дело и ушли. Для того чтобы узнать о прибытии в город новых товаров, им нужно было бы оставить тут дозорных, а зачем им оставлять дозорных там, где они уже побывали? Мы тут в пол-

ной безопасности, Джанни, как в бастионе. Распорядись, чтобы наши люди постарались загасить пожар. За этими стенами мы еще сможем найти приют.

Джанни сделал не только это: он велел караванщикам отнести подальше от склада все, что могло бы загореться. К наступлению темноты пожар был ограничен и начал утихать. Над несчастным Лудовико устроили полотняный навес, мулов завели в полуразрушенный пожаром склад, задали им зерна, сняли с них поклажу. Люди расселись вокруг костра и принялись готовить ужин.

Антонио вышел из-под навеса и уселся рядом с Джанни у костра.

— Он уснул?

Антонио кивнул.

— Боюсь, как бы он не уснул вечным сном. Рана сама по себе не убьет его, но он потерял много крови, и много крови вылилось в легкие. Он очень тяжело дышит.

— Хорошо, хоть дышит, — вздохнул Джанни и, отвернувшись к кипящему котелку, помешал варево. — Как думаешь, неужели и вправду кто-то из благородных господ мог натравить шайку Стилетов на город?

— Нет, — покачал головой Антонио. — Я так думаю, что синьор Лудовико просто слышал, как кондотьеры говорили о новом сражении и о том, кто им выложит плату за него.

Джанни кивнул.

— Шайка Стилетов в последнее время дралась за Рагинальди, но уж больно далеко они ушли от Туманолы.

Антонио пожал плечами.

— Когда нет работы, наемные воины мародерствуют. Нужна им была еда — так они явились сюда и забрали зерно из амбаров Лудовико, а заодно прихватили шерсть и хлопок со складов. И драгоценные камни, само собой.

— Так что же нам теперь, с ними торговать? — возмущенно хмыкнул Джанни.

— С наемниками торговаться можно только тогда, когда от них тебя отделяет толстая крепостная стена, — горько усмехнулся Антонио. — Заговоришь с ними сейчас — так они отнимут у тебя все отцовские товары, да еще и жизнь в придачу, если сильно разозлятся. — Он отвернулся и сплюнул. — Жалко, что Рагинальди заключил союз с Ботеззи. Теперь их наемные псы залягут у стен Реновы и не пропустят туда ни одного честного человека.

— Союз этот был заключен не с легким сердцем, как я слышал, — уточнил Джанни. — И мигом распадется, как только воины найдут себе новую работу.

— Славно было бы, если бы так оно и вышло, — вздохнул Антонио. — Когда солдаты воюют на поле, это скверно, спору нет, но хотя бы их можно увидеть да обойти стороной.

— Ренова и Туманола — самые укрепленные города на востоке Талипона, — сказал Джанни. — Так что на сражение можно где угодно напороться.

— Это верно, но хотя бы войско должно тут держаться, поблизости, дабы делать вид, что сражаются за своих господ и недаром плату получают. Не грабят бедных крестьян и честных торговцев. Безработные

солдаты превратили бы весь остров в бесовское поприще.

Он не сказал, что сами солдаты — бесы, но Джанни верно его понял.

— А не может быть так, чтобы какие-то дворяне послали воинов ограбить Аччеру в наказание за какую-то выдуманную обиду?

Антонио пожал плечами.

— Кто их знает, этих дворян. Они способны обидеться на что угодно и велеть своим слугам отомстить за обиду.

— Вот-вот, и с наемниками-кондотьерами тоже ни о чем нельзя судить наверняка, — подхватил Джанни. — Покуда им платят, они — это войско, а когда не платят — они разбойники, хуже любой шайки с большой дороги.

— Куда как хуже, — согласился Антонио. — Как это еще они не додумались украсть целый город.

Джанни поехал, представив себе это. Если бы отряд Стилетов вздумал бы захватить целый город, чтобы потом управлять им по своему разумению, то это не был бы город, в котором правили бы благородные господа — тогда бы все дворяне Талипона разом обрушились бы на наглецов и собрали бы всех, кто в силах держать копье. Нет-нет, наемники были заинтересованы в более легкой добыче. Им бы больше подошел такой город, в котором правили купцы — например, родина Джанни — Пироджия.

— Эти мерзавцы могут служить кому-то из дворян, а могут и сами по себе разбойничать. Трудно сказать, — вздохнул Антонио. — Но Аччера стоит на землях Пиро-

джии с тех самых пор, как наши деды сбросили местного виконта и изгнали отсюда его семейство. Так что сюда явиться могло просто-напросто оголодавшее войско, которое решило немного поразмяться со скуки. Как бы то ни было, это нехороший знак.

— Ходят слухи, будто бы купцы из Туманолы волнуются — вроде бы из-за того, как у нас в Пироджии хорошо дела идут, — заметил Джанни. — И будто бы стали они к своему принцу приставать, чтобы он и им дал возможность городом управлять.

— И про Ренову то же самое поговаривают, — буркнул Антонио и покачал головой. — Вот я думаю, долго ли ждать осталось, пока оба этих благородных дома ополчатся против Пироджии, дабы покончить с теми, из-за кого их купцам в голову такие опасные мысли приходят.

Один из возниц, стоявших на постах вокруг полусгоревшего склада, кого-то окликнул:

— Кто идет?

— Друг, — отозвался некто баритоном. — Или тот, кто может стать другом.

Антонио вскочил на ноги почти так же проворно, как Джанни. Оба развернулись в ту сторону, откуда донесся голос, и увидели выходящего на свет из темноты великана.

Великан смотрел на часового сверху вниз. Роста в нем было все семь футов, он был широкоплеч. Просторная блуза и кожаная куртка скрывали торс, но зато штаны на незнакомце были обтягивающие, и под ними проступали могучие мышцы. Джанни был готов по-

клясться, что меч на боку у незваного гостя длиной равнялся росту часового.

Меч, кожаный дублет, высокие сапоги для верховой езды. Можно было не сомневаться, кто пожаловал к костру караванщиков. Этот человек был наемным воином. Великаном — но при всем том наемным воином.

Незнакомец был черноволос и чернобров. Его темные глаза сверкали в глубоких глазницах. Прямой острый нос нависал над полными губами и выступающим подбородком. Не сказать, чтобы нос его напоминал клюв, но что-то было в этом лице ястребиное — быть может, зоркость взгляда, которым он обвел караванщиков. Но злости и жестокости в его глазах не было. Скорее — спокойное любопытство.

— Приветствую вас, торговцы.

Говорил он с сильным акцентом, и выговор этот Джанни был незнаком. Такой великанище, и притом наемник, да еще и иноземец! Впрочем, ничего удивительного в этом не было — большинство наемных солдат были родом с континента. Джанни не стал спрашивать, как незнакомец догадался о том, что они — торговцы. Мулы, тюки с товарами — тут все было ясно.

— Вы за нами весь вечер следили? — спросил Джанни.

— Только с заката, как к городу подъехал, — отвечал незнакомец. — Пришлось немножко подраться с какими-то разбойниками — вон там. — И он указал в сторону холмов. — Их трое было. Драка, правда, недолгой вышла. Нет, они живы остались, вы не думайте, вот только коня своего я лишился. А тут я вас

приметил и подумал, не найдется ли у вас лишней лошаденки на продажу.

Свободные лошади у караванщиков были, но Джанни все-таки сказал:

— Погибший был местным жителем, не одним из нас.

— А я так и понял. Ваши люди слишком много болтали, пока могилу рыли.

— А у тех разбойников, что на вас напали, не было ли, случаем, нашивок на камзолах в виде клинков? — поинтересовался вставший рядом с Джанни Антонио.

— Были, — кивнул незнакомец. — Длинные, тонкие клинки. По-моему, они стилетами называются.

Антонио посмотрел на Джанни.

— Он не из них.

— Не из них, коли правду говорит. — Честно говоря, Джанни не видел причин, почему бы шайке Стилетов потребовалось подсылать к караванщикам лазутчика вместо того, чтобы напасть на них, застав врасплох. А профессиональный воин в караване ему совсем не помешал бы, чтобы безопаснее вернуться в Пироджию. Джанни протянул руку незнакомцу: — Меня зовут Джанни Браккалезе.

— Приятно познакомиться, Джанни. — Незнакомец протянул Джанни руку в знак дружбы или по крайней мере в знак того, что они — не враги. — Меня зовут Гар.

Да, акцент его звучал очень заметно. Имя Джанни он произнес как «Джонни».

— А фамилии у вас нет?

Гар пожал плечами.

— Там, откуда я родом, фамилии не приняты. Народ небогатый, на всем экономим, и на фамилиях тоже. Можно мне посидеть у вашего костра?

— Почтем за честь пригласить вас в гости. — Джанни слегка поклонился и широким жестом пригласил нового знакомого к костру.

Гар подошел и, сев у огня, распустил тесемки на горловине котомки, висевшей у него на плече. Из котомки он извлек облитый воском шар.

— Могу угостить вас сыром.

— Это славно, — улыбнулся Джанни, вытащил каравай хлеба из дорожного мешка и, отхватив ножом краюху, протянул Гару. — Похлебка еще не поспела.

— Спасибо, — кивнул Гар, положил ломоть сыра на хлеб, разрезал получившийся бутерброд пополам и протянул Джанни. Антонио, усевшийся рядом с ними, с нескрываемым удовольствием наблюдал за этим незатейливым ритуалом выражения дружелюбия.

— Так вы — воин-наемник? — спросил Джанни, перед тем как откусить хлеба.

Гар проглотил и кивнул.

— Вольнонаемный, не вхожу ни в какой отряд. А те кондотьеры, с которыми мне довелось сразиться, служат в чьем-то отряде?

— Да, это шайка Стилетов. Сейчас они без работы. И для вас тут дела не найдется.

Гар усмехнулся.

— В отряд к тем, кто на меня напал, я точно наниматься не стану.

Джанни ощутил жгучее желание поторговаться.

— А вообще наняться готовы?

Великан, продолжая жевать, кивнул.

— А рекомендательного письмеца нету ли у вас при себе? — поинтересовался Антонио. Он понимал, что скорее всего никаких бумаг у Гара нет, да и вряд ли наемник грамоте обучен, но это было бы неплохим поводом, чтобы сбить цену.

Но великан сумел несказанно удивить и Антонио, и Джанни. Он проглотил очередной кусок и кивнул:

— Есть письмо. Даже два.

Он вынул из котомки два сложенных пергамента и протянул их Джанни.

Молодой торговец развернул пергаменты. Антонио с любопытством заглянул ему через плечо, чрезвычайно заинтересовавшись наемником, имевшим настоящие рекомендательные письма. Первое было писано на иноземном языке, но Джанни язык Аиреби знал, потому что с тамошними купцами частенько имел дело его отец. Написано письмо было от имени капитана торгового судна, который сим удостоверял, что нанял Гара на службу в Донелаке, далекой северной стране, и что великан верой и правдой служил и как моряк, и как воин. Второе письмо было написано по-талипонски, и в нем утверждалось, что Гар выказал необычайную верность данному слову и надежность при доставке груза из Веноги в Ренову и храбро дрался с разбойниками. Это было особенно интересно, поскольку Венога являлась главным конкурентом Пироджии и совсем немного отставала от родного города Джанни и Антонио по размаху торговли, но зато значительно уступала Пироджии в богатстве. Джанни подозревал, что все дело в том, что веногские купцы просто-

напросто еще не успели поставить на место своего графа, и тот отбирал у них львиную долю прибыли. Это сильно ограничивало возможность купечества вкладывать деньги в развитие дела и мешало им приобретать предметы роскоши. Пока граф Веноги еще не подписал себе смертного приговора, но Джанни полагал, что это не за горами.

Свое письмо купец заканчивал словами о том, что к превеликому своему сожалению не может долее держать Гара на службе, так как в ближайшие месяцы не собирается в торговые поездки. Он настоятельно рекомендовал вольнонаемного воина любому купцу, которому потребен такой человек, и даже тем, кому он не особо нужен — просто так, на всякий случай.

Джанни кивнул, сложил письма и вернул Гару.

— Славно написано, очень славно.

Он, правда, подумал о том, а не нашлось ли таких хозяев, что остались недовольны наемником и потому писем не написали, однако он отбросил эту мысль как неподобающую.

— Не откажетесь ли принять у нас дукат в уплату за то, что станете оберегать нас от шайки Стилетов, — да и любых других разбойников, которые могут напасть на нас на обратном пути?

— С превеликой радостью, — торжественно изрек Гар.

Джанни, вне себя от счастья, поспешно вынул из кошелья дукат и протянул Гару. Великан взял у него монету и сказал:

— Возьму с вас по одному дукату за каждые семь ночей, что буду охранять вас.

— Годится, — заверил его Джанни. — Нам надо вернуться в Пироджию. И вернемся мы с пустыми руками, потому что Стилеты похитили зерно, хлопок, шерсть и орцаны, ради которых мы приехали сюда.

— А орцаны — это что такое? — спросил Гар.

Джанни выпучил глаза, но сразу вспомнил о том, что Гар в Талипоне новичок.

— Орцан — это такой камень, он похож на пламя. Не такой уж редкий, и всего лишь полудрагоценный, но уж очень красивый. — Он указал на обгоревшие стены склада. — Синьор Лудовико написал нам, что скопил целый мешок орцанов и готов продать их нам, но теперь камней нет и в помине. Пусть они полудрагоценные, но за целый мешок можно выручить немалые деньги.

— Стало быть, — улыбнулся Гар, пряча монету в котомку, — у нас с вами есть причины не желать Стилетам добра. А теперь расскажите мне про вашу Пироджию. Правда ли, что городом правят купцы?

Джанни кивнул, а Антонио сказал:

— Скорее все-таки управляют, чем правят.

— Дело-то не в словах, а в делах, — усмехнулся наемный воин. — Как это вы разжились такой властью?

Джанни улыбнулся. Он давно научился уходить от каверзных вопросов. А тактика была такая: как только тебе зададут такой вопрос — надо постараться отвечать на него как можно дольше, но сказать при том как можно меньше. И Джанни принялся рассказывать Гару об истории Пироджии.

Глава 2

— На самом деле правителей наших мы не свергали, — объяснил Джанни. — Ни одного. Просто наши деды некогда стали недовольны притеснениями со стороны принцев и дожей. Они обирали нас настолько жестоко, что у нас совсем не оставалось прибыли.

Антонио молчал, только время от времени одобрительно поглядывал на юношу. «Если он меня проверяет, — поразился Джанни, — то, похоже, я на коне».

Гар кивнул и сурово нахмурился. «Это ненадолго», — подумал Джанни, но, к его изумлению, брови воина так и остались сдвинутыми.

— И вот купцы из шести городов, знакомые друг другу по торговле, собрались вместе и построили склады на островках в лагуне у восточного берега Талипона. Земли эти принадлежали принцу Рагинальди из Туманолы, но там сплошные пустоши, леса да болота, и потому никакого интереса у него те островки не вызывали.

— Ну а купцы, само собой, — добавил Гар, — где склады выстроили, там и поселились.

Джанни кивнул, удивленный догадливостью нового знакомого.

— Через несколько лет туда уже все до единого перебрались.

— И их приказчики и работники, естественно.

— Верно. — Догадливость Гара начинала немного пугать Джанни. — Они построили мосты между островками, что были поближе один к другому, а между более крупными наладили лодочную переправу.

Гар улыбнулся.

— Совсем как купцы в Ренове, которые едут до лавки на лошади, а товары возят на телегах.

— Купцам в Ренове свою лошадь иметь не позволено, — вставил Антонио. — Телегу — это пожалуйста.

— В Туманоле тоже так было, — сказал Джанни. — Правда, законом им не запрещалось иметь лодки.

— Начиная догадываться о том, какие блага сулило проживание вдали от глаз принца, — кивнул Гар. — Ну и скоро ли он догадался, что купцы выстроили собственный город?

— Догадался, когда корабли стали приставать к островам, а в его гавань заходить перестали. Тогда он ввел налог на все товары, ввозимые в Пироджию, но купцы отказались его платить.

Гар усмехнулся.

— И сколько раз он требовал уплаты налога до того, как послал к вам войско?

— Всего дважды, но когда войско явилось, сразу стало ясно, почему еще так славно жить на островах.

— Почему же? Потому что врага видно издалека?

— Нет, — хитро осклабился Джанни. — Потому что по воде больно не помаршируешь.

Гар расхохотался.

— Ну конечно! Чем не ров с водой вокруг крепости!

— Ну да, ров. Шириной с четверть мили и глубиной сто футов.

— Но разве принц не послал к вам флот?

— Как же не послать? Послал. Вот тогда-то дворяне и увидели, какими славными моряками стали торговцы.

— Но наверняка по вашим стенам палили из пушек!

— У Пироджии нет стен, — ответил Джанни. — Зачем они нам нужны? Наша лагуна защищает нас лучше всяких стен. Она и наш флот.

— Неужто вашим дедам хватило ума построить боевой флот?

— Всего несколько кораблей. И потом, для защиты от пиратов на каждом торговом корабле стояла пушка, и все наши матросы знали не только, как водить корабли, но и как биться с врагами. И до сих пор знают, хотя пиратов теперь почти не стало. Принц послал против нас галеры, а мы встретили их на кораблях с латинскими парусами и плыли против ветра, покуда не смогли развернуться, а тогда поплыли на врагов при попутном ветре! — Глаза Джанни разгорелись страстной гордостью. Он говорил «мы» так, словно сам участвовал в том морском сражении. — Мы разбили ядрами их весла, попали и в борта, а потом со всех сторон к галерам подплыли небольшие лодки, и наши люди стали стаскивать вражеских гребцов в воду, а капитанов мы взяли в заложники.

— Наверняка принц не смог смириться с таким позорным поражением!

— Конечно, не смог и отправил гонцов к другим правителям портовых городов, чтобы послать большой флот против Пироджии. Но наши прадеды были наготове, хотя и страшились. Как могли простые купцы выстоять против такого большого флота галер?

— Превзошли маневренностью? — предположил Гар.

— Именно так, — усмехнулся Джанни. — Их здоровенные галеры не могли плыть и разворачиваться так же быстро, как наши каравеллы. Но все равно враги превзошли бы нас только числом, если бы налетевший шквал не разметал их корабли по морю. Наши капитаны обрушились на них, когда на каждое вражеское судно приходилось по два, а то и по три наших. А некоторые галеры с такой силой отбросило назад, что они и не показались около Пироджии. Вернулись восвояси с порванными парусами и пробоинами.

Гар кивнул, не спуская глаз с Джанни.

— На этом принц успокоился?

— Он попытался уговорить другие города построить более сильный флот и снова напасть на нас, — отвечал Джанни. — Но в это время Ренова начала биться со Сламией за границу между этими городами — реку, которая поменяла русло, а Грамона решила, что представилась неплохая возможность захватить часть земель Сламии. В это же время правитель Марпы понял, что можно воспользоваться случаем и отобрать у Реновы часть ее торговых партнеров на материке, но тут Борелла забила тревогу, опасаясь усиления Рено-

вы, и выступила на стороне Сламии, а Туманоле вовсе не по нраву оказалось то, что Марпа завладеет большей территорией для торговли с материком, и советники тамошнего принца сказали ему, что эти земли он мог бы отвоевать для себя, и тогда Туманолу напала на Марпу, и...

— Все ясно, — утрюмо усмехнулся и кивнул Гар. — В самом скором времени все уж дрались друг с дружкой и в пылу сражений забыли и думать про Пироджию. А не ваши ли деды додумались выслать лазутчиков, дабы те заварили всю эту кашу, начиная с Реновы?

— Да что вы? Разве можно было изменить русло реки, выстроив в горах запруду? — весело проговорил Антонио. — Да пусть и десяток запруд!

— И принц Туманолы больше никогда не грозил вам?

— Ну, — покачал головой Джанни, — ни он сам, ни его потомки больше против нас ни разу не ополчались. Но грозили то и дело, и теперь грозят, и, случается, захватывают наши корабли, и до сих пор не отказались от того, чтобы требовать часть нашей прибыли. — Он прищурившись посмотрел на Гара. — А вы как думаете, уж не сам ли принц нанял шайку Стилетов?

— Это мы поймем еще до того, как снова увидим нашу лагуну, — мрачно отвечивал Антонио.

— А что стало с теми моряками, которых взяли в плен ваши деды? — поинтересовался Гар.

Джанни не мог верить собственным ушам. Этот человек сам просил, чтобы ему рассказали побольше об истории Пироджии!

— Большая часть из них пожелала остаться в Пироджии и поискать там работу. Они сразу поняли, ка-

кая славная у нас жизнь. Но наши деды в корабельные команды набирали не больше пяти пленных и хорошо присматривали за ними — вдруг бы они оказались лазутчиками. Но таких случаев не было.

— А остальные?

— Когда битва отгремела, мы отпустили их домой. Доставили до берега и велели идти куда глаза глядят. Некоторые сбились в разбойничью шайку, но наша городская стража быстро с ними расправилась — ведь у этих молодцов оружие было только такое, какое можно было изготовить из камня и дерева. Остальные, судя по всему, отправились по домам. Во всяком случае, в Пироджию они больше не навевались.

Гар откинулся назад, обхватил руками колени.

— О славном сражении вы мне поведали, синьоры. Ваши предки заслуживают восхищения. Не сомневаюсь, вы достойно продолжаете их дело.

— Пироджия теперь могущественный город, — заверил его Антонио. — Но крепостных стен у нас как не было, так и нет по сей день. Похлебка готова.

Джанни разлил варево по деревянным мискам и подал Антонио и Гару. Рассевшиеся вокруг костра возницы ели и негромко переговаривались — все, за исключением полудюжины часовых. Джанни сел и запустил ложку в похлебку.

— Ну а вы? — спросил он. — Вас с детства учили водить корабли?

Антонио в тревоге взглянул на Джанни. Невежливо было спрашивать у наемного воина, откуда он родом и

почему решил стать солдатом. Невежливо и порой даже опасно, но Гар только улыбнулся и сказал:

— У меня на родине живут большей частью рыбаки и крестьяне.

Джанни, не обращая внимания на отчаянный взгляд Антонио, продолжал расспросы:

— А где твоя родина?

— Моя страна зовется Грамерай, — ответил Гар и продолжал, предупредив следующий вопрос Джанни: — Это очень большой остров, он очень далеко отсюда, посреди океана.

От любопытства Джанни окончательно забыл о хороших манерах.

— Грамерай? Ни разу про такой не слышал.

— А он очень-очень далеко.

— А название означает «волшебство», верно?

Гар улыбнулся.

— Как я посмотрю, вы сильны в иноземных языках. И верно, «Грамерай» означает «волшебство», вернее, «книга о волшебстве», и вправду это волшебная страна, она полна тайн и загадок.

— Если так, то вряд ли кто захочет покидать такую страну, — выпалил Джанни, но прикусил язык, осознав наконец, что ведет себя в высшей степени неучтиво.

— Так и есть, — подтвердил Гар. — Но дом есть дом, и собственная деревня начинает казаться юноше тюрьмой, когда он становится мужчиной. Мне надоело сидеть на одном месте, и я отправился в путешествие на корабле отца с одним старым, верным слугой. Потом, когда я нашел работу, этот слуга отвел

корабль домой. Поработав в одном месте, я отправился в другое, и наконец поступил на торговое судно к одному купцу, который доставил меня на Талипон, а затем был настолько добр, что написал для меня рекомендательное письмо, когда я пожелал остаться и узнать побольше о вашем острове. Мне нравится изучать мир, хотя это и сопряжено с опасностями и тяготами.

В это мгновение от угла склада послышался крик:
— Господин Джанни, скорее сюда!

Джанни быстро вскочил на ноги и помчался в ту сторону. Следом за ним побежал Антонио. Гар не так проворно, но тоже последовал за ними.

Старик Лудовико лежал бледный как полотно. Его немигающие глаза были устремлены к небесам.

— Он перестал дышать, — сказал часовой-возница.

Джанни наклонился к раненому, приложил ладонь к его губам, к носу. Выждав несколько минут, он опустил веки умершего.

К утру оставшиеся в живых горожане стали выбираться из своих домов. Только что прибывший из ближайшего монастыря священник в ужасе взирал на страшную картину, но вскоре, совладав с собой, приступил к печальному ритуалу отпевания и похорон. Джанни и его люди встали с непокрытыми головами у могилы Лудовико. Они стояли, понурившись, и слушали, как священник произносит молитвы по-латыни, а затем медленно и торжественно поет «Dies Irae». Как ни странно, после отпевания у всех немного по-

легчало на душе, и вскоре, переговариваясь между собой, караванщики уже навьючивали мулов. А когда караван выбрался на дорогу, ведущую к Пироджии, уже слышались шутки и смех.

— Ваши люди быстро обретают бодрость духа, — отметил Гар.

— Лудовико не был одним из нас, — ответил Джанни. — Он был только нашим торговым партнером.

Гар кивнул:

— Его смерть огорчила вас, но не повергла в тоску. И все же вашим людям не откажешь в отваге.

— Это вы к тому, что они улыбаются, невзирая на опасность нападения разбойников? — уточнил Джанни. — Но ведь когда в караване столько мулов, бесшумно идти нельзя при всем желании, так почему бы не смеяться — какая разница? Да и потом, неужто отряд наемников станет по всей дороге выставять дозорных, чтобы те подстерегали проезжих?

— Да, — быстро отозвался Гар. — По крайней мере, если бы таким отрядом командовал я, то выставил несколько дозорных, дабы не упустить ни единой возможности кого-нибудь ограбить.

Джанни изумленно взглянул на него.

— Стало быть, ты мог бы стать разбойником?

— Да нет, нет, конечно, — столь же поспешно отозвался Гар. — Но когда хочешь оградить себя от нападения врагов, стоит предвидеть все неожиданности и думать о том, как могут повести себя злодеи, а для этого самое лучшее — поставить себя на их место и представить, какие у них могут быть мысли на этот счет. Нет, я никогда не позволил бы своим людям

нападать на мирных проезжих, грабить их и убивать, я вполне могу представить себе, как бы я поступил, будь я на месте такого командира. — Он в упор посмотрел на Джанни. — Это тебе понятно?

— Понятно, — не без опаски отозвался Джанни. — Но так сказать мог только человек с большим опытом или с большим даром предвидения. Стало быть, ты не новичок в военных делах, верно?

Он до сих пор не был так уж уверен в том, что знает Гара достаточно хорошо для того, чтобы доверять тому, и не хотел упускать возможности побольше выведать о новом знакомце.

Но Гар не собирался его просвещать.

— Я был взращен воином, как большинство варваров.

Джанни кивнул:

— Но все же ты слишком молод для того, чтобы стать командиром.

— Ну а ты слишком молод для того, чтобы быть купцом, — сострил в ответ Гар.

Джанни улыбнулся.

— Я, как и ты, был взращен на этой ниве. Но пока я вожу не свои товары, а товары отца, и прибыли мне не достается — всего лишь некая ее доля.

— Доля? — вздернул брови Гар. — Ты разве не получаешь жалованья?

— Нет. Отец говорит, что я буду лучше стараться, если мое жалованье будет зависеть от величины прибыли.

Гар медленно кивнул:

— В этом есть смысл.

Антонио молча слушал разговор двух молодых людей и довольно улыбался.

— Но твой отец отправляет в плаванья торговые корабли, — заметил Гар. — Зачем же ему отправлять караваны в глубь острова?

— За тем, что нам нужно иметь что-то, что можно было бы увозить на торговых судах, — объяснил Джанни. — Если мы будем уходить в плавание и брать с собой только золото, скоро у нас никакого золота не останется. А варвары вроде тебя и кочевники, что обитают на восточном берегу Срединного моря, не слишком уважают драгоценные металлы. Но им нужны слитки железа, хлопковые и шерстяные ткани, которые ткут наши ткачи. А господа с северного побережья обожают изготавливаемые у нас гобелены и ковры и полотно. И потом золото занимает совсем немного места. Зачем возить его на кораблях, когда можно загрузить их под завязку товарами, которые не опустошат нашу казну?

К изумлению Джанни, Гар, похоже, его прекрасно понимал.

— Это разумно, — сказал он, — но не могли бы ваши торговые суда обратными рейсами доставлять сюда древесину и зерно?

— Зачем, когда тут, неподалеку от дома, они гораздо дешевле, — пожал плечами Джанни. — Отсюда доставить такие грузы до Пироджии гораздо дешевле. Нет, из варварских земель мы привозим янтарь и меха и еще много всякой всячины, которая на Талипоне почитается роскошью. А из старых городов востока и из деспотий юга мы привозим специи и шелка и дере-

во редких пород. Такие товары мы можем с большой прибылью продать на Талипоне, мой друг — только такие, а не те, каких здесь и так хватает.

— В этом есть смысл, — признал Гар. — А кто решил построить торговлю таким образом? Купцы-князя вашей Пироджии?

Джанни рассмеялся.

— Я не стал бы называть их князьями. Они зажиточные горожане, прочно стоят на ногах, но уж конечно, они живут не так, как живут аристократы. Нет, мой друг, не городской Совет решает, что вывозить на продажу, а что закупать. Это решает мой отец, как и все прочие купцы. Каждый решает за себя.

— А чем же тогда занимается ваш Совет?

Джанни перевел дух и продолжал:

— Он решает дела, касающиеся всех купцов и всего города. Сколько денег вложить в постройку военных кораблей, сколько — в войско, нанять ли чужаков или обучить своих...

— Своих, — твердо сказал Гар. — Всегда только своих.

Джанни часто заморгал, удивленный тем, что Гар высказался против своего занятия. Затем он продолжил рассказ:

— Еще Совет решает, строить или не строить новые мосты и общественные здания, укреплять ли берега каналов и рек — то есть всевозможные вопросы, от которых зависит благо горожан.

— Наверное, вернее было бы сказать — благо купцов, — уточнил Гар. — А кто защищает интересы ремесленников и рабочих?

— Ремесленники объединены в гильдии, и их главы могут выступать в Совете, если обсуждается вопрос, в решении которого они кровно заинтересованы. — У Джанни мелькнула мысль о том, что следовало бы немного обидеться на последний вопрос Гара, но он увлекся и продолжал объяснения: — Что же до рабочих, готов признаться, пока мы додумались только до того, как дать им право голоса. Пока каждый советник просто говорит обо всем, что беспокоит всех, кто трудится на его складах и кораблях.

Гар кивнул:

— А как этих олигархов — прошу прощения, советников — избирают?

Джанни нахмурился. Слово «олигархи» ему не понравилось, особенно потому, что он не понял его значения, но он решил, что скорее всего это слово из родного языка Гара, и не стоит заострять на этом внимание.

— Пироджийские купцы собираются все вместе и избирают советников, бросая камешки в чаши с именами всех купцов, которые желали бы заседать в Совете в новом году. В чаши с именами тех, кого бы они хотели видеть в Совете, бросают зеленые камешки, а в чаши тех, кого не хотели бы, — красные. Желających попасть в Совет почти всегда вдвое больше, чем мест.

— И сколько же мест?

— Дюжина.

Джанни гадал, не обратились ли его попытки побольше вызнать о Гаре в его собственную лекцию о Пироджии. Он как раз собрался задать Гару соответ-

ствующий вопрос и задал бы, если бы на караван не напали кондотьеры.

Они скакали по полю и криками велели торговцам остановиться.

— Вперед! Погоняйте! — крикнул Джанни. — За кого они нас принимают?

Он пустил свою лошадь галопом. Гар скакал по одну сторону от Джанни, Антонио — по другую. Возницы хлестали мулов кнутами, заставляя скакать как можно скорее, но напуганные животные никак не могли этого сделать. Как бы то ни было, караван не сумел бы развить скорость больше той, на какую способен навьюченный мул, а кондотьеры мчались галопом.

— Они знают, что мы не дураки, но они тоже не промах! — крикнул Гар Джанни. — Они гонят нас вперед, потому что впереди — засада!

— Засада? — недоверчиво переспросил Антонио. — Но где?

— А вон там! — Гар указал на несколько крестьянских домишек на горизонте. — Они хотят нас запугать, чтобы мы стали искать убежища — любого, какое попадется!

Стоило ему произнести эти слова, как со стороны домишек навстречу каравану поскакало еще несколько конных разбойников. Джанни в страхе обернулся и увидел, что другой отряд нагоняет караван.

— Нам конец! — вскричал один из возниц, натянул поводья своего мула и вскинул руки к небесам.

— Вставайте кругом! — прокричал Джанни. — Неужто вам хочется остаток жизни маяться на господских галерах? Вставайте кругом и сражайтесь!

Возницы развернули мулов и приготовились обороняться.

— Они же солдаты! — воскликнул другой возница. — Нам не выстоять против них! Начнем отбиваться — они убьют нас!

— Лучше умереть свободными людьми, чем жить в оковах! — прокричал Антонио.

— Всякий, кто готов добровольно сдаться в рабство, пусть теперь же уходит! — воскликнул Джанни. — Быть может, вам удастся бежать, покуда остальные будут драться!

Один из возниц не выдержал, выбежал из круга, ушел с дороги и пустился по полю. Остальные не тронулись с места, встали и смотрели на приближавшихся с двух сторон наемников.

— Сначала стреляйте по лошадям! — крикнул Гар. — Пеший воин не так опасен!

Вопль ужаса заставил всех устремить взгляды в ту сторону, куда убежал трусивший возница. Наемный воин ударил его по голове дубинкой. Несчастный без чувств повалился в густую пшеницу. Теперь его, как созревшее зерно, должны были подобрать после окончания боя.

— Вот расплата за трусость! — воскликнул Антонио. — Лучше погибнуть, сражаясь!

— А еще лучше — сразиться и остаться в живых! — отозвался Гар. — Но уж если вам суждено погибнуть, постарайтесь прежде уложить как можно больше врагов!

Возницы ответили на его призыв дружным боевым кличем.

— Стреляйте! — крикнул Джанни, и рой стрел, пущенных из арбалетов, устремился к лошадям врагов. Несчастные животные вскинули головы и с отчаянным ржанием рухнули наземь. Воины, скакавшие следом за первыми, запнулись за упавших коней и попадали на землю. Но третий ряд ухитрился перескочить через павших товарищей, и возницы в отчаянии опустили луки, поняв, что не успеют перезарядить их.

Тут-то на них и обрушились враги.

Началась жаркая, тяжкая битва. Казалось, она тянулась несколько часов. Джанни только и делал, что отражал удар за ударом. Гар бился спиной к спине с ним, сопровождая удары могучим рыком и сражая одного всадника за другим. Вскоре оба были ранены. Возницы бились отчаянно, даже истекая кровью. Они яростно кричали, не чувствуя боли. Кондотьеры-наемники вопили от злости при виде того, как караванщики разят мечами их коней. Кони качались и падали наземь. Звон железа, крики боли наполнили воздух, и кондотьеры кричали чаще, чем караванщики, поскольку шайка Стилетов старалась не убивать пироджийцев, а оглушать дубинками. Выгоднее было продать пленных на работорговых рынках. Но пироджийцы дрались мечами, копьями и топорами. В конце концов кондотьеры были вынуждены отказаться от надежды получить прибыль и обнажили мечи. Джанни вскричал от ужаса при виде того, как гибнут его люди, как хлещет кровь из их разрубленных тел. Еще миг — и крик его стал полон боли. Пал наземь старик Антонио. Его куртка была залита кровью.

А в следующий миг чья-то предательская рука подбила вверх его меч, ударила по его лезвию, и оно стукнуло Джанни по лбу. Он покачнулся и, падая, успел заметить Гара, лежавшего поверх груды тел. А потом чья-то лошадь ударила его копытом по голове, и Джанни погрузился в непроницаемый мрак.

Глава 3

Мир исчез. Не осталось ничего, кроме темноты, а в ней — пятнышка света, не то крошечного, не то далекого.

Да, далекого. Оно приближалось, пока Джанни не понял, что оно белое. Все ближе и ближе... и наконец Джанни в страхе осознал, что перед ним лицо, лицо старика, а вокруг лица развеваются седые волосы и длинная седая борода. Волосы и борода путались и мотались из стороны в сторону, словно плавали в воде.

Берегись! Берегись! Берегись его сверкающих глаз, его развевающихся волос!

Слова беспрепятственно звучали в сознании Джанни. Он точно знал, что прежде он таких слов никогда не слышал и сам выдумать не мог. Но эти глаза действительно сверкали и смотрели прямо в его глаза, а губы разжимались и сжимались, и с них слетали слова, и голос, казалось, заставлял вибрировать все вокруг Джанни. Он был таким низким, что напоминал гул землетрясения, и произносил слова, едва понятные Джанни, и они заставляли содрогаться его кости, а не только барабанные перепонки.

Твой час еще не пробил. Живи!

И Джанни с ужасом осознал, что жить ему не хочется, что теплая, объявшаая его тьма так приятна... Ему так не хотелось покидать ее.

Тебе здесь не место, — говорили губы старика. — Ты не имеешь права здесь находиться — пока ты этого не заслужил.

Но от меня нет никакого толка в мире, — возразил Джанни. — Я сам это видел! Я не смог защитить своих людей. Я не смог сберечь товаров отца! Я и вполовину не равен своему отцу.

И он не был, когда был в твоём возрасте, — упрямо проговорил старик. — Уходи! Или ты готов лишить его не только товаров, но и сына, который для него всего дороже? Неужели ты оставишь его рыдать на руках у твоей матери, а ее — у него на руках?

Джанни охватило чувство вины. Он вздохнул и собрался с силами.

Хорошо, если ты так говоришь, я уйду. — Неожиданно внимание его заострилось. — Но сначала скажи мне, кто ты такой?

Но лицо начало таять, растворяться во тьме, только голос звучал:

Уходи! Вернись в мир! К своей матери, к своему отцу! Уходи! Ступай и не возвращайся, пока...

Лицо старика превратилось в размытое белое пятно, а Джанни в муке пытался допытаться:

Пока? Пока что?

Не возвращайся! Не возвращайся! Не возвращайся... Не...

Лицо окончательно превратилось в светлое пятнышко, стало меньше, еще меньше и, наконец, исчезло, и осталось только последнее слово:

Возвращайся...

— Возвращайся, Джанни! Вернись же! — звал голос, умолял, негромко торопил. — Вернись к жизни! Проснись, очнись!

Джанни сдвинул брови. Кто же это не дает ему покоя? Он с трудом разлепил веки — сначала совсем чуть-чуть, потом открыл глаза еще немного шире, потому что было плохо видно. Наконец он увидел склонившегося над ним великана, черты лица которого казались еще более острыми под беспощадным светом луны.

— Смотрит! — обрадовался Гар. — Глаза открыл! Живой!

— Да, живой, — простонал Джанни, — только лучше бы мне не жить. — Он попытался привстать, но не смог опереться на руку — до того она была слаба. Гар подхватил его под мышки и приподнял. Джанни охнул от жуткой боли в голове, закашлялся от подступившей дурноты. — Что... как...

— Ты получил удар по голове, — объяснил Гар. — Всего-навсего, но очень сильный удар.

— Помню. Лошадь... копытом...

— Вот-вот. Потому ты и потерял сознание.

Джанни, часто моргая, оглядывался по сторонам, пытаясь рассмотреть что-либо, но все ему виделось, как в тумане.

— Что... стряслось?

— Мы лежали как мертвые — так я думаю, — ответил Гар. — А трупы разбойникам ни к чему, вот они и бросили нас, но предварительно ограбили.

Джанни опустил взгляд и увидел, что у него также исчезли меч и ножны, ноги босы, ремень срезан.

— Хотя бы жив, и то слава Богу, — негромко произнес он.

— И это чудо! Я очнулся к вечеру и сумел поползти до воды. Слов нет, как я огорчил целую стаю ворон и стервятников, а когда вернулся, гляжу — они к тебе присматриваются.

— Спасибо тебе за то, что и тут ты их огорчил.

— Я вложил много сил в то, чтобы привести тебя в чувство. В какой-то миг мне показалось, что ты мертв, но я прижался щекой к твоей щеке и уловил слабенькое дыхание. Я употребил все свои познания в целительстве и уже был в отчаянии, но все-таки ты очнулся.

— Вот только не скажу, чтобы это меня сильно радовало. — Джанни поморщился от боли и потрогал ушибленную голову.

— Вот! — Гар протянул руку. На его ладони лежали два маленьких белых диска. — Проглоти их и запей водой.

Джанни подозрительно уставился на белые диски.

— Что это такое?

— Воины лечатся этим снадобьем после ударов по голове. Давай глотай и пей!

Гар протянул Джанни бурдюк с водой. Джанни неохотно взял таблетки, положил в рот, запил водой, чуть не захлебнулся и, тяжело дыша, посмотрел на Гара.

— А что теперь?

— Передохнем, пока не утихнет твоя головная боль, а потом отправимся в Пироджию.

В Пироджию! При мысли о встрече с отцом у Джанни противно засосало под ложечкой. Ведь ему придется сказать отцу о том, что он утратил не только его товары, но и мулов, и даже возниц — то есть весь караван. Покачиваясь, он вяло повел рукой.

— Но разве нам... похоронить...

Проморгавшись, он с изумлением увидел невысокий длинный холмик у дороги. А трупов не было вовсе — вокруг только чернела дорожная грязь. Джанни понял, чем увлажнена земля, и его снова жутко замутило.

— Нужно же мне было чем-то заняться, покуда я ждал, пока ты очнешься, — объяснил Гар. — Больше нам тут делать нечего, и надо отыскать священника, чтобы привести сюда. Пусть прочтет поминальные молитвы. Пойдем, Джанни. Это гораздо больше моя вина, чем твоя, ведь ты нанял меня именно для того, чтобы такого не случилось, но я обязан признаться в своей ошибке и расплатиться за ее последствия.

— Я тоже. — Джанни был в страхе от мысли о том, как разгневается отец, узнав о случившемся, но он понимал, что должен поступить так, как говорит Гар — рассказать о своей ошибке и смириться с полагающимся ему наказанием. — Что ж, тогда — в Пироджию!

Он попытался подняться на ноги, но Гар удержал его.

— Нет-нет! Погоди! Я же сказал — когда уймется боль в голове! Пусть снадобье подействует. Надо выждать еще с полчаса, Джанни, не меньше.

Миновало около часа — судя по движению луны. Гару все-таки удалось поднять Джанни на ноги и повести по дороге. Оба шли медленно, поддерживая друг друга.

Джанни часто просил Гара остановиться, но Гар не давал ему передохнуть и уговаривал идти дальше. Луна скрылась, а он все уговаривал Джанни.

— Еще немного, Джанни. — Проходило еще какое-то время. — Еще полчаса, хотя бы полчаса, Джанни. За полчаса мы точно отыщем какой-нибудь амбар или рощицу! — И наконец: — Продержись до рассвета, Джанни. Надо же нам увидеть, не приближаются ли враги!

Джанни протестовал, но чем дальше, тем слабее. В конце концов он уже не мог переставлять ноги, и Гару пришлось тащить его. Они шли по пустой равнине сквозь тьму и видели только чуть светлеющий горизонт да порой — далекую деревушку, амбар или овин. Джанни гадал, зачем это Гару так нестерпимо важно заставлять его идти всю ночь, но придумать он ничего не мог. В мозгу его бродила одна-единственная мысль, и мысль эта была: «Спать!»

Наконец занялся рассвет, и Гар решил сделать привал. Он бережно опустил своего спутника на траву у дороги.

— Отсюда хотя бы все видно.

— Говорил же я тебе, что по дороге отсюда до Пироджии нет ни амбаров, ни рощиц, — укоризненно проговорил Джанни.

— Говорил, это верно, — подтвердил Гар. — А теперь поспи. Я тебя разбужу, если замечу что-нибудь опасное.

Однако последних слов Джанни не расслышал. Он уже спал.

Гар исполнил свое обещание и разбудил Джанни. Он тряс его за плечо и взволнованно повторял:

— Джанни! Проснись! Беда!

Джанни приподнялся, оперся на локоть, заморгал заспанными глазами.

— Беда? Какая беда?

— Всадники, — ответил Гар. — Что же это еще, как не беда?

— Беда. Если только это не торговый караван.

Джанни, покачиваясь, поднялся на ноги, взглянул в ту сторону, куда указывал Гар, и поразился: день клонился к вечеру. Неужели наемный воин все это время не спал, был на страже?

Но вот Джанни разглядел облако пыли чуть ближе линии горизонта, услышал отдаленный стук конских копыт, увидел отблески стали на солнце и заключил:

— Это не караван.

— Нет. — согласился Гар. — Это конный отряд. Ты эту страну лучше меня знаешь, Джанни. Где бы нам спрятаться?

Джанни огляделся по сторонам, чувствуя, как к сердцу подкрадывает леденящий страх.

— Негде! Плоская равнина. Разве только в придорожной канаве!

— А если мы бросимся на поиски амбара, они нас заметят. Да и найдем ли мы его... — Гар был напря-

жен, глаза его горели, но между тем в облике его было странное холодное спокойствие. Одного взгляда на него Джанни хватило, чтобы и самому немного успокоиться. — Канава — это хорошо, — продолжал рассуждать наемный воин. — Но они непременно увидят нас и там, в грязи... Постой-ка! Грязь!

Джанни выпучил глаза.

— Что — «грязь»?

— Быстро снимай камзол! — Гар сорвал с себя кожаный дублет, перепрыгнул через канаву и забросил дублет в густую придорожную траву. — И рубаху снимай! Да скорее, куда они нас плохо видят!

Джанни вытаращил глаза. Что он, сбрендил, что ли?

Но тут он вспомнил о том, что уплатил Гару за то, чтобы тот защищал их обоих, и решил, что негоже тратить отцовские деньги понапрасну. Он перескочил через канаву, и вскоре они с Гаром уже соревновались в том, кто скорее разденется до пояса. Собственно, штаны имели плачевный вид после сражения и странствий по дорожной пыли, так что их как бы и не было.

Гар наклонился и принялся забрасывать снятую одежду пригоршнями соломы.

— Скорее! Помогай мне!

Джанни принялся за дело, и вскоре у края поля появилась кучка сухой травы.

— Теперь надо хорошенько вымазаться в грязи! — распорядился Гар, спрыгнул в канаву, зачерпнул грязи и стал обмазывать себя с головы до ног.

— Да я и так грязный, — возразил Джанни, но, прогнав брезгливость, спрыгнул в канаву и присое-

динился к Гару. — Что это мы делаем? Мы же будем выглядеть, как настоящие бродяги!

— Вот именно! — подтвердил Гар. — Ведь нищего бродягу не ограбишь, верно? Намажь-ка мне спину, — попросил он и отвернулся, натирая грязью лицо. Джанни щедро умастил его спину грязью, затем повернулся к Гару спиной, и тот намазал его спину. — А мы с тобой будем не просто нищие. Мы будем дурачки! Притворишься, будто ты сумасшедший, но не буйный, не опасный.

Джанни понял замысел Гара. Кажется, у них таки была надежда спастись!

— А ты?

— Ну а я разыграю полудурка, простака. Ты будешь моим братцем, проявляющим заботу обо мне, невзирая на собственное безумие.

— Сумасшедший, поводирь сумасшедшего? — Это было настолько похоже на правду, что Джанни не испытал большой радости. Но тут он припомнил умалишенного попрошайку, что вечно сидел у Моста Надежды в его родном городе, и понял, что невольно копирует его тонкогубую улыбочку. — А если они спросят, как нас звать?

— Настоящих имен называть не будем ни за что на свете. А то кто-нибудь из них может решить, что за тебя можно взять большой выкуп, а от меня будет большой толк, если они заставят меня вступить в их шайку. Тебя зовут Джорджио, а меня — Ленни!

Джанни выпучил глаза.

— И как ты только так быстро придумал?

Приближающийся грохот копыт не дал Гару ответить. Он потрепал Джанни по плечу.

— Они близко! Ложись и не вставай. Никому не должно показаться странным, что путники решили спрятаться от разбойников, даже если они ненормальные! Помни, ума у тебя так мало, что никому до тебя не должно быть дела!

— А что обычно говорят сумасшедшие? — в страхе спросил Джанни.

— А-а-а-а... Джорджио, погляди! Лошадки! — Гар пригнулся и указал на дорогу.

Джанни в отчаянии обернулся к нему и краем глаза заметил приближающийся отряд.

— Ага, э-э... Ленни. Лошадки. Только на этих лошадках сидят верхом очень плохие дяденьки! — Он неожиданно для себя самого заговорил с Гаром, как с ребенком. — Ложись!

Так ли бы разговаривал нищий с Моста Надежды? Он скрючился рядом с Гаром, надеясь, что конники проскачут мимо и не заметят их.

Заметили. Командир поначалу проехал мимо, сердито разговаривая со своими подручными насчет Рагинальди и того, что они недовольны тем, что Стилеты до сих пор не проучили этих зазнаек, купцов из Пироджии, но вдруг один из воинов со скуки глянул в сторону, увидел двоих оборванцев и ослабился, предчувствуя возможность поразвлечься.

— Командир! Глядите, кого мы сыскали!

Отряд придержал коней. Один из подручных командира рывкнул:

— Стой!

Все остановились.

Командир вернулся, опустил взгляд и брезгливо наморщил нос.

— Кто это еще?

— Лошадки! — сияя радостной и глупой улыбкой, возвестил Гар.

— Дурачок, — с отвращением произнес подручный. — Дурачок и попрошайка.

Джанни собрался с духом и решил вступить в игру. Он сложил руки «ковшиком» и воскликнул:

— Подайте бедным людям, кто сколько может. Подайте, богатенький командирчик!

— Подать? Нет, я бы тебе лучше наподдал как следует, — брезгливо поморщившись, ответил командир. — Попрошайничаешь? А почему не работаешь, как честный человек?

— Честный, — эхом повторил Гар.

Джанни заехал ему локтем под ребра и прошипел:

— Заткнись, дурачина!.. — Потом устремил испуганный взгляд поверх головы командира и залепетал: — Почему не работаю? Да чтоб я знал, командир! Работу мне дают, не без этого, и тружусь я на совесть, да только долго меня нигде не держат. — Он представил, как бы повел себя попрошайка с Моста Надежды.

Тот нахмурился, поднял голову, ничего не увидел и свирепо глянул на Джанни:

— И почему же тебя прогоняют?

— Да чтоб я знал! — пожал плечами Джанни, усердно вглядываясь в нечто над головой командира. — Что мне велят, то я и делаю, отпугиваю грабителей от хозяйских товаров, от крестьянских огородов... — Не-

ожиданно он умолк, сердито замахал руками и закричал: — Прочь! Убирайся прочь от командира, кожкрылая нечисть! Оставь его в покое!

Командир и половина солдат в страхе вздернули головы. Словом «кожкрылый» могли быть названы только два вида живых существ, но ни тех, ни других видно не было. Командир снова посмотрел на Джанни. Во взгляде его появилась подозрительность.

— О каких таких грабителях ты болтаешь?

— Да об этих, кожистые такие, как те, каких я только что прогнал, и еще про тех, которые скользкие, ползучие и еще большеглазые такие... Вон! Пошел прочь от сапог командира, мелкая тварь! — Джанни бросился к ногам главаря, захлопал в ладоши и отпрыгнул, довольно кивая. — Ага, мерзавец, испугался, понял, что я тебя вижу!

— Брауни? — осведомился Гар. — Гоблин?

— Гоблин, — ответил Джанни.

По рядам кондотьеров пронесся сдавленный шепоток:

— Он видит духов!

— Духов, которых тут нет и в помине! — буркнул командир, понявший, что эти бродяги могут дурно повлиять на боевой дух его подчиненных. — Он же не в своем уме.

Но кондотьеры в ужасе смотрели на Джанни, а те, что стояли поближе к нему, натянули поводья и отвели лошадей назад.

Джанни развернулся и ткнул пальцем в воздух.

— Подглядываешь, да? А ну, брысь, гаденыш! Ленини, ну-ка всыпь ему!

Гар послушно ударил тыльной стороной ладони по воздуху, но сказал:

— Не видать никого, Джорджио.

— И не надо тебе видеть его, — довольно проговорил Джанни. — Прогнал — вот и славно.

— Ну точно, псих ненормальный! — поспешно и громко воскликнул командир, пока его подчиненные снова не зароптали. — И не диво, что никто не хотел держать тебя на работе. Куда вы путь держите, нищие? Как думаете пропитаться?

— Ну так честным трудом, само собой, господин хороший, — сообщил Джанни, обернувшись к командиру с сияющей улыбкой — сама искренность. — Нам бы только один акр землицы, а мы уж разведем голубков да зайчиков.

Гар постучал согнутым пальцем по плечу друга и мечтательным голоском попросил:

— Расскажи мне про кроликов, Джорджио.

Джанни раздраженно отмахнулся. Чего он пристаёт, мешает ему разыгрывать спектакль?

— Ну так, добренький командир, если бы нашелся у вас лишний акр землицы...

— Акр земли? — фыркнул главарь. — Вот дурак! Мы ж наемные воины. Ни у кого из нас нет тут своей земли.

— Ну, так дома у вас есть небось земличка, — умолял Джанни. — Ну хоть пол-акра, добренький синьорчик!

— Джорджио, — забубнил Гар. — Про кроликов расскажи.

— Про зайчиков, Ленни! — сердито огрызнулся Джанни. — Сколько тебе повторять — это зайчики, а не кролики никакие.

— Кролики, — с непоколебимой уверенностью заявил Гар. — Маленькие, пушистые, ушастые кролички. Это ты зайчиков разводишь. А мне про кроликов расскажи.

— Как же он замучил меня — то и дело просит рассказать про то, как зайцев разводят, — с мукой в голосе проговорил Джанни. — Что ж мне делать-то с ним, если мы землицей не разживемся. Ну, хоть пол-акра, добрый командир!

— Я бы тебе дал знаешь сколько? Шесть футов в глубину да три в ширину! — рявкнул командир и сказал своим подручным: — Они оба и вправду придурки. Бросьте их, поехали дальше.

— Так и не позабавимся?

Один из кондотьеров глянул на Гара с такой плотоядной ухмылкой, что у того сердце замерло.

— Ну ладно, — буркнул командир. — Только недолго. Не весь же день тут торчать!

Солдаты весело взревели и обрушились на двоих бедолаг. Огромный кулачище угодил Джанни в живот, он сложился пополам от боли. Затем в бок ему пришелся безжалостный удар сапогом, потом — по бедру, по груди, снова в живот. Он слышал, как взвыл от боли Гар, краем глаза увидел, как великан стряхивает с себя разбойников, словно блох, отбивается ногами и кулаками, хоть и неуклюже, но верно. Вскоре он уложил уже столько воинов вокруг себя, что те напоминали сметенный к порогу мусор. Но тут по виску

Джанни кто-то заехал сапогом, и в глазах у него потемнело.

Вставай, вставай! — начал требовать седой бородач. — *Нечего тебе тут разлеживаться!*

Есть чего. Хочу и буду лежать, — огрызнулся Джанни. — *В прошлый раз послушался я тебя, и что вышло?*

Так боишься пустячной боли, да?

Джанни вздрогнул от мысли о том, что может быть еще больнее, но ответил:

Нет, не боюсь, когда есть смысл терпеть. Но страданиями своими я ничего не добьюсь. Ничего не выходит, сколько ни стараюсь!

А у кого бы что вышло против целой шайки разбойников? Но ты можешь предупредить Пироджию о грозящем нашествии войска наемников, которые хотят разрушить город!

Разрушить?

У Джанни кровь застыла в жилах, он не спускал глаз с лица, овеваемого качающимися волосами.

Кто им велел разрушить город?

Этот главарь, он говорил про то, что нанявший их господин гневается на них за то, что они не наказали непокорных купцов! А как ты думаешь, какое наказание у него на уме?

Но я... я думал, что речь только о нападении на наш... — Джанни умолк, задумался. — Нет, ведь на нас они уже напали. Верно? И склад старого Лудовико спалили.

Вот именно. Наказать они жаждут Пироджию. Пироджию, твоего отца, твою мать!

Я должен предупредить их! — Джанни попытался сесть. — *Но кто ты такой?*

Глава 4

— Да я это, я, — прозвучал чей-то голос, и лицо старца уменьшилось, волосы перестали развеиваться, борода исчезла, пропали морщины, увеличились глаза. Из седых волосы стали каштановыми... нет, светло-каштановыми, они были схвачены на лбу обручем с узорчатой эмалью и покачивались от ветра. Глаза у этого человека тоже были карие, но молодые и очень, очень женственные... И еще — высокие скулы и широкий рот с пухлыми алыми губами. Губы дрогнули и произнесли:

— Я — Медаллия, цыганская девушка, иду впереди табора.

Джанни уставился на это прекрасное видение, не в силах поверить тому, что мрак его нынешней жизни развеян столь дивным зрелищем.

— Как... — вымолвил он. — Где...

— Лежи, не шевелись, — посоветовала девушка. — Но позволь, я приподниму твою голову и положу ее к себе на колени. Нужно перевязать эту страшную рану у тебя на макушке.

Так вот почему у него так мучительно болела голова! Джанни стерпел жуткую боль, пока девушка укладывала его голову себе на колени, на мягкую юбку. Из этого положения он увидел Гара, который, часто моргая, смотрел на девушку. Судя по всему, ему она уже оказала помощь: на его голове и поперек груди белели повязки.

А потом боль навалилась снова, и Джанни закрыл глаза. Когда ему полегчало, он почувствовал, как руки девушки заботливо бинтуют его голову. Ее прикосновения были так приятны, они так успокаивали, убаюкивали... Джанни отбросил эти мысли. Он должен был сохранять трезвость суждения и не имел права расслабляться. Открыв глаза, он спросил:

— Как ты нашла нас?

— Я шла по дороге, — отвечала Медаллия, продолжая перевязывать Джанни. — Смотрю — вы в канаве лежите. А я знала, что только что там солдаты проехали, и я испугалась, что вас побили и ограбили.

— Ну, сначала-то нас ограбили другие кондотьеры, — сказал Джанни. — Но ты права. Эти нас тоже побили, и еще сильнее, чем первые.

— Но как ты узнала, что впереди — солдаты? — спросил Гар настолько невинно, что Джанни понял: это он нарочно. Но что он подозревал?

— Солдаты так опасны для одинокой девушки, — ответила Медаллия. — Я как услышала, что они скачут за мной, так съехала с дороги и подождала, пока они не проедут мимо. А ждала я долго, не сомневайтесь.

— Это ты мудро сделала, — отметил Джанни. Ее руки были так нежны, глаза так красивы... Ему уже

начало казаться, что он готов слушать ее вечно, что бы она ни говорила. Ощутил ли бы он нечто подобное, если бы они встретились просто так и она не перевязывала бы его рану?

Гар же, судя по всему, к девушке ничего подобного не испытывал. Он только переспросил:

— Съехала? — После чего обвел глазами окрестности и на что-то уставился. Джанни сдвинул брови, осторожно обернулся, чтобы увидеть то, что увидел Гар. Нет, недостаточно осторожно. Боль снова вернулась. А увидел он всего лишь то, что ожидал увидеть: желтую цыганскую кибитку, повозку на здоровенных колесах, в которую были впряжены два ослика. По обеим сторонам фургона виднелись маленькие окошки. Позади торчала длинная труба, закрепленная тросами во избежание раскачивания на трясках дорогах. Да, спору нет, не слишком обычным было то, что цыганка путешествовала в одиночестве, но уж в самой кибитке ничего необычного не было. Почему же Гар так уставился на него?

— Ты что, никогда не видал цыганского жилища? — спросил Джанни.

— У цыган на моей родине нет ничего подобного, — медленно отозвался Гар.

Медаллия удивленно взглянула на него, задумчиво нахмурилась, но успела отвести взгляд прежде, чем Гар посмотрел на нее. Девушка закрепила повязку Джанни и спросила:

— Так вы, стало быть, купцы?

— Были, — с горечью ответил Джанни. — Пока нас не ограбили. Теперь мы нищие, и мой друг ре-

шил, что будет лучше, если мы притворимся безумцами.

— Почти получилось, — немного обиженно заметил Гар.

— Получилось превосходно, — возразила Медаллия. — Вы до сих пор живы.

Гар посмотрел на нее с благодарным удивлением.

— Спасибо тебе. И за это.

Джанни понял это так, что прежде Гар уже поблагодарил девушку за перевязку.

— Ты поступила очень, очень милосердно, что остановилась и помогла нам. Мало кто из проезжих пошел бы на это.

— Мы живем под открытым небом и потому нам не чужда мысль о том, что все люди должны помогать друг другу, — сказала ему Медаллия. — Так что, чем могу — помогу. Как я посмотрю, вы озябли. Нужно найти для вас одежду.

— О, одежда у нас есть, — заверил девушку Джанни и обернулся к заветной кучке травы. Глаза его наполнились ужасом.

— Ну... — смущенно проговорил Гар, проследив за его взглядом. — Они ведь, когда колотили нас, верхом были, вот их лошади тут все и потоптали.

— И ничего не осталось?

Медаллия склонилась над грудой изодранного платья.

— Теперь это годится на половые тряпки разве что. Джанни был в отчаянии.

— Я принесу одежду.

Джанни начал было возражать, но Медаллия уже развернулась и поспешила к своей кибитке.

— Редкая женщина, — отметил Гар, провожая взглядом уходящую плавной походкой цыганку.

— Еще какая редкая...

Джанни гадал, какая же у нее фигура, но на девушке было столько юбок, а на плечах тяжелая шаль. Однако юноша не сомневался: Медаллия — само совершенство. Будь это не так, разве она могла бы так чувственно двигаться? Тем более что она не прилагала к этому никаких усилий. Джанни наблюдал за тем, как она забирается на облучок, услышал, как скрипнула и хлопнула дверка, как ходит Медаллия внутри кибитки...

— Как она могла догадаться, что приводить нас в чувство безопасно?

Джанни встряхнулся от раздумий и в возмущении устался на Гара.

— Не поверю, что ты замыслил соблазнить ее!

— И в мыслях не было, — сказал Гар с решимостью, залогом которой явно была его глубокая порядочность. — Но она об этом знать не могла.

— Не могла. Это верно.

Темный, тягучий гнев закипел в душе Джанни, гнев на любого мужчину, который мог бы силой овладеть таким ангельским созданием, но он достаточно хорошо знал жизнь, чтобы понимать: такие мужчины на свете есть. Кроме того, он догадывался о том, что Гар о жизни знает побольше, чем он.

Открылась дверца в задней стенке кибитки, упала небольшая лесенка. Медаллия с ворохом одежды спу-

стилась по лесенке и вернулась к спасенным ею мужчинам. Она опустилась на колени около Джанни и протянула ему рубаху.

— Подойдет?

Джанни приподнял руки. Скривился от боли, но попытался поднять руки выше.

— Не надо, — нежно проговорила она. — Быть может, у тебя не только мышца ушиблена, но и кость. Давай-ка...

Она набросила рубаху на голову Джанни и осторожно опустила. Ему пришлось просунуть руки в рукава. Затем он провел ладонью по груди и поразился тому, насколько нежна и тонка ткань. Уж не шелк ли? Но нет, то был всего лишь тонко сотканный хлопок, но как же можно было его соткать так тонко?

Почему-то ему не пришло в голову удивиться тому, почему Медаллия везет в своей кибитке мужскую одежду.

А Медаллия смерила его взглядом с головы до ног и кивнула.

— Быть может, немного великовата, но никто этого не заметит. Примерь штаны, а я подам одежду твоему другу.

«Она стыдлива», — подумал Джанни и поразовался этому. Ему было бы очень неудобно, если бы девушка осталась и помогала ему натягивать штаны. Ему с трудом удалось согнуть ноги в коленях и сунуть в две трубы черной ткани. Опустив глаза, он удивился тому, насколько просторны его новые штаны. Они были намного удобнее его прежних обтягивающих

лосин, но, к сожалению, под ними будут не видны его стройные ноги.

Посмотрев на Гара, Джанни убедился в том, что с ним Медаллии предстоит больше возни. Рубаха села на него как влитая, обтянула могучие мышцы на груди, отчего те стали казаться еще более могучими. Рукава оказались коротки, но Медаллия нашла выход: закатала их до локтя, словно так и было нужно — так закатал бы рукава мужчина, занимающийся тяжелым трудом. Длины рубахи не хватило до пояса, но Медаллия и тут проявила выдумку: подпоясала Гара широкой полосой ткани, обернув ее дважды вокруг его талии. Джанни нахмурился — почему-то ему не очень понравилось, как руки девушки касаются крепких мышц его спутника. Штаны Гару тоже не пришлось в пору — оказались коротки, но цыганка сказала:

— Надо будет подыскать для тебя высокие сапоги. — Она ушла и вернулась с сапогами. — Хотя бы они должны подойти. — Гар натянул сапоги, Медаллия отошла в сторону, окинула мужчин придиричивым взглядом и кивнула. — Неплохо. Если солдаты не будут слишком сильно присматриваться, сойдет, и до дома вы в таком виде доберетесь, но лучше вам все-таки никому на глаза не показываться. Да и как бы то ни было, лучше было бы вам немного проехаться, чем идти пешком. Хотите — забирайтесь ко мне в кибитку.

Хотел ли он! У Джанни от волнения застучало в висках при одной только мысли об этом! Он, конечно, понимал, что предложение относится к ним обо-

им, а не конкретно к нему. Уняв разбушевавшиеся чувства, он сказал:

— Ты необычайно добра! Конечно же, мы будем очень рады поехать с тобой!

— Тогда пошли. — Медаллия помогла Джанни подняться на ноги и была вынуждена поддержать его, чтобы он не упал. Джанни застонал от боли. Все полученные им ушибы возмущенно вскричали, жалуясь, что их потревожили. Колени Джанни подкашивались, но он держался за плечо Медаллии, и это было так приятно, что этого было достаточно, чтобы не лишиться чувств от боли. Он, покачиваясь, побрел рядом с красавицей к ее кибитке. — Не спеши, не спеши, — приговаривала она. — Еще немножко... — И вот Джанни увидел прямо перед собой желтые доски повозки. Медаллия опустила его руку на край телеги и сказала: — Теперь держись крепко, а я приведу твоего друга. Шесть слабых рук лучше помогут тебе забраться в кибитку, чем две сильных.

С этими словами она удалилась за Гаром.

Но великан уже сам поднялся на ноги и стоял, покачиваясь и опираясь на палку, верхний конец которой был обломан. С ужасом Джанни понял, что это — сломанное копьё и что его владелец вторую половину, с наконечником, унес с собой, потому что сталь ценилась дорого. Медаллия взяла руку Гара и положила себе на плечо. Джанни поразился тому, насколько больно уколола его ревность. Гар сдержанно кивнул и пошел рядом с девушкой, но, как отметил Джанни, на плечо ее он лишь слегка опирался, а не обнял красавицу. Она подвела Гара к кибитке сзади, вернулась к

Джанни, отвела и его туда, затем забралась в кибитку, втащила туда Джанни с помощью Гара, усадила на обитое мягкой тканью сиденье и вернулась за Гаром.

Джанни изумленно осматривался. Прежде ему ни разу не приходилось бывать внутри цыганских кибиток, и он никак не ожидал, что тут окажется так чисто, светло и приятно. Стенки были выкрашены в цвет слоновой кости, на них были нарисованы цветы. У обеих стенок под окошками стояли мягкие лежанки, застланные бежево-белой полосатой тканью, вытканной в Пироджии. Передние окошки были изготовлены из переплавленного желтого, зеленого и коричневого бутылочного стекла, а прозрачные задние были забраны занавесками. Окошки были набраны из мелких стеклышек, вырезанных скорее всего из осколков. У левого окна стояли два стула, один напротив другого. Похоже, они были приколочены к полу, как, собственно, все, что находилось внутри кибитки и не было подвешено под потолком фургона. Между стульями находился складной стол. Сейчас он был сложен, и его крышка была прислонена к стенке. Сзади, в четырех футах от входа, стояла печка, выложенная изразцами. Она как бы загораживала вход. На стенках были развешаны картины в рамках: городской пейзаж, домик в лесу, изображение престарелой крестьянской пары у очага. «Не могло ли быть так, — задумался Джанни, — что эта молодая цыганка мечтала обрести хоть какой-нибудь дом — мечтала с той же страстью, как другие молодые люди стремятся пуститься в странствия?»

Гар ухитрился войти в дверной проем, не пригнувшись, но внутри ему пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы обойти печку, не задев дымоходной трубы. Справившись с этим, он рухнул на скамью возле Джанни и, тяжело дыша, закрыл глаза. Джанни поразился тому, что и у этого великана силы имели предел.

— Отдыхайте, — посоветовала им Медаллия и подала Джанни бурдюк с водой. — У ваших скамей есть подлокотники. Держитесь за них, потому что кибитка покачивается при езде.

С этими словами она, взметнув пышными яркими юбками, удалилась через маленькую дверцу впереди и прикрикнула на осликов. Кибитка тронулась, и Джанни тут же убедился в том, что подлокотники — очень полезное приспособление. «Куда она нас везет?»

— А куда ведет эта дорога?

— В Пироджию, если она не вздумает повернуть к другому городу.

— Ну, тогда она скорее всего довезет нас до твоей родины, — сказал Гар. — Когда она меня перевязывала, я ей сказал, что ты из Пироджии, и сказал, что обещал доставить тебя домой целым и невредимым и должен сделать это во что бы то ни стало.

— Благодарю тебя за это, — медленно проговорил Джанни. — Похоже, тебе так и придется сделать, хотя и не совсем так, как ты намеревался. — Он бросил взгляд в сторону переднего окошка и сказал: — А она очень добра.

— Верно, — кивнул Гар. — Но вот только на цыганку не очень похожа.

Джанни изумленно глянул на него.

— А как, по-твоему, должна выглядеть цыганка? У нее шаль и яркое платье, как у всех цыганок, которых мне доводилось видеть. Ну да, и серьги медные!

Гар на миг задержал взгляд на юноше и сказал:

— Ну, если только по одежде да по побрякушкам судить, то она выглядит, как цыганка.

— Но все-таки, скажи, как должна, на твой взгляд, выглядеть цыганка?

— На моей родине цыгане смуглы и темноволосы, и у них носы с горбинкой.

— Таких цыган я никогда не видал, — покачал головой Джанни.

— Значит, — заключил Гар, говоря это больше самому себе, чем Джанни, — ромени не вписались в здешние рамки. То есть, я хотел сказать, они не жили на Петрарке.

Джанни нахмурился.

— Какие рамки? И что за ромени?

Гар посмотрел на него, немного помолчал и улыбнулся.

— Это тот народ, что придумал повозки вроде этой. Вот только внутри в их повозках все совсем иначе.

— Не так красиво?

— Да. И не так чисто. Медаллия... Красивое имя, правда?

— Очень красивое, — согласился Джанни, и разозлился на Гара за то, что тот снова возбудил в нем подозрения. Даже он был вынужден признать, что имя Медаллия не было похоже ни на одно из цыганских имен, которые ему доводилось слышать прежде.

Гар отвлек его от этих мыслей.

— Прости, мне очень жаль, что я не смог защитить тебя, как подобает.

— Да кто бы смог на твоём месте, когда против нас было столько солдат? — махнул рукой Джанни и поймал себя на том, что почти слово в слово повторяет слова старца, явившегося ему в видении. Он постарался не думать об этом и сказал: — Я же видел, как истоптали землю копыта разбойничьих коней. Ты уложил много врагов, дружище.

Гар пожал плечами.

— Надо же было играть до конца. Кто бы поверил, что такого верзилу ничего не стоит сбить с ног? Ну разве что, если он законченный трус, а Ленни — не трус.

Джанни стало немного не по себе при упоминании о том, как они разыгрывали дурачков, но сейчас были дела поважнее.

— Мы должны предупредить моих соотечественников.

— Ага, — кивнул Гар. Глаза его загорелись. — Стало быть, ты тоже слышал этот разговор?

— Жаль, что не удалось услышать больше. Но я не понял, о каких еще купцах они болтали, которых им не удалось наказать? Склад Лудовико они сожгли, нас убили — ну, то есть они так думают.

— Да, это нам на руку, — кивнул Гар, — то, что они считают нас мертвыми. Но я обратил внимание на то, что те кондотьеры, что били нас под видом дурачков, тоже были из Стилетов, а когда они обменяются рассказами о своих подвигах, и те и другие по-

чти непременно должны упомянуть о мужике необычайно высокого роста.

— Да, тебя трудно не заметить, — согласился Джанни. — Вот только в последний раз ты дрался совсем не как опытный воин.

Гар ухмыльнулся.

— Тут уж я постарался. Я-то знаю, как дерутся немехи.

— И я знаю, — печально проговорил Джанни. — У меня только так и получается.

— Нет, — покачал головой Гар. — Ты дрался, как опытный воин.

— Но как неопытный торговец, — с горечью отзывался Джанни.

— Да вовсе нет! — усмехнувшись, возразил Гар. — Ты до сих пор жив.

— Нельзя же нам помирать, — сказал Джанни немного виновато, вспомнив о своем видении. — Нужно будет нам вести себя поосторожнее на пути до дома.

— Благодаря Медаллии нам теперь нужно единственное: не высовываться из фургона. Хотя, если на нее нападут, думаю, мы найдем в себе силы сразиться с разбойниками. несмотря на все наши раны и синяки.

При одной только мысли об этом Джанни вспыхнул от ярости и негромко проговорил:

— О да. Найдем. Непременно найдем.

Это было храброе решение. К счастью, им не пришлось претворять его в жизнь.

* * *

Когда они остановились на ночлег, Медаллия сварила густой суп из сушеного мяса и овощей, покормила мужчин, после чего устроила им постель под кибиткой. Вела она себя сдержанно и даже сурово, и ни Джанни, ни Гару не пришлось в голову возразить ей, хотя выбираться из фургона им было нелегко. Постаыная и покряхтывая, оба друг за другом слезли на землю по лесенке. Медаллия втянула лесенку в фургон и сказала:

— Увидимся утром, добрые люди. — И она закрыла дверь.

Джанни пару мгновений смотрел на закрытую дверь, дав волю воображению и пытаясь представить, что сейчас делает девушка внутри, но поймал себя на том, что сил у него нет даже на игру воображения, и отвернулся со вздохом сожаления.

Изнывая от боли, он опустилс на колени, придерживаясь одной рукой за борт фургона. Гар держал его за другую руку. Затем Гар лег на живот и кивком указал Джанни вперед. Джанни осторожно улегся на землю и боком вкатился под телегу, затем добрался до ближайшей подстилки, а с нее перебрался на дальнюю. Гар, постанывая от боли, забрался под колеса следом за ним и лег на спину, глядя на дно телеги и тяжело, хрипло дыша.

— Так у тебя, видно, не просто ушибы? — заботливо осведомился Джанни.

— Ребро сломано скорее всего, — отозвался Гар. — Ничего, заживет.

— Ходи поосторожнее, — посоветовал ему Джанни.

Гар кивнул:

— Не волнуйся. Мне и прежде случалось ломать ребра. Но спасибо тебе за заботу, Джанни.

— А тебе спасибо, что так ловко придумал, как нам спастись, — ответил Джанни. — Доброй ночи, Гар.

То ли он услышал ответ великана, то ли он ему приснился, потому что в следующий миг Джанни уже спал.

Спал он как убитый, но вдруг сквозь непроницаемую черноту проступило светлое пятно. «Ой нет! Только не это опять!» — в страхе подумал Джанни и попытался проснуться, но не успел, а пятнышко на глазах разрасталось, но только теперь перед Джанни предстало не лицо старца, а фигура прекрасной женщины, овеваемая белыми пеленами. Видение приближалось, покачиваясь в чувственном танце. Музыка ли сопровождала ее движения или она сама была воплощенной музыкой? Если то были звуки, то они были едва слышны, Джанни скорее сознавал их, нежели слышал, и каждое движение красавицы тоже скорее ощущал, нежели видел. Фигура женщины была озарена светом, но лицо ее пряталось в тени. Ему так хотелось получше разглядеть ее формы, но развевающиеся полосы ткани позволяли лишь догадываться о том, насколько она хороша.

Джанни, — прозвучал ее голос у него в ушах... нет, не в ушах, в разуме, ведь это был сон, и Джанни понимал это. — *Джанни, послушай меня!*

Я готов внимать каждому твоему слову, — выдохнул юноша, нахмурился и спросил: — У тебя есть отец?

Отец? — удивленно переспросила она. — Есть, но он далеко. Почему ты спрашиваешь о нем?

Она явно не ожидала такого вопроса.

Потому, что я видел старца, который является и исчезает подобно тебе.

Быть может, ее отец был не так далеко, как она думала?

Вот как? — зловеще спросила красавица. — Надеюсь, мы с ним никогда не увидимся!

— О, но я так рад, что удалось повидаться с тобой!

Джанни протянул руку, однако пальцы его сомкнулись, сжав пустоту. Видение было бестелесным.

Голос девушки стал нежнее, в нем зазвучал соблазн.

Я тоже очень рада встрече с тобой, храбрый красавец из Пироджии! Но знай, что царства снов и яви не могут соединиться, и их соединение под силу только тем, кто способен грезить наяву. Я не нарушила бы этого завета, если бы не должна была поведать тебе нечто очень важное.

Что бы это ни было, я благодарен судьбе за нашу встречу. Что ты должна поведать мне? О чем?

О любви, — отвечала красавица. Надежды Джанни вспыхнули и тут же угасли, когда девушка добавила: — Ты должен избегать ее. Отвернись, не смотри, не вздумай влюбиться в цыганку Медаллию! Не вздумай!

Не стоило предупреждать, — с жаром возразил Джанни, — потому что я уже влюблен в тебя.

Танцовщица замерла, а Джанни сглотнул подступивший к горлу ком. Она не ожидала от него такого признания! Значит, ему удалось застигнуть ее врасплох!

Но вот красавица снова задвигалась в танце, ее легкие одежды стали вздыматься и опадать. Она закружилась и снова остановилась.

Не надо любить меня, — посоветовала она. — Ибо я ветрена и неверна и всегда готова явиться другому мужчине, как являюсь тебе. И больше ты меня никогда не увидишь.

Ты не можешь быть так жестока! — воскликнул Джанни.

А она запрокинула голову и рассмеялась. И смех ее был подобен звону серебряных колокольчиков.

О, в делах сердечных я могу быть очень жестока, Джанни! Воистину я женщина, не ведающая жалости! Очень глупо поступишь ты, если отдашь свое сердце Медальи, но еще глупее — если полюбишь меня!

Значит, я так и так — глупец, — убежденно заявил Джанни. Почему-то эта мысль его вовсе не пугала.

Вовсе нет! Просто тебе нельзя влюбляться ни в меня, ни в нее! — фыркнула призрачная красотка, развернулась, махнула рукой на прощание... и Джанни проснулся.

Перед глазами его было дно телеги. Возвращение в мир яви напугало юношу. Неужели ему теперь всю жизнь будут мерещиться всякие видения? Неужто ему суждено обитать счастливо только в мире снов?

Что ж, если там живут такие божественные создания — он был бы не против. Что хорошего ожидало его в реальном мире? Джанни немного полежал, ругая себя за ветреность и непостоянство. А он-то считал себя таким верным и добродетельным!

Но с другой стороны, прежде он никогда не влюблялся. По крайней мере так глубоко, как сейчас.

Глава 5

В Пироджию въехали через внешние ворота. Гар и Джанни сидели на облучке вместе с Медаллией, по обе стороны от нее. Часовые сначала не узнали Джанни и не хотели пропускать в город, но когда он возмущенно воскликнул:

— Я — Джанни Браккалезе! — они удивленно вытаращили глаза, запрокинули головы и расхохотались, припав к городской стене. Джанни побагровел от возмущения.

— Нет ничего смешного!

— Не смешно? Чтобы пироджийский купец нарядился, как цыган? — вытирая слезящиеся от смеха глаза, отозвался один из часовых. — Это стоит послушать, да и другим пересказать не раз. Но только я не буду, этого и не жди.

Джанни понял намек. Он вздохнул и сказал:

— Денег у меня с собой нет, а то бы я пригласил вас закусить и выпить, да и рассказал бы вам, как это вышло, что я в такой одежде. Хотите, встретимся в кофейне у Лобини, и я вам все-все расскажу?

— А что ж? Это можно. Мы в три сменяемся.

— Значит, у Лобини, — кивнул второй стражник и махнул рукой, давая разрешение проехать.

Медаллия прищелкнула языком, и кибитка, тронувшись с места, въехала в ворота. Гар краешком рта произнес:

— Ловко и любезно предложенная взятка.

— Будем надеяться, что и они проявят любезность, — вздохнул Джанни. — Да, есть у меня кое-какой опыт в этих делах.

— Неужто вы так устыдились, что вас увидели со мной? — оскорбленно спросила Медаллия.

— Вовсе нет! — с жаром возразил Джанни и хотел было пуститься в пространные объяснения, но тут заметил, что глаза девушки смеются, и умолк.

Они ехали вдоль дамбы, и Джанни рассказывал Гару о том, что через каждые ярдов десять в дамбе заложены пороховые заряды — на тот случай, если чье-то войско нападет на город.

Великан кивнул:

— Умно. — Однако взгляд его был устремлен на расстилавшуюся впереди панораму города, и губы его тронула улыбка. — Вроде бы ты говорил, что ваш город выстроен на десятках маленьких островков.

Джанни взглянул на родной город, сверкающий в предутренней дымке, и вдруг увидел его глазами иноземцев, увидел, как он прекрасен и волшебен. Повсюду изгибались арки мостов, мосты соединяли набережные каналов, они были переброшены через водные пространства, тянулись от одного высокого здания к другому, а сами здания были похожи на праздничные торты, так как стены их были окрашены в пастельные тона и изукрашены разноцветной камен-

ной резьбой. Там, где каналы или протоки были слишком широки для мостов, да и там, где не были, снова-ли длинные изящные лодки, форму которых предки Джанни позаимствовали у варваров-северян. Пироджийцев во все времена интересовали новые товары, новые диковины, новые идеи, и они перенимали чужие достижения и копировали их с удовольствием, вдобавок исправляя ошибки авторов и внося свои усовершенствования. Многие, правда, обзывали их бесстыдными подражателями, лишенными всякой оригинальности, зато другие говорили, что они чудесные мастера композиции. Сами же пироджийцы просто считали себя хорошими мастерами.

Гордость за родину заставила сердце Джанни забиться чаще.

— Тут и вправду не один десяток островов, — заверил он Гара. — Но мои соотечественники неплохо соединили их друг с другом, верно?

— Это просто чудо! — воскликнула Медаллия. Посмотрев на нее, Джанни увидел, как сияют ее глаза, и преисполнился надежды. Там, на дороге он был просто несчастным бродягой, а здесь — сыном богатого купца. Теперь она посмотрит на него иначе: она будет видеть в нем мужчину, которым можно восхищаться, которого, быть может, можно полюбить...

Стражники у внутренних ворот нахмурились и сдвинули алебарды, загородив дорогу.

— Я — Джанни Браккалезе, — сообщил Джанни, и они изумленно выпучили глаза. Не дав им расхохотаться, Джанни сказал: — Жду вас у Лобини, если пожелаете. Там расскажу, почему я одет, как цыган, и

притом несказанно рад этому. Пока же мне нужно как можно скорее попасть домой.

Стражники намек поняли и смеяться не стали.

— Как только сменимся, тут же придем, — пообещал один из них, Марио. С Джанни они были знакомы с детства, а это означало, что он и своего напарника уговорит помалкивать до тех пор, пока они как следует не отмутузят Джанни и не получат с него мзду за молчание. Джанни против того, чтобы вытерпеть небольшую взбучку, не возражал. Любой пироджиец понимал, что любой другой пироджиец стремится получить как можно больше выгоды из любых обстоятельств, не опускаясь, конечно, при этом до самых бесчестных или преступных методов. А взятки в Пироджии никогда не осуждались.

Медаллия вела кибитку по широким улицам, через мосты, следуя указаниям Джанни, и вот наконец они остановились перед большим двухэтажным домом, стоявшим на берегу реки Мелорин. Дом был отделан по фасаду бледно-голубым стукко и покрыт красной черепичной крышей, как многие дома в Пироджии. В обоих этажах было по десятку окон, посередине располагались большие двустворчатые ворота для проезда повозок. Сейчас ворота были открыты, и у Джанни от волнения засосало под ложечкой. Он сказал:

— Можешь проехать, милости прошу. Мои отец и мать будут рады знакомству с благородной дамой, которая спасла жизнь их сына.

— Я не дама, я всего лишь бедная цыганка, — смущенно, тихо отозвалась Медаллия.

Джанни отлично знал, что дама — это женщина знатного рода, по меньшей мере дочь рыцаря. Однако он галантно проговорил:

— Ты — дама по делам своим, по манерам своим, если не по рождению. Знал я дам, у которых благородства было не больше, чем у жен рыбаков.

Гар кивнул:

— Что верно, то верно. Я таких тоже встречал.

Медаллия одарила Джанни улыбкой, и это был подарок — улыбалась она нечасто. Он не отрывал глаз от ее лица. Ему казалось, что солнце выглянуло из-за туч и согрело его своими лучами. В конце концов он догадался улыбнуться в ответ, но Медаллия уже отвернулась, прищелкнула языком, тряхнула вожжами. Кибитка въехала в ворота.

Грузный мужчина средних лет в сером рабочем платье укладывал на повозку корзины и покрикивал на своих помощников. Джанни спрыгнул с облучка и подхватил последнюю, самую большую, за которой наклонился мужчина.

— Не надо, отец! Тебе же лекарь запретил поднимать тяжести!

Старик выпрямился, просиял от счастья, обнял Джанни и закричал:

— Лючия! Кто-нибудь, сбегайте за Лючией! Это наш сын Джанни, он воскрес из мертвых!

Только тут Джанни понял, почему на отце такое унылое платье. Он крепко обнял отца, решив, что расскажет ему обо всем позже и тогда уж получит по заслугам.

Гар спустился с облучка и зашагал к Джанни и его отцу. Лицо его было решительным и угрюмым. Но он не успел сказать ни слова — по двору бежала пожилая женщина. Подбежав к Джанни, она прижалась к нему, плача от радости.

— Мама! Мама! — жалобно воскликнул Джанни. — Я принес вам столько горя!

— Не ты, — всхлипнула она, — а те мерзавцы, что подстерегли тебя! О, слава Богу! Слава Господу и Пресвятой Богородице!

— Он ни в чем не виноват, — пробасил Гар. — Виноват только я.

Госпожа Браккалезе оторвалась от сына и удивленно посмотрела на великана, а отец Джанни обернулся к нему, сдвинув брови, но тут же изумленно вытаращил глаза.

— Отец, — поспешно затараторил Джанни. — Это Гар, наемный воин, я его нанял после того, как... — Он помедлил. Он не успел подготовить отца к печальным известиям. — После того, как обнаружил сгоревший склад. Мама, эту девушку зовут Медаллия. Она подобрала нас у дороги и перевязала наши раны.

— У дороги! Раны! — Госпожа Браккалезе в ужасе смотрела на сына. Сорвав яркий платок с его лба, она увидела под ним чистую белую повязку. — О, сыночек! Какие же злодеи только посмели! — Не дожидаясь ответа, она бросилась к кибитке. — Милая моя, как же мне тебя отблагодарить! Пойдем, ты, наверное, притомилась с дороги! Пойдем, иди же, добро пожаловать в наш дом, тут ты найдешь отдых и угощение. Джузеппе! Распряги осликов! — Она подтал-

кивала оторопевшую Медалию к крыльцу, к входной двери, и все щебетала: — Долго ли вы ехали? Я знаю, знаю. Ваш народ привык к странствиям, но все равно, это так утомительно! О, как же я благодарна тебе за спасение моего сыночка! Пойдем, пойдем, я усажу тебя на мягкий стул и угощу сладким чаем! Расскажи мне, как...

Дверь за женщинами закрылась, а отец Джанни хмуро взглянул на Гара и требовательно спросил:

— Ты о чем говоришь? Чем ты обидел моего сына?

— Он нанял меня, чтобы я охранял его и ваши товары, — просто ответил Гар. — А я его подвел.

— Подвел? — Господин Браккалезе выпучил глаза и уларил Гара по плечу. — Да как ты только можешь так говорить? Нисколько ты его не подвел! Ты ведь доставил его домой живым и невредимым, верно? И не так уж он сильно ранен, если сумел помочь мне поднять такую тяжелую корзину.

— Но... — недоуменно проговорил Гар, пораженный тем, что его не ругают, а хвалят. — Ваши товары пропали, их забрали кондотьеры!

— Товары! — воскликнул господин Браккалезе. — Что такое товары! Издержки торгового ремесла! Не более! А сына мне бы ничто не могло заменить! Вот люди погибли — это другое дело, но тут ты ничего не мог поделать. Не надо, не говори мне больше ничего. Вам надо отдохнуть и выпить чего-нибудь подходящего мужчинам. — Он отвернулся, схватил Гара за руку и с такой силой потянул за собой, что Гар едва удержался на ногах. — Ни слова, пока в твоей руке не будет бокала! — предупредил любые возражения гос-

подин Браккалезе. — Тогда и расскажешь мне все, а до тех пор — ни слова!

Однако даже тогда, когда у всех в руках уже были бокалы, Браккалезе-старший предпочел прежде выслушать Джанни. Он слушал молча и лишь время от времени покачивал головой. Закончив печальную повесть, Джанни умолк в ожидании неминуемого выговора, но его отец обратился к Гару и попросил того рассказать обо всем, что тот видел и что делал, и, не прервав великана ни разу, выслушал и его рассказ. Затем Браккалезе-старший засыпал обоих такой уймой вопросов, что, имея они вес, от этого веса потонула бы галера. Наконец, удовлетворенный и решивший, что узнал все, что знали сын и его спутник, Браккалезе-старший откинулся на спинку стула, кивнул и изрек:

— Итак, Рагинальди натравили Стилетов на купцов. Понимаю, они не хотят нас уничтожить, хотят только припугнуть, усмирить и заставить работать на них, а не на себя.

— Это только может быть, — предупредил его Гар. — Мы с Джанни не так много сумели услышать, чтобы судить наверняка. А может быть, шайка Стилетов просто-напросто осталась без работы и пытается прокормиться, как умеет.

— Может быть, и так, но если мы подготовимся к войне, а они на нас не нападут, мы ведь ничего не потеряем, верно? Потеряем мы только время и затраченные усилия, но от работы только крепче станем, а время — оно так и так пройдет. Да, придется потратиться на то, чтобы нанять войско, обучить своих во-

инов, выковать оружие и доспехи, но ведь когда ведешь свое дело, тратиться все равно приходится, верно я говорю?

— Цена будет слишком высока, — сдвинув брови, покачал головой Гар.

— Да? А какова будет цена, если мы не вооружимся, а Стилеты нападут? А? Нет, как бы то ни было, я думаю, вооружиться будет дешевле.

— Что ж... — несколько обескураженно проговорил Гар. — Если так судить... то несомненно, мудрее приготовиться к войне.

Браккалезе-старший кивнул:

— Будем надеяться, что и Совет поймет меня правильно.

— Некоторые из них — жуткие скряги, — шепнул Джанни Гару, когда они вошли в просторный зал. — Готовы скорее поверить в любые небылицы, чем выложить лишний флорин из своих барышей.

— Стало быть, ты и раньше бывал на заседаниях Совета?

— Нет, никогда не бывал, — мотнул головой Джанни. — Так, слухи ходят, да бывало, отец поругивался, когда домой возвращался с заседаний Совета. Я бы и сегодня сюда не пришел, если бы они не возжелали выслушать всю историю из моих уст.

— И моих, — кивнул Гар. — У них будет гораздо меньше сомнений в точности рассказа, если они выслушают очевидцев.

В зал вошел председатель Совета, и купцы, разделившиеся на небольшие группы, перестали перегово-

риваться и развернулись к тому, кого избрали своим главой на этот год. Ольдо Болоньоло был грузным пожилым мужчиной с седыми волосами и морщинистым лицом. Но глаза его смотрели зорко и пытливо.

— Старшины, — сказал он, употребив звание членов Совета в купеческой гильдии. Здесь не имели слова гости города или помощники и ученики купцов. — Мы собрались для того, чтобы выслушать тревожные вести от Паоло Браккалезе и его сына Джанни. Я знаю, до вас доходили слухи о том, что стряслось с их караваном, но слухи порой бывают лживы. Джанни Браккалезе, говори!

Купцы-советники уже успели рассестись по своим местам, и Джанни стало не по себе от того, что на него были устремлены взгляды пятидесяти пар глаз. Он постарался забыть о волнении и дрожи в коленях и начал:

— Старшины... — Он прокашлялся, пытаясь избавиться от хрипоты. На счастье, соратники его отца поняли, как он волнуется, и молча ждали. — Старшины, — проговорил Джанни более уверенно. — Я вел торговый караван в Аччеру, дабы выторговать у старика Лудовико зерно, дерево и орцаны...

Он рассказал советникам все, от начала до конца, стараясь говорить как можно более строго и спокойно, и дал волю чувствам лишь тогда, когда заговорил о смерти старика Антонио. Тут купцы стали ерзать, возмущенно переговариваться. Джанни дождался, пока они утихнут, и возобновил повествование. Похоже, советникам очень понравилась выдумка, проявленная Гаром, когда тот предложил Джанни разыграть поме-

шанных, а то, что Джанни спасла цыганка, их просто поразило. Но худшее он приберег напоследок и закончил рассказ передачей подслушанного разговора Стилетов о том, что некий господин нанял их для усмирения непокорных купцов. Это сообщение советники встретили возмущенными выкриками и призывами к мести. Другие советники стали призывать их к осторожности. Председатель Совета дал всем выговориться. Джанни сел, испытывая неимоверную усталость, но вместе с тем явно был доволен реакцией Совета.

А Гар неотрывно наблюдал за раскричавшимися купцами.

— И это, по-твоему, сдержанные деловые люди? Джанни пожал плечами:

— Мы же люди как люди, и точно так же способны разгневаться, как все прочие.

— Не хотелось бы мне оказаться на месте того, на кого вы гневаетесь, — пробормотал Гар.

Председатель Совета взял палочку и ударил в гонг. Некоторые купцы оглянулись, услышав этот звук, и умолкли, а другие продолжали кричать и спорить. Председатель Совета был вынужден снова ударить в гонг, и еще раз, и еще. Наконец все утихло и расселись по местам.

— Судя по всему, у вас теперь есть свое мнение насчет происшедшего, — сухо проговорил председатель. — Быть может, теперь мы выслушаем ваши предложения, выраженные ясно и четко. Нет, Паоло Браккалезе. Это заседание созвано по вашему требованию, это вашего сына ограбили и избили, это ваши товары

пропали. Вряд ли вы способны трезво оценить происшедшее. Прошу вас высказаться, Джузеппе Да Сильва! Что вы скажете об услышанном вами?

— Но если все так, как есть, мы должны как можно скорее вооружиться! — воскликнул, вскочив на ноги, рослый купец. — Вооружиться и нанять флот для охраны наших берегов.

— Не только это! — вскричал купец пониже ростом с длинными соломенными волосами. Он встал и ударил кулаком по столу. — Они убили двоих возниц и главного караванщика, а остальных увели в рабство! Они сожгли склад купца, с которым мы торговали, и убили его! Они украли товары пироджийского купца и ранили его сына! Неужто мы снесем эти оскорбления и не отомстим? Нет, мы не вправе стерпеть такого оскорбления. Ибо если мы будем сидеть сложа руки, это будет означать, что мы не против того, чтобы эти подонки поступали точно так же и впредь с любым из нас!

Многие поддержали его гневными выкриками. Но многие возразили им столь же гневными восклицаниями. Председатель ударил в гонг, и все умолкли.

— Сказано достойно и ясно, — заключил он. — Теперь мы выслушали два мнения. Одно состоит в том, что мы должны вооружиться и приготовиться к обороне города, а второе — в том, что нам следует отомстить за нанесенные оскорбления и ущерб. Если я правильно понял, отмщение должно заключаться в том, чтобы мы выслали отряд для сражения со Стилетами. Не хочет ли кто-нибудь возразить предыдущим двум ораторам? Нет, вам я слова не дам, Пьетро Сан Дузе. Вы наверняка пересыплете свою речь излишни-

ми словопрениями и эмоциями, и мне придется отцеживать смысл сказанного вами, как через сито. Карло Грепотти, вы говорите мало, но по делу и спокойно. Не будете ли так добры и не выразите ли свое мнение?

Встал престарелый купец с ястребиным профилем и глазами орла.

— Буду ли я добр? О нет, доброты вы от меня не дождетесь, уважаемый председатель! Здравый смысл — это пожалуйста, и сдержанность. В горячих речах моих уважаемых соратников я увидел готовность швырнуть деньги на ветер. Это ясно, как Божий день. Они хотят уговорить нас истратить попусту сотни флоринов из городской казны — да нет, не сотни, а тысячи. А на что они хотят пустить эти деньги? На то, чтобы мы занялись муштрой наших молодых людей, дабы те стали воинами и матросами, чтобы мы понастроили как можно больше галер, закупили как можно больше пушек и мечей, одели, обули это войско, платили бы ему жалованье, но откуда возьмутся все эти деньги? Ведь оскудевшую казну нужно будет пополнить? Не сомневайтесь, мои собраты купцы, эти тысячи дука-тов поступят в казну, но откуда они возьмутся? Конечно же, только из ваших кошельков! И что же вы скажете вашим женам, когда они попросят у вас новые платья, если прежде всего вам надо уплатить воинам? Что вы скажете вашим женам, когда у вас протечет крыша? Что вы должны сначала уплатить за постройку казарм для солдат. Не сомневайтесь, однажды начавшись, все это уже не прекратится, ибо истратив все наши деньги, мы должны будем как-то оправдать

наши затраты, если враги не придут! И как же мы это сделаем? Конечно, только одним путем: выступлением нашего войска из города и началом войны на пустом месте. Именно это сейчас предложил мой соратник Анджело. Но тогда получится, что это мы посягнем на чужую свободу — поступим так, как боимся, что поступят с нами!

— Ну а если враги придут? — спросил Да Сильва. — Если они придут, а мы отобьемся?

— О, тогда вы приметесь кричать о том, что нам нужно все время держать армию в боевой готовности и флот на плаву, из страха перед тем, что могут явиться другие! — рявкнул Грепотти. — А если никто не явится, вы станете призывать к войне ради покорения Туманолы и изничтожения Рагинальди или еще кого-нибудь, и даже не заметите, как мы превратимся в захватчиков! Тогда мы опустошим казну только ради того, чтобы стать угрозой для других городов, а все из-за чего? Только из-за болтовни какого-то мальчишки, который не предоставил нам никаких доказательств и не привел ни одного свидетеля? О нет, соратники мои, для такого решения нам нужны более веские основания!

— Но у нас есть свидетель, — возразил Да Сильва. — Давайте послушаем его.

— Кого? Наемного воина, который не станет отрицать, что не исполнил своего долга? Уж конечно, он станет оправдываться!

Лицо Гара обратилось в камень. Джанни торопливо прошептал:

— Он так говорит только для того, чтобы поддерживать свою точку зрения, Гар. Он не хочет тебя обидеть, и потом... его же там не было.

Но председатель Совета заметил, какое впечатление на Джанни и Гара произвело высказывание Грепотти.

— Что ты на это скажешь, Браккалезе-младший?

Джанни поднялся. Гнев в нем возобладал над волнением.

— Скажу, что Гар был один против пятидесяти солдат, и мы стояли и дрались, каждый с двадцатью пятью, и уж никак не могли выстоять! Гар с честью исполнил свой долг, ибо я вернулся к вам живым!

— Вот-вот, но с чем вернулся? С двумя случайно услышанными фразами? — фыркнул Грепотти. — Ты даже не можешь толком рассказать нам, о каком «господине» толковал командир отряда наемников и о каких купцах!

Тут поднялся Браккалезе-старший.

— Председатель!

— Говорите, Паоло, — вздохнул председатель.

— Господин председатель, оскорбление, нанесенное одному купцу, — это оскорбление для всех нас. Даже если бы мои товары остались целы, я бы потерял все, что уплатил возницам и главному караванщику, что потратил на корм для мулов, потерял бы время, затраченное на поездку моим сыном. Я не получил никакой прибыли от этой поездки и больше не буду иметь никакой прибыли из Аччеры, ибо старик Лудовико мертв, и теперь наверняка никто не выст-

роит на этом месте склада и не начнет своего дела! Это не только его горе, а наше общее!

Карло Грепотти одарил Паоло Браккалезе горящим взором, но председатель сказал:

— Вы хорошо говорили, Карло Грепотти, и я благодарю вас, однако прозвучало предложение выслушать наемного воина. И мы выслушаем его! — Он обратился к Гару: — Готов ли ты рассказать нам от себя, как было дело?

— Готов, — кивнул Гар и, поднявшись, встал во весь свой огромный рост и расправил могучие плечи. Вдруг он стал центром внимания. Ведь все видели его, когда он входил в зал Совета, а теперь словно увидели впервые. В нем была удивительная уверенность, нечто властное в его лице и позе, что вызывало необычайное уважение. Даже Джанни поймал себя на том, что не сводит глаз с друга. Таким он Гара еще не видел.

Гар неторопливо повел рассказ. Рассказ его, сам собой, получился короче, чем у Джанни, но сходил-ся с его рассказом во всех мелочах, вот только Гар уделил больше внимания подробному описанию вооружения и тактики Стилетов. Когда он закончил повествование и сел, у всех создалось такое впечатление, что Пироджии грозит опаснейшая и злобнейшая сила.

Несколько секунд за столом Совета царила тишина. Затем Карло Грепотти встряхнулся и требовательно спросил:

— Так что же ты нам предлагаешь? Вооружиться и нанести первый удар?

— Лучшая защита — нападение, — вновь встав, отвечал Гар. — В этом есть смысл. Но еще больший смысл в том, чтобы победить, не нападая. А этого можно добиться, значительно превосходя противника числом.

— А, значит, ты предлагаешь обзавестись наемниками! Я так и знал, что ты станешь убеждать нас в том, чтобы мы истратили побольше денег и набрали побольше таких же, как ты!

— Это было бы мудро, — согласился Гар. — Но было бы куда мудрее поискать союзников. Насколько я знаю, на Талипоне с десятков торговых городов, а не только одна Пироджия.

Несколько минут в зале царила гробовая тишина. Мысль, высказанная Гаром, была настолько неожиданна, что купцы не в силах были сразу уяснить ее. А потом ему ответил председатель.

Глава 6

Ольдо размеренно проговорил:

— Да есть и другие города, но только в Пироджии городом правят купцы не только на словах, но и на деле. В других городах правят дожи или князья, хотя истинной властью обладают купцы. Но они не осмелятся и пальцем пошевелить без согласия господ. Но чтобы объединиться с теми, с кем мы соперничаем во имя собственного процветания? Немыслимо!

— А что будет, когда война закончится? — подхватил Грепотти. — Как мы поделим трофеи? Кроме того, против городов-государств ополчатся прочие города, управляемые только царственными особами, и победить можно будет, только покорив их!

— Да не сумеем мы победить! — воскликнул Пьетро Сан Дузе. — Десяток торговых городов против пятидесяти, управляемых аристократами? Это невозможно!

— Но даже если бы это стало возможно, — подхватил Да Сильва, — потом этому не будет конца. Имея такое войско, такой флот, ни один из городов не согласится их распустить из страха перед тем, что на

него обрушатся войска и флот других городов! Нам придется использовать это объединенное войско для того, чтобы завоевывать все больше и больше земель, и опустошение наших кошельков никогда не прекратится! Нет, даже я не одобрил бы такого союза!

Гар стоял, как статуя, лицо его было подобно камню.

— Но это единственная возможность для вас сохранить свободу и независимость.

Ольдо покачал головой.

— Мы найдем другой путь. Должен быть другой путь! Вооружиться — это еще куда ни шло, но заключить военный союз? Нет! — Он обвел взглядом советников, впавших в полное смятение от одной только мысли об объединении с соперниками по торговым делам. — Мы должны обдумать все, что слышали, собратья мои, купцы, и снова собраться для разговора, когда разум наш будет более ясен. — Он ударил в гонг и возвестил: — Мы соберемся завтра в это же время! Заседание окончено. Всем доброго вечера!

На следующий день советники собрались вновь, но Джанни и Гара не пригласили, поскольку их рассказы уже были выслушаны, и Гар успел сказать гораздо более того, чем желал бы Совет. Браккалезе-старший заседание посетил, но домой вернулся недовольный. Качая головой, он сказал:

— Три часа спорили, а так ничего и не решили!

— Что, даже не отказались от моей идеи поиска союзников? — спросил Гар.

— О нет, тут они были целиком и полностью согласны! Ольдо начал заседание, сказав: «Думаю, мы

можем сразу бесповоротно отбросить мысль об объединении с нашими соперниками. Верно?» И все закричали: «Верно!» А Грепотти добавил: «Особенно — с Веногой!» И больше об этом никто ни слова не сказал.

Гар вздохнул, покачал головой:

— Быть может, для вашего ремесла это и неплохо, но это никуда не годная стратегия.

— Так что же нам делать? — в отчаянии спросил Джанни.

— А что мы можем поделать? — развел руками Паоло. — Главное, как всегда — дело, торговля. Что же еще? Но если уж тому суждено быть, то хотя бы надо покупателей и продавцов товаров избирать как можно более осторожно! Ты, Джанни, снова поведешь караван, но на сей раз отправишься на север, в Наворрику, через горы. Разбойники там только местные, а войско туда никакое не сунется — края слишком суровые.

Гар, естественно, тоже отправился с караваном. Браккалезе-старший и думать не мог о том, чтобы отправить сына в путь без охраны, когда под рукой был профессиональный воин, да еще такой, который отказался взять плату за свою прежнюю работу, поскольку не уберег караван. «Хорошо еще, — подумал Джанни, — что Гар и вину за то, что Стилеты спалили склад старика Лудовико, на себя не берет!»

Джанни волновался перед отъездом и радовался возможности оправдаться за предыдущую неудачную поездку. Он поражался тому, что отец ему доверяет

при том, что он не сберег посланных под его началом в Аччеру товаров. Он твердо решил не обмануть доверия отца, и волновался ужасно. Когда ночью в день отъезда Джанни очнулся, у него было такое ощущение, словно он и не спал вовсе. На самом деле он, конечно, крепко спал.

Джанни, — позвала его она еще до того, как он ее увидел, а потом он как бы обернулся... Вот она! Красавица томно танцевала во мраке. Длинная вуаль скрывала ее лицо и лишь чуть-чуть приоткрывала дивные формы. Она была воплощением желания, красоты, грации — всем, чего только жаждет мужчина.

Джанни, — сказала она. — *Ведь я предупредила тебя о Стилетах. Почему ты меня не послушал?*

Я послушал тебя, прекрасная дева! — с тоской ответил Джанни. — *Но Совет не пожелал послушать меня.*

И отец твой не пожелал послушать, если снова отпавил тебя в дорогу! Тебе опасно идти не только на запад, но и на север, и на юг! Я бы не посоветовала тебе и на юг ходить. Но там только море!

Джанни был напуган не на шутку.

Но почему мне грозят опасности, куда бы я ни пошел?

Потому что благородные властители объединяются повсюду — точно так, как великан посоветовал объединиться вам, купцам! Они заключают союзы и приглашают наемные войска, дабы отомстить непокорным простолюдинам вроде вас, которые дерзнули сравниться со своими былыми повелителями в том, что выстроили свой собственный город, да еще и сами им правят! О, только не ошибись, Джанни: великан был прав, прав во всем! Но

если уж вам не удалось убедить советников объединиться с другими торговыми городами, хотя бы сами не обрекайте себя на гибель! — Ее фигура дрогнула, заколебалась. Она отвернулась, стала исчезать, таять. — *Не уходи, Джанни... не уходи...*

— Не уходи! — прокричал и он сам, бессознательно повторив ее слова. — Не уходи! Побудь еще немного, ибо я жажду узнать тебя поближе. Останься, прекрасная дева, останься!

Но она исчезала, продолжая повторять:

Не уходи... не уходи... не уходи...

А потом вспыхнул свет, и Джанни рывком сел и обнаружил, что уже рассвело. Он закрыл глаза, крепко сжал веки и отвернулся от окна, однако не смог прогнать дурного предчувствия, навеянного сном.

И все же это был всего лишь сон. Плотно позавтракав и побрившись, надев свежее платье, Джанни сумел избавиться от воспоминаний о страшном сне и твердо решил довести до места торговый караван и исполнить наказ отца.

Но сначала они провожали Медаллию. Она не пожелала дольше гостить в Пироджии. Конюший вывел ее кибитку к воротам, она обернулась и сказала всему семейству Браккалезе:

— Благодарю вас за гостеприимство. Нечасто встретишь таких добрых людей.

— Так оставалась бы у нас, бедная овечка! — Мамаша Браккалезе обняла ее и поцеловала в щеку. — Но раз уж решила ехать, то хотя бы навещай нас почаще!

Джанни был обеспокоен. Как можно было не волноваться за девушку, которая странствовала одна-одинешенька по таким опасным дорогам? Ему так хотелось поцеловать Медаллию на прощание, но он только сказал: «Прощай», сжал ее руки и заглянул в глаза. Что-то в ее взгляде говорило Джанни: «Не прикасайся ко мне», хотя она улыбнулась ему. А в следующий миг она уже взбиралась на облучок. Тряхнула вожжами, прищелкнула языком. Ослики послушно зашагали, и кибитка выехала за ворота. Вся семья махала ей вслед.

Три дня спустя Паоло Браккалезе проводил в дальний путь Джанни и Гара. На сей раз в караване было пятеро возниц и десять мулов. Джанни волновался и нервничал — ведь на сей раз с ним не было старика Антонио, но присутствие могучего великана Гара действовало на него успокаивающе, тем более что Гар захватил с собой новые меч и кинжал, да еще и арбалет, и еще с десятков разных видов оружия. Он заверил Джанни в том, что оружие у него при себе, но показывать не стал.

Караван проехал в городские ворота, дальше по дамбе, потом миновал наружные ворота, и тут Джанни окончательно затосковал. У него мерзко сосало под ложечкой, но он заставлял себя рассмеяться в ответ на какое-то замечание Гара, всей душой надеясь, что то была шутка.

Миновало два дня. Караван шел по колее, проложенной по дну высокогорного ущелья. По обе стороны поднимались крутые, поросшие лесом склоны.

Джанни и Гар кутались в плащи — утро выдалось холодное.

— А я-то думал, что на Талипоне тепло! — пожаловался Гар.

— Тепло, ты и сам видел, — отвечал Джанни. — Но даже в самых теплых краях по утрам бывает прохладно высоко в горах, верно?

Гар на миг задумался и кивнул:

— Ты прав. Бывает. По крайней мере бывало в тех странах, где мне довелось побывать. Хотя не везде мне доводилось подниматься в горы. Судить могу только по рассказам горцев.

Джанни с любопытством взглянул на него.

— И в скольких же странах ты успел побывать?

— Всего лишь в семи, — ответил Гар. — Я еще молод.

В семи странах! У Джанни голова закружилась. Гар побывал в семи странах! А Джанни, кроме Талипона, лишь раз побывал на материке, в небольшом городке Бориэль. Уже не впервые он пожалел о том, что отец не слишком часто отправляет его в торговые поездки.

— Горы — полезное для души место, — сказал Гар. — Но здесь надо все время быть начеку. Горцы обычно грабят торговые караваны.

Джанни уверенно покачал головой:

— Не стоит этого опасаться. Пироджия платит дань здешним жителям, дабы они беспрепятственно пропускали наши караваны.

— Это мудро, — кивнул Гар. — Мудро, покуда это дань, а не подкуп. А теперь давай представим, что об этом прознали Стилеты, решили поколотить горцев и

устроить тут засаду, начав тем самым борьбу с пироджийскими купцами.

— Но ведь повод для таких опасений — всего лишь походя брошенная фраза!

— Неужто Грепотти удалось так легко переубедить тебя? Лучше верь собственным ушам, Джанни! Ведь ты сам это слышал, как слышал и я!

«Что гораздо важнее, — подумал Джанни, — так это то, что об этом же самом твердила прекрасная танцовщица из моего сна». Он вдруг с неожиданной тревогой огляделся по сторонам.

— А если бы они вправду решили так поступить, это ущелье годится для засады?

— Годится, но куда как больше для этого годится то место, где оно заканчивается, — отозвался Гар и проверил, хорошо ли ходит меч в ножнах. — Мы знаем, что засада возможна и сейчас мы к ней готовы, но чем ближе мы будем к концу ущелья, тем вернее расслабимся и тем вернее утратим готовность. Вот когда для них будет самое время напасть на нас.

— Но наши люди и не могут быть начеку, потому что верят в добрые намерения горцев.

Гар в тревоге воззрился на Джанни, развернулся к караванщикам, открыл рот, чтобы крикнуть, но не успел. В этот самый миг кто-то прокричал:

— Ни с места!

Многократное эхо повторило оклик, и Джанни не сразу понял, что кричал не Гар. А в следующее мгновение со склонов градом посыпались воины-наемники — пешие, ибо склоны были слишком крутыми для лошадей. Караванщики еще и опомниться не успели,

как наемники набросились на них, размахивая дубинками. Со всех сторон посыпались удары. Злодеи били караванщиков по головам. Трое возниц сразу рухнули наземь как подкошенные, а двое успели пригнуться и выхватить мечи, но наемники окружили их со всех сторон и выбили мечи из их рук, как только те успели поднять их. Джанни в ужасе закричал, понимая, какая страшная участь ждет его людей — теперь им суждено было стать рабами на галерах. Но бросаться на помощь спутникам было уже поздно. Наемники окружили Гара и Джанни, наставили на них мечи и кинжалы. Злодеи размахивали дубинками, пытались уколоть или ударить Джанни и Гара, но у тех все-таки было перед врагами некоторое преимущество, поскольку оба они сидели верхом на конях и драться им было легче.

Гар яростно ревел, отражая кинжалом удары мечей и сам работая мечом. Кондотьеры падали, сраженные меткими ударами великана, другие отбегали подальше, но потом снова бросались, пытаясь достать Гара. Но он превосходил их ловкостью и, отражая удар за ударом, ухитрялся сам укладывать одного врага за другим. Лишь тогда, когда Джанни оказался на некотором расстоянии от друга, ему бросилась в глаза некоторая странность: большая часть ударов, нацеленных на Гара, оборачивалась промахами. Так или иначе, оружие врагов его не задевало. В какое-то мгновение один из мерзавцев сумел ухватить лошадь Джанни под уздцы и рвануть на себя. Это дало возможность другому воину забежать за спину Гара и занести над ним алебарду. Джанни закричал, попытался уколоть

мечом того разбойника, что держал лошадь, но не удержался, потерял равновесие и, упав, попал прямо в руки врага. Он успел услышать, как с громким треском алебарда опустилась на макушку Гара. В следующий миг сам Джанни получил удар по голове дубинкой, а когда сгустился знакомый мрак, он успел подумать о том, что танцовщица из его снов была права.

Но на этот раз из тьмы к нему явилась не прекрасная обольстительница, а старик с развевающимися сединами, и на этот раз он не стал увещевать Джанни, уговаривать его, он строго, непоколебимо приказал:

Вставай, Джанни Браккалезе! Ты не прислушался к мудрому совету, ты сам навлек на себя беду. Вставай и прими страдания в наказание за свою глупость! Вставай и предайся тяжкому труду, мучениям и нищете, которые ты заслужил и будешь заслуживать впредь, пока не научишься работать головой вместо того, чтобы позволять врагам одолевать тебя силой оружия!

Но я лишь поступил так, как мне было велено! — возразил Джанни.

Вставай! — громовым раскатом прозвучал голос старца. — *Вставай для трудов и сражений. Или ты хочешь, чтобы я превратил это убежище в место пыток вместо места исцеления? Вставай и уходи, Джанни Браккалезе, ради спасения своей чести и своего родного города. Вставай!*

Последнее слово выбросило Джанни из забытья, словно ядро из катапульты, глаза его открылись, он приподнялся, сел, но тут же повалился обратно на что-то холодное и липкое. Голова его нестерпимо болела, он не в силах был смотреть на небо, не щурясь. И на

этот раз он не увидел над собой милого лица девушки-цыганки. Он не увидел даже не столь приятного для глаз лица Гара.

Гар! Где он? Погиб? Попал в плен? И где он сам, если на то пошло? Джанни, преодолевая боль, привстал и оперся на локоть. С трудом моргая — так это было больно, — он огляделся. Ничего. Кругом только черная грязь под моросящим дождем. Джанни поежился. Он промок до нитки. Нет, ничего, кроме...

Кроме громадного неподвижного тела. Великан лежал, скорчившись, на боку, почти уткнувшись лицом в грязь. Макушку его пересекала глубокая рваная рана. Волосы были залиты запекшейся кровью. Кондотьеры стащили с Гара дублет и штаны, и даже сапоги, и бросили, решив, что он умер.

Страх сковал Джанни, но он пополз по грязи к другу. Боль пульсировала в висках, сил почти не было, но он все же полз. Ему казалось, что он добирался до Гара не меньше часа, хотя их отделяло друг от друга не более нескольких ярдов. Джанни дрожал от пробиравшего до костей холода. Струи дождя больно кололи кожу. Кожу! Джанни осмотрел себя и понял, что кондотьеры раздели и его. На нем остались только подштанники. Они и его бросили, сочтя мертвым. Но почему?

Страшная мысль мелькнула у Джанни. Опираясь на локоть, он поднял другую руку, осторожно пощупал затылок... и отдернул руку: прикосновение к рассеченному затылку вызвало дикую боль. Он был ранен столь же жестоко, сколь и его друг. Удар дубинки оказался слишком силен.

Чересчур силен! Джанни с удвоенным пылом поспешил к Гару, его толкал вперед страх за друга и за себя самого. Если он мертв, то Джанни остался один-одинешенек в этих диких краях!

Но вот пальцы Джанни легли на горло Гара. Минуту, долгую, мучительную минуту он ждал и наконец почувствовал, как пульсирует кровь в сонной артерии. Джанни со вздохом облегчения упал на мокрую землю рядом с Гаром. Он очнется, он оправится, он не бросит его одного под этим леденящим дождем.

Но дождь был такой холодный, великан мог простудиться, нужно было чем-то укрыть его, согреть. Джанни в отчаянии огляделся по сторонам. Нет, кондотьеры не оставили ничего, ни единой тряпки...

Но у дороги виднелась горка скошенной травы.

Изнемогая от слабости и боли, Джанни ползком преодолел несколько футов до стожка и только тут понял, что возвращаться с горсткой сена смысла не имеет. Постаравшись забыть о дикой боли в голове, он заставил себя подняться на колени, набрал охапку сена и вернулся к Гару, передвигаясь на коленях и опираясь на свободную руку.

Джанни набросал сена на плечи и грудь великана, мысленно сокрушаясь: вряд ли ему удастся согреть Гара. Джанни припал к плечу друга, добавил еще несколько горсток сена...

И тут веки Гара дрогнули, он скривился от боли и чуть-чуть приоткрыл глаза.

Джанни замер, глядя на него. Он страшился поверить в удачу. Но Гар действительно мало-помалу приходил в себя. Вот он поднял слабую руку, коснулся

макушки и громко вскрикнул от боли при прикосновении к открытой ране. Джанни взял его за руку и успокаивающе проговорил:

— Тихо, тихо, не трогай! Пусть подживет, затянется! Все будет хорошо, но надо положить.

Гара забило в ознобе.

— Давай-ка... — Джанни потянул друга за руку. Медленно-медленно Гар приподнялся, сел и, с трудом моргая, огляделся по сторонам.

— Тебя стукнули по голове, — объяснил Джанни. — И бросили, решили, что ты мертв. И меня тоже бросили. Нас обоих бросили, не подумали, что мы живы.

— Мы? — непонимающе переспросил Гар.

В душу Джанни закралось страшное подозрение, но постаравшись не думать о худшем, он сказал:

— Мы. Я, Джанни Браккалезе, и ты, Гар.

— Брок? — нахмурился Гар, ухватившись за один слог, да и тот, видно, недослышал. — Ка... Что за Брок?

Джанни в смятении смотрел на друга. Не желая верить в то, чего он так страшился, он терпеливо проговорил:

— Не Брок. Джанни. — Он указал на себя, потом легонько коснулся пальцем груди друга и сказал: — Гар.

— Гар. — Великан сдвинул брови, поднял руку, медленно поднес ее к груди. — Гар, — повторил он, развернул руку, коснулся указательным пальцем груди Джанни. — Кто?

— Дж... — Джанни вовремя спохватился, поняв наконец, что стряслось с Гаром. Из-за полученного уда-

ра великан повредился умом. Значит, ему нельзя доверять, иначе он может назвать Стилетам настоящее имя Джанни. — Джорджио, — сказал он. Называть Гара «Ленни» было уже поздно. Он свое истинное имя-то с трудом запомнил, а что уж говорить о вымышленном! — А ты — Гар.

— Гар, — повторил бедняга, потратив немало сил, чтобы сосредоточиться и забыть о боли. Он снова коснулся груди, затем ткнул указательным пальцем в грудь Джанни. — Джорджио.

— Верно. — Джанни кивнул и тут же пожалел об этом из-за острой боли. — Правильно.

Он оперся о плечо Гара и поднялся на ноги. В глазах у него потемнело, и он бы непременно упал, если бы великан не обхватил его лодыжки и не помог удержаться на ногах. Как только головокружение прошло, Джанни наклонился и протянул другу руку, всей душой уповая на то, что в итоге они оба не распластятся в грязи.

— Пойдем. Тут нам нельзя оставаться. Могут прийти солдаты.

— Солдаты? — Гар с трудом поднялся на ноги. Джанни поддержал его. Великан тяжело дышал. Он покачнулся, но Джанни не дал ему упасть. Выпрямившись, Гар судорожно вдохнул, борясь с дурнотой, и обернулся к Джанни. — Са-да-ты?

Джанни стало нестерпимо жаль друга.

— Плохие люди. Побили Гара. — «Проклятие! — думал он. — Получается, что я разговариваю с ним, как с пятилетним ребенком!»

Но так оно и было — по крайней мере сейчас. Умом Гар уподобился ребенку. Слава Богу, это не навсегда.

— Пойдем. — Джанни взял друга под руку, развернул и потянул за собой. Гар послушно пошел за ним, покорно, как и следовало пятилетнему мальчику...

Нет. Еще более покорно. Он шел, словно кастрированный бык, которому совершенно все равно, куда идти — лишь бы кормили.

Нужно было найти еды. Но сначала Джанни надо было увести Гара подальше отсюда. Место было опасное. Кондотьеры могли вернуться, чтобы подстеречь другой торговый караван. А могли явиться горцы, дабы поживиться тем, что осталось после набега кондотьеров. Джанни повел Гара прочь. Ему нестерпимо хотелось, чтобы великан протестовал, спорил с ним, чтобы он хоть как-нибудь показал, что у него до сих пор есть разум.

Но Гар молчал.

Глава 7

Тянулся долгий мучительный вечер. Каждая мышца Джанни, каждый его нерв молили о том, чтобы он лег и больше не вставал. Но он не мог послушаться. Его толкал вперед неустойчивый страх, гнал прочь от залитой кровью мокрой грязной дороги, где он чуть не лишился жизни, где чуть не убили его друга, который теперь плелся, опершись на его руку — неуклюже, словно полусонный, только-только вставший после спячки медведь. Чувство обреченности владело Джанни, и как он ни старался, он не в силах был избавиться от убежденности в том, что они с Гаром погибнут здесь, в этих диких безлюдных горах, замерзшие и одинокие. Да, конечно, может быть, они найдут помощь, но вероятность этого была так мала...

Наконец дрожащий от изнеможения Джанни понял, что не в силах идти дальше. Он окинул взглядом округу, отчаянно ища хоть какое-нибудь укрытие, и вдруг заметил огромное старое погбенное дерево. Оно было намного выше и толще тех деревьев, что обычно растут на такой высоте. Видимо, его повалила зимняя буря, вырвала из земли с корнем. Могучие корни тор-

чали во все стороны от комеля, образуя настоящую пещеру. Джанни повлек Гара туда.

Как только они оказались под навесом из корней, Джанни понял, что нашел укрытие еще лучше, чем ожидал: ствол дерева оказался полым. Он забрался поглубже внутрь ствола — так глубоко, чтобы ни его, ни Гара не было видно снаружи, и со стоном облегчения повалился на бок. Радости его не было предела: мало того, что пустотелый ствол защищал от непогоды и чужих глаз, так внизу еще лежал толстый слой мягкой трухи — чем не ложе? Джанни вытянулся во весь рост. Он промок и замерз, и пока не успел согреться, но радовался тому, что он не под открытым небом. Даже вода внутри ствола оказалась: маленькая лужица, образованная каплями, попадавшими в дырочку на «потолке». Джанни припал к лужице и стал жадно пить, но тут вспомнил о Гаре, повернул голову к другу, чтобы предложить и ему попить, но увидел, что Гар нашел точно такую же лужицу, встал около нее на колени, поднял голову и жадно ловит языком падающие сверху капли. Голова великана почти касалась макушкой крыши их замечательного убежища. Убедившись в том, что с Гаром все в порядке, Джанни улегся, замерзший и несчастный, и стал ждать, когда его охватит сон или заберет смерть. Он поймал себя на том, что ему почти все равно, что случится раньше.

А потом он ощутил запах дыма.

Дым? Внутри дерева? Страх придал Джанни сил. Он рывком сел и уставился на небольшой костерок, сложенный на широком и плоском камне. Отблески пламени озаряли знакомое лицо Гара. Наверное, дро-

ва были сухими, потому что дыма было совсем мало, да и тот, что был, уходил вверх, сквозь дыру в древесине.

У Джанни волосы встали дыбом. Как же великан ухитрился развести костер? То, что ему хватило ума затащить внутрь убежища камень для того, чтобы не разжигать огонь на древесине, — это еще можно было приписать здравому смыслу. Но как он сумел разжечь пламя? Ведь у него не было ни трута, ни огнива, ни тлеющих углей для растопки в терракотовой коробочке...

— Как... Как ты это сделал, Гар?

— Сделал? — туповато заморгал Гар, обернувшись к Джанни. Он явно не понял вопроса.

— Как ты разжег огонь? — уточнил Джанни. — Как ты это сделал?

— Сделал, — повторил Гар, уставился на пламя, сдвинул брови. Похоже, он напряженно думал над поставленным вопросом. Наконец он оторвал взгляд от костра и покачал головой. — Не знаю.

У Джанни снова от страха волосы встали дыбом. Однако он постарался убедить себя в том, что что бы Гар ни творил, он — его друг. По крайней мере Джанни хотелось так думать.

А если нет?

Джанни мысленно выругал себя. Разве не ему всего несколько минут назад было все равно, умрет он или нет? Но если так, то не все ли равно, холод его убьет или он погибнет от рук безумца? Да и потом, может быть, ему вовсе не суждено погибнуть.

Пока же благодаря Гару у них появилось тепло. У него вдруг мелькнула мысль о еде, и желудок мгновенно взбунтовался: раненая голова еще слишком сильно болела, чтобы думать о том, что надо поесть. Но зато тепло убаюкало Джанни. Он почувствовал, как тяжелеют, наливаются свинцом веки. Но он старался прогнать сон, потому что заметил, что Гар подбрасывает в костер труху и щепки, которые валялись внутри ствола, что его друг успел нарубить корней и сложить из них приличную поленницу. А что случится, если этот дивный, дарящий тепло и радость огонь распространится за пределы камня? А что, если их убежище загорится? О, о своей жизни Джанни не беспокоился, но при мысли о том, как гибнет Гар — бедный, несчастный, обезумевший, полураздетый, как он мечется, как вопит, объятый языками пламени, — при этой мысли у Джанни снова дико разнылась голова. Нет, ему нельзя было засыпать — не мог же он попросить великана погасить костер? Огонь был им так нужен. Одного взгляда на профиль друга Джанни хватило для того, чтобы понять: лучше и не просить Гара погасить костер. Он не согласится. Нужно было бодрствовать и приглядывать за огнем... но от костра исходило такое приятное тепло, оно так успокаивало, а слой трухи под Джанни был так мягок...

Тебе не обязательно бодрствовать, — сказал бородатый старец.

Джанни вытаращил глаза.

Откуда ты взялся? Ведь я не сплю!

Хороший вопрос, — отметил старец. — Давай попробуем наоборот. Как ты можешь видеть меня, если не спишь?

Джанни огляделся по сторонам, но не увидел ничего. Лицо старца парило в крошечной тьме. В ужасе Джанни осознал, что заснул. Он чувствовал мучительные угрызения совести. Не сумел и пяти минут пробыть начеку, а ведь твердо решил не спать! Затем его охватила тревога: а что делает Гар, пока он спит? И что делает огонь?

Не волнуйся, — успокаивающе проговорил старец, словно прочел мысли Джанни. — Спи спокойно. Великан начеку, он не спит и следит за огнем, но на большее ему ума не хватит.

А если он уснет...

Он не может уснуть. Огонь зачаровал его. Он смотрит на пламя и странствует по своим воспоминаниям. Однако эта полудрема освежит его не хуже сна, и вдобавок тело его способно при необходимости сделать все, что нужно.

Джанни немного успокоился. Но на ум ему, как только он получил ответ на самый волнующий вопрос, пришел другой.

Но почему же я вижу тебя теперь? Ведь я не хочу умирать!

Неужто? — Прядь развевающихся волос отлетела в сторону, и Джанни увидел один глаз. Он пылливо смотрел на него, как бы видя его насквозь.

Джанни содрогнулся от страха, но не отвел взгляда.

Ну и что? Пусть я хочу смерти, но я не имею права на нее, покуда со мной друг, который от меня зависит.

Он почти утратил рассудок, и только я могу спасти его. Если это тебя заботит, то ты можешь покинуть меня. Или вели мне покинуть тебя.

Это меня как раз волнует менее всего, — сообщил старец. — Тебе мало пережить эту ночь. Ты должен жить дальше.

Джанни нахмурился.

А тебе что с того?

Это тебя не касается, — отрезал старик. — Скажу лишь, что я должен сыграть свою роль в этом деле, в интересах своего города и самого себя, ибо это и мне на руку.

Что за интересы? — требовательно спросил Джанни. С каждым мгновением он все меньше страшился старца.

А вот это — не твое дело!

Внезапно волосы с лица старца словно отбросило порывом ветра, глаза его сверкнули, а голову Джанни, будто стрелой, от виска до виска пронзила жгучая боль. Агония сковала его по рукам и ногам. Она длилась всего миг, но казалось, тянулась не один час.

Наконец глаза старца закрылись, их забросало прядями развевающихся волос, а боль в голове Джанни исчезла столь же неожиданно, как пришла. Джанни упрямо и дерзко смотрел на старца, внутренне содрогаясь.

Слушай же! — возгласил старец. — Этим путем идет цыганский табор. Они пройдут неподалеку отсюда рано утром. Положитесь на их милосердие, молитесь о помощи, если понадобится, но идите с ними, чтобы остаться в живых и добраться до надежного убежища!

А если нет? — дерзко поинтересовался Джанни.

Тогда погибнешь, — отозвался старец просто и сурово, — от рук кондотьеров или от холода и голода, но погибнешь непременно, не сомневайся! — Лик его дрогнул, борода и волосы стали развеиваться все сильнее и сильнее, и вскоре совсем скрыли лицо. Голос звучал все тише и все твердил:

Не сомневайся... Не сомневайся...

Погоди! — мысленно вскричал Джанни. — *Кто ты такой и почему берешь на себя право указывать мне?*

Но лик старца уже обратился в крошечное пятнышко, только голос, еле слышный, продолжал повторять:

Не сомневайся... Не сомневайся... Берегись...

Но вот и голос стих.

Джанни вскричал во гневе и отчаянии и увидел небольшой костерок. Никаких развеивающихся седин. На него в тревоге смотрел полоумный великан. Джанни понял, что проснулся от собственного крика, и решил исправить свою оплошность.

— Теперь моя очередь. Ложись спать, Гар.

— Спать? — недоуменно спросил великан.

— Спать, — кивнул Джанни и встал на колени. Тело его не желало слушаться, оно как бы жаловалось, что его побеспокоили. В голове опять забились боль. Но он заставил себя подобраться к костру, взял обрубок корня из сложенной Гаром поленницы.

— Спи, — сказал он. — Я пригляжу за костром.

Гар на миг задержал на нем взгляд и улегся, не отходя от костра. Он закрыл глаза, но тут же открыл снова. Он озабоченно спросил:

— Джорджио не спать?

Пусть он утратил рассудок, но его не покинуло чувство ответственности.

— Джорджио не спать, — подтвердил Джанни. Он был уверен, что не уснет, даже если захочет — после такого сна.

Гар успокоился и закрыл глаза. Спустя несколько минут он уже размеренно и медленно дышал. Джанни понял, что друг крепко спит.

Он остался наедине со своими мыслями о страшном сне, в котором ему снова привиделось лицо призрачного старца. Но почему-то с этим лицом сливалось лицо Медаллии, оно накладывалось на него, загораживало его. На миг Джанни изумился — почему. Но лишь на миг. А потом он погрузился в воспоминания об этом чудесном лице, чувствуя, как успокаивается, расслабляется...

Но не спит. Он не нарушил данного слова.

Как и предсказал старец, утром появились цыгане. Джанни мысленно содрогнулся от осознания того, что сон сбывается. Каким-то образом некий человек, обладавший могущественной силой, проник в мысли Джанни, в его сны — какой-то мужчина, а быть может, и женщина.

От одной этой мысли сердце Джанни забилося чаще. Неужто и вправду где-то жила та танцовщица, что грезилась ему, жила — настоящая, облеченная в плоть, в этом мире? Мог ли он разыскать ее, коснуться ее, поцеловать ее? Позволила ли бы она ему это?

Он прогнал эти раздумья и стал отчаянно размахивать руками.

— Эй! Эге-гей! Сюда, добрые люди! Помогите нам! На помощь!

Он побрел вперед, к дороге, и опираясь на руку Гара, и волоча его за собой. Но вдруг Джанни остановился, поняв, как они с Гаром выглядят для цыган. Кого они видели перед собой? Двоих грязных оборванцев, на которых не было ничего, кроме подштанников. Один из них был высоченного роста, но при этом повиновался другому, как дитя.

Но все же цыгане остановились и устремили на незнакомцев взгляды, полные сомнения. Джанни понимал, что должен найти такие слова, чтобы лишить цыган опасений, и потому он тоже остановился и снова прокричал:

— Помогите нам, люди добрые! Мы такие же странники, как и вы. Нас ограбили и унизили кондотьеры! Эти разбойники раздели нас и избили, да так безжалостно, что мой друг лишился рассудка! Теперь он — сущее дитя! Пожалуйста, молим вас о помощи. Помогите этому несчастному!

Из дверцы первой кибитки высунулась женщина в яркой шали и что-то прокричала мужчинам, что шли следом.

Те посмотрели на нее, переглянулись и поманили Гара и Джанни к себе. На сердце у Джанни полегчало, он поспешил к цыганам, шагая так быстро, как только позволяли ушибы. Держа Гара за руку, он вел его за собой.

Но когда они подошли ближе, цыгане попятились, с опаской глядя на Гара. Только теперь Джанни заметил, что они вооружены мечами — заметил потому, что мужчины сжимали их рукояти. Это были длинные прямые мечи, а сверху в их ножны еще и кинжалы были всунуты. Джанни остановился и сказал:

— Не бойтесь. Он не опасен.

— Ага, пока ты ему не скажешь, чтобы он стал опасен, — сказал самый старший из цыган. Его седые усы свисали ниже подбородка, густые седые брови торчали над глазами, свирепо смотревшими на Джанни, а тот, как назло, был не в силах что-либо объяснить, отрицать, успокаивать. Но он все же решил попробовать.

Именно этот миг Гар избрал для того, чтобы сказать:

— Расскажи мне про кроликов, Джорджио.

Цыгане вытарашили глаза. Джанни был готов расцеловать друга. Решив подыграть ему, он краешком губ проговорил:

— Не балуйся, Гар!

Он чуть было не сказал: «Ленни», но вспомнил, что его ополоумевший друг забыл свое вымышленное имя.

А цыгане, похоже, заинтересовались.

— Кролики? — сдвинув кустистые брови, переспросил старик. — Почему это он про кроликов спрашивает?

Судя по всему, в памяти Гара запечатлелся их недавний розыгрыш, он всплыл на поверхность его затуманенного сознания из-за того, что сложилась по-

хожая ситуация. Либо так, либо великан искусно притворялся, но в последнем Джанни сильно сомневался.

— Да потому, что когда он боится или волнуется, я рассказываю ему про кроликов и обещаю ему, что когда-нибудь мы с ним заведем небольшое хозяйство — огородик, чтобы пропитаться, и маленьких пушистых зверьков, с которыми он будет играть.

Цыгане обменялись сочувственными взглядами, которые были настолько выразительны, как если бы они хором сказали: «дурачок». Затем старик-цыган вновь обратился к Джанни.

— Хорошая мечта, и славный способ успокоить его. А часто он огорчается?

— Нет, очень редко, — выдумал Джанни на ходу. — Но за милую отсюда на нас напали наемники, они жестоко избили нас, отобрали все, что у нас было, даже одежду, и потому теперь он боится незнакомых людей.

— Бедняжка, — проговорила женщина, которая по-прежнему не решалась выйти из кибитки.

Старик кивнул:

— Мы видели залитую кровью землю и еще гадали — что же тут стряслось. — Он шагнул к Гару. Великан в страхе попятился. — Мы не обидим тебя, бедняга. Мы такие же странники, как вы, и мы тоже боимся наемников — очень боимся. Нет-нет, мы вас не обидим, мы перевяжем ваши раны, накормим вас горячей едой — супом и дадим вам одежду. Хорошо?

Гар, похоже, немного успокоился. Цыган протянул ему руку. Гар уставился на нее, но убежать не стал.

Джанни воспользовался моментом, взял Гара за руку и потянул вперед.

— Пойдем, дружище. Они не обидят тебя. Они нам помогут, приютят нас ненадолго.

— Непременно приютим, — кивнул цыган. — Устроим вас под кибиткой, но уж лучше такая крыша, чем никакой.

— Под кибиткой? — с надеждой переспросил Гар и сделал шаг вперед.

Сердце Джанни радостно забилося при воспоминании о ночлеге под кибиткой.

— Не так давно нас вот так же приютила одна цыганка. Он помнит.

— Цыганка? — Все цыгане сразу насторожились. — Она была одна?

— Да, одна. — Джанни припомнил, что тогда это показалось ему немного странным. — Ее звали Медаллия.

Цыгане обменялись понимающими взглядами.

— Да, мы знаем о Медаллии. Что ж, если она дала вам приют, и с ней все хорошо, то и мы готовы тем более приютить вас. Идемте.

— Благодарю вас всей душой!

Джанни зашагал вперед, увлекая за собой Гара. Великан, все еще всем своим видом выражая опасение, пошел за другом.

Подойдя поближе, Джанни лучше разглядел цыган. Волосы мужчин были покрыты яркими платками, но бороды у них были всех цветов — соломенно-желтые, каштановые, черные, рыжие и множества промежуточных оттенков. И глаза у них были разных

цветов — голубые, карие, зеленые, цвета лесного ореха, серые... Джанни не мог избавиться от мысли о том, что эти цыгане ничем не отличаются от его сородичей, природжйцев. Переодень их — так и не увидишь никакой разницы.

А одежда на цыганах была ярких, кричащих цветов — ярко-зеленого, синего, красного и желтого, с широкими оборками. Рубахи и штаны на мужчинах были просторными, даже чересчур просторными. Рубахи у горла были открыты, распахнуты на груди, штаны заправлены в высокие сапоги и подхвачены ремнями разных цветов. И у женщин и у мужчин в ушах блестели серьги, а на запястьях — браслеты.

В Джанни проснулось любопытство истинного торговца — он задумался о том, из настоящего ли золота все эти украшения.

Женщин в таборе оказалось несколько. Они появились из кибиток и окружили незнакомцев. Именно женщины взяли на себя заботу о Гар и Джанни.

— Пойдемте, бедолаги, — сказала одна из них, а другая подхватила:

— Наверное, вы полумертвые от голода и холода.

Гар, испугавшись, потянул было Джанни назад, и Джанни пришлось снова успокаивать его.

— Хорошие тети, Гар. Смотри! Хорошие, добрые! — Он пожал руку одной из молодых женщин, заметил, как она хороша собой, и пожалел, что нельзя позволить себе большего. Тут его озарило, и он коснулся рукой ее темно-рыжих волос, непокрытых платком. — Можно?

Женщина посмотрела на него с опаской, отступила на шаг, но тут же кокетливо улыбнулась и шагнула к Джанни. Джанни погладил ее волосы, обернулся к Гару и сообщил:

— Мягкие. Теплые.

Женщина в испуге вытаращила глаза и, как только Гар поднял руку, испуганно отступила.

— Он ничего тебе не сделает, — заверил ее Джанни.

Женщина не без опаски вернулась и сказала:

— Один разок, не больше.

Гар опустил руку на ее голову, провел ею по волосам и озарился блаженной улыбкой.

— Теплые, мягкие! Кролик!

Весь табор дружно расхохотался, а громче всех — «кролик». Женщина поймала Гара за руку и удержала за запястье.

— Эй, крольчиха! — крикнул один из молодых мужчин.

Другой подхватил:

— Крольчиха, можно и мне тебя погладить?

Но тут другая девушка фыркнула:

— Вот уж тоже мне — «крольчиха»! Скажи ему, пусть и не думает, Эсмеральда!

— Вот-вот! — воскликнула старуха-цыганка. — А то он еще и на ручки тебя захочет взять!

Вот так, смеясь и шутя, женщины подхватили оторопевшего Гара под локти и повели к ручью, что протекал неподалеку. Там его вымыли, отерли и нарядили в цыганскую одежду. Им, как и Медаллии, пришлось при этом проявить чудеса изобретательности. Гар был в ужасе. Он тарашил глаза, сверкал белками,

то и дело в испуге поглядывал на Джанни, но тот искренне наслаждался заботой цыганок и это немного успокоило Гара. Наконец, когда они поели супа и хлеба, а женщины перевязали самые опасные раны, они отправились следом за цыганами за кибитки. Джанни обменивался шуточками с девушками, которые выглядывали из окошек фургонов, чтобы пококотничать с ним. Они называли его «Джорджио», но это можно было стерпеть, лишь бы только ополоумевший великан оставался спокоен. Он решил остаться Джорджио до тех пор, пока к Гару не вернется рассудок.

В эту ночь они спали под кибиткой, но куда более уютно, чем в прошлый раз. Цыгане дали им теплые одеяла. В голове Джанни проносились события прошедшего дня, он как бы снова слышал смех и разговоры, болтовню во время еды и видел цыганские жаркие танцы. Он так жалел о том, что полученные ссадины и ушибы не дают ему присоединиться к танцующим. Девушки-цыганки были так хороши, когда раскачивались и извивались в танце! А теперь кибитки стояли кругом, и весь табор расселся вокруг костра, но они с Гаром, смертельно утомленные, добрались до кибитки и улеглись спать под нею, а цыгане заговорили на своем языке, которого Джанни не понимал. Приглушенные голоса, слова, из уст женщин звучащие дивной музыкой, мало-помалу убаюкали его, и он уснул, как только смежил веки, и почувствовал, как вновь обволакивает его теплая тьма, но сил у него хватило только на то, чтобы мысленно пожелать узнать, о чем говорят цыгане...

Ты и вправду хочешь это знать? — спросил слишком знакомый голос, и из мрака протянулась к нему нежная тонкая рука, а в ней была зажата маленькая тоненькая палочка с шариком на конце. Она коснулась лба Джанни, и тот неожиданно для себя обнаружил, что понимает, о чем говорят цыгане...

— Да, Медаллия, — сказала одна из женщин. — Чистое совпадение, наверняка! Она бы не стала настраивать на нас шпионов, верно?

— Да, зачем ей это, Гайлс? — подхватила другая. — Она и так знает обо всех наших планах.

— Это верно, Патти, — отозвался Гайлс. — Но быть может, она боится, что мы попытаемся арестовать ее или даже...

— Чушь и чепуха! — фыркнула Патти. — Чтобы агенты АППИСа ополчились против своей соратницы только из-за того, что она с нами не согласна? Не поверю!

— Не просто не согласна, — угрюмо проворчал другой мужчина. — Нельзя забывать о том, что она может поставить нам палки в колеса.

— Не может этого быть, Морган! — сказала женщина постарше с искренним возмущением. — Она ушла только потому, что больше не хотела сотрудничать с нами, она так и сказала — но не для того же, чтобы нам мешать!

— А откуда нам знать? — отозвался Морган. — И потом: откуда ей знать, что мы не пожелаем помешать ей помешать нам? Нет, Розали, будь я на ее месте, я бы непременно подослал к нам лазутчика.

— Ты — да, — согласилась Розали. — Но ты во все времена был несколько параноидален, Морган. А вот Медаллия этим никогда не страдала.

Джанни стал гадать, что такое «параноидален».

— Нет, у Медаллии своя паранойя тоже есть, — возразила третья женщина. — Иначе бы она не увидела в наших планах угрозы, в то время как мы всего-навсего стараемся помочь этим несчастным местным жителям.

Несчастливым местным жителям! Джанни охватило возмущение. Он понадеялся, что женщина не имеет в виду его в частности и пироджийцев вообще. И потом, кто они такие, эти цыгане, что позволяют себе называть горожан «несчастливыми»!

— Цыганское обличье — лучшее прикрытие для нас, — заспорил Морган. — Оно позволяет нам перемещаться по Талипону в любом направлении, к тому же мы всегда можем нарядить агента в ту одежду, которую принято носить в том городе, куда мы желаем проникнуть. Это дает нашим людям возможность воздействовать на горожан. Почему же этим самым не может заниматься и Медаллия?

Обличье? Так, значит, они были не настоящими цыганами? И тут Джанни неожиданно вспомнил, что о цыганах он впервые услышал, когда ему исполнилось одиннадцать лет. А были ли они — настоящие цыгане? Или они все были вот такие, фальшивые?

— Медаллия всего-навсего сомневалась в том, правы ли мы вообще, — упрямо заявила Патти. — Правы ли мы в том, что пытаемся вытянуть эту планету из Темных веков. Она понимала все преимущества Ре-

нессанса, который зарождается здесь, на Талипоне, но испытывала сомнения в справедливости попыток обращения всех этих людей к современной жизни, с высокоразвитой техникой и светской идеологией.

Эсмеральда кивнула:

— В конце концов их предки прилетели сюда именно для того, чтобы обо всем этом забыть.

— Нет, — возразил Морган. — Она думала, наша ошибка в том, что мы пытались убедить аристократов в целесообразности объединения. Но как еще мы можем уговорить их прекратить непрерывные междоусобицы?

— Да, это достойная цель, — сказала Розали. — Но разве не еще больше прольется крови, если они убедятся в том, что у всех них — общий враг?

— Но как еще добиться их объединения? — всплеснул руками Морган. — О, я знаю, Ллевеллина, ты по-прежнему думаешь, что нам следует попытаться подтолкнуть их к религиозному возрождению. Но аристократы считают, что религия и жизнь — это разные вещи, а не нечто единое!

— Вот видите? Мы даже между собой не в состоянии договориться, — вздохнула Розали. — То есть нет, договориться мы можем, но всех нас мучают те или иные сомнения. Так что нет ничего удивительного в том, что Медаллия насытилась всем этим по горло и ушла своей дорогой.

— Она не просто ушла, — проворчала Патти. — Она думает, что мы ошибаемся в том, что хотим убедить аристократов в том, что их общий враг — купечество.

Холодная рука страха сжала сердце Джанни. Убедить господ в том, что купцы — их враги, и чтобы они объединились и ополчились против торговых городов? Это будет кровопролитная битва! Нечего и удивляться тому, что они уже натравливали Стилетов на пироджийцев!!!

— Но она сказала, что если мы сделаем это, нам следует вовремя предупредить купцов, чтобы они успели разбежаться и спрятаться, — продолжал Морган. — Мало того, она считала, что они должны обороняться! Говорю вам: то, что этот пироджиец Браккалезе выступил в Совете с предложением объединить все торговые города, — это ее рук дело!

Джанни несказанно порадовался тому, что «цыгане» знают его только под именем «Джорджо». Но как они прознали о замысле Гара? И почему они решили, что идея эта принадлежит его отцу? Худшая мысль, напугала Джанни: на что они способны, чтобы помешать отцу? Джанни наострил уши, чтобы еще более внимательно дослушать разговор до конца.

Глава 8

— Лига купцов сможет уничтожить все, чего мы стараемся добиться, — согласилась Ллевеллина. — Хуже того: когда остров окажется поделенным на два силовых блока, может начаться гражданская война!

Какие добренькие! Оказывается, они не хотели гражданской войны, они хотели только перебить всех купцов. Неужели эти глупцы не понимали, что именно к этому приведет осуществление их замысла?

Видимо, не понимали.

— Мы не должны забывать о нашей цели, — проговорил Морган. — А цель наша в том, чтобы принести мир на всю эту исстрадавшуюся планету, где на севере господствует племенной анархизм, а на юге и востоке — анархизм деспотический. Талипон, обладающий торговым флотом, способен стать центром распространения идеи централизованного правительства, мира под знаком согласия...

— Или мира под знаком империи, — мрачно добавил Гайлс.

— Любой мир лучше, чем никакого, — возразила ему Розали.

— Верно, — подтвердила Эсмеральда. — Мир — залог справедливости, основа для процветания науки и искусств.

— Но никакого мира не будет, если для начала мы не установим его на Талипоне, — напомнил ей Морган. — Это следствие из закона Мальтуса.

— Верно, это фундаментальный принцип предын-дустриальной экономики, — вздохнул молодой человек. — Население возрастает в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания — в арифметической.

— Верно, Джордж, это мы все знаем, — кисло произнесла пожилая женщина. — Четыре человека умножить на четыре человека равняется шестнадцати, но четыре бушеля зерна прибавить четыре бушеля зерна получится всего восемь бушелей. Без промышленного оборудования людей всегда будет больше, чем пищи, пока...

— Пока чума, голод или война не приравняют их число к такому, что пищи будет хватать на всех, — вздохнула Розали.

Джанни в ужасе слушал разговор. Ему хотелось закричать, но он не мог — ведь он пребывал во сне.

— Потом настанет мир и благоденствие для всех, пока люди не размножатся и пока еды снова станет не хватать. Тогда весь цикл повторится снова.

— И снова, и снова, и снова, — угрюмо проговорил Морган. — Так что любые страдания, которые повлечет за собой осуществление нашего плана, будут меньше, чем если бы нашего плана не было бы.

Легко же ему было так говорить! Ведь не его народ будет гибнуть, не его мать или сестру изнасилуют солдаты врага, не их продадут в рабство, не его дом и товары сожгут!

— Но разве отсталые люди вроде рабов феодалов на западном материке когда-либо сумеют воспринять современную технику? — с сомнением спросил Гайлс.

— Смогут, если их обучить, — решительно заявила Розали. — И не просто обучить, а объяснить, что это способ разбогатеть, а это для серва не так-то мало.

— Верно, — подхватила Эсмеральда. — А такое обучение вполне по плечу купцам. Сочетание крестьянской ментальности с меркантильностью купцов способно произвести потрясающие результаты.

— Точно так же, как общественное мнение в северных племенах, — добавил Гайлс. — Если они будут достаточно долго и громко разглагольствовать на своих «пау-вау», они забудут о том, что жажда богатства — это плохо, и, отказавшись от охоты, займутся земледелием.

— И тогда мы сможем постепенно установить здесь несколько конвертеров материи с тем ограничением, чтобы они не производили драгоценных металлов. Нужно, чтобы такой конвертер был у каждого аристократа.

Даже в полусне у Джанни волосы встали дыбом от обилия непонятных слов. Неужто эти фальшивые цыгане и вправду колдуны?

Следующие слова, сказанные Морганом, только укрепили Джанни в его подозрении.

— А когда у каждого дворянина будет машина, способная без затрат с его стороны производить все товары, необходимые для жизни, он получит неоспоримое преимущество перед купцами, он ни за что не устоит перед искушением заняться торговлей.

Не устоит перед искушением! Да ведь тогда дворяне просто-напросто разорят купцов! Бог свидетель: в тех городах, которыми правили аристократы, они и так уже предостаточно обирали купцов. Налоги и официальная монополия уже и так сильно сказывались на прибыли от торговли, а господа еще и настаивали на том, чтобы купцы нанимали возниц и погонщиков у них по невероятным ценам! Если же помимо этого они обойдут купцов в том, что станут производить ценные товары из ничего, они окончательно изничтожат торговцев! И не за счет того, что станут продавать эти товары по более низким ценам. Они просто никому не позволят соперничать с собой! Торговля будет объявлена противозаконным занятием для всех, кроме наймитов аристократов. Они создадут монополию, с которой невозможно будет бороться!

— Но количество конвертеров материи должно быть строго ограничено, — взволнованно проговорила Эсмеральда. — Если дворяне начнут производить золото и серебро, закладывая в конвертеры куски свинца и булыжники и нажимая на кнопку...

— Нет. Конечно же, нет, — нетерпеливо прервал ее Морган. — И почему только ты считаешь своим долгом напоминать нам об этом всякий раз, когда мы начинаем говорить на эту тему, Эсси? Если они получают возможность производить золото и сереб-

ро, им не будет нужды вообще заниматься какой-либо торговлей!

Золото из свинца! Они точно колдуны! Или на худой конец — алхимики!

— Алчность заставит виконтов и дожей забыть о своих глупых междоусобицах и объединиться против купцов, — довольно произнес Морган. — Им только нужно будет увидеть, что у них есть реальная возможность захватить монополию на торговлю и отобрать всю прибыль, которая теперь достается купцам. Им этого не удастся добиться быстро, ибо купцы умны, хитры и расчетливы, и в плане торговли аристократы так или иначе будут значительно отставать от них.

— Но они изучат эту теорию, — отметила Розали. — И нам удастся-таки превратить аристократов в торговцев.

Как только они могли быть настолько наивны! Ведь с благородными господами так ни за что не получится! Объединившись, они непременно пошлют свои войска на торговые города, дабы окончательно и бесповоротно расправиться с купцами. Тогда прекрасные здания Пироджии рухнут на дно лагуны, откуда некогда поднялись! О, быть может, они и оставят в живых несколько купцов, связанных по рукам налогами и договорами и потому целиком и полностью зависящих от благородных господ. Они превратят их в своих рабов, которые будут торговать за них и для них и у которых будут отбирать всю прибыль. Если не всю, то уж не меньше девятнадцати частей из двадцати. Нет, кем бы они ни были, эти люди, их план был чудовищен — по крайней мере для купцов, для того образо-

вания, той культуры, которыми они так гордились, ибо большей частью и образование, и культура процветали благодаря купцам, а никак не благодаря аристократам. О да, художники неплохо проживут и под покровительством виконтов, но только в том случае, если станут писать их портреты на заказ и сцены военных побед. Выживут и поэты, покуда будут сочинять героические поэмы и восхвалять добродетели местных виконтов и виконтесс, как восхвалял Ариосто Лукрецию Борджиа в «Неистовом Роланде». Да, художники и поэты будут процветать, если станут придворными, ручными, вот только благородных господ маловато — их числа хватит на то, чтобы прокормить лишь горстку людей искусства! А купцы были способны прокормить многие десятки!

— Наши планы должны быть претворены в жизнь, — решительно заявил Морган.

— Верно, — согласился Гайлс. — И если Медаль действительно хочет их нарушить, нужно придумать, как остановить ее.

Даже во сне Джанни сумел отчетливо представить, как его пальцы смыкаются на горле Гайлса. Чтобы кто-то вздумал причинить зло этой прекрасной милосердной девушке? Никогда!

Похоже, «цыганам» эта мысль тоже не пришлась по душе. Воцарилось испуганное молчание. Наконец слово взяла Эсмеральда.

— Надеюсь, ты не считаешь, что ее надо убить!

— Да нет же, нет, конечно! — поспешно воскликнул Гайлс. — Я имел в виду, что ее надо бы изловить и не дать уйти.

— Не нравится мне это, — проворчала Розали.

— Стыд и позор! — возмутился Морган. — Подумать только — как можно даже помышлять о том, чтобы лишить разумного человека свободы!

— Да нет, вы меня неправильно поняли! — в отчаянии проговорил Гайлс. — Но непременно должен найтись какой-то способ, как сделать так, чтобы она нам не навредила.

С минуту все молчали. Затем Эсмеральда сказала:

— Предупредить всех о цыганке-отступнице?

— О нет! — воскликнула Розали. — Они могут ополчиться против нее, обличить ее в колдовстве или безбожии и сжечь на костре!

— Не может быть, чтобы здесь процветали такие варварские нравы!

Джанни мысленно содрогнулся. Он-то хорошо знал, что нравы его сородичей могут быть очень даже варварскими, когда дело доходит до обвинений в колдовстве. Но почему эти люди так озабочены насчет обвинений Медаллии в колдовстве, когда сами — колдуны?

— Она была так добра, так мягкосердечна, — с сомнением проговорила Эсмеральда. — Быть может, имело бы смысл забросить ее в какую-нибудь отсталую область, где многие нуждаются в излечении от болезней?

— Нет, здесь она непременно усмотрит подвох, — подтвердила Эсмеральда. — Можно было бы отправить Делла по деревням под видом менестреля, чтобы он распевал о страданиях сирот. Через месяц все уже

будут только и говорить, что о бедняжках сиротах, и Медаллия тут же организует для них приют.

— Нет, — покачал головой Гайлс. — Медаллия умна и прозорлива. Она поймет нашу хитрость и в том, и в другом случае. Нужно либо захватить ее, чего мы делать не станем, либо постоянно опережать ее и действовать более хитро, чем она.

Судя по тону Моргана, такое предложение пришлось ему по душе.

— Это будет несложно. Нас тридцать, а она одна.

— Значит, нужно будет играть по-честному, — вздохнула Розали.

Играть? Это у них называется игрой? Но для Джанни и его народа это жизнь. Жизнь — или смерть!

— Хватит о Медаллии. Мы все решили, — заключила Розали. — Но что нам делать с этими двумя бродягами?

Джанни мысленно похолодел.

— А что мы можем с ними сделать? — вздохнул Морган. — Не можем же мы бросить их здесь на погибель, когда они так тяжело ранены, а один из них притом еще не оправился после сотрясения мозга. Судя по всему, стукнули его очень сильно!

Эсмеральда поежилась.

— Радуйтесь, что вам не пришлось осматривать эту рану. Кость, правда, не повреждена, но наверняка судить без рентгена трудно.

— Не исключена подчерепная гематома, — сказала Розали и нахмурилась. — Ему необходимо наблюдение.

— Придется взять их с собой, покуда мы не найдем надежного места, где можно было бы их оставить, — решил Морган. — До замка принца Рагинальди всего два дня пути, а мы так или иначе думали заглянуть туда.

— В таком случае, видимо, придется оставить их там, — вздохнула Розали, — хотя мне даже страшно представить, как отдать людей в таком состоянии на попечение средневековых лекарей.

— Не такая уж она отсталая, местная медицина, — возразил ей Морган. — Их лекари располагают кое-какой вполне приличной техникой и даже знают, как изготавливать антибиотики — эти сведения со времен первых поселенцев передавались здесь из уст в уста.

Последние несколько фраз пролетели мимо ушей Джанни, поскольку он в ужасе думал о том, что ожидало их с Гаром. Они попадут в руки Рагинальди — тех дворян, на службе у которых состояли Стилеты! Сами Рагинальди, быть может, и не знали, кто такой Джанни, но вот Стилеты знали наверняка. Они узнают его в первую же секунду, а еще через секунду они с Гаром будут мертвы, если только Рагинальди не решат покалечить их и отправить в Пироджию в знак назидания для остальных горожан. Нет! Им с Гаром нужно было во что бы то ни стало как можно скорее бежать!

А за этой мыслью явилась другая. Более подходящего случая не представится. Цыгане не ожидают, что они возьмут да и уйдут среди ночи, почти сразу же после того, как их спасли. С другой стороны, особых подозрений их исчезновение вызвать не должно. Ну,

сочтут Джанни и Гара неблагодарными и бестактными наглецами или хуже того — парой бродяжек, которые сыграли с ними шутку.

Джанни не мог поверить в наивность этих людей. Особенно его возмущало то, что они возомнили себя умнее народа Талипона. То есть они считали себя такими мудрыми, что смели брать на себя право вмешиваться в их дела и решать их судьбу! Неужели они не понимали, что дворянин по доброй воле ни за что не станет заниматься торговлей? Отбирать у купцов львиную долю прибыли под видом изъятия излишков или борьбы с монополизмом — это одно дело, но чтобы благородные господа сами взялись зарабатывать серебро? Нет! Наверняка эти люди должны были понимать, что для того, чтобы дворяне прекратили воевать друг с другом, они должны были поработить купцов!

Вот именно, — подтвердил старец. Длинные сидины, развеваясь, закрывали его лицо, вертелись, словно нити из кудели вокруг веретена.

Джанни в страхе осознал, что перестал слышать цыган, и судя по всему, уснул окончательно.

Если ты знаешь об этом, наверное, ты знаешь, как нам с Гаром остаться в живых и невредимыми добраться до Пироджии! — сказал он. — Наверное, ты бы мог сказать мне и о том, как защитить Пироджию от дворян и от этих наивных и глупых доброхотов!

Великан уже говорил, как это сделать! — отвечал старец. — Он говорил вашему Совету, что им следует объединиться со всеми другими торговыми городами.

Отчаяние охватило Джанни.

Мне ни за что не убедить советников в этом!

Не горюй, — посоветовал ему старик. — Ты что-нибудь придумаешь, и быть может, на эту мысль тебя наведет другая цель.

Сердце Джанни с надеждой всколыхнулось.

Какая цель?

Береги Медаллию, — сказал старец. — Береги ее, защищай и помогай ей во всех ее делах, и тогда она заменит тебя и сумеет убедить советников. Прислушайся к ее советам, ибо ей известно столько же, сколько этим цыганам-притворщикам, и положение дел она видит лучше, и судит обо всем трезвее.

На этот раз Джанни вспомнил о том вопросе, который хотел задать до того, как лик старца исчез.

Кто ты такой?

Зови меня Волшебником, — ответил старец. — Чародеем в твоём уме. — Лик начал таять, исчезать. — Пора уходить, ты должен это понимать. Цыгане не погонятся за вами. На самом деле они будут даже рады вашему исчезновению, ибо с их плеч свалится лишняя обуза. Но уйти вы должны сейчас.

Но как? — выкрикнул Джанни в отчаянии. Лик старика уже успел превратиться в маленькое белое пятнышко.

Уходите, — донесся издалека голос старца. — Уходите.

Джанни сел так резко, что чуть было не ударился макушкой о дно кибитки. Случись такое, он бы непременно разбудил цыганское семейство, спавшее в фургоне. Стараясь дышать медленнее и тише, он то-ропливо огляделся по сторонам. Костер догорал,

возле него не было ни души. Кое-где под кибитками спали, завернувшись в одеяла, молодые парни. Некоторые из них громко храпели. Те же, что были постарше, со своими женами спали внутри фургонов. Только сейчас Джанни вспомнил о том, что в лагере не было ни одного ребенка. До сих пор он считал, что они просто не попадались ему на глаза, но теперь, когда он знал, что цыгане ненастоящие, он думал о том, что детей и не должно быть. На миг он задумался о том, кто они такие на самом деле, но ничего придумать не успел, так как увидел молодого цыгана с мечом, который прошел между кибиткой, под которой лежали Джанни и Гар, и догорающим костром. Дозорный! Они выставили дозорного! А быть может, и двоих, чтобы, если одного убьют, второй успел поднять тревогу. По крайней мере именно так поступать учил Джанни старик Антонио.

Значит, ему и Гару нужно было напасть на часовых одновременно. Джанни встал на колени и подобрался к спящему великану.

— Гар, просыпайся! — прошептал он и принялся трясти друга за плечо. В следующий миг Джанни был готов отпрянуть в сторону, потому что великан спростонья повернулся на спину и резко отвел в сторону руку. На счастье, Джанни он не задел. Зевнув, он проснулся и сел. Джанни изо всех сил нажал на плечо друга, чтобы тот, не дай Бог, не стукнулся макушкой о дно фургона. Гар заворчал, с силой отвел руку Джанни, и на секунду в его глазах полыхнуло пламя ненависти. Рука его взметнулась для удара, способного сокрушить любого, кто бы ни...

Но вот пламя злобы сменилось радостью узнавания.

— Джорджио! — еле слышно прошептал Гар.

Значит, он не притворялся. Не притворялся, если спросонья и с перепугу вспомнил выдуманное имя Джанни. Джанни прижал палец к его губам и прошипел:

— Т-с-с-с-с!

— Т-с-с-с-с! — повторил Гар и жест, и звук, а потом шепотом спросил: — Почему?

— Потому что мы должны уйти отсюда так, чтобы цыгане нас не заметили.

Гар не стал спрашивать, зачем это нужно. Он только кивнул.

— Они выставили двоих часовых, — прошептал Джанни. — Нам нужно напасть на каждого из них по отдельности и бесшумно уложить.

— Почему? — снова спросил Гар.

Джанни снова шикнул на него. Надо было объяснить, ведь великан лишился рассудка.

— Потому, что если мы этого не сделаем, они увидят, что мы убегаем, и поднимут тревогу.

Гар покачал головой.

— Зачем? Они скоро будут спать.

— Может быть, — согласился Джанни. — Но тогда их место займут другие двое.

— Нет. Нет, — покачал головой Гар, оглянулся и пристально уставился во тьму. Джанни сдвинул брови и обернулся, чтобы понять, куда смотрит Гар, и увидел, что один из часовых, зевая, доплелся до костра, постоял возле него минуту-другую, а потом сел, под-

вернув ноги под себя, и воззрился на костер. Снова зевнул, а тут и второй дозорный появился. Похоже, как ни странно, они не видели друг друга. Второй часовой тоже зевал. Первый улегся, положил руку под голову и храпел. Второй улегся по другую сторону от костра. Через минуту храпел и он.

Гар посмотрел на Джанни.

— Спят, — сообщил он.

— Да, — отозвался Джанни, только тут поняв, что все это время тупо таращился на происходящее у костра, раззявив рот. Закрыв рот, он добавил: — Да, спят.

По спине его побежали мурашки. Волосы на затылке встали дыбом. Что же за безумец шел с ним рядом?

Но тут он вспомнил о Волшебнике, являвшемся ему в видениях. Можно было не сомневаться, в разуме Гара он тоже бывал, но вот только мыслей у ополумевшего великана стало меньше, и там Волшебник мог беспрепятственно трудиться. Джанни решил на будущее быть с Гаром как можно осторожнее.

Встряхнувшись, он проговорил:

— Ну что ж? Теперь ничто не помешает нам уйти, куда мы захотим, верно?

— Верно, — туповато кивнул Гар. Было видно, что его мучают сомнения, однако он следом за Джанни выбрался из-под кибитки, подражая другу, натянул сапоги и пошел за ним во тьму.

В ту ночь они шли долго. Сначала пустились по дороге в обратную сторону, чтобы спутать свои следы со следами от колес фургонов. Потом пошли лесом,

то поднимаясь на пригорки, то спускаясь, и так шли, пока не вышли на другую проселочную дорогу. По ней пошли на юг — вернее, в ту сторону, где, как надеялся Джанни, был юг и где находилась Пироджия. Шли, пока у Джанни не стало сил идти дальше. Гар тоже порядком устал, но все же сумел взвалить Джанни на плечо и дотащил его до двух больших камней, под прикрытием которых они были хотя бы защищены от ветра. Там они проспали до утра. На счастье, в ту ночь Джанни не видел во сне ни лика Волшебника, ни женщины-танцовщицы.

Проснулись оба от стука конских копыт и громких окликов. Джанни рывком сел и тут же скривился от боли, которой отозвались на резкое движение полученные днем раньше ушибы. Он выглянул из-за камня и увидел с десятков солдат. Это были не наемники-кондотьеры. На этих была военная форма — желто-красные плащи. Позади солдат ехал мужчина в лиловом бархатном камзоле. На лоб его был низко надвинут берет. Он о чем-то громко спорил с седобородым стариком в балахоне и мягкой круглой шапочке. На груди старика на толстой золотой цепи висел тяжелый медальон. По обе стороны от них шли еще десятеро солдат. Эти осматривали придорожные кусты, раздвигали ветки палками, заглядывали за каждое упавшее дерево, в каждую ямку, каждую трещину в камнях вдоль дороги.

— Плохо? — неожиданно спросил Гар.

Джанни мысленно подпрыгнул ввысь на милю, но удержался, не вскрикнул, только невольно ухватился за камень.

— Плохо, наверное. Судя по всему, это принц и его советник. Нам лучше спрятаться.

Он обернулся и увидел, что Гар уже спрятался за валун позади большого камня. Джанни присоединился к нему и наострил уши.

— Но, ваше высочество, они не могли уйти так далеко за столь короткое время! — возражал советник. — Но даже если они и сумели уйти далеко, какой от них может быть вред — от двух пеших, невооруженных людей?

— Что-то я не припомню, чтобы они тебе показались такими уж безвредными, когда ты заставил меня покинуть мои покои и отправиться на их поиски! — проворчал принц. — Если ты прав и если они вправду переодетые купцы, мы должны схватить их и наказать по меньшей мере.

— Скорее всего так оно и есть, и они — лазутчики от купцов, — подтвердил советник. — Цыгане сказали, что подобрали двоих бродяг, которые попросили их о помощи, а потом ночью сбежали. Я сразу понял, что они скорее всего из того торгового каравана, на который двумя днями раньше напали Стилеты.

Джанни с трудом сдерживал возмущение. Он был страшно зол на мнимых цыган. Труссы! Натравили на них с Гаром дворян — сами не стали делать грязную работу! Лицемеры!

— Верно. А когда они вернулись с пленными и когда мы нашли клеймо хозяина на мешках с товарами и подвергли возниц пыткам, дабы они сознались в том, кто их нанял, что они нам сказали? Джанни Браккалезе! Сын того самого мятежного купца, который

пытается создать союз торговых городов, дабы они объединились против нас!

Джанни замер. Неужели они охотятся за ним?

— Точно. А командир Стилетов заверял нас в том, что его люди бросили его на дороге, потому что он был мертв, — мрачно проговорил советник. — Но что они обнаружили, когда вернулись за трупом? Он исчез. Мертвец встал и ушел! Могут ли быть хоть малейшие сомнения в том, что этот молокосос Браккалезе до сих пор жив? Могут ли быть хоть какие-то сомнения в том, что он и его телохранитель — это те самые двое бродяг, что попросили приюта у цыган?

— Никаких сомнений, — мрачно ответил принц, — если учесть, что и Силеты, и цыгане описывали спутника этого юнца как великана.

— Но воистину ли они так опасны? — спросил советник.

Джанни слышал шаги и негромкую переключку обшаривающих округу солдат. Они подходили все ближе и ближе к тому месту, где затаились Джанни и Гар. Как Джанни жалел о том, что не попросил у цыган хоть какого-нибудь оружия — хотя бы самого маленького кинжала! Он в отчаянии оглядывался по сторонам, понимая, что его вот-вот найдут и схватят. Рука его судорожно, до боли сжала крупный булыжник.

— Опасен его отец, — отозвался принц. — И если мы возьмем его сыночка в заложники, быть может, он и откажется от попыток создать этот премерзкий союз против нас.

Советник вздохнул.

— Ваше высочество Рагинальди! Я никак не пойму, почему бы вам не противостоять этому купеческому союзу, создав собственный союз дворян! Даже эти цыгане советовали именно это!

«Само собой», — подумал Джанни мрачно и твердо решил разделаться с мнимыми цыганами, когда выберется из этой переделки.

— Мне нестерпима сама мысль о таком союзе, — буркнул принц. — Чтобы Рагинальди объединились с какими-то Веккио, не говоря уже о более низкородных семействах? Объединение с прежними недругами противоречит здравому смыслу, но я готов поверить, что купцы могут стать более опасны, чем любой из моих собратьев дворян.

От этих слов у Джанни кровь стыла в жилах. Особенно его поразило то, что принц Рагинальди назвал дворян не соперниками и не врагами, а «собратьями».

Но размышлять об этом сейчас было не время. Звук шагов солдат, прочесывающих окрестности, слышался все ближе. Джанни поднял булыжник, приготовился подпрыгнуть...

Тень легла на него, заполнив угол между валуном и скалой, где прятались они с Гаром. Тень человека в шлеме и с нагрудником — солдата!

Глава 9

Звякнули латы, стукнула палка, тяжелые сапоги остановились на расстоянии оклика от другой стороны дороги.

— Что? — прозвучал голос воина прямо над ухом у Джанни. — Что это было?

— Да заяц, — недовольно и брезгливо откликнулся другой воин. — А я уж было понадеялся.

Понадеялся? Почему? Ведь он тоже не благородного происхождения — простолюдин, как и Джанни. Или он именно поэтому так хотел...

Снова зазвучали шаги. Невероятно, но... они удалялись!

— Смотрите, не пропускайте ни одной ложбинки! — напомнил солдатам другой голос, ниже.

— А я так и делаю, капрал, — ответил пехотинец издалека. — Тут и ложбинок нету никаких.

Джанни сидел окаменев, не в силах поверить собственным ушам и такой удаче. Неужели воин и вправду не заметил их с Гаром? Невозможно!

Заяц. Это был заяц. Подумать только — их спас какой-то длинноухий! Кролик!

Но пока укрытие беглецов миновал только один из тех воинов, что прочесывали местность по эту сторону от дороги. Джанни снова крепче сжал булыжник, подобрался, приготовился, чтобы в случае чего дать отпор. Один из солдат непременно должен был проявить интерес к закутку между скалой и валуном...

Но ни один такого интереса не проявил. Один за другим они проходили мимо, перекликаясь и шутливо переругиваясь. Капрал отчитывал их, если они начинали говорить слишком громко. Может быть, они не хотели найти беглецов, а может быть, им было все равно. Но может быть, у такого поведения солдат была и другая, таинственная причина? Как бы то ни было, они упорно миновали убежище Джанни и Гара. Прошли пешие воины, простучали копыта коней, стихли голоса принца и его советника.

Но Джанни еще долго сидел, сжимая в руке камень. Пальцы его, правда, уже держали его не так крепко, но он все еще не верил, что опасность миновала.

Наконец Гар зашевелился, встал на четвереньки, выглянул из-за валуна, выждал некоторое время, поднялся на ноги, посмотрел в ту сторону, куда удалился отряд. Лицо его было бледно, глаза широко раскрыты.

— Они ушли? — решился спросить Джанни.

— Ушли, — ответил Гар и решительно кивнул. — Ушли. Все.

Джанни медленно поднялся. Невероятно, но это было правдой: солдаты прошли мимо них, исчезли за деревьями, что густо росли у дороги. Там уже малопомалу оседала поднятая пыль.

— Пойдем теперь? — глянув на Джанни с высоты своего роста, поинтересовался Гар.

— А-а-а... Да! — Джанни наконец очнулся от раздумий. Они просто обязаны были не упустить такой счастливой возможности. — Но по дороге мы не пойдем, Гар. Поднимемся на холм, спустимся с него, поднимемся на следующий, пока не уйдем подальше от этих мест, где за нами охотятся принц Рагинальди и его люди!

Они нашли другую дорогу, но она вела на запад и восток. Однако путь от Пироджии через горы лежал на северо-запад, потому Джанни и Гар пошли на восток. Джанни решил, что в худшем случае они выйдут к побережью, а там смогут построить плот и доплыть до Пироджии.

Когда стемнело, Гар ухватил Джанни за рукав и указал на лесистый склон справа и зашагал вперед. Джанни, нахмурившись, пошел за ним, и так шел, не понимая, с чего это его другу вздумалось идти в эту сторону, но вскоре это выяснилось: Гар ткнул пальцем в сторону поваленного дерева. Дерево упало, по всей видимости, не так уж давно, поскольку побурела лишь малая часть хвои. Джанни сразу понял, чем привлекло Гара это дерево. Оно треснуло ниже последних сучков, но не на всю толщину, а частично. Образовавшейся расщелины вполне хватало для того, чтобы усесться, не пригибаясь. Джанни по примеру Гара принялся за работу. Они обломали ветки с нижней части ствола. В результате образовалось достаточно места, чтобы можно было вытянуться в полный рост, и вдо-

бавок у них был навес над головой. Обломанный лапник уложили, чтобы спать на нем.

А потом Гар еще больше удивил Джанни: удалившись в лес, он вернулся с пригоршней кореньев и трав, так что спать они улеглись не на пустой желудок. Голода, конечно, не утолили, но все же червяка заморили. Когда Джанни жевал скудную пищу, у него вдруг мелькнула странная мысль. Он посмотрел на Гара, не решаясь выразить эту мысль вслух. Но любопытство перевесило, и он, осторожно подбирая слова, спросил:

— Разум начал возвращаться к тебе?

— Разум? — удивленно глянул на Джанни Гар, нахмурился, задумавшись над вопросом. Наконец он глубокомысленно изрек: — Да.

Волна облегчения захлестнула Джанни, но он сумел сдержаться и не дал волю чувствам. Как знать, скоро ли разум вернется к Гару окончательно?

Кроме того, по-прежнему не исключалось, что все это время Гар притворялся.

Наутро они снова пошли дальше по дороге. Гар время от времени останавливался, срывал с кустов разные ягоды и угощал ими Джанни. Тот пришел к выводу о том, что скорее всего великан с раннего детства был обучен хождению по лесам и собиранию ягод. Наверное, теперь чувство голода всколыхнуло забытые воспоминания, и он рвал ягоды, даже не задумываясь о том. Сам же Джанни, родившийся и выросший в городе, мог бы запросто перепутать съедобные ягоды с ядовитыми.

Одолев перевал, они вышли на край склона, под которым расстилалась обширная долина. Джанни в изумлении остановился. Он обычно не обращал внимания на красоты природы, поскольку на повозке сидел чаще всего спиной вперед, и уделял больше внимания возницам, мулам и грузу. Теперь же, когда ему больше не было нужды присматривать за товарами, он был просто ошеломлен представшим перед его глазами видом, и у него захватило дух, хотя он сильно замерз.

— Красиво, да? — пробасил у него за спиной Гар.

— Да, — согласился Джанни и резко обернулся. — А теперь ты много помнишь?

— Больше, — ответил Гар и прижал ладонь ко лбу. — Помню дом, помню, как попал на Талипон, как познакомился с тобой. — Он встряхнулся. — Я должен стараться. Я смогу говорить правильно, если буду стараться.

— Помнишь, как мы встретились с цыганами?

— Нет, но мы наверняка встречались с ними, — сказал Гар, оглядев свою яркую одежду. — Но я... я помню, как нас искали солдаты.

Джанни кивнул:

— Им про нас цыгане рассказали.

— Тогда нам лучше бы голыми идти, чем в этом тряпье, которое они нам дали, — заключил Гар и принялся стаскивать с себя рубаху, но Джанни остановил его.

— В горах холодно. Мы можем сказать, если кто спросит, что мы украли одежду у цыган, пока те спали.

Гар помедлил, пристально посмотрел на Джанни.

— Мы? Украли у цыган? И ты еще думал, что это я повредился умом?

У Джанни эта фраза вызвала подозрения.

— Так ты придурился?

— В смысле — притворялся? — Гар задумчиво обвел взглядом долину. — И да, и нет. Мне было здорово не по себе, когда я очнулся и увидел, что мы с тобой валяемся в грязи под дождем, и я ничего не мог вспомнить — ни своего прошлого, ни своего имени, ни того, как я здесь оказался. Но ты показался мне другом, и потому я пошел за тобой. Что же до всего остального... — Он покачал головой. — Приходит и уходит. Помню, как спал под кибиткой. Помню, как мимо нас проходили солдаты. Помню все с тех пор, как проснулся нынче утром. — Он пожал плечами. — Думаю, со временем вспомню все. Вот сейчас с тобой говорю, и уже мало-помалу начинаю вспоминать правильную речь.

— Слава Богу, что твой разум не повредился сильнее, — с огромным облегчением проговорил Джанни. Однако подозрение не ушло: Гар мог лгать. Джанни пытался отбросить эту мысль, поскольку она казалась ему оскорбительной, но это у него не вполне получалось.

Гар указал вниз, к подножию холма.

— На дороге — развилка. Ты сказал мне, что отсюда мы могли бы пойти на северо-восток, к побережью, или на северо-запад, к Наворрике. У меня такое ощущение, что мы, как кошка Шредингера, пошли и в ту, и в другую сторону.

— Шредингер? — нахмурившись, посмотрел на Гара Джанни. — Это кто такой?

— Ну... это хозяин этой самой кошки, — весело усмехнулся Гар. — А она никогда не знала, куда пойдёт, пока не оказывалась там, куда пошла, потому что она всегда находилась в двух местах сразу, пока не приходило время принять решение, — то есть чувствовала себя примерно, как я в последние два дня. Давай-ка пойдём по своим следам к югу от развилки — глядишь, тогда обе мои части снова воссоединятся.

Он встал и зашагал вниз по склону, а Джанни пошел за ним, гадая, с каким Гаром ему путешествовать безопаснее — с ополоумевшим или обретшим рассудок.

Подойдя к развилке, они увидели двоих мужчин, подходивших туда же другой дорогой. Джанни, Гар и встречные остановились и с опаской уставились друг на друга.

— Доброго вам утра, — наконец рискнул Гар. — Нам с вами по дороге?

— Сроду не видал цыган, которые ходят без табора, да еще на своих двоих.

— Да мы не цыгане, — объяснил Джанни. — Просто мы у них одежду стащили.

Мужчина вытаращил глаза.

— Сперли одежонку у цыган? А я думал, все наоборот бывает!

— Видишь ли, цыган частенько обвиняют в кражах, в которых они на самом деле неповинны, — сказал Гар. — Просто всегда легко свалить пропажу на них. Они-то уходят дальше и не могут ни оправ-

даться, ни сознаться в краже. Как бы то ни было, свои бельевые веревки они стерегут не бдительнее других. — Он протянул мужчине руку. — Меня зовут Гар.

Встречный осторожно пожал руку Гара.

— А меня Клаудио. — Он кивком указал на своего спутника. — А его — Бенволио.

— Приятно познакомиться, — сказал Гар и посмотрел на Джанни. Юноша улыбнулся, поняв намек, шагнул к встречным и протянул руку в знак приветствия.

— Меня звать Джанни. А нашу одежду отобрали Стилеты. Не повезло нам — мы на них по пути напоролись.

— И вы тоже? — Бенволио, пожимая руку Джанни, широко раскрыл глаза. — А я-то думал, только мы такие невезучие.

— Правда? — Джанни окинул его взглядом с головы до ног. — Ну, вам-то явно больше нас повезло. Вам они хотя бы одежду оставили.

— Это верно, — криво усмехнувшись, Бенволио отпустил руку Джанни. — Одежонку оставили, но повозку, осла и товары отобрали.

— У нас они увели весь торговый караван, увели наших возниц, чтобы продать на галеры, — мрачно сообщил Джанни. — И нас бы забрали, если бы не решили, что мы покойники.

Клаудио сочувственно кивнул.

— Мы бы небось тоже сейчас на галере томились и гребли к Веноге, если бы не дали деру, как только услышали, что Стилеты приближаются. На счастье, леса тут густые, и они бы не смогли проехать вер-

хом, чтобы догнать нас. Похоже, Стилеты готовы отказаться от добычи, лишь бы только пешком за ней не тащиться.

— Это мудро с их стороны, — угрюмо кивнул Гар. — В противном случае на них бы запросто могло напасть целое войско горцев.

Клаудио удивленно посмотрел на него.

— Славная мысль. Может, и нам стоило бы на них напасть.

— Ну, это если бы мы были горцами, — мрачно усмехнулся Бенволио. — А раз мы не горцы, так у нас эти горцы раньше Стилетов бы все отобрали.

— Верно, верно, — кивнул Гар. — А еще вернее было бы то, что горцы, ничтоже сумняшеся, продали бы нас Стилетам, попадись мы им. Быть может, нам стоит пойти вместе?

Клаудио и Бенволио оценили огромный рост Гара и быстро согласились на его предложение.

Примерно через час им встретилось еще двое странников. Один опирался на руку другого и сильно хромал — так сильно, что время от времени был вынужден прыгать на одной ноге, кривясь от боли. На обоих болтались лохмотья, а тот, что поддерживал хромого, изнемог и отошал от голода. Он затравленно уставился на Джанни и его спутников и, похоже, был готов убежать. Судя по всему, только страх за охромевшего приятеля удержал его.

— День добрый вам! — крикнул Гар и протянул встречным руку. — Мы — бедные странники, у которых Стилеты похитили все товары. Но нам удалось бежать и избежать рабства на галерах. А вы кто такие?

— Вор и попрошайка, — отвечал хромой. — Нас только что выпустили из темницы принца Рагинальди.

— Выпустили? — вытаращил глаза Джанни. — Удача благоприятствует вам, и с вами помощь всех святых! А я думал, что в этих темных и сырых подземельях люди исчезают навсегда, стоит им угодить туда!

— И мы так думали, — кивнул воришка, который, видимо, до сих пор не мог поверить в удачу. — Но тюремщики выгнали нас и сказали, что нечего нам задарма тюремную баланду хлебать и чтобы мы теперь сами себе пропитание добывали. И еще они сказали, что темницы принцу сейчас нужны для узников поважнее нас.

— Поважнее? — встрепнулся охваченный тревогой Джанни. — Это что же за узники такие?

— Они не сказали, — покачал головой воришка. — Сказали только — много их будет.

— Так что же, вас всех прогнали? — осведомился Гар.

— Почти что всех, — ответил попрошайка. — Оставили пару-тройку убийц, а остальных выперли. Некоторые и побыстрее нас драпанули.

— Да это уж, считай, почти все, — грустно усмехнулся воришка.

Попрошайка, сдвинув брови, глянул на него.

— Если ты считаешь, что я тебя задерживаю, Эстрагон...

— Задерживаешь? — фыркнул воришка. — Ты меня поддерживаешь. Куда бы я делся без тебя, Владимир? Я воришка, не боец. Нам с тобой вечно объедки до-

ставались, даже от той требухи, которой нас в темнице потчевали!

Джанни в ужасе представил себе кошмарную картину того, как дюжина узников дерется за то, чтобы похлевать помойной баланды.

— Вам надо передохнуть, — заключил он. — И поесть — как только мы найдем еды.

— Еды? — Воришка скорбно усмехнулся. — Найди ее попробуй! Мы уж сутки, как шатаемся по лесам, а за все время не ели ничего, кроме нескольких горсток ягод, что нашли по пути, да и те были сухие и горькие. Еще немножко колосков каких-то сжевали.

— А мы не можем ничего повкуснее отыскать для них? — спросил Джанни у Гара.

Великан нахмурился, но промолчал. Вместо ответа он поднял с дороги несколько камней и пошел в сторону от дороги по полю. Десять минут спустя он вернулся, держа за уши несколько кроликов. Джанни сразу решил, что Гар, к которому вернулся рассудок, нравится ему намного больше.

Когда оголодавшие путники принялись за еду, к ним подошли двое незнакомцев, имевших еще более затрапезный вид, чем Эстрагон и Владимир. Первый, обряженный в изношенную и засаленную пестрядину, опирался на плечо второго, одетого в черный, с широкими рукавами балахон, густо заляпанный грязью и оттого ставший почти таким же плоским, как квадратная шляпа на его голове. Джанни сразу заметил, что рукава балахона незнакомца снабжены карманами для чернил и бумаги, и догадался, что перед ним — ученый, а спутник его — шут.

— Здорово, Владимир! — поприветствовал шут попрошайку. — Разжился пропитанием, стало быть?

— Разжился, поскольку повстречали мы с Эстрагоном добрых людей, — отозвался попрошайка. Обернувшись к Джанни, он спросил: — Можно нам угостить Винченцо и Фесте?

— Угощайте, конечно, — ответил Джанни.

Гар добавил:

— Знай мы, что вы появитесь, так я бы побольше кроликов заготовил.

— О, это было бы слишком щедро с вашей стороны, — усмехнулся шут, устало плюхнулся на землю, подвернул под себя ноги и поднял руку в приветствии. — Меня звать Фесте.

— А меня... Джорджио. — Какое-то внутреннее чувство подсказало Джанни, что настоящее имя лучше бы скрыть. — А это Гар.

Великан кивнул.

— Меня зовут Винченцо, — представился ученый и протянул руку Гару.

— Быть может, нам следует звать вас доктором? — поинтересовался Гар.

— О нет, — невесело рассмеялся Винченцо. — Я всего лишь скромный бакалавр, даже до магистра не доучился. Денег не хватало, и я был вынужден странствовать из города в город и предлагать свои знания всем, кто в них нуждался. Прислужники принца решили, что я — разбойник и вор, и заковали меня в кандалы.

Джанни это мог хорошо понять. Он слышал о многих странствующих ученых, которые были самыми

настоящими разбойниками и ворами. Он бы и сам усомнился в правдивости первого встречного, заявившего бы, что он — самый настоящий ученый.

— И больше для того не было причин? — спросил он.

— Ну... — задумался Винченцо. — Был у меня, правда, разговор в деревне одной, со старейшинами. Говорил я с ними о древних афинянах, об их мыслях о том, что в каждом человеке заложено зерно величия, и потому каждый заслуживает к себе уважительного отношения, и потому даже имеет право решать собственную судьбу...

— А стало быть, и выбирать себе правительство, — добавил Гар с усмешкой. — Что ж, я вполне понимаю, почему солдаты принца заковали вас в кандалы. И кляп небось в рот сунули, верно?

— Да, какую-то жуткую, вонючую тряпку, — брезгливо скривился Винченцо. — Честно говоря, я думал, нас обратно в темницу швырнут, когда с полчаса тому назад нас остановили Стилеты.

— Стилеты? — напрягся Джанни. — И что они вам сделали?

— Только обыскали. Будто думали, что мы золотишко прячем краденое, — с отвращением отвечал Фесте.

— Они вас били? — широко раскрыв испуганные глаза, спросил попрошайка.

— Да нет, они были слишком чем-то озабочены и не стали с нами долго возиться, — ответил Винченцо. — Велели убираться на все четыре стороны, вот мы и бла-

гословили нашу удачу и бежали, славя всех святых. — Он сдвинул брови и обвел взглядом остальных. — Дивно, как это и вы на них не наткнулись. Они ведь встали поперек дороги, чтобы обыскивать всех путников до единого.

— Мы их заметили с холма, из-за поворота дороги, — признался Владимир, — и решили, что лучше поскорее спуститься с другой стороны.

— Я чуть лодыжку не сломал, — проворчал Эстратон, потирая сустав. — Похоже, поторопился, как водится.

— Они не говорили, кого ищут? — осведомился Гар.

— Нет, помалкивали, — покачал головой Фесте. — Ну а мы задерживаться и интересоваться не стали. Сами понимаете.

— Да кто бы стал на вашем месте, — понимающе кивнул Джанни.

— Даже не поколотили для потехи? — изумился воришка, вытаращив глаза.

— Представь себе, — заверил его Винченцо. — Разве я не сказал тебе, что мы возблагодарили всех святых?

— Давайте же вновь произнесем благодарственную молитву. — Гар снял с огня палку, послужившую вертелом для жарки кроликов. — Ножа ни у кого при себе нет?

Ножа ни у кого не оказалось, поэтому пришлось подождать, пока мясо не остыло. Затем Гар разломил жареные тушки и всем раздал по куску.

Весь следующий день шли вперед, пристально всматриваясь вдаль. При малейшем намеке на при-

ближение солдат они прятались в подлеске по обе стороны от дороги. Всем было слышно, как ворчат и переругиваются солдаты, недовольные данным им приказом. Мало того: в голосах некоторых воинов помимо недовольства слышался неприкрытый страх. Как только солдаты ушли, путники вернулись на дорогу и вскоре повстречались с троицей крестьян в столь же измызганном тряпье, что красовалось на всех остальных бывших узниках. Джанни поднял руку в знак приветствия, и крестьяне остановились, опасливо поглядели на верзилу Гара, были готовы дать деру, но замешкались.

— Спокойно! Не бойтесь! — вскричал Джанни. — Мы всего лишь бедные путники, как и вы!

— Как и мы, это точно, — буркнул старший из крестьян. — Винченцо! Фесте! Чего это вы так подзадержались? Я еще понимаю, почему Владимир с Эстрагоном так медленно плелись. Один охромел, другой еле ногами передвигает с голодухи. А вы-то чего?

— Мы так медленно шли, Джузеппе, потому что боялись Стилетов, — ответил крестьянину Винченцо.

— Это вы правильно делали, — глубокомысленно кивнул Джузеппе. — Всякий раз, стоило нам их завидеть, мы думали — ну все, конец нам. Нас только что трое Стилетов остановили и обыскали, да так дотошно — еще бы чуть-чуть, и стали нас самих наизнанку выворачивать. Слава Богу, отпустили, даже колотить не стали.

— Да, они чем-то сильно озабочены, — кивнул Винченцо. — Так что, Джузеппе, я и дальше пойду медленно и буду сходить с дороги, как только увижу Стилетов.

— Пожалуй, мы с вами пойдем, — сказал Джузеппе. — А это кто такие с вами?

— Джорджио и Гар, — ответил Джузеппе, тем самым представив крестьянам новых знакомцев. При этом Джанни и Гар подняли руки в приветствии.

— Не сомневайтесь, с ними мы голодать не будем, — заверил крестьян Эстрагон. — Зайцев в здешних лесах хватает.

— Эх, зайчика бы сейчас хорошо слопать! — с жаром воскликнул Джузеппе, и Гар отправился на очередную охотничью вылазку. На этот раз он вернулся с убитыми куропатками и фазаньими яйцами. К концу трапезы новые члены компании уже были на дружеской ноге с Гаром и Джанни.

Под вечер путникам встретился одинокий мужчина, устало бредущий по дороге. Гар окликнул его, тот затравленно обернулся и в страхе бросился в лес. Гар нахмурился и знаком велел маленькому отряду остановиться.

— Выходи, дружище! — крикнул он. — Мы не желаем тебе зла, и не бойся нас, хоть мы и выглядим страшновато. Но на дороге полным-полно кондотьеров, потому безопаснее тебе будет идти с нами, чем одному!

— Ишь ты, какой речистый! — слышался из-за кустов дрожащий голос. Через некоторое время незнакомец опасливо вышел к дороге, на всякий случай крепко сжимая посох. — А как мне знать, вы-то сами не разбойнички ли будете?

Джанни понимал, что у незнакомца есть все причины опасаться первых встречных, ибо, судя по одеж-

де, человек этот был купцом, и к тому же купцом зажиточным.

— Чем еще нам заверить тебя, кроме как тем, что мы тоже боимся Стилетов. Почти всех из нас они обыскали, а уж пострадали от их рук все мы до одного, — ответил Гар. Он поднял руку в знак приветствия. — Меня зовут Гар.

— Меня — Рубио. Господь сберег меня хотя бы от избиения. — Мужчина продолжал крепко сжимать свой посох. — Что же до всего прочего, то меня тоже обыскали и все, что нашли, отобрали.

— Нашли? — Гар наострил уши и напрягся, словно охотничий пес, почуявший дичь. — Что они у тебя отобрали?

— Мои камешки! Все мои драгоценные камешки! — Купец распахнул камзол, дабы показать новым знакомцам, где у него были спрятаны камни. — Все мое богатство, которое я вез из Веноги в Пироджию, дабы начать новое дело вдаль от виконта и его родни! Но эти мерзавцы не дали мне пройти. Ограбили среди бела дня на большой дороге!

— Бедняга! — воскликнул Джанни. Он проникся к ограбленному купцу искренним сочувствием. — Почему же вы не взяли с собой в путь хотя бы одного телохранителя?

— А где бы я нашел такого, какому можно было бы доверять?

— Здесь, — решительно заверил его Джанни и указал на Гара. — Правда, не повезло вам, что вы его раньше не встретили.

Купец хмуро взглянул на Гара.

— Это правда? Тебе можно доверять? Ты надежный проводник?

— Это правда, — кивнул Гар и прижал ладонь ко лбу. — Доверять мне можно... пока я в своем уме.

Остальные путники в тревоге попятились, а купец спросил:

— Что у тебя за хворь?

— Меня слишком часто били по голове, — ответил Гар и зажмурился. — Так что с умом у меня такое творится... То он есть, а то его нет.

Джанни встревоженно посмотрел на друга. Остальные отступили еще на шаг. Но тут Гар открыл глаза, поморгал и улыбнулся. Джанни облегченно вздохнул и обратился к купцу:

— Стало быть, Стилеты принялись за старое — грабят всех кого попало, все отбирают. Но почему они так торопятся?

Тут откуда-то спереди послышался веселый посвист.

Все изумленно посмотрели в ту сторону. И действительно, было чему удивиться. Кто же только мог так весело насвистывать в стране, кишашей разбойниками и наемниками?

— Признаться, — сказал Гар, — мне довольно любопытно, кто бы это мог быть.

— И мне тоже. — Джанни ускорил шаг. — Кто же это такой, настолько беспечный человек, у которого легко на душе сейчас, когда того и гляди грянет война?

Они с Гаром пошли впереди. Вскоре дорога повернула, и они увидели человека в сюртуке и подвя-

занных шнурками крест-накрест леггинсах. Он шагал по дороге, запрокинув голову и подсунув большие пальцы под лямки заплечного мешка, и при этом насвистывал развеселую мелодию. Судя по тому, что из мешка торчали рукоятки каких-то инструментов, встречный был мастеровым.

— День тебе добрый, путник! — окликнул весельчака Джанни, когда они подошли поближе.

Незнакомец опустил голову, удивленно округлил глаза, но тут же улыбнулся и поднял руку в приветствии.

— И тебе добрый день, странник, и тебе... и... — При взгляде на Гара глаза его округлились еще сильнее. — Батюшки! Ну ты и здоровяк!

— Был поздоровее, — с усмешкой отозвался Гар. — Ел плоховато в последнее время.

— А кто хорошо? — понимающе вздохнул мастеровой. — Удастся хлеба да сыра раздобыть, так я себя счастливецом почитаю. А звать меня Бернардино, я бедный странствующий столяр и стекольщик.

— Стекольщик! — восхитился Джанни. — Ведь это такое редкое ремесло! А меня зовут Джа... Джорджио, а его — Гар. Мы путники, ставшие жертвами нападения Стилетов. Пришлось нам украсть чужую одежду, чтобы не идти дальше голышом.

— Последние рубахи отобрали, да? — хихикнул Бернардино. — Ну ладно, хоть сапоги оставили. Я-то, на счастье, денег при себе не имел, за работу я едой беру, ну а они еду у меня отбирать не стали, когда обыскивали.

— Все равно удивительно, — сказал Гар. — Но в предусмотрительности тебе не откажешь. Скажи, а как ты находишь работу стекольщика?

— Работу такую сыскать непросто, потому я заодно и столярным ремеслом владею. Но уж когда повезет и кому-то нужен стекольщик, платят неплохо.

— Головку сыра небось отваливают, — усмехнулся Гар.

— Ага, и еще несколько караваев хлеба в придачу, — кивнул Бернардино, поманил Гара пальцем и прошептал: — А еще я несколько серебряных монеток заработал да припрятал там, где их и Стилетам нипочем не сыскать!

— Мастеровые — люди смекалистые, — вздохнул Джанни и поборол желание поинтересоваться, в какой части сыра Бернардино спрятал монетки. — Стало быть, только что ты где-то поработал стекольщиком?

— Ну да, в замке принца Рагинальди. Рамы там у них в окнах разошлись, вот я их и починял. — Бернардино покачал головой. — Вот ведь чудно — как это люди стеклу доверяют. Знают ведь, что все равно зазоры остаются между ними и рамой. А я, надо вам сказать, все слышал, что принц говорил, когда я с той стороны окна работал. Торговался он.

— Торговался? — вытаращил глаза Джанни. — Разве это пристало принцу?

— Да вроде бы и не пристало, — пожал плечами Бернардино. — Да только человек тот, с которым торговался он, видно, важная шишка. С таким и принц поторговаться может. Правда, — задумчиво проговорил он, — не сказать, чтобы вид у него был такой уж

важный. Одет он был скромно — в длинный балахон и шапочку круглую, черную как смоль. А говорил он чудно, с иноземным выговором. Я такого выговора сроду не слыхал. С трудом и разбирал я, что он такое болтал! И принц, надо сказать, тоже понимал его слабовато. То и дело переспрашивал или просил повторить снова.

— О чем же они говорили?

Джанни резко посмотрел на Гара, удивившись тому любопытству, с которым был задан этот вопрос. Бернардино тоже явно удивился напористости Гара, но с готовностью ответил:

— О продаже орцанов.

— Орцанов? — Гар обернулся к Джанни и нахмурил брови. — Этих дорогих оранжевых камней? Расскажи-ка мне о них побольше.

— Их можно найти только в глубине известняковых пещер, — объяснил Джанни. — Там можно увидеть, как вырастают новые камни на сталактитах и сталагмитах — так мне рассказывали. Но они становятся настоящими орцанами только через несколько сотен лет. Молодые орцаны мутноватые и очень непрочные. Настоящий орцан, пролежавший под грузом породы сотни лет, чист и ясен, как солнце, на которое он так похож. Его ничем на распилишь, разве что алмазом. — Он, сдвинув брови, присмотрелся к Гару: — Не вспоминаешь таких камней?

— Вспоминаю, — медленно проговорил Гар. — Я их как-то раз видел на рынке далеко, очень далеко отсюда, но там их иначе называли.

— Орцаны, оранжи, какая разница? — Бернардино пожал плечами. — Камню-то все равно, как его ни назови.

— Их не выкопаешь, — продолжил рассказ Джанни. — Не выкопаешь, потому что киркой можно камень повредить. Так что собиратели орцанов только каждый день наведываются в пещеры и смотрят, не отвалится ли от стены где-нибудь кусок и не обнажатся ли в породе камни. Могут обнажиться, а могут и нет.

— А как насчет каменоломен?

— Бывает, и там порой находят орцаны, — сказал Бернардино, — да только целые в каменоломнях редко попадаются. Но даже обломок орцана стоит столько, что и их подбирают.

— И что, этот иноземец предлагал принцу большие деньги за орцаны? — спросил Гар.

— Жутко большие деньги, и это странно, потому что не такие уж это редкие камни.

Джанни кивнул:

— В лучшем случае — полудрагоценные.

— Ну вот, а этот чудной, с виду небогатый торговец предлагал за один камень столько деньжищ, что мне бы хватило на еду и кров над головой на целый год! Семье бы не хватило, а одному — запросто.

— Да, это и вправду, наверное, высокая цена, — со странной насмешливостью отметил Джанни.

— А его высочество этому иноземцу много разных камней предлагал. Раскладывал их на черном бархате. Они так сверкали — у меня чуть обморок не случился, когда я представил, сколько они могут стоить! — вос-

кликнул Бернардино. — Но иноземец на них не смотрел даже. Ему только орцаны подавай.

— Ясное дело, — негромко произнес Гар.

— Долго же мы вас догоняли, — запыхавшись, проговорил Винченцо. Джанни обернулся и увидел, что их окружили спутники. Гар тут же обратился к купцу и требовательно спросил: — Стилеты у вас камни отобрали? Среди них были орцаны?

— Два-три было, — кивнул Рубио. — Они их первыми забрали, и командир уже был готов отпустить меня, а я был готов возблагодарить судьбу за такой подарок, а потом он подумал и решил отобрать у меня все остальные камешки, до последнего, свинья эдакая!

— Дивиться нечему, — сказал Гар, не обращаясь ни к кому. — Остальные он забрал себе в уплату за труды.

Рубио нахмурился.

— Это ты о чем?

Гар начал было отвечать, но умолк, развернулся и пристально посмотрел вдаль.

Тут вскрикнул Джузеппе и указал вперед. Все как один устремили взгляды в ту сторону и увидели облако пыли за поворотом дороги.

— Солдаты! — воскликнул Рубио. — Прячьтесь, скорее прячьтесь! — Он бросился к кустам, и в этот миг из-за поворота вылетели всадники. Бывших узников не пришлось долго уговаривать. Они кинулись врассыпную, Джанни бросился за ними...

Он бежал, пока не услышал позади громкий хриплый рев. Обернувшись, он увидел, что Гар бежит на-

встречу конникам, размахивая руками, как мельница крыльями, и вопит что-то несусветное. Видя, как его друг спешит, чтобы схватиться с целым отрядом кавалерии, а сам притом пеший и безоружный, Джанни понял, что Гар снова лишился рассудка. От этой мысли у него тоскливо заныло под ложечкой.

Глава 10

Гар размахивал руками неумело, но со страшной силой. Ему удалось, работая кулаками, сбросить двоих Стилетов с лошадей. Затем он ухватил за ногу лошадь третьего кондотьера и рванул на себя. Животное повалилось наземь, подмяв под себя седока. Но стоило Гару выпрямиться, как сзади подлетел еще один всадник и замахнулся на него дубиной.

Джанни выбежал на дорогу, охваченный отчаянием. Он подпрыгнул и ухватился за дубину, осознавая собственную глупость, но понимая, что не может бросить Гара одного. К великому изумлению Джанни, Стилет вылетел из седла, а дубинка — из его рук. Увы, Джанни не успел воспользоваться обретенным оружием, когда его противник упал на землю. Зато другой Стилет оказался проворнее: он замахнулся на Джанни дубинкой, и Джанни успел закрыться, сжал свою дубинку двумя руками, размахнулся, намереваясь стукнуть противника по макушке, но тот выставил свое оружие перед собой, и в этот же миг Джанни получил удар по голове сзади, от которого у него все завертелось перед глазами. Он почувствовал, как раз-

жимаются пальцы, как падает дубинка, как он спотыкается обо что-то теплое, шерстистое, как чьи-то зловонные ручищи смыкаются на его запястьях, услышал, как сверху доносятся презрительные восклицания. А когда мир вокруг Джанни перестал вращаться, он увидел Гара, стоявшего на коленях. Руки великана были связаны за спиной. Чьи-то грубые лапы перематывали веревкой и запястья Джанни. Всадники успели взять в кольцо всю компанию бывших узников темниц Рагинальди.

— И что нам теперь делать со всем этим сбродом? — брезгливо проговорил один из Стилетов. — Командир сказал, чтобы мы не тратили время понапрасну и не набирали народ для продажи на галеры, пока не обыщем всех бродяг до единого. Тогда всей этой ерунде конец!

— Верно, — подтвердил молодой человек, чьи доспехи были более искусно скованы. Вид у него был такой, словно всем распоряжался в отряде он. — Вот только он не думал, что отыщутся такие идиоты, что станут защищаться. Этих, я так думаю, мы запросто можем отправить на галеры, или по крайней мере их надо бы доставить в замок принца Рагинальди. Пусть его высочество сам решает, как с ними быть. Эй вы, давайте топайте! Капрал, гони их вперед!

И пленных погнали к замку чуть ли не бегом. Стилеты не знали пощады до тех пор, пока некоторые из пленных не начали спотыкаться и падать. Только тогда они смилоstinивились и чуть придержали своих коней, но пешим пленным все равно пришлось бежать трусцой. Джанни в какой-то мере радовался тому, что

их с Гаром спутники едва дышали и потому не могли разговаривать на бегу. Он вполне мог представить, как бы они проклинали Гара за его глупую выходку, будь у них такая возможность. Да и ему самому бы досталось за то, что теперь бывших узников снова гнали в темницу, из которой только-только освободили.

На подходе к замку Рагинальди Гар поднял голову и посмотрел вверх. Джанни, изнемогшему от быстрой ходьбы и от того, что его то и дело подгоняли, тыкая в спину древками копий, было в высшей степени все равно, куда его ведут, но все же он тоже поднял голову и проследил за взглядом Гара. Великан смотрел на башни замка. В самой высокой из них было нечто странное. Прищурившись, Джанни с трудом рассмотрел непонятную конструкцию на ее верхушке — нечто вроде тонкого креста с тремя перекаладинами на тонком шесте. Он нахмурился, пытаясь припомнить, символом какого святого является тройной крест, но вспомнить такого святого не смог. Зачем же принцу понадобилось воздвигать такую диковинную конструкцию на вершине башни?

Быть может, это было какое-то новоизобретенное оружие. Да, пожалуй, скорее всего так оно и было. Джанни решил присмотреться получше, чтобы понять, как оно работает. Но тут ему под лопатку ткнул древком копья один из кондотьеров, и он снова был вынужден ускорить шаг.

Пленные, подгоняемые Стилетами, прошли по перекидному мосту, и на счастье, здесь конным пришлось немного помедлить, поскольку мост был довольно узкий. Изнемогшие от усталости пленные были

благодарны кондотьерам и за такое милосердие. Вогнав пленных во двор замка, Стилеты вновь придер-жали коней, поскольку здесь шли учения: солдаты дрались друг с другом тупыми мечами, бросали копья и стреляли из луков по мишеням. Из кузницы, расположенной под дальней крепостной стеной, доносился звон железа. Главная башня отбрасывала зловещую тень.

Стилеты подъехали к стене, окольцовывавшей башню, где стояла огромная клетка. Толстые прутья ее глубоко уходили в плотно утрамбованную землю, на высоте шести футов изгибались и были воткнуты в каменную стену. Наверху покоилась крыша из прутьев, а с боков клетка была открыта для ветра, дождя и палящего солнца. Дверь в клетку была распахнута, и Стилеты, ругаясь на чем свет стоит, вогнали пленных внутрь. Пошатываясь, еле держась на ногах от усталости, те сразу же повалились наземь, испуская стоны облегчения. По крайней мере теперь им не надо было бежать что есть сил, чтобы избежать тычка копьем. Дверь за ними захлопнулась, и капрал задвинул тяжеленный засов. Его лязг был подобен мрачнейшему из предзнаменований.

Джанни опустился на пяточок земли, освещенной солнцем, рядом с остальными пленными, и огляделся по сторонам. Место, спору нет, было неприятное, но хотя бы кто-то тут не так давно прибрал — вымел клетку и набросал на землю свежей соломы. Однако тут явно перебивало много, очень много узников. Поскольку места в клетке хватало не более чем для дюжины пленников, Джанни решил, что скорее всего в

клетке держат тех, кого в дальнейшем продают на галеры. Ему показалось странным то, что нет отдельной клетки для пленных женщин, но затем он вспомнил, что рабыни-женщины ценятся только тогда, когда они молоды и красивы, а такие женщины, как правило, далеко от дома не уходили. На самом деле и рабы-мужчины мало кому могли бы понадобиться, если бы не было нужды в гребцах на галерах. Крестьяне обходились куда как дешевле — они плодились даром.

Джанни была отвратительна мысль о том, что люди превращались в товар, но он знал, что именно так господа и нанятые ими Стилеты смотрят на простолюдинов.

На Джанни легла чья-то тень. Он отвел взгляд в сторону и увидел, что рядом с ним уселся, скрестив ноги, Гар. Не без изумления Джанни отметил, что его друг даже не запыхался и почти не вспотел. Путь до замка, отнявший у остальных пленных почти все силы, для него оказался легок!

— Тебе-то хоть бы что, — проворчал Джанни. — А ведь это ты виноват в том, что мы сюда угодили!

— Мы тут надолго не задержимся, — еле слышно проговорил Гар, не отрывая взгляда от двора.

Джанни, не веря собственным ушам, уставился на друга. Перед ним снова был совершенно нормальный Гар — не тот, что, как идиот, затеял драку со Стилетами!

— Неужто к тебе так быстро вернулся рассудок? — спросил он. — Или ты снова придурился?

— На этот раз придурился, — так же тихо отозвался Гар. — Я притворялся, чтобы мы могли по-

пасть в замок Рагинальди, чтобы своими глазами увидеть, что тут происходит.

— Вот и смотри теперь, — с горечью проговорил Джанни. — Наши спутники на это уже насмотрелись! О да, сюда мы с твоей помощью попали легко, но вот как ты нас отсюда выведешь?

— Не так легко, как привел, но намного хитрее, — сказал Гар. — Но сначала я должен осмотреть эту башню.

Он кивком указал на тройной крест.

Джанни вытаращил глаза.

— И все это... Мы ведь можем угодить на всю жизнь на галеры... только из-за того, что тебе вздумалось взглянуть на башню, которую ты мог и с холма рассмотреть?

— С холма я бы никак не смог заглянуть внутрь нее, — спокойно отозвался Гар. — А на галеры ты не попадешь, и никто из наших спутников тоже.

— Почему ты в этом так уверен?

— Потому что время игры по правилам миновало, — ответил Гар.

Больше он об этом ничего не сказал. На все вопросы Джанни он давал такие ответы, что в итоге ловко уходил от этой темы. В конце концов молодой купец в отчаянии умолк.

Но когда стемнело, Гар стал более общителен. Он собрал вокруг себя пленников и тихо-тихо прошептал:

— Мы уйдем отсюда, но сначала я должен узнать, какую тайну принц прячет в башне.

— А нам-то что будет от того, что ты решил туда сунуть нос? — с горечью проговорил Джузеппе.

— Вам с этого будет очень даже много пользы, поскольку я уже начинаю догадываться, зачем дворяне наняли Стилетов и велели им устроить небывалый грабеж всех прохожих и проезжих, и почему они решили так скрутить купцов, чтобы потом пойти по ним, как по доскам, переброшенным через канаву.

Джанни выпучил глаза. О чем это Гар говорит? Они оба прекрасно знали, почему дворяне ополчились против купцов: потому что их настропалили мнимые цыгане. Правда, теперь, когда Джанни думал об этом, ему казалось, что эти мнимые цыгане — люди неумные и недалекие, раз задумали так настроить дворян. Они все больше представлялись ему людьми, которые только и способны на то, чтобы сидеть кружком и часами спорить о том, что делать, вместо того чтобы делать это самое дело.

Джузеппе сдвинул брови.

— А с чего бы еще они это затеяли, как не из жадности?

— Они всегда были жадны, — пояснил Гар. — Но в последний год жадность их превысила всякие пределы. Но я должен точно понять, что ими движет, иначе нечего и думать о том, чтобы их одолеть.

Как ни загадочно звучало такое объяснение, остальные, похоже, им удовлетворились. Джанни же ровным счетом ничего не понял и потому гадал, почему Гару так легко удалось их уговорить.

А потом он глянул в горящие глаза Гара и сразу понял почему.

— Пойдемте! — Великан встал и немного пригнулся под низкой крышей. — Идите за мной и делайте все, как я вам скажу, и тогда до зари я выведу вас из этого замка!

Еле слышно переговариваясь, все пленные последовали за ним. У двери все умолкли, а Гар ухватился обеими руками за здоровенный замок и уставился на него так, словно был готов открыть одним только усилием воли. Он медленно обвил пальцами округлую дужку, другую руку положил на замочную скважину и начал приподнимать замок...

Замок застонал, издал громкий треск и открылся. Его дужка была сломана.

Пленники, утратив дар речи, не сводили глаз со сломанного замка.

Осторожно и бесшумно Гар снял замок с засова, положил на землю, открыл дверь и вышел. Без слов последовали за ним остальные пленники, как только он повернул к главной башне. Но Джанни, нагнав друга, ухватил его за плечо.

— Ты не туда пошел! — прошипел он. — Ворота в той стороне!

Он нетерпеливо ткнул указательным пальцем в сторону ворот.

— Так ведь я сюда не ворота пришел посмотреть, — миролюбиво прошептал в ответ Гар и продолжил путь к главной башне. Джанни с минуту в отчаянии смотрел ему вслед, затем обреченно воздел руки к небесам и последовал туда же. Как ни крути, а с Гаром было безопаснее, чем без него — конечно, тогда, когда у него нормально работала

голова. «Но если бы у него было все в порядке с головой, — в тоске подумал Джанни, — разве бы он притащил нас всех сюда?» Точного ответа на этот вопрос у Джанни не было, потому он покорно шел за Гаром вместе со всей остальной компанией.

Гар плавно приближался к двери башни, похожий на тень, казавшуюся громадной в лучах факелов. Но вот эта тень зажала здоровенной левой ручищей рот часового, а правой сжала его шею. Не издав ни звука, часовой сложился в поясе пополам. Гар передал его Джанни и шагнул за порог. В это мгновение оглянулся второй часовой. От изумления он утратил дар речи, а затем утратил его уже физически, так как ладонь Гара накрыла его рот, а другая нажала на шею ниже уха. Вот и он обмяк и опустился на камни, лишившись чувств. Гар передал его с рук на руки Джузеппе и прошептал:

— Скажи, пусть Клаудио и Бенволио наденут их форму.

Клаудио, едва слышно хмыкнув, обрядил бесчувственного стражника в свои замызганные лохмотья.

— Пригляди за тем, чтобы они не очнулись, — шепнул Гар Владимиру. Тот кивнул и отволол стражников одного за другим в тень, а сам уселся рядом с ними, сжав в руке дубинку.

— Вставайте на стражу, — распорядился Гар, обратившись к Клаудио и Бенволио. Те кивнули, подняли алебарды и сомкнули их лезвия. Немного подумав, Клаудио взял алебарду на себя и пропустил Гара. Тот поманил за собой остальных. Компания переступила порог замка Рагинальди.

Сбоку от входной двери вверх уводила винтовая лестница. Гар сразу же направился к ней. Но стоило ему подойти к подножию, сверху донеслись шаги, и вскоре показался командир Стилетов. Завидев Гара, он схватился за рукоятку меча, но успел издать лишь краткий гневный возглас, прежде чем здоровенная ручища Гара зажала ему рот, а другая поработала позаимствованной у стражника дубинкой. Выпучив глаза, командир рухнул на ступеньки. Гар поднял его и препоручил заботам Фесте, прошептав:

— Повышаешься в звании. Раздень его и переоденься в его форму. Бернардино, Эстрагон! Свяжите его и заткните ему рот, а потом спрячьте.

— Это мы с превеликим удовольствием, — осклабился Бернардино. Фесте присел на корточки и принялся раздевать командира. Со своим шутовским нарядом он, правда, расстался неохотно, но, с другой стороны, наряд был настолько грязен, что в чистой командирской форме Фесте почувствовал себя намного лучше.

Джанни был изумлен тем, что все так беспрекословно слушались Гара, так слепо повиновались его приказаниям. Но он и сам уже успел проникнуться духом небывалого приключения. Его сердце часто билось, его переполняли надежда, что им, всем вместе, удастся утереть нос благородным господам и их наемникам, кондотьерам. Они зашагали вверх по лестнице. Первым шел Фесте, сжимая в руке меч, отнятый у стражника. До самого верха лестницы им никто не встретился. А наверху, у тяжелой, обитой бронзой дубовой двери стояли на страже еще двое часовых. Они

выпрямились, сдвинули алебарды при виде Фесте, но, разглядев его форму, успокоились.

— А, это вы, командир, — сказал один из них, но тут же пригляделся. — Эй! Стой, ни с места! Ты не командир! А это что еще за чудище там за тобой?

Гар ловко обогнул Фесте, ухватил стражников за шеи и стукнул лбами друг о дружку. На их удачу, оба были в шлемах. У одного из стражников от удара подкосились колени, но он успел крикнуть перед тем, как его свалил с ног меткий удар в нижнюю челюсть. Второй стражник мотал головой, пытался проморгаться и тупо махал алебардой, но тут Фесте заехал ему в висок рукояткой меча. Стражник со вздохом рухнул на пол.

— Впервые вижу, чтобы вот так мечом орудовали, — удивился Гар. — Но это было очень уместно, Фесте. Молодец. Все остальные — быстро в комнату! Поменяйтесь с ними одеждой и свяжите их!

— Как же мы туда попадем? — спросил Джанни, попробовав открыть дверь. — Она заперта!

— Да, но не слишком крепко. — Гар ухватился за дверную ручку, пристально уставился на нее и толкнул дверь. Замок со стоном поддался, и дверь открылась. Беглецы вытаращили глаза, но довольно быстро оправились от удивления и поспешно втащили в комнату бесчувственных стражников. Фесте развернулся, держа пальцы на рукояти меча — ни дать ни взять настоящий начальник стражи, совершающий обход. Джанни закрыл дверь. При этом взгляд его упал на запор. Джанни поежился. Язычок замка не был сломан, он ушел в притвор. Каким-то

образом Гару удалось открыть дверь так, будто у него был ключ!

Но сейчас не время было размышлять об этом. В комнате было темно, только свет луны проникал сюда через маленькое оконце. Однако этого света хватило для того, чтобы разглядеть свечку, стоявшую в подсвечнике рядом с огнивом. Гар встал у окна и загородил его собой. Кремень чиркнул о сталь, загорелся крошечный язычок пламени. Гар поднес трут к фитилю свечки, пламя разгорелось ярче. Огонь осветил круглую комнату, имевшую футов двенадцать в поперечнике, с оштукатуренными стенами. На потолке темнело пятно от просочившейся сквозь прореху в крыше влаги. У окна стояли стул и стол, на столе — свеча.

Кроме свечи на столе находился небольшой округлый предмет, который Джанни поначалу принял за огромное яйцо, но потом разглядел на верхушке предмета кривую ручку, и решил, что скорее всего это — специальный камень для той игры, в которую без конца играют старики на деревенских лужайках...

Так он думал, покуда не разглядел на поверхности камня, обращенной вперед, тоненькую светящуюся полосу, а на ней — цифры.

Под этой полоской располагались пять кружочков, все — разного цвета. Джанни приглядывался к странной штукевине и вскоре рассмотрел тоненькую проволочку, обернутую вокруг рукоятки, взбегавшую вдоль стены и исчезающую в потолке. Джанни заметил, что Гар тоже смотрит вверх, и спросил:

— Тройной крест?

Гар кивнул:

— Да. И я думаю, с этим крестом все не просто так.

— Что тут такое? — спросил Винченцо. — Лаборатория алхимика?

— Нечто в этом роде. Не стоит гадать. Мы тут долго не задержимся. — Гар сел на стул и пристально всмотрелся в светящуюся полоску. — Помогите мне запомнить, Джанни. А то у меня память словно молью побило. Восемьдесят девять ноль один мегагерц.

— Восемьдесят девять ноль один ме... га... герцог, — повторил на свой манер Джанни. — Но что это значит, Гар?

— Это значит, — отозвался Гар, — что у наших приятелей, так называемых цыган, есть соперники, о существовании которых они даже не догадываются.

— Орцаны!

Джанни оглянулся и увидел, что Рубио склонился над открытым мешком, и с ладони его туда падают драгоценные камни.

— Орцаны! Сотни прекрасных орцанов! И тут еще четыре таких мешка!

Гар кивнул, сурово поджав губы.

— Так я и думал. Не зря эту комнату так старательно стерегут.

Он отвернулся к странному яйцеобразному предмету и прикоснулся к зеленому кружку. У Джанни сердце ушло в пятки, он хотел остановить друга, но замер на месте. Станный камень заговорил! Заговорил с диковинным выговором:

— Принц Рагинальди, пожалуйста, ответьте!

— Что это? — вскрикнул Рубио, вскочив на ноги.

— Тс-с-с! — прошипел Гар. — Магическая память, ничего больше.

Камень заговорил снова:

— Поскольку, судя по всему, вы сейчас не рядом с переговорным устройством, ваше высочество, я попрошу вас связаться с Зампаром из «Лурганской компании» в удобное для вас время. Благодарю вас.

Послышался мелодичный звон, и наступила тишина.

Ничего не понимающие беглецы обменялись дикими, перепуганными взглядами.

— Колдовство! — прошептал Рубио.

— Нет, это просто очень умная вещь, — заверил его Гар. Он снова прикоснулся к разноцветным кружочкам и проговорил: — Гар вызывает Геркаймера. Ты слышишь меня?

— Слышу, Гар, — немедленно последовал ответ. Голос звучал ровно, мягко. — Рад тому, что ты цел и невредим.

— Относительно невредим, — отозвался Гар. — Геркаймер, будь так добр, начни прослушивание на частоте... восемьдесят семь ноль два... Так, что ли, Джанни?

Джанни похолодел. Неужели Гар уже успел забыть?

— Восемьдесят девять ноль один мега герцог, Гар.

— Восемьдесят девять ноль один мегагерц, — повторил Гар. — Ну, так вот, невредим я относительно, Геркаймер. С головой у меня не все в порядке. Сотрясение мозга. Проверь, кто использует эту частоту.

— «Лурганская компания», Гар. Со времени твоего ухода я узнал об их деятельности по их переговорам.

— «Лурганская компания», понятно. — Гар поджал губы. — А что это такое?

— Полулегальный синдикат, постоянно нарушающий законы, принятые для поддержки отсталых планет, Гар.

— Какая уж тут легальность? — проворчал Гар.

— Они обосновываются на планетах, которые еще не успели подписаться на полный код межзвездной связи, — ответил голос. — Как только конкретная планета подписывается на полный, расширенный код, «Лурганская компания» такую планету покидает.

— Полулегальная деятельность — это я еще согласен, но абсолютно неэтичная, — буркнул Гар. — Геркаймер, какими сведениями ты располагаешь об орцанах?

На этот раз ответу предшествовала пауза длиной в несколько секунд.

— Это исключительно редкие оранжевые камни, которые находят только на Петrarке, Гар. Их рост начинается с кристаллизации водного раствора, насыщенного редким минералом, вымываемым из известняковой породы в пещерах. Те камни, которые пролежат под гнетом скальных пород несколько столетий, приобретают блеск и прозрачность, из-за которых так высоко ценятся.

Гар взглянул на мешок, наполненный камнями, и сказал:

— Положи обратно, Рубио. — Затем снова обратился к диковинной штуковине: — Какова их нынешняя рыночная стоимость?

— Чистой воды камень в один карат стоит столько, что можно было бы год снабжать энергией небольшой город, — ответил ему голос. — Соответственно рынок их сбыта существует только на Терре и старейших богатых колониях, таких как Галь IV и Отранто.

— Курорты для богачей, — пробормотал Гар. — То-то мне эти камешки знакомыми показались...

— У твоей двоюродной бабки был кулон с таким камнем, Гар. Ты прав.

Джанни показалось, что у него волосы встают дыбом. Терра? Галь IV? Отранто? Это же были названия из древних преданий. Так назывались сказочные царства!

— Все, как я и думал, — проговорил Гар. — Спасибо тебе, Геркаймер, продолжай следить за этой частотой.

— Хорошо, Гар. Будь осторожен.

В комнате настала гнетущая тишина.

— Кто это был? — прошептал Джанни. — Твой прирученный чародей?

— А? — изумленно обернулся к нему Гар. — Ну... да. Можно и так сказать. Совсем неплохое сравнение. — Он хмуро посмотрел на молодого купца, все еще торчавшего около мешка с драгоценными орцанами. — Рубио, не трогай мешок.

— Это же целое состояние, Гар! — возразил Рубио. — На всю жизнь хватит.

— На то, чтобы тебя повесили, ты хотел сказать! Если ты похитишь этот мешок, принц Рагинальди ни за что не успокоится, пока не найдет его и не вернет, а когда вернет, тебя будут стегать плетьюми, пока не убедятся, что ты не спрятал ни одного камешка под кожей! А если ты их не тронешь, то он, глядишь, и забудет о нас. Кстати... — Он снова прикоснулся к цветным кружочкам и пробормотал... — Восемьдесят шесть...

— Восемьдесят девять ноль один мега герцог, — торопливо подсказал ему Гар.

— Слава Богу, хоть у одного из нас с памятью все в порядке, — проворчал Гар. Закончив возиться с ди-ковинкой, он направился к двери и, не глядя на Рубио, распорядился: — Все до одного на место положи, Рубио.

— Ну дай я хотя бы заберу столько, сколько отняли у меня, Гар! — умоляюще проговорил купец.

— Что ж, это будет справедливо, — сказал Гар. — Но больше ни крупинки, понял? А теперь все наружу, да поскорее!

Все вышли, и Гар тщательно закрыл дверь. Джанни мог побожиться, что слышал, как щелкнул замок. С другой стороны, если великан имел ручного чародея, почему бы и нет?

— Он не ручной чародей, — шепнул ему Гар, когда они спускались по лестнице. Джанни вздрогнул. Он не усомнился в том, что великан прочел его мысли. — Скорее — друг, а еще вернее — помощник.

— Но все равно — чародей. — Джанни нахмурился. — А он тебе во сне является?

— Нет, — покачал головой Гар. — Но говорит, что я являюсь ему.

Джанни, спустившись еще на несколько ступенек, спросил:

— А что это была за штука?

— Она волшебная, — ответил Гар.

— Ну, ясное дело, — сухо проговорил Джанни.

Глава 11

Когда они уже приближались к подножию лестницы, из коридора вдруг вышли еще двое стражников и, задрав головы, уставились вверх. Увидев компанию Джанни, один из них воскликнул:

— Командир! А чего же это пленные...

— Это не командир, тупица! — вскричал второй и выставил перед собой алебарду.

Гар обошел Фесте и отбросил алебарду в сторону, а «командир» выхватил меч и приставил кончик лезвия к кадыку стражника. Тот открыл рот, чтобы крикнуть, но не смог произнести ни звука.

Второму стражнику крикнуть удалось, но в следующее мгновение Джанни заставил его умолкнуть метким апперкотом в нижнюю челюсть. Тот упал на ступени, ударился головой о стену, но от сотрясения мозга его спас шлем. Он, мотая головой, пытался подняться на ноги, бормоча:

— Тревога... Пленные... сбежали.

Джанни подскочил к нему, выхватил из его рук алебарду, приставил ее острие к горлу стражника.

— Молчи! — прошептал он сурово.

Стражник уставился на грозно блестящую сталь, на полные ярости глаза Джанни и придержал язык.

Гар шагнул вперед и легонько прикоснулся кончиками пальцев к вискам первого стражника. Тот дернулся, выпучил глаза, а в следующий миг глаза его закрылись, он повесил голову. Гар подхватил его под мышки и усадил к стене.

— У нас еще двое без формы. Разденьте его.

Он подошел ко второму стражнику и прикоснулся к его вискам. Тот обмяк и опустился на пол.

— Что ты с ними сделал? — оторопело спросил Джанни.

— Усыпил их.

— Да это я вижу! — покраснев, бросил Джанни. — Но как?

— Поверь, — сказал Гар негромко, — тебе это совершенно ни к чему.

С этими словами он отвернулся от Джанни и пошел дальше вниз по лестнице. Джанни, разъяренный, последовал за ним, не переставая гадать, в чем причина удивительных способностей его друга. Он уже успел заметить, что Гар не так прост, как кажется, что не все в нем было открыто, многое таилось внутри, и вот это самое — то, чего Джанни не видел глазами, ему очень не нравилось.

Когда вся компания вышла во двор замка, только на троих не было формы стражи принца Рагинальди — на Владимире, Джанни и Гаре.

— Пошли с нами, — тихо позвал Гар Бернардино и Винченцо и поманил к себе Владимира. — Джанни, заложи руки за спину, вот так, словно они у тебя свя-

заны. Вы, все остальные, наставьте на нас алебарды, вот так. А теперь, Фесте, води нас всех к воротам и скажи привратнику и дозорным, что тебе велено вывести нас за стену и повесить на дереве, потому что принц счел нас слишком опасными смутьянами, которых долее нельзя оставлять в живых.

Фесте нахмурился.

— А они мне поверят?

— Почему бы им не поверить?

Фесте на миг задержал взгляд на Гаре, пожал плечами и возглавил процессию. Остальные сгрудились вокруг Джанни и Гара и зашагали к воротам.

— А что, если дозорные признают нас по описанию цыган? — тихо проговорил Джанни.

— Тогда они подумают: принц знает, что делает, — столь же тихо отозвался Гар. — И в итоге мы сможем выйти сухими из воды, а все будут думать, что мы покойники.

— Ни за что они так не подумают, пока не увидят, что мы болтаемся в петлях на суках ближайшего к перекидному мосту дерева!

— Не увидят, — вздохнул Гар. — Да еще и с десятков раздетых стражников найдут.

— Они устремятся за нами в погоню, обозленные еще сильнее!

— Да ты не переживай так, — успокоил его Гар. — Повесить нас ведь только один раз могут.

Джанни зазнобило от того, как небрежно, обыденно это было сказано. На миг он ярко представил затягивающуюся на своей шее петлю, но тут же отбросил эту малоприятную мысль и сердито зашагал за Гаром.

Как только они подошли к воротам, Фесте рявкнул командирским голосом:

— Стой! — Остальные более или менее сносно изобразили остановку по команде. — Опустить мост! — приказал Фесте настоящим стражникам. — Принц приказал немедленно повесить этих двоих!

Часовые подозрительно уставились на пленников и сопровождавших их «стражников».

— Что, и до зари ждать не пожелал?

— Кто вы такие, чтобы обсуждать приказы принца? — гаркнул Фесте.

— Что-то незнаком мне этот командир, — с сомнением пробормотал второй часовой.

— Познакомишься, — еле слышно подсказал Фесте Гар.

— Скоро познакомишься, — язвительно проговорил Фесте. — И ближе, чем думаешь, если не будешь исполнять мои приказы! — злобно рявкнул он. — Принц желает, чтобы эти двое были повешены за стенами замка в назидание всем, кто дерзнет противиться его воле! А теперь опустите мост, да поживее!

— Слушаюсь, командир, — не слишком охотно отозвался тот из часовых, что был повыше ростом, и, развернувшись к надвратной башне, окликнул привратника. Джанни стоял не шевелясь, сердце его учащенно колотилось. Он слушал скрип лебедки, и ему казалось, что тяжелый мост никогда не опустится. В голове его металась безумная мысль о том, что часовые небось видят их насквозь, что их форма — слишком ненадежное прикрытие. Как часовые могли поверить, что Фесте — новый командир, если они его раньше в

глаза не видели? В голове у Джанни не укладывалось, как опытные воины могли купиться на столь очевидную и наглую ложь!

Удивлению Джанни не было предела, когда часовые расступились и знаком указали, что им можно проходить. Он тупо задвигал ногами и, шагая по мосту над рвом, только и делал, что гадал, как же это вышло, что часовые исполнили приказ фальшивого командира. Одна-единственная мысль напрашивалась: Фесте обладал недюжинным даром убеждения.

— Не кричать, — прошептал Гар. — Не издавать ни звука, пока мы не отойдем на милю от замка. Идите маршевым шагом до леса!

Молчаливо, как подобает похоронной процессии, они шли под луной к лесу. Джанни ждал, что в следующий миг в спину ему угодит пущенная из арбалета стрела. Однако все они целыми и невредимыми добрались до первых деревьев, после чего еще двадцать минут шли до ближайшей поляны. Только там Гар остановился и сказал:

— Вот теперь — можно.

Вся компания дружно издала победный вопль. Беглецы подбросили в воздух шлемы и поспешно разбежались, чтобы, падая, те не угодили по ним. Гар с радостной усмешкой обернулся к Джанни и ударил его по плечу. Джанни против воли улыбнулся в ответ. Всю его тревогу как рукой сняло от ощущения победы и радости, что он жив и свободен.

Когда все немного утихомирились, Гар сказал:

— К рассвету, если не раньше, они пустятся за нами в погоню. Снимите форму и спрячьте ее в кус-

тах. Ремни и сапоги оставьте — сможете за них выменять у крестьян рубахи и штаны.

— А с алебардами как быть? — спросил Рубио.

— Смертельно опасная улика, — ответил Гар. — Увидят — убьют, не сомневайся. Солдаты не жалуют крестьян, способных укокошить кого-нибудь из них.

— Но тогда мы останемся безоружными, — заметил Винченцо.

Гар на миг растерялся, потом сказал:

— Сломайте рукоятки, тогда у вас будет нечто вроде топориков. А из остатков рукояток еще и дорожные посохи получатся. Они вам понадобятся.

— Правда? — прищурился Фесте. — Зачем?

— Затем, что покуда вы будете в дороге, вам все время будет грозить опасность. Вам нужно убежище, а единственное место, где вас наверняка примут, — это Пироджия.

— Пироджия?! — возмущенно вскричал Рубио. — Чтобы я, житель Веноги, просил убежища в Пироджии?

— До Веноги далеко, — сказал ему Винченцо. — И земли эти кишат Стилетами.

Фесте сдвинул брови.

— А с чего бы это нас приняли в Пироджии?

— Потому что я замолвлю за вас словечко, — сказал Джанни. — Вы сможете вступить в наше войско.

— Вот не знал, что в Пироджии есть войско.

— Пока нет, но будет, — угрюмо проговорил Джанни. — И очень скоро.

— Но каждые двое пойдут своим путем, — сказал Гар. — Найдем в лесу тропинки и выйдем с разных

сторон. Пойдем все вместе — больше будет вероятность того, что люди принца выследят нас и схватят, решив, что мы — те самые беглецы, что сташили у них форму. Но уж если выйдет так, что двум парам непременно надо будет пойти одной дорогой, поступайте так: пусть двое скроются из глаз, и только потом пусть вторая пара выбирается из леса на дорогу. Если получится, постарайтесь обменять ремни и сапоги на одежду дровосеков или охотников. В путь! Встретимся в Пироджии!

Они с Джанни подали остальным пример и углубились в чашу леса.

Путь до Пироджии у Джанни с Гаром прошел без происшествий, и как это было ни удивительно, впоследствии Джанни решил, что так вышло потому, что они ухитрялись избегать встреч с отрядами Стилетов, а еще потому, что Гар сохранял рассудок, вследствие чего очень ловко терял его, если уж встреча со Стилетами становилась неизбежной. С десятков раз, слышав топот коней, они прятались в кустах или ложились в придорожные канавы и забрасывали себя травой. Всякий раз мимо них проезжали Стилеты. Похоже, они прогнали с дорог всех остальных. Лишь изредка мимо затаившихся Джанни и Гара проезжала крестьянская повозка. В одну из таких повозок они вскочили на ходу, спрятались в сене и проехали с милю. Только тут возница обратил внимание на то, что его мулы почему-то подустали. Стилеты дважды останавливали Джанни и Гара на дороге, и оба раза друзья мастерски

разыгрывали роли Джорджио и Ленни. Актерство их достигло такой высоты, что солдаты, наслушавшись их бреда, отпускали им на прощание по паре пинков и ехали дальше, бросая посреди дороги «дурачка» и его «братца».

Наконец в один прекрасный день, утром на горизонте показались крыши высоких домов Пироджии. Джанни бросился бегом, пробежал несколько футов, чтобы убедиться, что это не мираж. Вскоре его чудесная родина предстала перед ним, как на ладони, и он закричал от радости. Гар, усмехаясь, нагнал юношу, хлопнул по плечу и бодро зашагал вперед.

Когда они подошли к воротам, преграждавшим вход на дамбу, от горевшего неподалеку костра поднялись четверо бродяг и окликнули друзей:

— Эй, Джорджио! Привет, Гар! Что это вы так припозднились?

— Так уж вышло. Быстрее не получилось, — ответил Джанни, улыбаясь. — Ну, еще пару раз Стилеты поколотили маленько. — Джанни потрепал по плечу шута. — Здорово, Фесте! А вы почему лагерь разбили здесь, за городом?

— Да потому, что стражники не пропускают нас. Ты же обещал словечко за нас замолвить.

— Между прочим, они были с нами очень грубы, — добавил Винченцо.

Взглянув на него, Джанни сразу понял почему. Наряженный в испещренное заплатками платье дровосека и рваные сандалии, Винченцо совсем не напоминал ученого человека.

— Они нам вообще сказали, что не знают никого по имени Джорджио, который путешествует на пару с великаном! — возмущенно проговорил Рубио.

— Вот как! Понимаете, для этого была причина, и притом очень веская, — виновато отозвался Джанни. — На самом деле меня зовут не Джорджио.

— Не Джорджио? — нахмурился Винченцо. — Зачем же ты обманул нас? И как тебя зовут по-настоящему?

— Обманул я вас потому, что меня разыскивали Стилеты, и настоящее мое имя — Джанни Браккалезе.

— Джанни Браккалезе! — всплеснул руками Клаудио. — Точно, они тебя разыскивают! Мы своими ушами слышали, как Стилеты говорили про цену, назначенную тому, кто приведет тебя в замок Рагинальди. Сто дукатов!

Джанни смотрел на него, похолодев от ужаса. Но тут Гар потрепал его по плечу и сказал:

— Поздравляю, дружище. Цена, назначенная за твою голову, — это мера твоего успеха в борьбе с тиранией господ.

Джанни уставился на него, потрясенный этим заявлением.

— Спасибо, Гар, — сказал он с усмешкой. — Невелик успех, вообще-то говоря.

— А ты продолжай в том же духе, — посоветовал ему Фесте. — Так скоро и тысячу за тебя назначат.

Джанни улыбнулся и шутливо толкнул Фесте, удивляясь тому, как рад встрече с этими бродягами.

— Ну, пошли! Посмотрим, столько ли я стою для вас, сколько для принца. — Он подвел всю компанию к воротам и крикнул часовым: — Эй, Альфредо! Почему ты не пропустил моих друзей?

— Твоих друзей? — выпучил глаза стражник. — А откуда мне знать, что они — твои друзья, Джанни?

— А кто еще странствует вместе с великаном по имени Гар? — укоризненно проговорил Джанни. — Ты мог хотя бы весточку моему отцу передать.

— А-а-а, так вот про какого великана речь... — Альфредо глянул на Гара. — А я-то, признаться, решил, что они толкуют про настоящего великана... ну, знаешь, про такого, про каких в сказках рассказывают — вдвое выше дома и лобастого, как баран.

Гар учтиво склонил голову.

— Я польщен.

— Нет, нет, это я не про тебя! — поспешно затараторил Альфредо. — Это я... Это я про... Я хотел сказать...

— Что ты не такой, — закончил за него фразу другой часовой. — И еще мы оба никак не могли вспомнить, как тебя зовут.

— Ничего удивительного, — без тени юмора сказал Гар. — У меня ужасно длинное и труднопроизносимое имя.

Второй стражник покраснел, а Джанни посоветовал ему:

— Не обижайся на него, Джакомо. Он просто шутит.

— Да, не стоит поддевать его, Гар, — вступился за часового Фесте. — Он уже все понял.

Гар укоризненно глянул на него.

— А я-то думал, ты мастер своего дела.

Джиакомо придирчиво осмотрел спутников Джанни.

— Где ты таких умников набрал?

— Да просто они все ужасно рады, что наконец добрались домой, — объяснил Джанни и уточнил: — По крайней мере ко мне домой. Впусти всех нас, Джиакомо. Эти люди — добровольцы, хотят поступить в наше войско.

— Войско? Так ведь у нас только городская стража!

— Очень скоро будет войско, — заверил его Джанни. — Кстати, должны подойти еще четверо — попрошайка, воришка, стекольщик и молодой купец из Веноги.

— Из Веноги? И мы должны его впустить?

— Ты бы всегда впустил любого, кто желал бы с нами поторговать, — напомнил ему Джанни. — И потом, он настрадался от благородных господ. Думаю, он захочет остаться в городе, где ими и не пахнет.

Когда компания вошла во дворик дома семейства Браккалезе, отец Джанни чуть было не выпустил из рук край клетки, которую он с помощниками водружал на повозку, завидев Джанни и Гара. Он криком подзывал работника, чтобы тот занял его место, а сам бросился обнимать сына. Как только с излияниями радости было покончено и Браккалезе-старший отстранил сына, не в силах насмотреться на него, Джанни сказал:

— Мне очень жаль, но я снова остался без каравана, отец.

— Валите всю вину на мою голову, он не виноват, — сказал Гар.

— На его голову! — вскричал Джанни. — Да на его бедную голову и так столько всего свалилось, что он на время лишился рассудка! На самом деле он, похоже, до сих пор не оправился!

— Наверняка его школьные учителя так тоже думали когда-то, — съязвил Фесте.

Гар свирепо взглянул на него, а все Браккалезе расхохотались.

— Мы рады видеть тебя живым и невредимым, сынок, — сказал отец Джанни. — За последние две недели не уцелел ни один из караванов, что покинули город! Дворяне перекрыли нам все торговые пути по суше.

— Но не по морю? — сверкая глазами, спросил Джанни.

— Нет, это им пока не удалось! Ну, то есть пару раз у наших торговых судов были стычки с кораблями, похожими на пиратские, но плыли на них такие неумехи, что скорее всего то были наемники дворян. — Папаша Браккалезе усмехнулся. — Наши галеры смогут без труда одолеть самые лучшие корабли, которые господа направят против нас!

Гар кивнул:

— Свободные люди, сражающиеся за свое дело, всегда были лучшими воинами, чем рабы.

— Похоже, так и есть.

Браккалезе-старший взглянул на Гара с новым уважением.

— Между прочим, он вам доставил кое-что такое, что стоит сотню дукатов, — сообщил ему Фесте.

Отец Джанни недоуменно воззрился на него.

— Что же?

— Да вашего сына.

— Это верно, — признался Джанни. — Мои новые друзья мне только что рассказали о том, что принц назначил награду в сто дукатов за мою поимку.

— И тысячу — за голову твоего отца, — добавил Винченцо.

Мать Джанни побледнела, а лицо отца обратилось в камень. Фесте притворно вздохнул.

— Бедняжка Джанни! Ну никак тебе не удастся обойти папочку! И тут он тебя переплюнул!

Напряжение спало. Все рассмеялись.

— Кто эти разбойники? — отхохотавшись, спросил Паоло.

— Наши попутчики, — ответил Джанни. — Они помогли нам выбраться из замка принца Рагинальди, и я предложил им вступить в пироджийское войско.

— Славная мысль, — кивнул Паоло. Он снова обрел серьезность.

А мать Джанни ахнула.

— Принц Рагинальди! Как же вас угораздило с ним сцепиться?

— А я у него цыпленка спер, — признался Фесте и, поймав на себе изумленные взгляды, пожал плечами. — Цыпленок не привязан был, а вот меня на цепь посадили.

Все, уже не в силах смеяться, застонали, а Гар сказал:

— Дружище, если ты этим себе на хлеб зарабатываешь, то нечего дивиться тому, что ты бродишь по дорогам. Синьор Браккалезе, позвольте представить вам Фесте. Он мечтает стать настоящим шутом.

— «Мечтает», вот еще! — фыркнул Фесте. — А ты тогда, стало быть, мечтаешь сдуреть окончательно, Гар, так что ли? Ну а о чем ты возмечтал теперь?

— Помыться бы неплохо, если можно. — Гар взглянул на свои перепачканные руки. — Если не возражаете, господа, я покину вас и отойду на конюшню, ополоснусь в корыте.

— Да что ты такое говоришь! — всплеснула руками мать Джанни. — У нас есть медная ванна и котлы, чтобы греть воду! Вы все вымоетесь, как подобает приличным людям! Пойдемте, пойдемте все, и я вам дам перекусить, пока будет греться вода!

Изголодавшиеся путники встретили это предложение радостными восклицаниями, а Фесте вздохнул:

— А я думал, нас никогда не пригласят.

Мать Джанни никак не ответила на его колкость, а без слов провела гостей в дом и принялась хлопотать, устраивая угощение на скорую руку.

Наутро Джанни проснулся от слаженного топота и приказных выкриков. Он вскочил с постели, подбежал к окну и увидел Гара, стоявшего посреди заднего двора и командующего восьмью мужчинами, четверо из которых были возницами отца Джанни, а другие четверо — их с Гаром новыми друзьями. Джанни некоторое время постоял у окна, затем наспех оделся и выбежал во двор. Тяжело дыша, он подбежал к Гару и укоризненно проговорил:

— Почему ты мне ничего не сказал? Я тоже хочу этому обучиться!

— Вот и славно, — кивнул Гар. — Найди какую-нибудь палку и становись в строй!

Джанни бросился на поиски палки, но остановился на бегу, обернулся и спросил:

— А палка зачем?

— Вместо копья или алебарды. Лучше я пока буду муштровать вас без настоящего оружия, а не то наши новобранцы друг другу будут головы сносить при каждой команде «Кругом!».

— Разумно, — рассудительно проговорил Джанни. — Но зачем учить их маршировать, Гар?

— Кру-гом! — вскричал Гар, и как раз вовремя, иначе в следующий миг его подопечные, дотопав до стены, ударились бы о нее лбами. Как только они развернулись, он сказал Джанни: — Таким образом они научатся действовать совместно, как только услышат приказ, и тогда командир сможет послать их туда, где они будут нужны во время сражения, тогда они будут направлять свои копья в нужную сторону и не дадут врагу напасть на них. — Он заговорщицки улыбнулся Джанни. — К тому же это очень убедительно подействует на членов городского Совета.

Джанни уставился на друга, удивленный тем, что Гар способен на такую хитрость. Губы его расплылись в улыбке.

— Господин Джанни!

Джанни обернулся. К нему бежал запыхавшийся мальчишка.

— Там... у наружных ворот часовые... Они говорят, пришли четверо... четверо чужаков... Они говорят, что знают вас, и что вы обещали замолвить за них словечко, чтобы их пустили в город!

— Обязательно замолвлю, — улыбнулся Джанни. — Спасибо тебе, мальчик. — Он дал мальчику монетку. — Прямо сейчас пойду и проведу их. — Он обернулся к Гару. — Я тоже обязательно буду маршировать, Гар, но сначала приведу к тебе еще четверых новобранцев.

— Передай им привет от меня, — весело усмехнулся Гар, развернулся к своим подопечным, выкрикнул очередную команду и выругался, поскольку первая шеренга с такой страстью исполнила приказ: «На плечо!», что второй пришлось пригнуться, дабы не получить палками в лоб. Джанни вернулся в дом, гадая, с чего это у Гара такое приподнятое настроение — на его взгляд, радоваться предстоящей войне было в высшей степени странно.

Джанни переоделся и побрился — и не зря, потому что, пересекая Пьяцца-дель-Соль, заметил у набережной цыганскую кибитку. Сердце его взволнованно забило, и его потянуло к кибитке, как стрелку компаса к северу.

То была она! Она сидела под навесом сбоку от фургона и гадала какой-то почтенной горожанке по руке. Оторвав взгляд от руки женщины, она подняла голову, увидела Джанни и, видимо, узнала его, так как на миг широко раскрыла глаза. Но только на миг — в следующее мгновение взгляд ее уже был устремлен на руку той, кому она гадала. Джанни пришлось стоять и

ждать, пока она закончит гадание. Он с тоской смотрел на выстроившихся в очередь мужчин и женщин, мечтавших узнать свою судьбу. Но как только почтенная матрона встала, довольно улыбаясь, и уплатила Медаллии за гадание, Джанни, опередив остальных, ринулся к девушке, не обращая внимания на разгневанные крики за спиной.

— Бог в помощь тебе, прекрасная Медаллия!

Девушка посмотрела на него. Сдержанно, вполне овладев собой, она отозвалась:

— Добрый день, Джанни Браккалезе. Приятно видеть, что ты живым и невредимым вернулся домой.

Приятно? Только и всего? Джанни изо всех сил пытался скрыть охватившее его разочарование, вымученно улыбаясь.

— А я рад, что ты вернулась в Пироджию. Чему мы обязаны такой чести?

— О, всего-навсего тому, что здесь у вас можно неплохо заработать, — небрежно отвечала Медаллия и махнула рукой в сторону выстроившейся очереди. — Надеюсь, вы извините меня, синьор Браккалезе. Мне нужно вернуться к своим обязанностям.

«Синьор? Вот это да!»

— Конечно, — медленно проговорил он. — Но когда ты закончишь работу... Можно будет встретиться тут с тобой вечером и поболтать о том о сем?

— Хочешь, чтобы я предсказала тебе судьбу? — широко раскрытыми, влажными, невинными глазами посмотрела на Джанни Медаллия.

«Не хочу, если только не ты — моя судьба», — мысленно проговорил Джанни, а вслух ответил:

— Ну... да, пожалуй.

— Я пробуду здесь сегодня весь день до заката и завтра тоже, — сообщила Медаллия. — Но тебе придется дожидаться своей очереди. А теперь — всего вам доброго, синьор.

— И тебе всего наилучшего.

Джанни отвернулся и пошел прочь. Брови его угрюмо сошлись на переносице. Странно... Солнце, казалось, уже светило не так ярко, а встречные горожане представлялись ему почему-то глупыми и легкомысленными с их улыбками и болтовней. Как они могли веселиться, когда над их головами сгушались зловещие тучи, когда вдалеке уже мерещился топот копыт вражеской конницы? Неужели они не понимали, что враг уже стоит почти у самых ворот города? Неужели они не осознали, что их свобода, их процветание, самая жизнь их скоро станут достоянием господ?

Нет. Конечно, никто этого не понимал. Потому что пока никто не сказал им об этом.

Джанни решил, что обязан снова выступить в Совете. Желательно — сегодня же! Эти глупцы поймут, они должны понять! А тут еще Медаллия подсуропила — притворяется, делает вид, словно он для нее значит не больше любого другого желающего, чтобы ему погадали по руке!

А вдруг это так и есть?

Глава 12

Шагая на встречу с друзьями, Джанни всеми силами старался избавиться от охватившей его тоски. Он мысленно твердил себе, что Медаллия — всего-навсего одна хорошенькая женщина из многих, и к тому же не слишком хорошо знакомая, но к его изумлению, мысли эти его не очень-то радовали. Он, к не меньшему собственному удивлению, не мог думать ни о чем, кроме Медаллии. Однако он сумел-таки заставить себя улыбнуться часовым у внутренних ворот, даже обменялся с ними парой острот и к наружным воротам подошел в более или менее сносном расположении духа. Там он увидел Владимира, Эстрагона, Рубио и Бернардино и крикнул им:

— Эй вы, лентяи, гуляющие бездельники! С какой стати вы решили, что вам место в Пироджии?

Все четверо вскочили на ноги. Купец Рубио побагровел от возмущения. Но вот они разглядели Джанни, рассмеялись и бросились к нему обниматься. Он обнял всех по очереди, удивляясь тому, до чего рад встрече со старыми знакомцами.

— Это просто невыносимо, Джорджио! — обиженно воскликнул Рубио. — Они мне говорят, что не могут доверять человеку из Веноги!

— Да, но если бы ты прибыл сюда с торговым караваном, тебя бы живо пропустили, — заверил его Джанни. — И потом, они тебе голову морочили. На самом деле, я именно об этом с ними вчера спорил.

Рубио вытаращил глаза, затем медленно развернулся к часовым. Те возвели глаза к небесам и приняли самый невинный вид.

— Ах вы, негодники! Вы не более гостеприимны, чем ваш дружок Джорджио!

— Ну, уж и не меньше его, — заверил Рубио Альфредо. — А кто такой Джорджио, между нами? Я тут только Джанни вижу.

Рубио оторопело взглянул на Джанни, такими же взглядами одарили его и остальные трое. Но Джанни только смущенно улыбнулся и сказал:

— Простите меня, друзья мои, но я был вынужден вам солгать. Принц назначил выкуп за мою голову.

— Выкуп? — нахмурился воришка. — А ведь я должен был слышать об этом... Как твое настоящее имя?

— Джанни Браккалезе.

Эстрагон и Владимир выпучили глаза. Рубио и Бернардино ошарашенно переглянулись. Джанни охватила странная гордость.

— Верно, — кивнул воришка. — Я слышал про тебя. О, если бы я только знал, с кем встретился на пути, я бы лучше один пошел!

— Вместе нам было безопаснее, — успокоил его Джанни. — И в дальнейшем будет безопаснее. Пой-

демте, пойдемте скорее, и мы с матушкой окажем вам подобающее гостеприимство! А потом, если пожелаете, вы сможете вступить в наше новое войско!

Он бросил взгляд на Владимира и смутился.

— Быть может, воин из меня пока и никудышный, но думаю, и от меня будет какая-то польза. Отведи меня к вашему полководцу, Джанни, пусть он и решит.

Джанни усмехнулся и потрепал Владимира по плечу.

— Пока полководца у нас нет. Всем заправляет наш старый друг Гар. Я так думаю, он наверняка найдет дело для тебя. Добро пожаловать в Пироджию!

Мать Джанни приняла всех четверых с обычным для нее радушием, хотя появление воришки и попрошайки было для нее несколько неожиданно. Для начала она приказала всем приготовить горячую ванну. Как и думал Джанни, Гар сразу предложил попрошайке должность квартирмейстера, однако между делом велел ему обучиться изготовлению стрел для арбалета и составлению пороховой смеси для пушек.

Когда вся компания заканчивала поздний и очень сытный завтрак, вошел отец Джанни. Лицо его было угрюмо, но глаза радостно сверкали.

— Совет готов завтра выслушать тебя, Джанни. Думаю, они выслушают тебя еще более внимательно, потому что уже многие из них лишились своих торговых караванов. А это кто такие?

Как только Джанни познакомил вновь прибывших с отцом, отец отвел сына в сторону и сказал:

— Непременно продумай все, что скажешь на Совете. Но сначала походи по городу, посмотри, кто чем дышит. Да, я знаю, наши соотечественники, по обыкновению, радостны и веселы, но в них уже зреет подспудная тревога. Все понимают, что все уже не так, как прежде, хотя и не понимают, что именно.

И вот ближе к вечеру Джанни сначала прогулялся по рынку, затем вдоль набережной каналов и узких речушек, и везде прислушивался к разговорам горожан. Его отец был прав. Уже чувствовалось какое-то напряжение, поползли слухи. Со всех сторон слышались тревожные слова о дурных предзнаменованиях. Зеленщик возле Моста Улыбок говорил покупателю:

— Вот те крест, в этом году усики на колосках пшеницы длиннее, чем всегда, а мясник мне сказал, что такой густой шерсти у коз и овец он сроду не видел! Будет ранняя и суровая зима, как пить дать!

— Поживем—увидим, — проворчал покупатель, всеми силами стараясь изобразить недоверчивость, но это у него получилось неважно.

У реки Мелорин мимо Джанни прошествовали две женщины с корзинками провизии, возвращавшиеся с рынка.

— Нутром чую, Антония! — шептала одна другой. — От воды лихорадкой тянет! Скоро начнутся те самые моры, про которые в Библии написано, либо я ничего не смыслю в целительстве!

— Твоему нутру, само собой, виднее, — съязвила ее спутница, — да только в нашем городе сроду никаких моров не было, а уж если и начнется какая хворь,

так она от сточных канав скорее пойдет, а уж никак не от воды.

Однако глаза у нее были испуганные, и Джанни понял, что она почти так же боится распространения хвори, как и ее подруга. Тут почему-то Джанни неприятно зазнобило и он поспешил дальше.

На берегу, у пристани какой-то старый моряк разговаривал с мальчишками:

— Ну точно вам говорю, ребята! То был морской змей! Я его своими глазами видел, вот как вас сейчас! Длинная тонкая тварь такая, как начала из воды выплывать, и башку свою все выше и выше задирает... А башка маленькая и плоская.

— Ну, раз башка маленькая, стало быть, и сам морской змей не такой уж здоровенный, — разочарованно протянул один из мальчишек.

— Да говорю же вам: громадина! Башка-то почему маленькая кажется? А потому, что она высоко поднята, шея-то у него длиной с полмили. Так что мы возблагодарили удачу, когда он развернулся и уплыл от нас! Но в этом году морские змеи больше не будут уплывать от кораблей, на это и надеяться нечего! Из моря то и дело будут выплывать всяческие чудовища, они станут охотиться за нашими кораблями и топить их!

Мальчишки ахали от притворного страха, пучили глаза, а вот молодой моряк, проходивший мимо во время того, как старик травил байку, нахмурился, да так и пошел дальше мрачный и встревоженный.

Джанни и сам растревожился. Люди видели в бужде какие угодно напасти, кроме истинной угрозы.

Если в самом скором времени не сказать им правды, если эти глупые слухи и дальше будут расползаться по городу, хорошего ждать не придется.

Ближе к закату Джанни поспешил к Пьяцца-дель-Соль с часто бьющимся от волнения сердцем. Однако ставни лавчонок уже были закрыты, а кибитки и след простыл. В первое мгновение Джанни был готов броситься на поиски яркого фургона по всему городу, но вспомнил, что и так уже не первый час бродит по улицам, а для того, чтобы обойти все островки, связанные между собой мостами, ему бы пришлось потратить не меньше недели. С тяжелым сердцем он направился домой, где его немного приободрила встреча с друзьями.

После ужина Гар отвел его в сторонку и спросил:

— Стало быть, завтра ты будешь говорить в Совете?

— Да, если сумею придумать, что сказать, — вздохнул Джанни.

Гар пожал плечами.

— А не надо ничего придумывать. Скажи им правду. Скажи все, что слышал, что видел своими глазами. Возникнут сложности — снова дай слово мне. Уверяю тебя, теперь я знаю столько, что запросто могу основательно напугать их, у меня это получится лучше, чем у любого пророка, мастера по части дурных знамений.

Джанни усмехнулся и пообещал, что так и сделает.

А ночью в его сны снова явилась прекрасная танцовщица. Ее фигура и одежды светились ярче, чем прежде.

Джанни Браккалезе! — воззвала она. — *Ты должен убедить их бежать!*

Но ты не беги от меня, молю! — простонал юноша во сне.

Глупый мальчишка! — возмущенно вскричала она. — *Неужто ты не можешь думать ни о чем, кроме любви? Подумай лучше о своих соотечественниках! Тебе и во сне не привидится та мощь, которую дворяне обрушат на Пироджию, когда объединят свои войска! Ты не представляешь, какими жуткими орудиями убийства снабдили их иноземные купцы! Нет никакой надежды на вашу победу, никакой! Ты должен убедить всех своих сограждан, что им надо бежать из города!*

Покинуть Пироджию? — в ужасе вскричал Джанни. Он на жуткое мгновение представил страшную картину: как рушатся чудесные ажурные мосты, как падают на широкие площади великолепные дома, объятые пламенем, как из дома в дом перебегают Стилеты, вытаскивают оттуда золото и посуду, хрусталь и картины, а все, что не могут унести, крушат и топчут.

Нет, никогда! Мы не можем оставить Пироджию!

Не уйдете из города — все погибнете! — Танцовщица замерла. Голос ее зазвучал тихо, умоляюще: — *Вы должны покинуть город, Джанни, все до одного!*

Меня никто не слушает, даже если я так скажу. — Произнося эту фразу, Джанни почувствовал, как зреет, как укрепляется в нем сознание высокой цели. — *Наша единственная надежда защитить наших жен и матерей — взять оружие и сражаться!*

Нельзя! — вскричала красавица.

Не стоит так сильно опасаться дворян, — сказал ей Джанни. — На море они беспомощнее любого рыбака, а ни одно войско не дойдет до Пироджии по суше. О нет, не плачь, умоляю тебя, и позволь мне увидеть твое лицо.

Никогда! — Прозрачные пелены вновь взвихрились. — *Неужели у тебя на уме нет ничего, кроме похоти, Джанни Браккалезе?*

Ничего, кроме любви, — поправил незнакомку Джанни. — Ибо я полюбил тебя пылко и страстно с первого мгновения, как только увидел.

Неужто? — ехидно осведомилась красавица. — *А как же цыганская девица Медаллия? Неужели она тебя совсем не привлекает?*

Этот вопрос застал Джанни врасплох. Пытаясь разрешить это столь явное противоречие, он сказал правду:

Она тоже владеет моим сердцем. О да, то могла бы быть любовь, если бы я узнал ее ближе!

Меня ты не знаешь вовсе!

Я знаю тебя лучше, чем Медаллию, — возразил Джанни, — ибо с нею я никогда не бывал наедине.

Но жаждешь этого, я знаю! Как ты неверен, Джанни Браккалезе, как непостоянен! Как ты можешь любить двух женщин одновременно?

Не знаю, — признался Джанни, — но люблю.

Он никогда не подозревал, что может быть настолько низок, чтобы изменить возлюбленной, а получалось, что был способен на это. Неужели он был ничем не лучше любого волокиты? Неужели все мужчины так подлы?

Я не понимаю этого, но это так. Прошу тебя, красавица, позволь мне приблизиться к тебе!

Он жаждал прикоснуться к ней, и на миг ему показалось, что он уже сделал к ней шаг, но тут она крикнула:

Никогда!

Призрачная танцовщица укуталась в легкие, воздушные ткани, спряталась за ними и начала отступать и таять, быстро уменьшаться. Вскоре Джанни остался один-одинешенек во мраке, и его сон опустел.

Джанни проснулся с тяжелой головой, как будто с похмелья, хотя накануне вечером выпил всего один бокал вина.

— Вот что это такое — мечтать о женщинах, обладать которыми тебе не дано, — проворчал он себе под нос и стал одеваться.

После завтрака настроение у него немного улучшилось. Он надел лучшее платье и рядом с отцом направился в Совет. Следом за ними шел высоченный и широкоплечий Гар. Все трое были полны решимости.

— Слыхали? — спросил вставший на пути у Браккалезе-старшего дородный горожанин. — Принц Рагинальди идет на город с севера, и с ним тысячное войско!

Оба Браккалезе, не мигая, уставились на советника. Отец только ошарашенно спросил:

— А откуда это известно?

— Главный возница старого Либрони принес нам эту весть. Шайка Стилетов увела весь его караван, а его, сочтя мертвым, бросили на дороге! Он вернулся

весь избитый и израненный. Так что в правдивости его вестей не стоит сомневаться!

Браккалезе-старший бросил недвусмысленный взгляд на сына и сказал советнику:

— Спасибо вам, друг мой. Пойдемте займем свои места.

В зал они вошли, когда там со всех сторон слышалось:

— Граф Веккио идет с запада с тысячей человек!

— Дож Лингретти идет с юга, и у него двухтысячное войско!

— Из Туманолы надвигаются три тысячи Стилетов!

— А у «Рыжих» — две тысячи!

— Пираты! — прокричал вбежавший в зал запыхавшийся гонец, размахивая обрывком пергамента. — Капитан Бортаччио пишет, что чудом спасся от целой пиратской флотилии! Скрыться ему помог туман, он уплыл против ветра, а у них было не меньше тридцати кораблей!

При этой вести ропот в зале усилился. Председатель то и дело бил в гонг, крича:

— Советники! Старшины! Тише! Прошу вас, тише! Нам нужно обсудить наши планы!

— Планы? — возопил здоровяк в бархатном камзоле. — Какие еще могут быть планы? Только бежать, спастись бегством!

— Мы не сможем бежать! — вскричал, вскочив на ноги, седой Карло Грепотти. Глаза его сверкали, он весь дрожал. — Они отрежут нам путь и по суше, и по морю, а побежим — нас всех возьмут в плен и сделают

рабами! Нам остается только одно — не покидать города и молиться!

— Нет, мы можем сражаться! — воскликнул другой, молодой купец, и его поддержали дружным ревом другие. Председателю пришлось снова колотить в гонг. Наконец, когда шум немного стих, он вскричал:

— Садитесь! Сядьте! Господа! Синьоры! Разве мы на рынке, чтобы вот так кричать? Садитесь и ведите себя, как подобает!

Разгоряченные спорами купцы присмирели и расселись вокруг большого стола. Председатель умиротворенно кивнул:

— Браккалезе! Это собрание Совета созвано по вашей просьбе! Готовы ли вы сообщить Совету какие-либо вести, дабы страсти хоть немного улеглись?

— Не я, но мой сын, — сказал Паоло Браккалезе. — Джанни, расскажи им!

Джанни встал и сразу чуть было не сел снова: коленки у него подкашивались при взгляде на мрачные, заносчивые лица. Ведь самый младший из советников был старше его лет на двадцать. Но тут Гар прошептал ему:

— Ты столкнулся со Стилетами.

И с самообладанием Джанни произошло чудо. Страх отступил, хоть и не ушел совсем.

Джанни расправил плечи и обратился к советникам:

— Старшины! Вновь я повел в путь торговый караван, на этот раз — на север, в горы, и вновь на меня напали Стилеты и отобрали все наши товары. Мы с моим телохранителем Гаром шли, голы и босы, покуда не повстречались с цыганами. Цыгане сжалились

над нами и дали нам одежду, еду и кров, но затем, решив, что мы уснули, цыгане стали говорить между собой. Они оказались ненастоящими цыганами, они лазутчики, — так сказал Джанни, надеясь, что так оно и есть. — Они лазутчики, — повторил он, — засланные для того, чтобы уговорить дворян объединиться против купцов и уничтожить нас!

Зал Совета взорвался возмущенным ревом. Джанни обвел взглядом советников. Он уже истратил почти все свое красноречие, но был доволен реакцией сограждан. Председатель ударял и ударял в гонг, и когда наконец все утихло, он взглянул на Джанни и, сверкая глазами, спросил:

— Но какое дело до нас цыганам?

— Этого мы так и не поняли, председатель, — сказал Джанни. — Пока не встретился нам на дороге стекольщик и не рассказал о подслушанном им разговоре между принцем Рагинальди и странным косноязычным торговцем из какой-то далекой страны, который с трудом разговаривал на языке Талипона и предлагал принцу неслыханную цену за орцаны.

— Неслыханную цену? — В глазах председателя вспыхнули огоньки искреннего интереса. — И насколько же неслыханную?

Сказать им насчет энергии, которой можно снабжать целый год небольшой город? Что это за «энергия» такая? Джанни выкрутился:

— Равную прибыли от торговли за три месяца.

— За каждый камень?!

Джанни кивнул:

— За каждый.

В зале снова воцарился суший хаос. Председатель выпучил глаза, но в гонг колотить не стал, а ударил только тогда, когда шум начал утихать сам по себе. Советники умолкли.

— Хочешь ли ты сказать, что мнимые цыгане были приспешниками этого иноземного торговца?

— Я могу это понимать только так, досточтимый председатель, — отвечал Джанни. — Но этот торговец не один, их много, они зовут себя «Лурганской компанией».

— Вот как? Почему же они не обратились к нам?

Джанни пожал плечами, а старик Карло Грепотти вскричал:

— Потому что они понимали, что мы станем торговаться и еще поднимем цену! Ведь эти тупицы, дворяне, ничего не смыслят в торговле и сразу соглашались на то, что им предложено!

— Вот-вот, и отбирают каждый камешек, какой только могут найти, чтобы затем продать его! — воскликнул другой купец.

Тут снова воцарился бедлам. Председатель хотел было ударить в гонг, но передумал и стал терпеливо дожидаться, когда утихнет перепалка. Наконец некоторые советники обратили внимание на укоризненный взгляд председателя, и шум мало-помалу пошел на убыль. Председатель вновь обратился к Джанни.

— Можешь ли ты ответить хотя бы на некоторые вопросы из тех, что сейчас прозвучали?

— Могу лишь высказать догадки, председатель, — отозвался Джанни. — Но уж лучше я попрошу это сде-

лать Гара. Это он так придумал, что мы нарочно попали в плен к Стилетам, чтобы проникнуть в замок Рагинальди и узнать побольше о наших врагах. Он и расскажет вам о том, что он там нашел.

— Вы... проникли в замок Рагинальди? — вскричал молодой купец. — Но как же вы дерзнули?

— А самое главное — как вы выбрались оттуда?

— Это все вам расскажет Гар. У него получится лучше, чем у меня. Позвольте предоставить слово вольнонаемному воину Гару.

— Более я не волен, долг обязывает меня служить вам и Пироджии.

Так сказал Гар, встав во весь рост и распрямив могучие плечи. Он обвел собравшихся суровым, мрачноватым взглядом, и все возражения, если у кого они и были, были убиты этим взглядом в зачатке. Спокойно, не спеша, он поведал Совету о дерзкой вылазке в замке Рагинальди. При этом он продемонстрировал недюжинное мастерство рассказчика. Купцов захватило его повествование, они не сводили с него глаз. Никто не думал вставить и слова. В зале царила полная тишина до самого конца рассказа. Гар закончил описание бегства из замка, умолк, обвел советников взглядом, задержал его на председателе и почтительно склонил голову.

— Вот и все, что мы видели и что слышали, председатель.

В зале снова стало шумно. Слышались возгласы удивления, но никто и не подумал высказать насмешку или удивление. Председатель дал всем высказаться и спросил у Гара:

— Но что такое являла собой эта странная яйцеобразная вещь?

— Магический талисман, который позволяет принцу переговариваться с лурганскими торговцами даже тогда, когда они далеко от замка, — ответил Гар. — Тогда, как только у него наберется достаточное количество орцанов на продажу, он дает им знать и они являются к нему и платят золотом.

— Я не верю в магию, — проворчал председатель.

— И правильно делаете, — кивнул Гар, — но проще сказать «магический талисман», чем «изобретение алхимика». Так или иначе, сущности его ни мне, ни вам не понять. Главное в том, что с помощью этого предмета достигается.

— Видимо, ты в таких талисманах кое-что понимаешь, если сумел с его помощью связаться со своим другом.

— Да, досточтимый председатель. Также я знаю, как пользоваться пушкой, но мне трудновато будет вам разобъяснить, как и почему действует порох.

Джанни обратил внимание на то, что Джанни сказал «трудновато», но не «невозможно», но председатель удовлетворился ответом Гара.

— А кто такой этот твой друг, Геркаймер?

— Такой же вольнонаемный воин, как я, — с готовностью ответил Гар. — Он всегда готов явиться к нам на помощь по моей просьбе и атаковать дворян с тыла. Можете считать его алхимиком с пушкой, и притом пушкой отличной, ибо он умеет изготавливать превосходный порох.

— И он может по твоей просьбе следить за этой самой «Лурганской компанией»? — не слишком доверчиво спросил председатель.

— Во всяком случае, он сможет подслушивать их переговоры, — сказал Гар. — Но для того, чтобы передать мне то, что он подслушает, ему придется бросить мне весточку на Пьяцца-дель-Соль, а это рискованно — можно ведь и голову кому-нибудь пробить.

— А у тебя нет талисмана, чтобы с ним переговариваться?

— Нет, синьор. Он был в моем дорожном мешке, но его забрали Стилеты вместе с моей одеждой.

— Они поймут, что это такое? — пристально глядя на Гара, спросил Карло Грепотти.

— Сомневаюсь, — покачал головой Гар. — Он был искусно замаскирован.

Он не стал уточнять, а Карло не стал выпрашивать.

— И что ты нам посоветуешь? — спросил председатель.

Гар пожал плечами.

— Я воин, синьор председатель. Конечно же, я посоветую вам сражаться.

— А ты забудь на миг о том, кто ты такой. — Председатель помахал рукой, словно хотел стереть из разума Гара любые мысли о том, кто он и каково его ремесло. — Постарайся думать как купец, а не как воин. Ты бы не посоветовал нам бежать, вывести из Пироджии всех горожан?

— Нет, — решительно и ясно ответил Гар. — Быстро такую массу народа вывести никак не удастся. Мно-

гим попытка уйти будет стоить жизни. Куда бы вы ни направились, Стилеты выследят вас, убьют или заберут в рабство.

— Мы могли бы разделиться и уйти в разные стороны, — предложил один из советников.

— Если бы вы так поступили, Стилетам было бы еще легче уничтожить вас, — сказал Гар. — Это позволило бы дворянам и их войскам устроить жестокую охоту за вами. Они наняли бы не только Стилетов, но и всех прочих кондотьеров, засидевшихся без работы. Нет, уважаемые советники, ваша единственная надежда на победу — оставаться в городе и сражаться.

— Но ведь у нас нет войска! — вскричал другой советник. — Как же мы сразимся с дворянами?

— Надо сжечь дамбу, соединяющую Пироджию с сушей, — ответил Гар. — Джанни сказал, что она для того и задумана, и должен вам сказать, что те, кто строил ее, поступили очень мудро. О да, затем нужно будет потратить время и деньги на то, чтобы отстроить ее заново, но это будет самая малая из тех потерь, какие бы могли вас ожидать. Не останется дамбы — ни одно войско не доберется до вас по суше. Флот же ваш непревзойден. Я уверен, что по мощи с ним не сравнится любая армада, какую бы дворяне ни снарядили против вас.

— Ну, некоторые корабли все же могут и доплыть, — мрачно проговорил один купец.

— Верно, вот на этот случай вам и потребуется войско, — кивнул Гар. — Я могу обучить воинскому ремеслу ваших молодых ребят, а вольнонаемные вои-

ны хлынут к нам рекой, если только мы пустим весть о том, что они нам требуются. Мы из своих странствий привели восьмерых человек, которые готовы биться за вашу свободу. Вчера я целый день муштровал их, готовя к тому, чтобы сделать их ядром вашего будущего войска. Не желаете ли взглянуть на них? Они ожидают на улице.

Лишь немногие из советников стали возражать, но подавляющее большинство с превеликой готовностью вызвалось посмотреть на зачаток будущего войска. Советники встретили предложение Гара радостными возгласами. Председатель распорядился:

— Все свободны! Соберемся вновь на площади. Там я попрошу всех стать по кругу, старшины.

Затем, по удару гонга, советники поспешили к дверям.

Как только они вышли, перед ними предстали подопечные Гара, выстроившиеся в три шеренги по четверо в каждой. К восьмерым дорожным товарищам Гара присоединились четверо возниц Браккалезе. Они просто не в силах были удержаться от того, чтобы не попроситься в выучку к Гару, когда увидели, какую красивую форму сшила для будущих пироджийских гвардейцев госпожа Браккалезе: их короткие камзолы украшали изображения символа Пироджии — орла. Купцы не сдержали изумления и восторга при виде шапок с перьями на головах у воинов и блеска солнца на лезвиях их алебард (к трофеям, добытым в замке Рагинальди, они приделали новые рукоятки). По команде Гара все встали навытяжку, нанятые им барабанщик и трубач заиграли марш. Зазвучали новые ко-

манды, и маленький отряд пересек площадь, ловко развернулся, пересек ее в противоположном направлении, снова развернулся, прошагал через площадь по диагонали. Новая команда — и отряд пошел прямо к председателю Совета, рядом с которым стоял Карло Грепотти. Еще команда — и отряд застыл на месте, передовая шеренга опустилась на одно колено, наставив алебарды на зрителей.

Купцы отметили окончание импровизированного парада дружными криками, а немногие недовольные выкрики потонули в реве приветствий, которыми было провозглашено создание пироджийского войска.

Глава 13

Весь город лихорадочно готовился к войне. В кузницах день и ночь пылали плавильные печи — там отливали пушки для установки на кораблях и городских стенах. В ворота непрерывным потоком шли и шли крестьяне с телегами, нагруженными провизией, а выгрузив ее, оставались в Пироджии и вступали в войско, если в городе находился кров для их семейств. Крестьяне понимали, что случится с теми, кто живет в деревнях, когда мирные поля станут полями боя.

Однако с одним из крестьян возникли некоторые сложности. Как-то раз, когда семейство Браккалезе завтракало; явился посыльный, а несколько секунд спустя в дверь столовой постучал слуга.

— Синьор Паоло, к вам посыльный из Совета, он ждет вас в вашем кабинете.

— Посыльный из Совета? В такую рань? — в тревоге воскликнула мать Джанни.

— Стало быть, дело срочное, если он явился в столь неурочное время, — заключил Браккалезе-старший, встал и направился к дверям. — Начинайте завтрак без меня. Думаю, мне придется задержаться.

Однако он ошибся. Вернулся он буквально несколько минут спустя, уселся к столу, заправил за воротник салфетку и сказал:

— Ешьте скорее, Джанни и Гар. Думаю, вам придется пройти со мной.

— Что случилось? — взволнованно спросил Джанни. У него вдруг сразу пропал аппетит.

— Лазутчика изловили, — коротко отозвался его отец. — Ешьте, ешьте. Вам надо заправиться поплотнее.

Они поели, после чего вышли из дома к реке, сели в лодку, но поплыли не к зданию Совета, а к зданию городского суда. Там их встретил Ольдо Болоньоло, но не в качестве председателя Совета, а в качестве городского магистрата. Он провел их в зал суда, где перед скамьей подсудимых стоял, закованный в цепи, оробелый и бледный мужчина в домотканых рубаше и штанах. В целом вид у него был совершенно безобидный.

— Что он натворил? — спросил Джанни.

Ольдо жестом велел ему молчать и сказал:

— Синьор Браккалезе, синьоры! Этого крестьянина заметили, когда он следил за учениями нашего войска, затем его видели возле лотка на рынке, где торгуют голубями. Само по себе это, спору нет, не преступно, но затем, купив голубя, он вынес его на набережную, привязал к его лапке кусок пергамента и отпустил. Горожанин, который следил за ним, подстрелил голубя, попав ему стрелой в крыло. Крыло подживает, так что мы сможем использовать эту птицу для того, чтобы отправить другое послание. — Ольдо протянул Браккалезе-старшему обрывок пергамен-

та. — Прочтите и скажите, что нам делать с этим преступником.

Паоло взял пергамент и стал читать его, а Гар спросил у Ольдо:

— Кто свидетельствовал против этого человека?

— Один из горожан, которым я по твоему совету поручил наблюдать за подозрительными людьми. Надо сказать, он оказался чрезвычайно ловок, да еще и сумел шепнуть словечко еще двоим горожанам про то, что этот человек ведет себя сомнительно. Они посмотрели на него и запомнили его. Надо сказать, он уговорил их не проявлять жестокости по отношению к этому несчастному, заблудшему человеку...

— Заблудшему! — взорвался подсудимый. — Это вы, которые отвергли старые порядки и желаете лишить нас покровительства наших господ, говорите, что я — заблудший?!

— Похоже, ему попался добрый господин, — насмешливо проговорил Ольдо, — и потому он не понимает, как ему повезло, и насколько редки такие господа.

— Так он признается в совершенном преступлении? — спросил Гар.

— Признается, — кивнул Ольдо. — На него показывают четверо горожан и свидетельствуют о том, что он совершил.

— Но только не ваш лазутчик! — пылко проговорил подсудимый.

— Лазутчик здесь ты, — возразил Гар. — А наш человек тебя выследил.

— Выследил, а сам мне на глаза не попался, — презрительно процедил сквозь зубы подсудимый. — Побоялся небось.

— Само собой, — усмехнулся Гар. — Что от него толку, если станет ясно, кто он такой? Он поступил мудро — добился того, что показали на тебя другие люди. Насколько я понимаю, сам он и не обвинял тебя ни в чем, а только предоставил суду необходимые сведения.

Лазутчик нетерпеливо махнул рукой.

— Ну, что теперь? Повесите меня? Давайте вешайте. Я готов умереть за моего господина!

— О, я думаю, это не понадобится, — покачал головой Гар и, обратившись к Ольдо, добавил: — Я бы посоветовал вам оказать этому человеку гостеприимство. Пусть он погостит в городе, предоставьте ему отдельную комнату — конечно, не слишком роскошную, и угощениями его слишком баловать не стоит. Поселите его в комнате с зарешеченным окном, и пусть он там поживет, пока не присмирее. Быть может, его господин высоко оценит такого верного сторонника, и во время войны за него можно будет выторговать дюжину пленных.

— Превосходная мысль, — сказал Ольдо. При мысли о такой выгодной сделке глаза его весело засверкали. — Стража! — распорядился он. — Отведите этого пленного и запирайте его в одиночной камере, дабы он не мог долее произносить свои подстрекательские речи!

Как только стражники увели заключенного, Ольдо сказал Гару:

— Благодарю тебя, друг мой, за столь ценный совет. Я непременно назначу еще несколько наблюдателей, дабы они еще более пристально следили за прибывающими в город людьми.

— И за коренными жителями тоже, — уточнил Гар. — Некоторые из них, возможно, не питают доверия к флоту и создающемуся войску, и могут попытаться обеспечить безопасность своих семейств тем, что станут передавать сведения дворянам.

Лицо Ольдо помрачнело.

— Самая мысль об этом удручает меня, но я так и сделаю. И что же, на твой взгляд, так важно, чтобы свидетелями в суде по-прежнему выступали другие люди, а не наши разведчики?

— Это очень важно, — подтвердил Гар, — поскольку при таком положении люди, назначенные разведчиками, не превратятся в доносчиков, не станут пользоваться возложенными на них обязанностями для того, чтобы сводить старые счета со своими недругами. Нет, синьор председатель, я настоятельно советую вам действовать, как прежде, и требовать от каждого разведчика предоставления свидетелей с надежными доказательствами вины того или иного человека.

— Что ж, да будет так, — вздохнул Ольдо. — Благодарю вас, синьоры.

Как только они вышли из зала суда, Джанни ошеломленно проговорил:

— Я и представить себе не мог, что в городе действуют разведчики!

— Ну конечно, а как же! — воскликнул Гар. — Это ведь один из главных моментов военного времени!

— А как с войсками дворян? — спросил Джанни. — Туда тоже будут посланы лазутчики?

— Они уже посланы, — ответил Гар. — Верно, синьор Браккалезе?

— Посланы, — кивнул отец Джанни, а Джанни вдруг почувствовал себя невыносимо юным и нестерпимо наивным. Однако он не мог отказать себе в том, что опыта набирался быстро.

А вместе с ним опыта набирался весь город. Торговый город, никогда не испытывавший нужды в регулярном войске, засучив рукава постигал науку приготовления к войне. Все городские плотники трудились на корабельных верфях. Покинув недостроенные дома, они строили кили будущих каравелл. Лавочники скупали у прибывавших в город крестьян всю пеньку, все полотно для шитья парусов и плетения канатов.

В жизни Джанни наступили две самые напряженные недели. Гар муштровал его отдельно, обучая тому, как проводить учения с новобранцами. За день он успевал втолковать Джанни столько, что надо бы за два. Затем он поставил его во главе учений вместе с начальником пироджийской городской стражи и несколькими стражниками. Мать и отец Джанни вели учет новобранцев, а бывший попрошайка Владимир занимался заказом и закупкой форменных плащей, шляп с перьями и оружия. Все мастерские города работали днем и ночью, а горожане не могли уснуть от звона

молотков в кузницах, где круглые сутки кипела работа. Старик Грепотти трудился рука об руку с Владимиром, ворча по поводу каждого истраченного дука-та, но при всем том он исправно снабжал золотом городских торговцев. Сам председатель позаботился о том, чтобы в распоряжении Карло было как можно больше денег из городской казны. Ольдо самолично наносил визиты купцам и уговаривал их сделать щедрые пожертвования, упирая на то, что тогда Совету не придется поднимать налоги.

Джанни очень гордился своими соотечественниками. Молодые люди выстраивались в длинные очереди, чтобы записаться в войско, да и не только молодые. Джанни радовался тому, что не ему пришлось втолковывать старику Пьетро, что ему, шестидесятилетнему старику, страдавшему ревматизмом и подагрой, в войско записываться не стоит. Эту миссию на себя взял его отец. У Джанни и без того дел было по горло. Он присматривал за тем, как его друзья по приключениям муштруют молодых новобранцев до тех пор, пока те не научатся при поворотах по команде не задевать палками своих товарищей. Винченцо со своими подопечными был строг, как школьный учитель, и на любые возражения отвечал словами, совершенно не подобающими человеку ученому. Бывший воришка Эстрагон просто упивался тем, что может отдавать приказы законопослушным горожанам. Фесте пребывал в своей стихии — он неизменно задавался и выпендривался, командуя своим отрядом. Джанни же только и делал, что перебегал с одной площади на другую, стараясь побывать и на утренней муштре, и

на вечерних упражнениях с оружием, когда его командиры сами превращались в учеников, и за их выучку брались искусные во владении алебардами и мечами пироджийские стражники.

К концу первого изнурительного дня Джанни ничком повалился на кровать, не сомневаясь в том, что тут же крепко, без снов, заснет, но во мраке тут же возникло светлое пятнышко и мгновенно выросло, а Джанни даже не успел помыслить о том, чтобы приказать ему исчезнуть. На Джанни воззрился суровый седовласый старец-волшебник. Его волосы и борода развевались, как под ветром. Джанни еще немного побаивался его, но сейчас в нем было больше усталости, чем страха.

Что тебе теперь от меня нужно?

Волшебник удивленно взглянул на Джанни, свирепо нахмурился, и голову Джанни от виска до виска пронзила жуткая боль. Могучий голос сотряс все кругом:

Ты забываешься, мальчишка! Я оказываю тебе великую честь, являясь тебе, но это не значит, что ты смеешь дерзить мне!

Про... прошу прощения, — пролепетал Джанни.

Вот так-то лучше, — прозвучал голос, перестав заполнять все пространство вокруг Джанни, и боль в голове пропала столь же внезапно, сколь появилась. — *Я пришел, чтобы сказать тебе, что ты поступил верно, уговорив своих сограждан сражаться.*

Благодарю тебя, — отозвался Джанни. Однако на сей раз он совершенно искренне считал, что похвалы не заслуживает. — *Но это больше заслуга Гара, нежели*

моя. Почему бы тебе... То есть... Не лучше ли было бы тебе поговорить с ним?

Он — не уроженец Пироджии, он даже не уроженец Талипона, и у него нет права слова в вашем Совете. Лучше это или хуже, однако именно с твоей помощью я спасу Петрарку.

Джанни не находил слов для ответа. Он был так потрясен несказанной дерзостью старика-волшебника. Кто он такой, чтобы говорить о спасении целой планеты? Ну, еще города — это ладно, но... планеты?

Но одного войска недостаточно, — продолжал старец. — Мало и флота, который строится по наущению твоего друга Гара.

Но что же еще мы могли бы сделать?

Вы могли бы уговорить все торговые города восстать против аристократов. — Взгляд холодных глаз старца, казалось, проникал в самый разум Джанни, обездвигивал его, лишал воли, возможности сопротивляться. — Вы могли бы уговорить их лишить власти графов и дождей. Быть может, они могли бы изгнать их из городов, которыми на самом деле уже правят они, купцы и торговцы. Тогда они тоже смогут собрать войска и построить флот, а дворянам придется разделить свои силы, и тогда они не сумеют обрушить на Пироджию всю свою мощь.

Но ведь другие города могут потерпеть поражение!

Тогда пироджийцы, отбив нападение принца и его приспешников, смогут прийти им на выручку, — решительно проговорил старец. — Вашему городу нужны союзники, Джанни Браккалезе. Вы должны создать союз торговых городов, настоящую федерацию, республику!

Республику торговых городов?

У Джанни голова закружилась от мысли о том, что побережье Талипона объединено в одно государство, а внутри острова остаются отдельные города, где правят графы и герцоги. Эти дворяне будут драться не на жизнь, а на смерть, без пощады. Многие жители торговых городов погибнут...

Но многие погибнут и в том случае, если не станут драться с дворянами. Об этом заботятся мнимые цыгане и «Лурганская компания».

Может быть, ты и прав... Может быть, нам улыбнется удача...

Это ваш единственный шанс на победу! — В голосе старца от волнения появилась хрипотца. — *Скажи об этом своему отцу, скажи Совету! Жребий брошен, Джанни Браккалезе, ставки сделаны! Либо вы объединитесь, либо погибнете, а вместе с вами — и все остальные торговые города.*

Джанни понимал, что старец прав. Теперь это был вопрос жизни и смерти. Если дворяне уничтожат Пироджию, они сровняют с землей и другие города.

Я все сделаю, как ты сказал, — заверил Джанни старца. — *Но Совет однажды уже отказался от такого предложения.*

Это было тогда, когда еще и речи не было о том, что на город идут войска дворян! Но теперь, когда горожане понимают, что нужно сражаться, они будут более сговорчивы! Поговори с отцом! — Лицо старца начало таять, развевающиеся седины скрыли его. —

Помни об этом — поговори с ним! Убеди его! Иначе вам конец!

В следующий миг лик старца исчез окончательно, а Джанни проснулся, дрожа от страха, но и от волнения тоже. Мысль об объединении торговых городов пугала его и будоражила его воображение. Объединение городов во главе с Пироджией! Если у купцов будет весь флот прибрежных городов, если у них будет общее, объединенное войско, то дни дворян сочтены!

Все так — если удастся убедить Совет.

Совет убедить удалось.

Отец Джанни вернулся домой с заседания, сияя от радости.

— Никто и не подумал возражать! Выслушав меня, проголосовали единогласно. Гонцы уже отправились на быстроходных лодках в путь и сейчас выходят в открытое море!

Джанни и его мать в изумлении смотрели на Браккалезе-старшего, не веря собственным ушам.

— Как же только тебе это удалось? — ошеломленно промолвила синьора Браккалезе.

— А я говорил так, словно мое предложение — это нечто совершенно новое, словно прежде ни о чем таком и речи не заходило, а теперь ведь все думают только о войне и понимают, что когда война грянет, единственная надежда на то, чтобы уцелеть, — это победа! Их и убеждать не потребовалось, они были готовы согласиться с чем угодно, лишь бы это давало больше шансов на победу!

Наконец, через несколько часов после наступления темноты те горожане, что стояли на мысу, подняли крик. Он вскоре докатился до остальных, что ждали у пристаней:

— Корабли! Корабли!

Но чьи? Понять было невозможно, поскольку пока что были видны только полотнища парусов, озаряемые светом луны. Канониры застыли в ожидании возле пушек, пехотинцев Джанни выстроил вдоль берега. Их сердца бились так громко, что их стук слышали простые горожане. Воины выставили перед собой алебарды. Все ждали появления врагов. Горожане с готовностью расступались, давая дорогу воинам — мало ли, а вдруг к берегу плывут пиратские суда?

Но вот от мыса донесся вопль радости, и его быстро подхватили все остальные. Когда крик донесся до гавани, из-за мыса выплыли три корабля, и в свете факелов стали видны их вымпелы и на одном из парусов — орел, символ Пироджии! Тут уж все горожане узнали корабли, в строительстве которых каждый из них в той или иной мере участвовал, и радостные выкрики превратились в дружный победный рев, которому, казалось, не будет конца. Воины потрясали пиками и алебардами и тоже радостно кричали.

А из-за мыса выплывали все новые и новые корабли. Первые уже причаливали к пристаням, и через их борта спрыгивали на пирсы усталые, но счастливые матросы. Они расталкивали пехотинцев, а те хохотали от радости и хлопали своих соратников по плечам и приветствовали их восторженными возгласами,

а те пробирались к своим возлюбленным, женам, родителям и детям.

Последним на берег сошел адмирал, опираясь на руку Гара. На его груди белела повязка, однако он отважно улыбался, и в глазах его сверкал огонь победы.

— Лекаря! Лекаря сюда! — кричал Гар. Его форма почернела от пороха, в нескольких местах она была изодрана. Его левая рука и лоб были перевязаны, однако, похоже, он мыслил ясно.

Подоспевшие лекари увели адмирала. Джанни подбежал к Гару, ударил его по спине, принялся жать руку и восклицать:

— Поздравляю! Слава герою! Победа, Гар, восхитительная победа!

— Победил не я, а мои люди. — Гар улыбался, глаза его светились. — Но бой был великолепен, Джанни! Никому не пожелаю войны, но уж если она случается, пусть она будет такой!

— Расскажи мне, как все было!

— Мы вышли из гавани поутру, с попутным ветром. В миле от берега адмирал флагманского судна, Джованни Понтелли, увел половину кораблей дальше, за горизонт, а другой адмирал, Моска Качолли, повел остальные корабли к югу, вдоль берега, чтобы мы встретили пиратов как можно дальше от Пироджии. Ветер был попутный, и шли мы быстро, а как только ветер поменялся и подул к берегу, мы встретили пиратов у Львиного мыса. Адмирал Качолли отдал команду открыть огонь. Ты ведь помнишь, Джанни, как я велел расставить пушки — они все стоят на па-

лубах, закрытые полотном на случай шторма. Ниже палубы их нельзя ставить ни в коем случае, иначе всю команду оглушит пальба, изнурит жар, от порохового дыма начнут слезиться глаза. На самом деле и на палубах было не легче от всего этого, но по крайней мере канониры могли слышать команды и не задыхались от дыма. Правда, солнце палило немилосердно. Как бы то ни было, канониры сдернули с пушек полотно, зарядили их и открыли огонь. От отдачи корабль жутко раскачалось, но, как ты помнишь, я также настаивал на том, чтобы корабли не строили слишком высокими, поэтому они не перевернулись, а команда работала слаженно, и никто не угодил под пушки, когда они откатились после выстрела. Стрельбой командовал Качолли. Один корабль стрелял, а на других в это время заряжали пушки. В итоге мы наносили удары каждую минуту, если не чаще.

Ну а пираты ничего подобного не ожидали. Грохот стоял непрерывный, его было слышно кругом на двести ярдов. Наверняка прежде этим мерзавцам не приходилось сталкиваться с таким мощным обстрелом. Мы потопили с десяток вражеских кораблей, поскольку они для того, чтобы стрелять по нам, разворачивались бортами, а длинные галеры — превосходные мишени! А вот наши маленькие юркие каравеллы, стоявшие на большом расстоянии одна от другой, не позволяли врагам ни метко прицелиться, ни уж тем более попасть по цели. Выстрелов пиратских пушек мы не слышали из-за грохота собственных орудий, но видели, как шлепаются в воду пущенные врагами ядра — перед нашими кораблями, между ними, позади них, но

только не попадают в них. Короче говоря, нас они ни разу даже не зацепили!

— Ни разу? — вытаращив глаза, спросил Джанни.

— Что ж... Одна из наших каравелл лишилась мачты, там погибли трое матросов, но не сомневаюсь, то было случайное попадание! Но как бы ни блестяща была наша пальба, сама по себе она не могла решить исхода сражения, поскольку на каждый наш корабль приходилось три вражеских. Враги пытались окружить нас, подобраться к нам, невзирая на огонь. Мы развернулись и бежали, и с каждой минутой пиратские галеры отставали от нас все сильнее. Море разбушевалось, наши маленькие кораблики раскачивались на волнах, словно детские кони-качалки, а волны перекачивались через палубу и обдавали нас солеными брызгами. Но мы, лавируя, плыли против ветра, а пираты понятия не имели о том, как это делать. О да, они свернули паруса, но ветер все равно отгонял их назад, и их гребцы только понапрасну тратили силы. Наверняка на веслах сидели рабы, которых выучили гребле за неделю! Словом, как они ни старались, мы опережали их все сильнее и сильнее, и как только расстояние между нами стало достаточно большим, адмирал Качолли снова развернул наши корабли и отдал приказ открыть огонь. Несколько судов противника было потоплено, но тут пираты наконец начали соображать получше, и несколько галер пошли в обход, дабы взять нас в кольцо. Тогда мы снова спаслись бегством, но пираты, успевшие обогнать нас, повели галеры нам навстречу при попутном ветре и окружили нас.

Глаза Гара сверкали.

— Вот тут настал миг, когда моим морским пехотинцам пришлось выдержать проверку их боевой выучки. И они во всем превосходили несчастных крестьянских парней, которых нарядили пиратами, — превосходили так, как боевой конь превзойдет пони! Пираты пошли на abordаж, размахивая кривыми саблями, но мои моряки встретили их лезвиями алебард, выстроившись в шеренги. Первую волну abordажников мои люди уничтожили мигом, вторую порубали, а как только устали, отступили, а их место заняла вторая шеренга, с пылом вступившая в бой. Однако командиры гнали пиратов вперед, погоняли их кнутами и кинжалами, и они все валили и валили на палубы через оба борта в таком неимоверном количестве, что вскоре моим морякам пришлось бросить копья и взяться за мечи. Тогда начался бой один на один, полилась кровь, и каждый дрался сам за себя. Трое крестьян, новоявленных пиратов, бросились на меня, завывая, словно бесы, и размахивая мечами на манер топоров. Кровь во мне вскипела. Оставалось одно: убить или быть убитым, и потому я постарался забыть о том, что они воюют с нами не по своей воле, и стал драться. Первого я уложил метким уколом и уклонился, дабы его поверженное тело пролетело мимо меня. Затем я закрылся от удара его напарника, отступил, и третий враг по инерции помчался на меня, но я подставил ему подножку, и он упал, а я снова успел закрыться от удара второго. В следующий миг я с силой надавил на лезвие его сабли и пронзил его грудь своим мечом.

Тут, что совершенно невероятно, оказалось, что больше нет желающих сразиться со мной. Обернувшись, я увидел двоих моряков, бьющихся спиной к спине и отражающих атаки дюжины пиратов. Глупцы! Их никто не выучил боевым искусствам! Ведь только шестеро могут чего-то добиться при такой схватке, а дюжина — это ровно вдвое больше, чем нужно! Они просто-напросто мешали друг другу. Одного из них я ухватил за плечо и, отшвырнув назад, ранил в другое плечо, затем схватил другого за руку и толкнул. Он поскользнулся и упал, на него налетел третий. Так я расправлялся все с новыми и новыми врагами и каждого из них ранил, стоило им только развернуться, а к тому времени, когда я добрался до двоих отважных моряков, они и сами успели поработать на славу — уложили тех шестерых пиратов, которые были к ним ближе остальных. Тогда мы развернулись в ожидании новой атаки.

Вот так и шло сражение. Мои моряки крушили ряды пиратов, сея вокруг себя смерть, и в конце концов враги бросили оружие и запросили пощады. Моим капитанам удалось сдержать разъяренных матросов, а я созвал своих морских пехотинцев и приказал им запереть пиратов в трюмах их собственных кораблей.

— Но ведь это была только часть флотилии, — напомнил Гару Джанни.

— Верно, но этим злодеям удалось задержать нас настолько, что в итоге нас нагнали остальные корабли. — Лицо Гара стало печальным. — Посередине их флотилии находилось полдюжины кораблей, на которых плыли настоящие пираты. Они догнали нас и взяли

на abordаж. И тогда мои ребята начали гибнуть. Пал каждый пятый, как стало ясно потом, по окончании боя, но каждый перед тем, как погибнуть, уложил с десяток пиратов, и столько же убили те, что остались в живых. На меня набросился здоровенный детина, усатый, с мерзкой ухмылкой. Я парировал его удар, но он дал мне пинка. Этот удар я принял на бедро и замахнулся на него, но он быстро восстановил равновесие и отбил мой меч саблей. Я отскочил, но недостаточно быстро, и он успел поранить мне руку. — Гар кивком указал на повязку. — Тут я взревел от злости и, не дав ему опомниться, заколол его, как свинью — он и был свиньей, — а обернувшись, я увидел, что другой, такой же как он, заколол одного из моих ребят и гогочет, как жеребец. В глазах у меня потемнело от ярости, я бросился к нему и перерезал ему глотку. — Гар сокрушенно покачал головой. — На счастье, я быстро совладал с собой. Обернувшись, я увидел троих головорезов, что шли на меня, размахивая мечами и завывая под стать северному ветру. Я прыгнул и нанес удар снизу, угодил первому из них мечом под грудину и тут же выхватил у него ятаган. Ятаганом я ранил того пирата, что был слева от меня, и он, взыв от боли, сжал раненую руку, а мечом я сначала закрылся от удара врага справа, а затем сразил его. Развернувшись, я снова схватился с раненым, который снова полез в драку, отшвырнул в сторону его ятаган и прикончил его.

Вот так все было. Мы потеряли много людей, многие были ранены, но всех настоящих пиратов мы убили или выбросили за борт на съедение акулам. Им

выпало отличное угощение. Теперь они будут неделю пировать у ваших берегов, так что предупреди всех — пусть воздержатся от купаний вдали от берега.

Джанни зябко поежился.

— А как же другие наши корабли?

Глаза Гара снова вспыхнули.

— Покуда поддельные пираты гнались за нами, адмирал Понтелли устремился следом за ними с тыла. Как только они нас нагнали, он обрушился на них и принялся обстреливать задние суда. Говорят, это было душераздирающее зрелище. Эти тупицы, возомнившие себя пиратами, даже не додумались отплыть друг от друга подальше, начали цеплять друг друга веслами. В итоге они друг дружке навредили больше, чем мы им. Их галеры налетали одна на другую, весла трещали и ломались, гибли гребцы. А когда им наконец удалось расцепиться, наши канониры начали подстреливать их, и мои морские пехотинцы снова заставили меня ими гордиться. Из них пало всего человек десять, и им не по душе было то, что выпало на их долю, ибо им пришлось снова биться с необученными крестьянскими парнями. Те, правда, скоро запросили пощады. Мы и их заперли в трюмах. Затем мы переправили на вражеские корабли свои команды. Они приведут суда в гавань Пироджии до зари. Они плывут медленно, потому что теперь на галерах нет гребцов, и команды малы, но зато мы вдвое увеличили численность нашего флота!

— Невероятная, сказочная победа! — вскричал Джанни. — Но скажи, с чего ты взял, что большая

часть пиратов — это крестьяне, которых силком заставили сражаться с нами?

Гар ухмыльнулся.

— Да с того, что когда наш адмирал выбил меч из рук их адмирала и велел моим морским пехотинцам взять его, он вскричал: «Не прикасайтесь ко мне, низкое отродье! Да будет вам известно, что я — граф Плазио, и стою больше, чем весь ваш сброд, вместе взятый!»

Джанни, не веря собственным ушам, выпучил глаза, но тут же расхохотался и ударил Гара по плечу. Однако настроение его сразу же упало, когда он услышал плач и стоны у пристаней.

— Я же сказал тебе, что у нас есть потери, — сказал Гар. Лицо его помрачнело. — Погибли и морские пехотинцы, и матросы. Мы одержали великую победу, и досталась она нам достаточно легко. Ты поймешь это, когда увидишь, сколько вражеских судов мы потопили и сколько захватили, но нам пришлось заплатить за это, и многие будут рыдать нынче ночью, оплакивая погибших.

Джанни обернулся в ту сторону, откуда доносились рыдания и стоны. Только теперь он осознал, насколько реальна война, что она представляет собой не просто некое состязание, не игру, которую аристократы затеяли, дабы развеять скуку. В этом спектакле играли живые люди, и их игра заканчивалась трагически.

— Один философ говорил, что цена свободы — вечная бдительность, — негромко проговорил Гар за спиной у Джанни. — Но он забыл, что из-за чрез-

мерной бдительности слишком часто возникают войны, и тем, кто говорит, что лучше погибнуть свободным, чем жить рабом, лучше бы как следует подумать, так ли это.

Джанни чувствовал, как эта мысль пускает корни в его душе, как она мучительна. Но из глубины души уже поднимался к поверхности непоколебимо уверенный ответ.

— Надеюсь мне не придется платить за свободу такой ценой, Гар. Но если придется, я готов на это.

— Понятно, — кивнул Гар. — Ведь ты уже дважды был на волосок от гибели, но при этом не имел возможности дать отпор врагам, сразиться за свою свободу, верно? А вопрос даже не в том, погибать или нет. Вопрос в том, как погибнуть.

На следующий день после морской баталии в город вернулись три лодки с гонцами, посланными в другие торговые города. На следующий день прибыли еще две, потом — еще пять. Все города после жарких споров в Советах и палатах купеческих гильдий решили, что либо они будут сражаться, либо их сровняют с землей подметки солдатских сапог. Три города колебались, но известие о победе пироджийцев над плохо замаскированной флотилией дворян убедило и их, и наконец они тоже выразили готовность объединиться с Пироджией. Их послы встретились в Зале Совета и на торжественной церемонии подписали Хартию торговых городов, в которой выразили согласие совместно сражаться, повинаясь стратегии, разработанной в Пироджии. Только

такое согласие и дали послы, да и то лишь на время войны. О взаимоотношениях в мирное время они решили поговорить тогда, когда (и если!) наступит мир. Однако и этого хватило, чтобы народ Пироджии снова возрадовался, а Джанни приснился самый чудесный в его жизни сон.

Во мраке возник круг света, и Джанни приготовился к новой встрече с суровым старцем-волшебником, но свет все разрастался, и вот в нем проступили не развевающиеся седины, а легкие, воздушные одежды, и перед Джанни предстала призрачная красавица танцовщица. На этот раз она танцевала еще более томно и зазывно, чем прежде. Она вся светилась желанием — своим собственным, а не тем, что пробуждала в Джанни.

Хвала твоей отваге, Джанни Браккалезе!

Ее голос согрел мрак, окружавший Джанни. Он был готов поклясться, что почувствовал, как заколебался воздух от ее дыхания и коснулся его щек.

Ты поступил верно и мудро, убедив своего отца, и все торговые города послушались тебя! Теперь создан ваш союз, и все это — благодаря тебе!

Джанни купался в ее восхвалениях. Ему казалось, что голос красавицы гладит, ласкает его кожу. Однако честность заставила его возразить:

Но ведь это предложил Гар, а в Совете выступил мой отец!

Да, но доводы твой отец высказал твои, и это ты уговорил его снова выступить с таким предложением! О, ты храбр, отважен, достоин! В тебе есть все, чего только способна пожелать любая женщина!

Она была все ближе, ближе, но лицо ее по-прежнему скрывали складки полупрозрачной ткани. Вот красавица остановилась, застыла, одежды ее спали, обнажив прекрасное тело, только лицо и осталось закрытым. Джанни ахнул, напрягся. Он до боли жаждал прикоснуться к танцовщице и вдруг понял, что и у него в этом чудесном сне есть тело, более мускулистое и совершенное, чем наяву. Он был обнажен, и тело его светилось от желания обладать красавицей.

А она уже была совсем рядом, она взяла его за руку и прижала ее к своей груди, и позволила ласкать ее. Джанни в восторге смотрел на дивные изгибы ее чудесного тела. Внутренний голос пытался остановить его, твердил о том, что это дурно, грешно, потому что они не женаты, но красавица словно бы прочла его мысли и сказала:

Нет, в этом нет ничего дурного, ибо ты не волен над своими снами, и потому ни в чем не повинен. Никто не имеет власти над снами.

И она принялась ласкать его, повинуюсь собственной страсти, а страсть Джанни разгоралась все сильнее...

О, не сомневайся, ты не властен над этим сном, — уговаривала его прелестница. — Твой сон — в моей власти. Повинуйся же мне, ибо у тебя нет иного выбора, ты можешь либо бороться со своим желанием, исполняя то, чего жажду я, либо исполнять свое желание, и так и должно быть, только так и должно быть, ибо это — сон. Снись мне так же, как я снюсь тебе, Джанни, и нет в этом ни вины, ни греха, и грешно лишь одно: отказаться от дара радости, когда тебе его подносят.

Джанни с каждым мгновением все сильнее уверялся в том, что все так и есть, и вскоре отбросил все сомнения и целиком предался страсти, и страсть охватила его с головой. Он, до этой ночи бывший девственником и только мечтавший о связи с женщиной, в эту ночь познал науку любви во сне — познал до самых глубин.

Глава 14

Было, однако, в приготовлениях к войне нечто такое, чему Гару не пришлось учить жителей Пироджии. Купцы, а особенно члены городского Совета, во все времена испытывали здоровый интерес ко всем событиям, которые происходили в других городах и по соседству с ними: кто что покупал, кто что продавал, кто с кем в союзе, кто с кем в ссоре. И потому рыбаки и крестьяне хорошо понимали, что Совет Пироджии, как и отдельные купцы, непременно хорошо заплатят за такие вести. Гару не нужно было втолковывать членам Совета, что сведения о передвижении войск противника куда ценнее любых обычных новостей, но добывание таких сведений сопряжено с высокой опасностью. Совет сначала удвоил, а потом и утроил цену, назначенную за вести такого рода, и в итоге несколько крестьянских семейств, ставших погорельцами по вине солдат принца, получили столько денег, что им с лихвой хватило бы на то, чтобы обзавестись новым хозяйством и скотиной, только за то, что рассказали обо всём, что с ними приключилось, в Совете. Именно благодаря этим вестям купцы напуга-

лись настолько, что дали окончательное «добро» на учреждение войска.

И все равно Джанни с трудом верил в то, что те крестьяне, которых Гар уговаривал вновь и вновь отправляться на поиски сведений и которые возвращались с жуткими вестями, но тем не менее, как ни странно, выражали готовность снова отправиться на разведку, могли рассказать нечто такое, чего великан уже не знал, или доставить вести так быстро, как о них узнавал Гар. А еще Джанни заметил, что Гар стал носить на груди новую брошь, но решил, что это — часть новых доспехов.

Как бы то ни было, Гар сообщил офицерам пироджийского войска и Совету о том, что другие торговые города уже укрепили свои стены и занимаются муштрой собственных армий. Эти вести никого не удивили, но все же как Гару удалось так быстро узнать об этом? И как он мог прознать о том, что многие дворяне отозвали своих солдат обратно в города, дабы наказать дерзких купцов? А самое главное — как обо всем этом Гар мог вызнать при том, что эти самые вести разведчики принесли в Пироджию спустя пару дней? Как бы то ни было, все это так и было, и когда число крестьян, бежавших в Пироджию, возросло впятеро, Гар сказал Совету о том, что войско дворян приближается к городу. А на следующий день, после полудня, когда первые ряды войска противника показались на вершинах холмов неподалеку от города, Гар заверил пироджийцев в том, что численность войска сократилась на одну треть.

Но какова бы ни была численность его войска и в каком бы состоянии оно ни пребывало, принц Рагинальди не привык упускать ни единой удачной возможности, когда таковая предоставлялась, и потому отправил кавалерийский отряд, дабы тот не дал подойти к Пироджии последним крестьянам-беженцам. Кроме того, отряду был дан приказ захватить мост и дамбу, ведущие к городу с суши.

Однако и Гар прекрасно понимал, какие возможности открывает этот маневр. Еще утром он отправил своих воинов навстречу беженцам, дабы велеть тем поторопиться и предупредить их о том, что в городе их ждать не будут. Даже наиболее упрямые в конце концов побросали повозки со скарбом и бегом бросились к городу, и в итоге городские наружные ворота захлопнулись тогда, когда кавалерию Рагинальди отделяло от них расстояние в четверть мили. Двое добровольцев-скороходов следовали по пятам за толпой беженцев и поджигали пороховые заряды, заложенные в дамбу. Как только взрывники вбежали во внутренние ворота, слышались первые взрывы и сотрясли остров. Все как зачарованные смотрели на гигантский фонтан воды, взметнувшийся из лагуны и разнесший во все стороны первые обломки дамбы. За первым взрывом последовал второй, потом — третий. Взрывы приближались к внутренним воротам, они звучали все громче.

— Назад! Скорее назад! — прокричал Гар, его крик подхватили солдаты и стали оттеснять людей от ворот. Толпа неохотно отступила, не понимая, с чего это солдаты проявляют о людях такую заботу, но вскоре

это стало ясно, поскольку на площадь за воротами посыпались камни и обломки бревен. Через некоторое время рухнули и сами ворота.

Наконец отзвучало эхо последнего взрыва, осела пыль, и весь город увидел, как плещутся волны на месте исчезнувшей дамбы и как в злобе потрясают кулаками стоящие в полумиле от города на берегу всадники. Всем были слышны их крики и проклятия по адресу хитроумных пироджийцев. Горожане поняли, что теперь город напрочь отрезан от суши, что началась самая настоящая осада Пироджии.

Да, осада, но только осада, и ничего больше, поскольку дворяне с материка понятия не имели о том, как снарядить флот. Они собрали все рыбацкие лодки в округе, где-то раздобыли речные кораблики, а горожане сидели на берегу и смеялись. В конце концов дворяне усадили в эти суденышки сотню солдат, и «флотилия» отчалила от берега.

Когда они одолели полпути до Пироджии и когда солдаты начали заряжать арбалеты и нервно постукивать алебардами, с обеих сторон главного острова Пироджии против ветра им навстречу отплыли под парусами шесть каравелл.

Завидев парусники, рыбаки, насильно усаженные дворянами в лодки, принялись отчаянно грести, хотя их лодки и так уже неслись на полной скорости, подгоняемые попутным ветром. Но тут капитаны каравелл прокричали приказ, и каравеллы, развернувшись по ветру, набросились на вражеские лодки, словно соколы на стаю голубей. Некоторые из солдат дворянского войска стали кричать, подняли свои неук-

люжие мушкеты, начали целиться, открыли оглушительную пальбу, но добились только того, что напугали лошадей и гребцов. Кроме того, стрелки не предполагали, что случится с лодками вследствие стрельбы. Лодки стали раскачиваться и перевернулись. Пехотинцы, не умевшие плавать, завопили от ужаса. Рыбакам хотя бы хватило ума поплыть обратно и ухватиться за перевернутые лодки, а пироджийские матросы, оглушительно хохоча, бросали солдатам канаты. Те с радостью хватались за них, и матросы вытаскивали их на борт, словно испуганных и вымокших собак.

На нескольких лодках более сообразительные рыбаки убрали паруса и попытались отгрести подальше от каравелл, но солдаты, непривычные к таким резким поворотам, теряли равновесие и сбрасывали друг дружку за борт. Гребцы на одной из лодок решили не упускать такой блестящей возможности. Они принялись колотить солдат веслами, сбивать с ног и сбрасывать в воду. Как только в воде оказался последний солдат, рыбаки налегли на весла и на полной скорости устремились к Пироджии и собственной свободе. Другие, не столь сообразительные или более верные тем, кто им платил, развернули лодки к берегу, дабы доставить туда солдат, однако далеко отплыть им не удалось: их остановили цепкие абордажные крючья, брошенные матросами каравелл. С палуб прыгнули в лодки морские пехотинцы, закипела жаркая, но короткая схватка между обученными абордажу пироджийцами и неуклюжими на море солдатами. Несколько морских пехотинцев, правда, пали в этом бою, но каж-

дой каравелле удалось захватить по десятку солдат в плен. Затем суда развернулись к Пироджии, оставив на море множество обломков. Однако большую часть лодок матросы привели к берегу в качестве боевых трофеев. Вечером на берег вынесло несколько тел утонувших солдат, но в это время девяносто шесть их пленных товарищей уже находились в подвале здания городского Совета и, ворча, отогревались у очагов. Окошки подвала пришлось в спешном порядке снабдить решетками, в результате чего он превратился хоть и в созданную на скорую руку, но весьма надежную тюрьму.

Наблюдая за зрелищем победы пироджийцев, Гар качал головой.

— Наверняка принц сейчас говорит: «Ничего, ничего, теперь им придется кормить лишнюю сотню нахлебников, и одному Богу известно, сколько крестьян к ним прибежало за последние дни. Еды им надолго не хватит».

— Он же не знает, что за счет беженцев пополняются ряды твоего войска, — напомнил другу Джанни.

— Да, но не за счет их жен, детей и стариков, — отозвался Гар. — И нашим воинам тоже нужно есть. Принц прав, Джанни? Наши запасы тают, как утренний иней?

— Я видел иней, когда мы шли через горы, — задумчиво проговорил Джанни, — но прежде я видел, как идет дождь — видел всю мою жизнь. — Он указал в сторону гавани. — Вот ответ на твой вопрос, Гар.

Великан всмотрелся вдаль и увидел каравеллу, плывущую к берегу против бриза, дующего со стороны города.

— Вино с юга, зерно с северного побережья Внутреннего моря, — задумчиво проговорил Джанни. — Свинына с запада, говядина — с востока... Нет, Гар, мы не будем голодать. Я тебе больше того скажу. Почти наверняка этот корабль везет шерсть, а не он, так другие привезут, а каждая из крестьянок, что бежали в город, умеет прясть и ткать. Корабли увезут готовую ткань из Пироджии, и за нее можно будет выторговать еще еды. К тому же мы можем изготовить еще много хорошей глиняной посуды и стекла из глины и песка... Нет, мы не будем голодать.

В этот миг со стороны материка посылался громкий выстрел, и друзья увидели летящее по воздуху ядро. Оно направлялось прямо к приближавшемуся к берегу кораблю. Гар и Джанни затаили дыхание, ожидая самого страшного, но ядро упало в море. Взметнулся фонтан воды, корабль раскачало, но ничего ужасного не произошло. Джанни облегченно вздохнул.

— Вот не думал, что у них есть пушка, способная так метко стрелять!

— И я не думал, — проговорил Гар. — А что, кто-то из дворян покупал пушки у ваших оружейников?

Джанни сдвинул брови.

— Я о таком не слыхал. Вряд ли кому-то пришла бы в голову такая глупость — продать дворянам пушку, отлитую по твоему совету!

Гар скривился.

— Мне бы не хотелось делать из этого тайну, Джанни, но ничего не попишешь. Сейчас мудрее держать все секреты при себе — до тех пор, пока мы не победим в этой...

Пушка выстрелила снова, и в небо взлетело еще одно ядро. Друзья снова затаили дыхание, и когда ядро набрало полную высоту, Гар успокоенно прошептал:

— Слишком высоко.

Само собой, ядро перелетело через корабль и, упав, взметнуло фонтан брызг по другую сторону от каравеллы. Корабль был еще далеко от берега, но до Джанни и Гара донеслись радостные возгласы матросов.

— Они целы и невредимы, — обрадовался Джанни. — Ни один канонир не способен попасть по кораблю с такого расстояния, но только... знаешь, на миг мне все-таки показалось, что это случится.

— Может случиться, и случится, — мрачно отозвался Гар. — Теперь этот канонир пристрелялся, и следующее ядро угодит в цель. Ты мог бы дать знак людям на этом корабле?

Джанни в тревоге взглянул на друга, но не успел он развернуться и броситься к флагштоку, на котором поднимали сигнальные флаги, как прозвучал новый выстрел. Джанни и Гар в страхе смотрели в небо. Ядро набрало высоту и устремилось к кораблю. Матросы панически разворачивали все новые и новые паруса в надежде обогнать ядро...

Ядро ударило в борт каравеллы чуть выше ватерлинии. Корабль накренился, в пробоины хлынула вода, каравелла стала заваливаться на корму. Друзья слышали, как что-то прокричал капитан. Команда рину-

лась к спасательной шлюпке. Корабль дрогнул, крен его усилился, нос задрался вверх под прямым углом. Матросы, теряя равновесие, падали за борт.

— Одной шлюпки им не хватит, — в тревоге крикнул Гар, но Джанни уже бежал к гавани, чтобы распорядиться об отправке лодок с берега на помощь к потерпевшим крушение.

Однако его опередили. К барахтавшимся в волнах матросам уже отплыло с десятков лодок. Джанни, стоя на берегу, смотрел, как пироджийцы вытаскивают из воды матросов, но в это время снова послышался отдаленный выстрел, и новое ядро устремилось к маленькой спасательной флотилии...

Джанни в страхе закричал, но ядро успели заметить и с лодок, и они поспешно расплылись в разные стороны. Ядро упало в море, обдав людей брызгами и перевернув две лодки. Другие лодки тут же бросились на помощь, вытащили тех, кто оказался в воде, перевернули лодки, но, увы, двое людей погибли. Последняя лодка забрала их тела, и вся маленькая флотилия на полной скорости направилась к берегу. В это время прозвучал очередной выстрел. На этот раз ядро упало в то место, где затонул корабль, но никакого вреда спасателям и спасенным не причинило.

Джанни обернулся. Лицо его пылало гневом. Гар торопливо подошел к нему.

— Как они только могли, Гар! Стрелять по кораблю — это я еще могу понять — в конце концов идет война! Но стрелять по спасательным шлюпкам — это подло!

— Это вполне в духе дворян, — угрюмо проговорил Гар. — Ведь их цель состоит в том, чтобы наказать вас, и еще они старались добиться того, чтобы вам не достался груз, который везли на этом корабле. Пожалуй, можно сказать, что они добились именно того, чего хотели, и ясно продемонстрировали свои намерения.

— Яснее некуда. Теперь я уже не так уверен в том, что мы не станем голодать. — Джанни устремил взгляд к тонувшему кораблю. Ему казалось, что вместе с ним тонут в пучине моря его надежды на лучшее. — Что же нам делать, Гар?

— Где есть одна пушка, могут быть и другие, — глубокомысленно изрек великан. — Но будь они у наших врагов, они бы ими воспользовались. А если бы не только один канонир умел стрелять так метко, стреляли бы и другие.

Джанни смотрел на друга, и в глазах его вспыхнули огоньки возвратившейся надежды.

— Не хочешь ли ты сказать, что если мы уничтожим эту пушку, нашим бедам конец?

— Если вдобавок захватим и стрелка, — кивнул Гар. — Наверняка, конечно, сказать нельзя, но шанс велик.

— Тогда непременно надо попытаться! Но почему «захватить»? Убить его — это будет куда вернее и не так рискованно. Теперь, когда враги потопили этот корабль, я не вижу причин, почему от этого стоило бы воздержаться. Конечно, если получится, лучше бы взять этого канонира в плен, но...

Гар прервал его:

— Я хочу потолковать с ним, Джанни. Хочу выяснить, где это он выучился так метко стрелять.

— Но ведь для того, чтобы захватить его, нам придется отправиться на тот берег!

— Именно, — кивнул Гар. — А как иначе мы сможем уничтожить это оружие?

Джанни ни за что бы не решился намазать лицо сажей. Ну, нарядиться во все черное и замотать голову черным шарфом — это еще ладно. Понятно — ему и его людям нужно было стать незаметными. Но чтобы чернить лицо — нет, ни за что! И пусть Гар изготовил краску, смешав копоть с салом, Джанни решил, что тайная вылазка, так или иначе, плохо пахнет.

К противоположному берегу отправились в трех легких лодочках на веслах, обмотанных тряпьем. Для пушей скорости расселись так, чтобы на каждого гребца приходилось по одному веслу. Как только лодки приблизились к берегу, Гар выпрыгнул на сушу и втянул на песок первую лодку, приподняв ее нос, чтобы было меньше шума. Загребные с других лодок последовали его примеру. Пироджийцы бесшумно вышли на песчаный берег, мягко ступая легкими кожаными туфлями на толстой мягкой подошве. Сапожники целый день тачали эту обувь, следуя указаниям Гара, и в итоге засиделись до самой ночи, чтобы успеть обеспечить туфлями весь отряд.

Гар дал знак своим спутникам. Зажав в зубах ножи, они углубились в тень под деревьями. Ночь была безлунная.

Откуда ни возьмись справа вдруг возник дозорный. Он устало, скучаяще обернулся, однако скучающее выражение мигом стерлось с его физиономии, как только он увидел лазутчиков менее чем в двух футах от него. Он вскинул пику, открыл было рот, чтобы крикнуть и поднять тревогу, но Джанни, наэлектризованный страхом, кинулся на него и ухватил за горло, не дав закричать. Дозорный заметался, выронил пику, он пытался вырваться, но сзади подоспел другой пироджиец, Волио, и стукнул его по затылку кожаным мешочком, туго набитым песком, изготовленным опять-таки по наущению Гара. У дозорного закатились глаза, он согнулся. Джанни отпустил его шею и ухватил за рубаху, после чего осторожно и бесшумно опустил на землю. Он взглядом поблагодарил Волио, развернулся и поспешил за Гаром. Тот одарил Джанни одобрительным кивком и повел отряд дальше во мраке ночи.

Высадились диверсанты как можно ближе к тому месту, откуда стреляла пушка, однако дворяне оказались настолько нелюбезны, что поставили коварное орудие довольно далеко от берега. Гар вел отряд по петляющей тропинке между небольшими, на одного человека, шатрами, стараясь при этом держаться как можно дальше от шатров и от тлеющих костров. Пироджийцы медленно, но верно продвигались вперед, и вдруг неожиданно послышавшееся ворчание заставило всех остановиться и замереть. Джанни в страхе всмотрелся в ту сторону, откуда донесся звук, и увидел растрепанного, с красными глазами солдата, ко-

торый с трудом оторвал голову от земли, рыгнул пивным перегаром и проворчал:

— Кого это... тут носит, а?

Тут глаза его в ужасе выпучились, он был готов заорать, но, получив мешком с песком по затылку, мигом притих. Глаза его закрылись, и он безмолвно улегся на землю. Джанни едва не расхохотался. Наверняка, проспавшись, этот вояка будет вспоминать случившееся с ним, как страшный сон по пьянке. Услышав впереди шепот, Джанни обернулся. Гар звал всех вперед.

Теперь пошли осторожнее, приглядываясь, не окажется ли еще спящих на земле. И вот наконец сквозь тьму впереди проступили очертания пушки — черной на фоне мрака.

Гар предостерегающе поднял руку, и все замерли: возле пушки несли караул дозорные, по одному с каждой стороны от орудия. Джанни не в силах был отвести взгляда от пушки — такой огромной он ни разу в жизни не видел. Лафет орудия находился на уровне его глаз. Гар дал отряду знак пальцами — этот язык он разработал до того, как пироджийцы отправились на дерзкую вылазку, — и диверсанты кошачьим шагом пошли в обход орудия, подальше от костра, горевшего рядом с дозорными.

Что их выдало — этого Джанни не понял. То ли кто-то слишком шумно ступил, а может, кто-то прошел слишком близко от костра и его свет отразился от его глаз. Как бы там ни было, дозорный, карауливший пушку с дальней стороны, завопил:

— Враги!

И взяв алебарду на изготовку, нанес удар. Пироджиец вскричал от боли. Крик его, хоть и приглушенный, оказался все же достаточно громким для того, чтобы пробудить весь орудийный расчет. Через мгновение оба дозорных уже орудовали алебардами вовсю.

Джанни пригнулся, а выпрямившись, заехал дозорному по затылку мешком с песком. Алебарда выпала из онемевших пальцев дозорного, Джанни схватил ее, развернулся и принялся отбиваться от мордастых солдат. Лезвие алебарды вонзилось в чье-то тело. Раненый взвизгнул от боли, а его напарники в страхе отступили, напуганные зрелищем демонов в черных одеждах, вышедших из мрака ночи. Полуминутного замешательства хватило для того, чтобы на солдат обрушились остальные пироджийцы. Джанни передал алебарду Волио и развернулся к канониру. Тот был одет более изысканно, нежели остальные воины, и криками призывал на помощь, при этом отбиваясь от пироджийцев мечом и кинжалом. Джанни тоже выхватил меч — более короткий, правда, нежели клинок канонира, и ринулся в бой. Он то наносил удары, то сам закрывался от них. Рядом кипела схватка. Солдаты вопили как безумные и наступали на диверсантов, а те отчаянно отбивались. Гар, не теряя времени даром, запихивал в дуло пушки прихваченный из Пироджии цилиндр. Винченцо забежал за спину канонира, пылко сражавшегося с Джанни и продолжавшего призывать кого-нибудь на помощь, поднял мешок с песком, опустил его на макушку канонира, и тот застыл, выпучив глаза и раззявив рот, но в следующее мгно-

вание обмяк. Джанни подскочил к нему, поймал и перебросил через плечо.

В то же мгновение рядом с ним оказался Гар. В руках его вспыхнуло пламя, и Джанни увидел, что к жерлу пушки тянется какой-то тонкий шнурок. Великан подхватил и уложил к себе на плечо раненого Бораччио и бросил:

— Выносите раненых, погибших оставьте! Бегите так быстро, словно за вами по пятам гонится сам дьявол!

С этими словами он развернулся и рыча, словно зверь, бросился напролом, прямо в гущу вражеских солдат. Пироджийцы возопили и ринулись за ним вслед, таща на себе троих раненых. Четверо смельчаков пали на поле схватки.

Дозорные, придя в себя, принялись вопить на чем свет стоит и погнались за пироджийцами, но были вынуждены отступить, так как вид чернокожих демонов ночи был страшен.

А потом жуткий взрыв раздался во мраке. Ударной волной солдат разметало, досталось и диверсантам.

— Головы руками накройте! — крикнул на бегу Гар, но пироджийцы успели отбежать на такое расстояние, что железные осколки до них не долетели. Солдаты кричали от боли и ужаса, но к тому времени, когда они оправились от потрясения, отряд пироджийцев уже был на ногах и удирал во всю прыть.

Гар увел диверсантов в темноту и кругами вывел к берегу. На пути, не стесняясь и не таясь, пироджийцы убивали всех, кто вставал у них поперек дороги. На-

конец они прыгнули в лодки и отплыли. Увы, из трех лодок к Пироджии отчалили только две.

В сотне ярдов от берега Гар позволил своим людям передохнуть. Пироджийцы повалились головами на весла, тяжело дыша и в изумлении глядя на плававший на берегу пожар.

— С пушкой покончено, — заявил Гар и, опустив глаза, посмотрел на лежавшее у его ног бесчувственное тело. — Теперь займемся канониром.

Джанни сидел на пристани и смотрел на море. Гар подошел и сел рядом с ним.

— Прошлой ночью ты отлично сражался, Джанни.

— Спасибо, — благодарно отозвался Джанни. — А что канонир? Он ответил на твои вопросы?

— Ответил, и притом без малейших колебаний, — сказал Гар. — Похоже, он уверен, что его ответы напугают нас не меньше его пушки.

Джанни нахмурился.

— И что же? Это действительно так?

— Нисколько. Просто он дал мне именно те ответы, каких я ждал. Он — молодой и сообразительный рыцарь. Он признался в том, что такая пушка у них всего одна и что ему известно только, как наводить орудие на цель. Он оказался единственным дворянином, пожелавшим выучиться этому мастерству у косноязычных торговцев — само собой, это были лурганцы. Но они не только обучили его стрельбе из этого орудия, они еще и научили его оружейников тому, как изготовить пушку, которая способна так метко стре-

лять. Но у кузнецов на ее изготовление ушло три месяца, а во время испытания предыдущих моделей двое погибли, так что вряд ли дворяне станут отливать новые такие же орудия.

— Вряд ли, если учесть, как быстро мы ее уничтожили, — кивнул Джанни. — Вот только сомневаюсь, что у нас снова так получится.

— Сомневайся, сколько твоей душе угодно. Главное, чтобы в этом не сомневались дворяне. Во всяком случае, успех нашей вылазки скорее всего удержит их от изготовления новых пушек. Но если они таки решатся, то охранять орудия, безусловно, будут более бдительно.

Джанни искоса взглянул на друга.

— А ты, наверное, станешь придумывать, как еще можно было бы обмануть охрану?

Гар, едва заметно усмехнувшись, ответил:

— Само собой.

Джанни успокоился. К нему возвращалась уверенность. Он обернулся к морю, увидел приближающийся к гавани корабль и несказанно обрадовался тому, что не слышит залпа вражеского орудия.

— Что ж, тогда, похоже, мы все-таки не будем голодать.

— Нет, — согласился Гар. — Не будем. А вот дворяне — вполне может быть.

На самом деле, конечно же, голод дворянам не грозил. Каждый из них был обеспечен зерном, овощами и скотом, которые его солдаты отбирали у живших поблизости крестьян. Большей частью и отбирать-то

все это было не у кого, можно было просто брать и уносить, поскольку подавляющее большинство крестьян бежало под защиту Пироджии. Но с каждым днем мародерам приходилось отправляться в более дальние продовольственные экспедиции, а те солдаты, что оставались в лагере, от безделья начали ссориться между собой. Принц Рагинальди попробовал было занять их постройкой кораблей, но его плотники умели строить только речные суда, да и те почти сразу же после спуска на воду становились легкой добычей пироджийцев. Те либо топили маленькие суденышки, либо вводили в Пироджию в качестве трофеев. Но принц все равно упрямо заставлял своих воинов строить все новые и новые корабли. Те же, видя тщетность своих трудов, начали роптать, и с каждым днем недовольство их становилось все более и более явным. В скором времени принц стал устраивать ежедневные порки корабелов, и ропот пошел на убыль, но совсем не прекратился — только стал еще более злобным.

Короче говоря, боевой дух в лагере осадивших Пироджию дворян падал день ото дня. Срок захвата города отдалялся, и уже было непонятно, когда же начнется штурм. От всего этого пироджийцы начали успокаиваться и расслабляться. Тщетно взывал к горожанам Гар, тщетно предупреждал их о том, что луна на ущербе, что вскоре наступят безлунные ночи, и тогда город станет особенно уязвим для врагов — тщетно, поскольку дозорные искренне полагали, что если они не смогут увидеть приближения врагов, то и враги, стало быть, тоже не смогут разглядеть своей цели. Словом, хотя ночные часовые и сохраняли некое по-

добие бдительности, настоящую бдительность они утратили — то есть такую бдительность, при которой человек вздрагивает при каждом шорохе и слышит угрозу в каждом птичьем крике, но именно из-за этого более пристально приглядывается к каждому темному пятнышку на фоне черного неба и черного моря. Стоило горожанам лишь немного расслабиться, как однажды ночью со стен послышались крики и была поднята тревога.

Гар и Джанни вскочили с постели — в эту ночь стражей командовали их заместители, — второпях оделись, похватали мечи и топорики и бросились к пристаням. Из моря валом валили люди в черном. Даже наконечники их копий и лезвия алебард были выкрашены черной краской, даже лица вымазаны сажей. К тому времени, когда Джанни и его подчиненные подбежали поближе, дозорных уже и в помине не было, а враги заполнили площадь около пристаней.

Дозорные погибли — еще счастье, что они успели сослужить городу последнюю службу, подняв тревогу. Джанни вскричал:

— Отомстим! Отомстим за наших дозорных! — и врubilся в толпу врагов, размахивая мечом во все стороны. Наконец и люди в черном закричали от боли и злобы и начали отбиваться, но Джанни был недосыгаем для копий и алебард — оружия, рассчитанного для боя на приличном расстоянии. Он то налетал на врагов, то отскакивал назад и работал мечом так, как его учил Гар. Позади него дрались его подчиненные, издавая оглушительные боевые кличи, то рубя мечами,

то нанося колющие удары копьями, то орудуя их рукоятками на манер куотерстафов — этому их тоже обучил Гар. С обеих сторон гибли люди, а враги все прибывали и прибывали.

Им, казалось, не будет конца. Люди в черном шли нескончаемыми волнами, а у Джанни уже руки устали рубить и колоть. Но и пироджийским воинам не было числа, а они в отличие от врагов дрались за свой дом, за своих возлюбленных, а не за деньги и не из страха перед офицерами.

С приглушенным хлопком загорелся огонь. Дерущиеся на миг замерли. Все взгляды устремились в ту сторону, где вспыхнуло пламя. Его языки взметнулись к ночным небесам.

— Каравелла! — вскрикнул Джанни. — «Кестрель», корабль Ансельмо, он стоял на рейде в гавани! Они подожгли наше продовольствие, они решили уморить нас голодом! Туда! Гоните их! Пусть поджарятся на этом огне!

Его люди ответили на этот призыв дружным ревом ярости и бросились на врага. Джанни мчался вперед, подхваченный волной соотечественников. Он размахивал мечом с утроенной злостью. Пироджийцы начали теснить захватчиков с площади, потом дальше, дальше, по пристаням, в воду...

Солдаты дворянского войска в страхе закричали, развернулись и побежали к берегу. Джанни замер, не в силах поверить собственным глазам. Захватчики стояли на воде и помогали подняться тем, что плыли! И что самое поразительное — они удалялись, не шевеля

ногами, они просто уносились по волнам прочь от берега!

Они... дрейфовали! Плыли стоя! Теперь Джанни понял, куда смотреть и что искать взглядом, и в свете пламени горящего корабля разглядел под ногами у вражеских воинов бревна. Враги приплыли на плотках — огромных плотках, выкрашенных черной краской. Их не было видно на черной воде, а враги нашли город потому, что его масса загораживала звезды, а потом и сторожевые огни увидели!

— Лучники! — вскричал Джанни. — Приготовьтесь! Если они вздумают вернуться — стреляйте!

Но лучники не стали ждать — они начали выпускать стрелы залп за залпом по врагам, уходившим на плотках, и те с криками страха и боли падали. Некоторые опустились на колени и принялись отчаянно грести. Медленно, но верно неуклюжая флотилия удалась от пристаней.

К Джанни, тяжело дыша, подбежал Гар. Из порезов и ссадин текла кровь.

— Где ты был? — сердито буркнул Джанни, но, разглядев раны, устыдился своего тона. — Прости...

— Извинения приняты, — выдохнул Гар. — Враги высадились на берег не только здесь, они высадились у каждой пристани, у каждой спускающейся к морю лестницы, по всему острову. Как только я услышал тревогу, я сразу заподозрил, что происходит, и отправил отряды ко всем таким местам. Потом мы с моими морскими пехотинцами перебежали от одного места схватки к другому. Работенка была не из легких, но

все же нам удалось оттеснить врагов и заставить их отплыть от берега.

— Это здорово! — воскликнул Джанни, широко распахнув глаза. — Ты ранен?

— Ерунда, легкие царапины, — отмахнулся великан. — Ты и сам ранен.

— Правда? — Джанни потрогал щеку и с изумлением воззрился на залитые кровью пальцы.

Гар внимательно оглядел его с головы до ног.

— У тебя опасных ранений тоже нет, но для верности надо бы показаться лекарю. Боюсь, многие из наших людей получили более тяжелые раны, но и многие враги тоже.

— Вижу... — Взгляд Джанни скользнул к груде тел в черном. — Несчастные рабы... Но как они могли додуматься до такого? С одной стороны, проще не придумаешь, а с другой — это ведь большая хитрость!

— Ни до чего они не додумывались, — покачал головой Гар и поджал губы. — Такое ни за что не пришло бы в голову талипонским аристократам, возвращенным на легендах о благородстве и боевой славе. Пошупай рубаху этого несчастного, Джанни. Попробуй ткань на крепость.

Джанни, не поняв, к чему клонит Гар, опустился на колени рядом с убитым воином и, ухватив край рубахи, сжал ее двумя руками и, растянув, дернул. Ткань оказалась удивительно прочной.

— Шелк? — изумленно проговорил Джанни. — Для тысяч воинов сшили одежды из шелка?

— Нет, это не шелк, — сказал Гар и протянул Джанни кинжал. — Попробуй надрежь.

Джанни попробовал. Ткань не поддавалась, как он ни старался. Наконец он ошеломленно взглянул на Гара.

— Что же это за ткань такая?

— Наверняка она привезена лурганскими торговцами, — ответил Гар. — А если бы ты посмотрел, какой краской вымазаны их лица, ты бы обнаружил, что это не просто сажа или копоть, но нечто гораздо более тонкое. Это лурганцы подсказали дворянам, как провести атаку, Джанни, это они снабдили их всем нужным.

Джанни в ужасе смотрел на Гара.

— Так теперь они... их военные советники?

— По всей вероятности, — мрачно кивнул Гар. — Мы же знаем, что они воспринимают Пироджию как угрозу, верно?

«И тебя», — подумал Джанни, глядя на угрюмое, суровое лицо, но вслух он, конечно, ничего не сказал.

С этого времени дозорные на постах не смыкали глаз, но как выяснилось впоследствии, напрасно. Ночных рейдов больше не было. Пироджийские каравеллы патрулировали пролив между городом и материком. Ропот в лагере врагов усилился. Судя по сообщениям разведчиков, боевой дух вражеских воинов падал день ото дня. Пироджийцы радостно встречали каждую каравеллу, доставлявшую в город продовольствие, и потчевали гостей вином из городских винных погребов. Гар, естественно, мрачнел с каждым днем, у него запали глаза, он бродил по берегу и что-то бормотал себе под нос. Наконец Джанни не выдержал и спросил у друга, в чем дело, и Гар ответил:

— Уж слишком все хорошо.

И на самом деле, для пироджийцев все складывалось слишком хорошо. Более того, отправляемые в другие города гонцы возвращались с благоприятными вестями, а каравеллы отвозили туда оружие. Портовым торговым городам не грозил голод. Трудности для них заключались в обороне городских стен — ведь только Пироджия обладала естественной водной преградой. Между тем никто из дворян Талипона не обладал достаточно мощным войском сам по себе, а союзники любого из аристократов посиживали, злопыхая, за стенами собственных городов либо находились с войском принца Рагинальди, безуспешно осаждавшим Пироджию. Гар отправлял в другие торговые города пушки и арбалеты вместе с тактическими советами и с ухмылкой наблюдал за тем, как зреет смута в лагере принца.

Помимо всего прочего, солдаты из лагеря Рагинальди, как оказалось, не имели понятия о санитарии при проживании большими группами. Вскоре ветер стал доносить до Пироджии с материка зловоние, а пленные, которых пироджийцы захватывали во время регулярной расправы с «флотом» принца, рассказывали о свирепствующих в лагере дизентерии и холере.

— Враг слабеет на глазах, — сказал Джанни Гар. — Но дворянам на самом деле нужно лишь освоить более совершенную тактику осады. Уверен, недостатка в советниках у них не будет.

Вспомнив о фальшивых цыганах и лурганских торговцах, Джанни понимающе кивнул.

— Неужели они и вправду знают столь многое о войне?

— Нет, — покачал головой Гар. — Но у них полным-полно книг, где они могут вычитать обо всем, что им нужно.

Джанни удивился. В кибитках явно не хватило бы места для книг. Но он промолчал, постеснявшись подвергнуть слова Гара сомнению.

Той ночью во сне к Джанни вновь явился седовласый старец.

Вы молодцы — ты и твой друг, варвар-великан. Вы связали дворянам руки и у Пироджиин, и по всему побережью. Но этого мало.

Что же нужно сделать? — оторопело спросил Джанни.

Нужно добиться того, чтобы они ушли, но причина для этого должна найтись достойная.

Джанни нахмурился.

Какая же должна быть причина для того, чтобы безоговорочно сдаться и убраться восвояси?

Обманный маневр, — ответил старец и объяснил.

Когда Джанни наутро повторил объяснения старца Гару, тот пришел в полный восторг.

— Прекрасно! — воскликнул он и хлопнул себя по колену. — И как только ты до такого додумался, Джанни?

— Сам не знаю, — смущенно ответил Джанни и порадовался, что Гар стукнул не по его коленке.

Ночью, когда безлюдные пристани скрылись во мраке, и там не осталось никого, кроме выставленных Гаром дозорных, на борт двух длинных, узких, тем-

ных кораблей взойшла сотня морских пехотинцев в сопровождении пятнадцати канониров. С собой они взяли десяток лошадей и пять пушек. Корабли представляли собой галеры, снабженные парусной оснасткой, принятой в Пироджии. Корабли уплыли в ночную тьму и для города как бы исчезли на неделю. Гар и Джанни отправились в путь на этих кораблях, а командовать войском оставили начальника стражи, в помощь которому был назначен Винченцо. Ученый выказал недюжинный талант в управлении людьми. Джанни считал, что вызвано это тем, что Винченцо долгие годы был вынужден по-всячески лавировать и хитрить, убеждая людей дать ему денег и помочь добраться от одного города до другого, — все это он делал для того, чтобы, скопив нужную сумму, вернуться в университет.

До рассвета корабли успели не только миновать участок побережья, где стояло лагерем войско принца, но ушли далеко к северу. Отсюда, высадившись на берег, пироджийцы могли за одну ночь добраться до Туманолы, главного города владений Рагинальди. Галеры на веслах вошли в небольшой залив, подошли как можно ближе к берегу и встали на якорь. Затем лодки доставили людей и грузы на берег. Как только с высадкой было покончено, галеры подняли якоря и ушли в море, и снова встали на якорь под защитой тени высоких скал. Морские пехотинцы забросили за спину походные мешки и тронулись в путь, за ними последовали канониры, везущие на повозках пушки.

Путь был долгий, и все вздохнули с облегчением, взойдя на холм, по склону которого вилась дорога, ведущая к Туманоле. Но Гар не дал отряду передох-

нуть, пока все не заняли те места, по которым он их расставил, и не приготовили надежные укрытия. Затем он выставил дозорных и разрешил морским пехотинцам отдыхать. Те с радостью улеглись спать. Улегся и обессиленный переходом Джанни, он немного поспал, но потом Гар разбудил его — настало время заступать в дозор. Последующие четыре часа Джанни только тем и занимался, что старался как можно более бесшумно переходить от одного поста к другому, но все дозорные, как один, были начеку. Джанни переполняла гордость за соотечественников. Он сомневался в том, что сумел бы столь же бдительно стоять на посту, как они, но свою стражу все-таки отстоял, не заснул.

Гар разбудил всех на рассвете. Позавтракали тем же, чем вечером ужинали — водой, сухарями и соляной. Затем, когда солнце согрело землю, Гар отдал приказ к началу обстрела.

К востоку и западу от города грянули пушки, на городские стены обрушились камни. В городе подняли тревогу, стражники взбежали на стены. Стражники не знали, что пальба с востока и запада производится из пушек, канониры которых не имеют ядер и потому стреляют вхолостую. Мысль у туманольцев была одна: из пушек палят отчаянно паршивые стрелки.

Но вот три пушки, нацеленные на главные городские ворота, стреляли булыжниками и железными ядрами через каждые пять минут, и каждый заряд метко попадал по воротам.

Как тут было продержаться? Удивительно, что ворота выдержали целый час непрерывного обстрела.

Затем они начали трескаться все сильнее и сильнее с каждым выстрелом, и тогда городская стража собралась у ворот, изготовив к бою арбалеты и пики. Поэтому, когда последние ядра и камни с грохотом окончательно сокрушили ворота, стражники не слышали криков нескольких дозорных, оставшихся на стенах. А к стенам уже были приставлены лестницы, в их края уже вцепились крепкие абордажные крючья. Дозорные бросились к лестницам, стали пытаться оттолкнуть их от стены. Они вопили во всю мочь, но их было слишком мало, а по веревкам уже взбиралось множество морских пехотинцев, и их было еще больше, нежели тех, что лезли по лестницам. Через пять минут на городских стенах уже властвовали морские пехотинцы, а Гар лично возглавлял штурм западных ворот, в то время как восточные ворота атаковал Джанни. Защитники города наконец слышали звуки наступления с двух сторон — слышали в промежутках между холостыми выстрелами пушек. Но только они успели развернуться и приготовиться к бою, как их сразили наповал выстрелы из арбалетов и меткие удары копий захватчиков. Лишь некоторым из туманольских стражников удалось выстрелить из арбалета и ударить копьём. Считанные морские пехотинцы пали в схватке, но в остальном она являла собой настоящее избиение туманольцев. В конце концов, поняв бесплодность своих усилий, они запросили пощады.

— Хватит! — прокричал Гар, и его люди застыли на своих местах. — Сержанты, отрядите людей для охраны пленных! Воины Туманолы! — крикнул он. —

Вы храбро сражались, но проиграли! Сложите оружие, и мы пощадим вас!

Солдаты опасливо опустили на землю пики и арбалеты, а морские пехотинцы подошли к ним и связали их руки за спиной. Затем, когда пленных выстроили в ряд у стены, с десятков морских пехотинцев остались охранять их, а остальные тронулись к замку.

— Как-то не по себе, — признался Джанни и поежился.

— Согласен, — кивнул Гар. — Но бояться нам нечего, Джанни, верно? В конце концов в замке этом мы уже разок побывали и знаем, что внутри почти наверняка всего несколько десятков солдат. Большая их часть — с принцем, на побережье против Пироджии.

Джанни изумленно взглянул на друга, но, заметив, что Гар усмехается, тоже улыбнулся.

Единственным сложным моментом в осаде замка была необходимость вкатить пушку вверх по склону и установить ее напротив перекидного моста. Защитники начали обстреливать нападающих из арбалетов еще до того, как канониры и их кони показались на вершине холма, вследствие чего морские пехотинцы сумели насобирать уйму стрел, пока шли вверх по склону впереди канониров. В итоге пехотинцы, не испытывая недостатка в стрелах, устроили почти непрерывный обстрел защитников, и те боялись даже выглянуть из-за стены. Перекидной мост упал, как только метко пущенное ядро перебило цепи, на которых он был подвешен. Стук при его падении поперек рва был такой, что сделал бы честь выстрелу из пушки. Затем

канониры обстреляли защитников градом гвоздей, дабы те не высывались, пока Гар с морскими пехотинцами бежал по мосту. Перебежав, пехотинцы принялись тыкать копьями в бойницы и стрелять так, что покуда пускал стрелы первый ряд, второй заряжал арбалеты и после выстрела занимал место первой шеренги, и наоборот.

Такой шквальный обстрел вынудил большинство защитников к разумной предосторожности. Они действительно прятались за стеной и не показывались. Лишь немногие из них, особо отчаянные, решились на это и в результате пали, сраженные стрелами. Погибло и несколько морских пехотинцев, но их товарищи, оказавшись по другую сторону стены, нападали на защитников и, вступая с теми в рукопашную схватку, укладывали наповал. Затем, разделившись на группы по десять человек в каждой, пироджийцы прочесали замок сверху донизу и наконец убедились, что там никакой опасности нет.

— Целый город и замок захвачены всего сотней человек! — воскликнул Джанни. У него даже голова кружилась от этой мысли.

— Да, но надо учесть, что защищали город всего три сотни воинов, — напомнил ему Гар. — И мы таки потеряли двадцать три человека, — печально добавил он.

— Мой супруг отомстит вам! — бушевала принцесса. — Вы — низкородные наглецы, и вы познаете, что такое благородная ярость! Вас всех повесят, но не дадут умереть на виселице, вас снимут, а потом заживо

вынут из вас кишки! Только тогда вы умрете, когда вас четвертуют и развешат ваши куски по всему городу в назидание другим!

— Может быть, так оно и будет, ваше высочество, — со смиренной учтивостью отвечал Гар, — однако до тех пор, пока ваш благородный супруг не вернется, вам придется находиться в своих покоях вместе со всеми вашими придворными дамами. Стража, сопроводите дам!

Между тем он лично проводил принцессу до двери ее покоев, и одного взгляда в его полные холодной решимости глаза ей было достаточно для того, чтобы понять: понадобится, так он ее силой утащит и посадит под замок. Принцесса зябко поежилась и, отвернувшись, вздернула подбородок и гордо прошествовала в свои покои.

Когда ее там заперли и выставили у дверей надежную охрану, когда все защитники замка и вся прислуга были закрыты в темницах, Джанни наконец спросил:

— Как ты думаешь, скоро принц узнает о захвате своего замка?

— А он уже знает. — Гар кивком указал на главную башню. — Помнишь ту штуковину, что похожа на каменное яйцо? Уверен, принцесса воспользовалась ею еще до того, как спустилась к нам и принялась осыпать нас оскорблениями и угрозами. Да что мы стоим? Пойдем-ка послушаем.

Заинтригованный, Джанни отправился вместе с Гаром в главную башню. Само собой, они обнаружили, что «яйцо» разговаривает само с собой. Тара-

барский выговор лурганца звучал попеременно с голосом принца.

— Оставьте хотя бы часть войска на подступах к Пироджии, — умолял лурганец.

— Зачем? — еле сдерживаясь, спросил принц. — Все мое войско здесь, а они все равно разгуливают по морю, как хотят, на своих треклятых каравеллах! Попробуйте сами захватить Пироджию, если она вам так нужна! А я со всеми моими союзниками отправляюсь назад, чтобы отвоевать город моих предков и мой дом!

Джанни бурно выразил свою радость. Волна радостных восклицаний прокатилась по лестнице и выкатилась в двор. Но Гар только молча смотрел на говорящий камень и сверкал глазами.

В последующие несколько дней, пока пироджийцы поджидали принца Рагинальди, он время от времени наведывался в эту комнату. Однако морские пехотинцы-гонцы уже успели добраться до Пироджии на перестроенных галерах, а пироджийское войско немедленно тронулось в путь на точно таких же кораблях. В результате оно подошло к воротам Туманолы за день до того, как туда явился Рагинальди со своим войском. Гар расхаживал по крепостным стенам и подбадривал морских пехотинцев, Джанни готовил к бою остальных пироджийцев и передавал им то, что велел передать Гар.

— Будьте внимательны и осторожны. Завтра в небе могут появиться огромные металлические рыбы, которые будут стрелять молниями. Не бойтесь, ибо золотистое колесо разобьет их на куски.

Сам он не верил ни единому слову из того, о чем говорил, но мучивший его вопрос задал Гару только потом:

— Откуда они возьмутся, эти металлические рыбы, и почему они могут летать?

— Это все волшебство, — ответил Гар, криво усмехнувшись. Джанни осталось только обреченно вздохнуть. — Что же насчет того, откуда они возьмутся, то возьмутся они из «Лурганской компании», а золотистое колесо — это будет Геркаймер.

Джанни нахмурился.

— То есть ты хотел сказать, что его *пошлет* волшебник Геркаймер?

— Нет, — покачал головой Гар и больше ничего не сказал.

Атака началась на заре, но большая часть ядер до стен попросту не долетала — пушки принца не шли ни в какое сравнение с пироджийскими, отлитыми в соответствии с инструкциями Гара. А пироджийские канониры укладывали воинов принца одного за другим, и в конце концов отчаявшийся принц отдал приказ о штурме.

Это было чистейшей воды самоубийство — ведь все камни в округе и все гвозди теперь находились в городе. Люди принца гибли на бегу, но все же, в промежутках между пушечными залпами, часть их приближалась к городским стенам. Было видно, что солдаты колеблются, ведь их гнали на верную смерть... и в это время в небе появились металлические рыбы.

— Бегите от пушек! — прокричал Гар, и канониры отскочили от орудий и бросились врассыпную как раз

в тот миг, когда от днищ длинных серых металлических рыб отделились разряды молний. Две пушки исчезли во вспышках пламени, сопровождавшихся жутким грохотом. Пироджийские воины застонали от страха и стали прятаться за зубцами стен и закрываться щитами, а внизу, на равнине, войско принца победно взревело и бросилось на приступ.

Но в это время в небе возникло огромное золотистое колесо и погналось за рыбами.

Глава 15

От золотистого колеса к металлическим рыбам устремились светящиеся лучи, угодили в рыб, и те стали неуклюже крутиться и переворачиваться. В сотне футов от земли падение рыб немного замедлилось, они начали изрыгать пламя, но вот одна из них рухнула наземь за городскими стенами, а другая — внутри. Воины принца, заметив падающую рыбу, в страхе вскричали и разбежались в стороны. Рыба ударилась оземь и замерла.

Позднее Джанни узнал о том, что вторая рыба плюхнулась прямо во двор перед замком Рагинальди, что она повредила спину и что ее кожа треснула. Гар отдал приказ, и десяток морских пехотинцев бросились к чудовищу и обступили его со всех сторон, выставив перед собой копья. Если им и было страшно, виду они не подавали. Когда же из рыбьей утробы вышли четверо людей в темных одеждах, пехотинцы проворно заковали их в цепи и отвели в комнату в башне. Там они выставили возле пленных стражу, и они должны были ждать часа, когда у командира морских пехотинцев появится время допросить их.

Стоявший на городской стене Джанни наконец сумел отвести глаза от жуткой рыбыны, рухнувшей на поле посреди войска принца, и обрести самообладание.

— Пли! — крикнул он, и три пушки выпустили по врагам заряды в виде ведер с гвоздями, а пришедшие в себя лучники разрядили арбалеты. Некоторые из солдат принца пали замертво, а большинство, даже тяжело раненные, отбежали подальше от стен родного города.

— Пушки, пли! — прокричал Джанни, и три пушки снова выстрелили гвоздями. Канониры нацелили орудия так, что солдат Рагинальди буквально осыпало гвоздевым дождем. Они отчаянно вскричали, обезумев от вида жутких чудовищ в небесах, от града сыплющихся на них острых гвоздей, но больше всего их пугал парящий в вышине золотистый диск, который, по всей вероятности, был готов снова и снова выпускать смертоносные лучи. Короче говоря, солдаты бросились наутек. Это было не отступление, а самое настоящее бегство. Тут в бой вступила та часть войска Пироджии, которая по приказу Гара засела в холмах. Пироджийцы ринулись вниз по склонам, пуская стрелы и швыряя пики. В результате воины принца оказались между двух огней. Послышались крики:

— Сдавайтесь!

Совершенно измотанные и отчаявшиеся, воины принца бросали оружие и сдавались. Возле Джанни возник Гар.

— Вперед! — крикнул он. — Берите пленных, вяжите их!

Распахнулись ворота, и пироджийцы с дружным ревом хлынули вперед.

Однако пятьдесят пироджийцев, вооруженных пиками, не стали останавливаться и брать пленных. Они мчались в ту сторону поля, где еще продолжался бой. Небольшая кучка рыцарей отчаянно сопротивлялась — это была личная гвардия принца Рагинальди. Пятьдесят пироджийцев позвали товарищей на подмогу, и их товарищи, оставив пленных на произвол судьбы, бросились им на выручку. Закипела кровопролитная, но краткая схватка.

— Командуй, Джанни! — распорядился Гар и, отбежав, вскочил на коня и во весь опор помчался по полю.

Джанни, однако, решил тоже не упускать такого редкого случая.

— Командуй, Винченцо! — крикнул он, сбежал со стены, вскочил верхом и погнал коня следом за Гаром.

Гара он нагнал, когда тот уже спешил и размашисто шагал к окруженным пироджийцами принцу и горстке дворян. Они понимали, что обречены, но все же держались заносчиво и надменно. Гар подошел к ним и встал гордо и прямо, держа руку на рукояти меча. Окружавшие знатных господ копейшики немного расступились, чтобы дать Гару дорогу.

— Сдавайтесь, господа, — сказал Гар. — Сопротивление бесполезно, вам не уйти.

— И ты посмеешь убить нас? — брызнув слюной, фыркнул принц. — Не сомневайся, мерзкий простолюдин, если ты дерзнешь сделать это, каждый тали-

понский дворянин — о нет, не только талипонский, но все дворяне мира не успокоятся, покуда кто-нибудь из них не заперет тебя до смерти!

— Могу и дерзнуть, — заверил его Гар, — поскольку я являюсь сыном одного аристократа и внучатым племянником другого.

Принц вытаращил глаза. Это сообщение явно застигло его врасплох. Наконец, сдвинув брови, он потребовал:

— Говори же, из какого ты рода и чей наследник?

— Я из рода д'Арманов с Максимы, — ответил Гар. — Родина моя далеко отсюда, очень далеко, ваше высочество. Пожалуй, так же далеко, как отечество ваших приспешников из «Лурганской компании». Но даже они не станут отрицать, что Максима существует и что оттуда ведут свое происхождение многие благородные семейства.

— Я поспорил бы с этим, если бы мог, — сверкнул глазами принц. — Однако твои манеры и речь выдают тебя. Благородного человека всегда можно признать, если только он не скрывает своего происхождения намеренно. — Но тут принца прорвало: — Но ты... Ты намеренно скрывал это! Почему, скажи мне, ты, сын дворянина, запятнал свои руки торговлей, почему защищал низкородных торговцев и купцов из Пироджии?

Гар смягчился. Голос его зазвучал почти виновато:

— Потому, ваше высочество, потому, господа, что жизнь всех людей зависит от круговорота денег и товаров, которые покупаются за деньги. И вы будете обречены на нищету и безвестность, если не научитесь искусству торговли, ибо все богатства вашего мира к

вашему порогу приносят купцы — да и не только вашего мира, а других миров тоже, как вам показали ваши приятели, лурганцы. Этого богатства не добудешь воровством и хитростью, его можно достичь, лишь помогая тому круговороту, о котором я сказал. Торговля подобна зерну, брошенному в поле. Его надо удобрять, поливать, ухаживать за ним, чтобы поле дало урожай. В вашем мире торговля процвела, и мир процвел за счет торговли, и станет еще более богатым, если только конец его процветанию не будет положен теми, кто выжжет поле, не дав урожаю вызреть. Если вы снова обратите Талипон в рабство, должны будут пройти века, прежде чем Петрарка расцветет вновь, а когда это случится, благородные господа из другой страны нападут на вас и заберут ваше богатство, которое тогда будет вдесятеро превышать ваше нынешнее, будет выше его в пятьдесят раз, в сто! Но если вы станете пестовать этот прирост, вдохновлять его, Талипон станет главенствовать на Петрарке, а если вы познаете тонкости торговли, вы станете главенствовать на Талипоне и снимете первые плоды будущего урожая. — Гар печально усмехнулся. — *Noblesse oblige*, ваше высочество, господа. Благородство обязывает, а ваши обязательства в новом времени заключаются в том, что вы должны научиться искусству торговли, дабы способствовать ее росту и процветанию. Сейчас в вашем мире торговля — удел простолюдинов, но она должна стать предметом заботы каждого аристократа. В противном случае вы не оправдаете надежд, возложенных на вас, вы зря родились на свет.

Он умолк и застыл, неотрывно глядя в глаза принца, а все аристократы не спускали глаз с него.

Наконец принц вынул меч из ножен и протянул его Гару, рукояткой вперед.

— Я предаю себя в руки человека, в жилах которого течет кровь истинного аристократа, но когда будет выплачен выкуп, когда мне будет возвращен мой замок, синьор д'Арман, вы должны будете объяснить мне, в чем состоит благородное искусство торговли, дабы я сам решил, столь ли оно приличествует дворянству, как вы о том говорите.

Гар торжественно принял у принца меч и склонил голову. Затем он подошел к остальным дворянам, и они, один за другим, тоже отдали ему свои мечи. Они и не заметили, что золотистый диск в небе уменьшился в размерах, а потом и вовсе исчез.

Вспоминая обо всем этом позднее, Джанни удивлялся: они пробыли в Туманоле всего две недели, и время пролетело так незаметно, но казалось, что времени прошло гораздо больше. Каждый день был заполнен уймой важных дел, их было столько, что хватило бы на тридцать часов. Войско принца разоружили, и солдаты отправились по домам. Пришлось пронаблюдать за тем, чтобы они не вздумали вернуться. Затем весь город обшарили в поисках оставшегося там оружия и вообще всего, что могло бы спровоцировать новую войну. Все это вынесли на главную площадь, сложили на повозки, увезли на побережье и на кораблях отправили в Пироджию. Все случившееся следовало втолковать подданным принца, и пироджийское

войско старательно наблюдало за тем, чтобы крестьяне не пострадали. Гар особенно настаивал на том, чтобы пироджийцы вели себя благородно, чтобы не было мародерства и тем паче — насилия над женщинами. Дело это для Джанни несколько осложнилось, поскольку некоторые пироджийские воины умудрились влюбиться в местных женщин, и в каждом случае он был вынужден не только выяснять, что никакого насилия не было и в помине, но что новоявленные парочки и дня не могли прожить друг без друга. Оказалось, правда, что в ряде случаев так называемые возлюбленные были проститутками, но Джанни тем не менее сурово наказал своих подчиненных, хотя тех никто и не думал обвинять в изнасиловании. И когда капралы являлись к Джанни и спрашивали, уж не желает ли он, чтобы они вели себя, как мраморные статуи, он отвечал: «Желаю», а затем пояснял, почему они должны служить образцами примерного поведения для подданных принца.

Кроме того, в эти дни у Джанни было несколько деловых встреч с туманольскими купцами, и он старательно втолковывал им, что теперь они должны строить свои отношения с принцем иначе, и объяснял, как именно.

Гар же все это время провел в переговорах с принцем и его вассалами. Стражники, стоявшие у дверей покоев, где происходили эти переговоры, рассказывали, что время от времени оттуда доносились сердитые голоса, но Гар ни разу голоса не повысил. Само собой, обсуждались за закрытыми дверями условия мирного договора, и Гару приходилось терпеливо втолко-

вывать дворянам смысл и преимущества этих условий. Когда стражники рассказали Джанни о том, что им удалось услышать, он и сам не удержался и как-то раз, приложив ухо к створке двери, стал подслушивать. Ясное дело, споры шли большей частью относительно самых простых правил торговли, и Гар с железным спокойствием объяснял дворянам, почему эти правила таковы, что никому из людей не под силу выдумать их или запретить, потому что сама суть торговли вынуждает дворян смириться с этими правилами, а вовсе не пироджийские купцы.

Да, двери покоев, где шли переговоры, были закрыты, но дни стояли жаркие, и потому окна были распахнуты. Как только у Джанни выдавалась свободная минутка, он усаживался под окнами и слушал, как Гар внушает принцу и его вассалам, что правительство может либо способствовать успеху торговли, либо убить ее на корню слишком суровым надзором и непомерными налогами. Дворяне яростно спорили, но Гар от своего не отступался и говорил о том, что выражает не свои личные соображения, а пересказывает точки зрения ученых, на протяжении нескольких столетий занимавшихся изучением подобных вопросов. «Откуда же он явился, — гадал Джанни, — где купцы уже тысячу лет так процветают, что торговлю изучают ученые?»

Наконец как-то раз Джанни услышал, что Гар завел с дворянами волнующий разговор об их роли в грядущем процветании Талипона и всей планеты, через посредство поддержки торговли. К тому времени, когда Гар завершил свою вдохновенную речь, Джанни

охватил, можно сказать, религиозный экстаз, ощущение собственной призванности, возложенного на него долга. Он, будучи купцом, конечно же, был просто обязан помочь всем людям во всем мире стать лучше! Но если на него так подействовал случайный обрывок разговора, то как же должны были себя чувствовать дворяне, какой благородный пыл должен был овладеть ими!

Наконец, в самой торжественной обстановке при большом стечении народа во дворе замка принца Рагинальди был подписан мирный договор. Затем вперед вывели лурганских торговцев, закованных в кандалы. На суде председательствовал принц, а Гар выступал в роли обвинителя. Один из лурганцев пытался изобразить некое подобие защиты. Защита, правда, выглядела слабовато — частично из-за того, что лурганца было трудно понять из-за чудовищного акцента, а частично — потому, что он пытался оправдать свои действия и действия своих напарников, оперируя нескончаемым потоком цифр. Принц решил, что лурганцев следует содержать в темнице, покуда за ними не придут некие люди издалека, которых вызвал для этой цели Гар. При этом известии лурганцы жутко побледнели и принялись неразборчиво просить пощады — все, кроме одного, который вперил в Гара злобный, холодный взгляд и процедил сквозь зубы:

— Мы тебе это припомним, д'Арман. Не сомневайся.

Гар же только учтиво поклонился ему и проводил лурганцев взглядом, когда их уводили в темницу.

Никто и словом не обмолвился о мнимых цыганах, что несказанно удивило Джанни.

Наконец пироджийское войско вышло из Туманолы, тепло провожаемое горожанами. Трудно сказать — может быть, тем самым туманольцы выражали радость по поводу ухода пироджийцев, а может быть, и вправду успели проникнуться к ним добрыми чувствами. Воины также тепло прощались с горожанами, хотя и искренне радовались тому, что наконец могут покинуть Туманолу, где было всегда жарко, влажно и где летали полчища moskitov. Как бы то ни было, теплое прощание все сочли проявлением дружбы, установившейся между двумя городами. Принц снова стал во главе города и крепости, вот только теперь у него не было ни пушек, ни войска, осталась только личная гвардия в количестве ста воинов да ночная стража.

Дома пироджийцев встречали с восторгом. Войско шествовало по улицам, усыпанным лепестками цветов, а на Пьяцца-дель-Соль их ожидали председатель городского Совета и все его члены. Гара, Джанни и их заместителей наградили медалями. Затем настало время отдыха и пиршеств.

На следующий день Гар и Джанни были приглашены в Совет для встречи с посланцами других торговых городов, переживших войну. Все они нуждались в советах о том, как обойтись с возвращавшимися в города графами и дожами. Эти разговоры незаметно перешли в жаркие споры по поводу того, что должен представлять собой Союз торговых городов в мирное время. Но на самом деле все споры свелись к

тому, что обсуждались всякие мелочи и тонкости, ну, и еще вопрос об ограничении власти Пироджии в Лиге. Между тем никто и не думал высказываться против необходимости самого существования Союза.

Никому также не приходило в голову усомниться в том, что возглавлять Союз по-прежнему должна была Пироджия.

Все это время Джанни спал, не видя снов, что его, с одной стороны, радовало, а с другой — огорчало. Радовало его то, что ему не является суровый старец, а огорчало то, что не снится чудесная танцовщица. Он искренне надеялся, что старца больше никогда не увидит, а красotka ему еще непременно явится. Может быть, все дело было в том, что он слишком сильно уставал и чересчур крепко спал — по крайней мере ему хотелось верить, что все связано именно с этим.

Наконец настал день, когда соглашение было подписано, и посланники отбыли из Пироджии. Каждый увозил с собой по копии соглашения, дабы обсудить его с членами своего городского Совета, и либо дополнить, либо подписать в том виде, в каком оно было составлено в Пироджии. Провожали посланников со всей торжественностью, звучали заверения в нерушимой и вечной дружбе.

Джанни думал о том, сохранятся ли такие же теплые отношения между купцами разных городов к началу нового торгового сезона, но почему-то он почти не сомневался в том, что Союз торговых городов сохранится, какое бы соперничество ни разгоралось между его членами. Слишком хорошо они понимали теперь, кто их общий враг — аристократия.

* * *

На следующий день Гар поблагодарил семейство Браккалезе за доброту и гостеприимство, но сказал, что теперь должен их покинуть. Мать и отец Джанни бурно протестовали против этого, а вот Джанни почему-то понимал, что уход Гара неизбежен и что уговаривать его остаться бесполезно. Как только мать и отец умолкли, Джанни сказал:

— Он странник, отец. Нельзя надеяться на то, что он до конца дней своих останется с нами.

— Но кто же возглавит созданное им войско? — с тоской спросил Паоло.

— У Джанни это получится еще лучше, чем у меня, — заверил его Гар. — За последние недели он стал настоящим полководцем, да и офицеры у него преотличные.

Паоло изумленно посмотрел на сына, а Джанни понял по взгляду отца, что тот производит в уме подсчеты, соображая, какую прибыль принесет семейству новая должность сына, какое влияние Браккалезе приобретут из-за этого в городе. Наконец он медленно кивнул:

— Если ты так думаешь, Гар, то я согласен.

А синьора Браккалезе сказала Гару:

— В один прекрасный день ты встретишь женщину, которая заставит тебя оставить странствия, и ничего ты не будешь желать так страстно, как того, чтобы остаться рядом с ней и заботиться о ней и о детях, которых она тебе родит.

На миг взгляд Гара наполнился болью — но только на миг, а в следующее мгновение он уже тепло улыбался.

— Искренне надеюсь, что все так и будет, донна Браккалезе, но здесь этой женщины нет.

Джанни кивнул:

— Ему нужно уходить.

Но без прощальных торжеств Гара не отпустили. Вечером устроили наспех организованное застолье, в ходе которого советники щедро одарили полководца, спасшего город, и старательно скрывали облегчение, испытываемое ими в связи с его отъездом. Гар же изумил всех тем, что и сам преподнес пироджийцам подарки, из которых главным была небольшая библиотека, в которой, как сказал Гар, содержались книги, где можно было прочесть обо всем, что он успел поведать о торговле дворянам. Всем было очень интересно, откуда взялись у Гара эти книги, но из вежливости никто не решился спросить его об этом.

Потом они вернулись домой, но прежде чем лечь спать, Гар сделал подарки отцу и матери Джанни. Госпоже Браккалезе он подарил богатые украшения, а отцу Джанни — маленькую машину, которая очень быстро считала убытки, прибыль и прочие суммы. Браккалезе уговорили Гара принять от них в дар ожерелье из крупных орцанов, и наконец все, повздыхав, улеглись спать.

Джанни Браккалезе!

Джанни рывком сел — то есть сел во сне — и увидел сурово глядящего на него старца-волшебника.

Великан уходит, Джанни Браккалезе! Если ты хочешь попрощаться с ним, немедленно просыпайся и вставай!

Как это было похоже на Гара — даже не дожидаться, когда в доме все проснутся! Проклинаю друга на чем свет стоит, Джанни пытался проснуться, а волшебник только сказал ему:

Меня ты больше не увидишь. Прощай!

С этими словами он исчез, а Джанни, проснувшись, обнаружил, что сидит и натягивает одежду!

Одевшись, он через несколько минут уже был возле дверей. Гар отодвинул засов и толкнул дверь.

— погоди! — крикнул Джанни. — Если уж тебе непременно надо уйти, не попрощавшись с остальными, дай мне хотя бы немного проводить тебя!

Гар улыбнулся, но удивления не выказал.

— Что ж, если ты и вправду готов немного прогуляться в столь ранний час, пойдем.

Они вышли на улицу, где стояла непроглядная ночь и было довольно прохладно. Джанни взглянул на восток. До зари было еще далеко.

— Куда ты собрался?

— В сторону холмов, — ответил Гар.

Джанни гадал, что же Гар будет делать на холмах, добравшись дотуда.

— Ну, тогда разумнее проехаться верхом, верно?

Гар кивнул:

— Если ты потом отведешь лошадей обратно — можно и верхом.

Они подошли к конюшне, оседлали лошадей и выехали на тихие улицы. Тишина стояла такая, что оба молчали. Часовых у внутренних ворот уговаривать не пришлось. Они сразу узнали Джанни Браккалезе и Гара и без лишних слов отперли ворота. Всалники въехали

на понтонный мост, временно заменявший дамбу. Только плеск волн, ударявших по понтонам, нарушал тишину. Джанни спросил:

— Почему?

— А почему бы и нет?

— Потому, что ты мог погибнуть, — сказал Джанни. — Потому, что ты перенес столько страданий и горя, а это было вовсе не обязательно. Потому, что это была не твоя борьба.

Гар медленно проговорил:

— Ты мне поверишь, если я скажу, что мне просто-напросто были нужны деньги?

— При том, что у тебя есть друг-волшебник, который летает в огромном золотом колесе? И потом, если бы тебе и вправду были бы нужны деньги, ты бы остался. Так почему, Гар?

Великан вздохнул.

— Человек обязательно должен иметь какую-то цель в жизни, Джанни. Его жизнь должна иметь какое-то оправдание. Для меня же жизнь не может представлять всего-навсего погоню за радостью и удовольствиями.

Еще несколько минут ехали молча, а потом Джанни спросил:

— Но при чем тут мы? Почему наши трудности стали твоими?

— Потому что вы в этом нуждались, — просто ответил Гар. — Потому что от моей помощи вам вряд ли бы стало хуже. Потому что несколько лет назад во мне вспыхнуло врожденное чувство справедливости, и теперь я только тем и занимаюсь, что ищу людей, с ко-

торами поступают несправедливо, хотя чувству отмщения, живущему во мне, следовало бы уняться за много лет до того, как я познакомился с тобой.

В этом хотя бы был какой-то смысл. Джанни снова надолго умолк, и любопытство взяло в нем верх только тогда, когда они подъехали к обугленным столбам наружных ворот.

— Ты говорил, что ты издалека. Но откуда именно? Гар вздохнул и запрокинул голову.

— Посмотри на небо, Джанни. Посмотри на звезды. Каждая из них — это солнце, и некоторые из этих солнц светят ярче, чем то, что озарит вашу планету. Вокруг некоторых из них вращаются планеты, подобно тому, как вертится праща вокруг сжатого кулака собирающегося бросить ее охотника. На кое-каких из этих планет достаточно тепло для того, чтобы там могли жить люди.

Джанни в восторге смотрел на небо, пытаясь свыкнуться с грандиозностью того, о чем говорил Гар. Потом он стал думать о том, что же это значит.

— И ты... Ты родом с одной из этих планет?

— Да. Она очень далеко отсюда, и солнце ее настолько мало, что отсюда его не увидишь. Но я родился на планете под названием Грамерай, а мой отец — на совсем крошечной планете под названием Максима.

— Это тот мир, где ты считаешься дворянином, — прошептал Джанни.

— Не совсем так. На этой планете мой двоюродный дед имеет титул графа. Мой отец теперь носит

высокое дворянское звание на Грамерае, а я — его наследник.

Джанни некоторое время помолчал, обдумывая это, затем спросил:

— А почему ты покинул свою родину?

— Потому что мне было мало быть сыном своего отца.

Это Джанни вполне мог понять.

— А как ты попал сюда?

— В Геркаймере, — ответил Гар. — В огромном золотистом колесе. На самом деле это корабль размером с целую деревню, Джанни. Его подарил мне граф д'Арман, мой двоюродный дед. Он не сказал мне, что это — награда за то, что я улечу, но в конце концов все стало именно так.

Джанни вдруг с необычайной остротой ощутил, насколько одинок его друг, и ему стало зябко от этой мысли. Постаравшись избавиться от нее, он спросил:

— А эти... ненастоящие цыгане? Они тоже прилетели с другой звезды?

Гар кивнул:

— Они — члены сообщества, которое называется АППИС — Ассоциация Помощи Правительственным Институтам и Системам.

— И что же, они вправду верят в то, что если бы они уговорили дворян изничтожить купечество, на Петrarке настали бы мир и благоденствие?

— О да, — негромко отозвался Гар. — Я ни на миг не усомнюсь в их самых добрых намерениях. Они люди просвещенные, идеалистичные и умные,

Джанни, но немыслимо наивные и лишенные гибкости мышления. Да, я действительно верю в то, что они искренне полагали, что натравливая дворян на купцов, добьются только состязания, соперничества между ними.

— Вот уж воистину наивно, — покачал головой Джанни.

Гар пожал плечами.

— Они сами действуют из лучших побуждений и в других желают усматривать только лучшие побуждения, как бы ни убеждала их действительность в обратном.

— Но принцу ты ничего о них не говорил, — заметил Джанни. — Ты не настаивал на том, чтобы их арестовали и судили.

— Нет. Они сами поняли глупость своих устремлений, увидели своими глазами развязанную дворянами войну, и еще они увидели, что союз купечества предотвратил худшие из возможных последствий этой войны. Они унижены, Джанни, и одного только чувства стыда им хватит для того, чтобы теперь они трудились ради блага каждого жителя вашей планеты, Джанни, а не только ради блага дворян. Кроме того, — добавил он после кратких раздумий, — они потрясены результатами наших трудов — твоих и моих. Вряд ли им удастся пустить все на попятную, не вызвав новой войны. Они поймут это. Даже они способны это понять. Они принесут Талипону много добра, а вреда от них почти никакого теперь не будет.

— Но... Медальия? — У Джанни сжалось сердце — Неужто она и вправду — одна из них?

— Да, но она поборола свою наивность и сумела поверить в то, что видела собственными глазами. Она превозмогла свой идеализм и поняла, что замыслам АППИСа здесь осуществиться не дано, потому и покинула своих соратников и стала пытаться поспособствовать созданию союза купцов в надежде на то, что вы, объединившись, сумеете предотвратить войну.

— Но у нее ничего бы не вышло, если бы за дело не взялся ты, — заключил Джанни и пристально посмотрел на Гара. — Но как же все-таки тебе это удалось, Гар? Как ты выиграл нашу войну?

— Геркаймер снабдил меня множеством нужных сведений, — признался Гар. — Я притворялся темным варваром, я задавал такие глупые вопросы, ответы на которые знает даже законченный тупица, и в конце концов понял все то, что мне нужно было знать.

Джанни прищурился.

— Так, значит, все это время ты притворялся? И тогда, когда разыгрывал полоумного?

— Поначалу мы оба притворялись, — напомнил ему Гар. — Но когда меня стукнули по голове и мы с тобой полуголые брели под проливным дождем? Нет. Тогда все было взаправду. Но когда я оправился после удара, я понял, какую выгоду можно извлечь, будучи дурачком, и стал притворяться. Это позволило мне наброситься на Стилетов и при этом остаться в живых, это позволило всем нам пробраться в замок Рагинальди.

— И там ты узнал то, о чем уже начал догадываться.

Гар кивнул:

— Верно. Но мне нужны были доказательства.

— Но как же ты ухитрился убедить остальных наших спутников в том, что они должны тебя слушаться? — выпалил Джанни. — Теперь я команду людьми, и я обязан знать, как это делается! Как ты добился того, что стражники нас не заметили? Как ты заставил привратника открыть ворота? Ведь никто в здравом уме не поверил бы в то, что лопотал Фесте!

— А-а-а, — растерянно протянул Гар и смущенно проговорил: — Не хочется тебя обижать, Джанни, но в этом смысле тебе со мной не сравниться никогда.

— Почему?

— Все дело в том, какой пост занимает мой отец, — тихо проговорил Гар. — И в тех дарах, которые я от него унаследовал.

— Что за пост? Что за дары?

Гар не решался признаться.

— Гар, ведь ты уйдешь, — умоляюще проговорил Джанни. — Зачем мне рассказывать кому-то о твоей тайне? Да если расскажу — вреда не будет! При чем тут пост твоего отца?

— При том, что он — Верховный Волшебник Грамерая.

— Волшебник?! — выпучил глаза Джанни, охваченный изумлением. Но вот его озарило. — Старец-волшебник! Он никогда не являлся мне во сне до тех

пор, пока я не повстречался с тобой! А теперь ты уходишь, а он всего час назад сказал мне, что я больше никогда его не увижу!

Гар медленно кивнул.

— Так, значит, это ты сделал так, чтобы мне во сне являлся этот волшебник!

— Более того, — еле слышно признался Гар. — Я сам и был этим волшебником.

Глава 16

Джанни вытаращил глаза. Но вот им овладели сомнения, и он насмешливо улыбнулся.

— Ладно, Гар. Считай, ты меня убедил.

— Уверяю тебя, это чистая правда, — совершенно серьезно отозвался Гар.

— Да ладно тебе! — фыркнул Джанни. — Если ты на самом деле волшебник, явись мне немедленно. — Он закрыл глаза. — Ну, давай же, явись мне!

— Как скажешь, — кивнул Гар, и перед Джанни возникло лицо старца.

Теперь ты мне веришь? — спросил старец.

Джанни замер, распахнул глаза — старец исчез. Джанни, не в силах поверить, не мигая смотрел на Гара, а тот только опустил голову и перестал улыбаться.

Понимание для Джанни было подобно взрывам, некогда сотрясшим пироджийскую дамбу.

— Но если ты смог вложить в мой ум такое видение, стало быть... ты способен читать мысли! Вот как ты узнал о приближении Стилетов! Вот почему солдаты принца не увидели нас, когда они нас искали! Почему уснули

цыгане, почему спали дозорные в замке! — Джанни перевел дыхание. — Быть может, потому мы безо всяких происшествий и до Пироджии тогда от замка Рагинальди добрались?

Гар скромно кивнул.

— Но... Господи Боже, ведь это дает тебе такую власть над людьми!

Джанни побледнел, вспомнив о своих потаенных мыслях.

Гар нахмурился.

— Без особой причины я чужие мысли не читаю, Джанни. Все-таки у меня есть некоторые понятия о том, что хорошо, а что дурно. Но когда у противника есть определенные преимущества, тогда... что ж, тогда я без колебаний пользуюсь собственными.

— Вот что ты имел в виду, когда сказал, что время честной игры кончилось!

— Да, именно это я имел в виду, — смущенно проговорил Гар.

— И костер разжег тоже!

Гар удивленно глянул на него.

— Этого я не помню.

— Впрочем, наверное, этого ты и вправду не помнишь. Ведь тогда, после удара по голове, ты действительно был не в своем уме. — Джанни недоуменно сдвинул брови. — Но ведь той ночью мне явился волшебник!

— Вот как? — Гар широко раскрыл глаза. — Помнится, я собирался сделать это до того, как нас поколотили Стилеты. Значит, мой разум сделал это за меня, по памяти!

— А замки? Ты ведь их не руками открыл, не сломал?

— Нет. — Гар прикрыл глаза. — Это были совсем простые замки, Джанни. Такие я мог открыть и будучи полным дурачком.

Тут Джанни в голову пришла страшная мысль.

— Но как цыгане узнали о твоём замысле создать союз купцов? И почему они обвиняли в этом моего отца?

— Об этом они узнали не от меня, — заверил его Гар. — Я почти уверен в том, что у них были шпионы в каждом из торговых городов, да и в некоторых вдали от побережья тоже. Нет, поверь мне, я им никаких мыслей не передавал.

— А твои дары моим родителям?

— Не надо преувеличивать мои способности! Нет, эти книги напечатал Геркаймер — скажу так: волшебным образом напечатал, иначе мне придется целый год рассказывать тебе, как это делается. Однажды ночью он их тайком доставил во двор вашего дома. Осторожно подбросил.

— Как это можно было осторожно подбросить? Нет, не отвечай, я знаю! Это тоже волшебство!

— Нет, наука, — покачал головой Гар.

— То же волшебство, только название другое, — махнул рукой Джанни. — Значит, ты сумел узнать, что задумали дворяне, верно? Тебе только и надо было — доказать нам, что они снюхались с «Лурганской компанией»?

Гар кивнул:

— Вот почему мне было так нужно, чтобы всех нас тогда схватили и отвели в замок Рагинальди. Все верно.

— Ну а когда пушечные ядра не долетали до цели, когда брошенные копья сворачивали в сторону! Это тоже твоя работа?

— Неплохо, синьор Браккалезе, — проворчал Гар, не скрывая того, что удивлен наблюдательностью Джанни. — Да. Еще я умею передвигать предметы силой разума.

— Но погоди... Мне являлось и другое видение. — Джанни смущенно покраснел. — Прекрасная танцовщица! Не ты ли...

Он запнулся и умолк, не в силах закончить вопроса.

— Нет. — Гар изумленно покачал головой. — В твоём разуме мне встречались только ее отголоски. Но этого хватило для того, чтобы я понял: на вашей планете не я один способен читать мысли.

— Не ты один?.. — Джанни в страхе вытаращил глаза. — Сколько же тут вас... таких?

— Кроме меня — еще одна женщина. Она из тех редко рождающихся на свет людей, которым такие способности достаются не по наследству от родителей. Она полагает, что здесь нет ей подобных, поскольку я старательно скрывал свое присутствие. Вот почему она поняла ваш народ лучше своих спутников, вот почему ушла от них и решила уговорить вас сражаться с дворянами.

— Она? — На счастье, Джанни уже давно вытаращил глаза, в противном случае они бы попросту

вылезли из орбит. — Нет! Не может быть... Только не она...

— А почему, как ты думаешь, тебе кажется, что ты влюблен в двух женщин одновременно? — спросил Гар, и не дав Джанни основательно поразмышлять над этим, продолжал: — Между прочим, ты тоже не лишен способностей, Джанни. Я мог бы заставить и других видеть старца-волшебника, но только ты оказался способен видеть его так ясно. И мало кто сумел бы разговаривать с ним так, как разговаривал ты. Это говорит о твоей одаренности.

— Я? Такой одаренный? — Тут Джанни кое о чем догадался. — Но если так, если я мог лучше других видеть этого волшебника, то и Медаллия...

— Верно, — кивнул Гар. — Вероятно, именно поэтому она так заинтересовалась тобой, Джанни Браккалезе. Заинтересовалась как мужчиной, а не как орудием в своей игре.

— Заинтересовалась... мной? Не хочешь же ты сказать... Не влюблена же она...

— А по-моему, влюблена, — возразил Гар. — Я не читаю таких вещей в чужих умах, Джанни, но когда мужчина или женщина влюблены, мысленно они просто кричат об этом, и не услышать невозможно. Иди к ней. Поспеш, пока она не покинула город.

— Поспешу! Спасибо тебе, Гар! О, большущее тебе спасибо!

Джанни потянулся к Гару, крепко обнял его на прощание, отчего они оба чуть не свалились с коней, а потом развернул своего коня и во весь опор погнал его по мосту к городу.

Гар проводил его взглядом. Губы его тронула печальная усмешка. Неожиданно Джанни придержал коня, обернулся, помахал рукой. Гар улыбнулся шире, помахал рукой в ответ и смотрел вслед другу, пока тот скакал к внутренним воротам. А когда он исчез за ними, Гар развернулся и поскакал на вершину холма. Там он спешился, хлопнул коня по крупу и отправил назад. Затем он поднес к губам брошь и сказал:

— Давай, Геркаймер.

Потом он стоял и смотрел в небо, успевшее за это время порозоветь на востоке. Первые лучи еще не восшедшего солнца озарили огромный золотистый диск, опустившийся на вершину холма.

Джанни на полном скаку мчался по улицам, где уже появлялись отправлявшиеся на работу люди. Лошадь он остановил только на Пьяцца-дель-Соль, ну и конечно же, сразу увидел кибитку — а ведь прошлой ночью она была где-то спрятана. Загнанную, взмыленную лошадь он оставил, не привязав, а сам со всех ног бросился к кибитке и, взбежав по приступочке, забарабанил в дверцу.

— Медаллия! Открой! Ты не должна уезжать! Открой, прошу тебя!

Дверца открылась. На пороге стояла Медаллия и широко открытыми от изумления глазами смотрела на Джанни. Гар был прав. На ней было дорожное платье.

— Джанни Браккалезе! Что за срочное дело привело тебя ко мне в столь ранний час!

— Я узнал, что ты — та, что являлась мне во сне! — выпалил Джанни.

Она побледнела.

— Кто тебе такое сказал?

— Волшебник, который также являлся мне.

Бледность Медаллии сменилась румянцем.

— Этот гадкий старикашка! — взорвалась она. — Как он посмел...

Она умолкла, и глаза ее распахнулись шире.

«Так и есть, — догадался Джанни. — Я молчу, но разум мой кричит о любви к ней».

Медаллия отступила, впустила Джанни в фургон. Он обнял и поцеловал ее. Она не сразу пришла в себя от потрясения, но вскоре растаяла. Джанни, не прерывая поцелуя, захлопнул дверцу, задвинул засов и прошептал:

— Прекрасная дама моих сновидений, я люблю тебя!

Потом он закрыл глаза и вновь поцеловал ее, и перед ним предстала чудесная танцовщица, но только теперь лицо ее было открыто и светилось любовью. Это было лицо Медаллии, и их поцелуи становились все дольше и глубже, и были намного приятнее тех, что когда-то снились Джанни.

Стоя на вершине холма, Гар наблюдал за приближением золотистого диска. Вскоре опустился трап и Гар взобрался по нему в звездолет.

— Значит, твое путешествие успешно завершилось, Магнус, — прозвучал мелодичный, мягкий голос Геркаймера.

— Да, но не так уж гладко, — отозвался Гар. — Временами было совсем туго. — Он снял средневековое платье и шагнул в кабинку ультразвукового душа. — Взлетай, Геркаймер. Кстати, ты вызвал Звездную полицию?

— Вызвал, Магнус, и передал им все собранные мной сведения. Они очень обрадовались и сказали, что наконец им удалось «поймать лурганцев за руку».

— Отрадно слышать. — Магнус закрыл глаза. Стоять под душем было так приятно. — Теперь жители Петrarки смогут все начать заново, и никто им не помешает. Желаю им удачи.

Геркаймер отметил:

— В твоём голосе слышится грусть, Магнус. В чём её причина?

— Только в том, что я не могу остаться и насладиться тем счастьем, которое ждёт их, — вздохнул Магнус. — То бишь моего приятеля Джанни и его прекрасную даму, Медаллию.

Отключив ультразвук, он на тридцать секунд включил струю мыльной воды, затем снова постоял под ультразвуком, после чего вымылся чистой водой.

Когда заработала сушилка, Геркаймер спросил:

— Но если ты не можешь остаться, как же может остаться Медаллия? Она ведь тоже с другой планеты, верно?

— Верно, — согласился Магнус. — Но у неё для этого есть очень веская причина. Она выходит замуж за местного жителя. — Он усмехнулся. — Медаллия никогда не простит меня за то, что я просветил Джанни на её счёт, но на самом деле она сама виновата.

Она перестаралась, и я не мог не узнать о ее присутствии в его разуме, а нарочно я, конечно, не подслушивал. — Он вышел из-под душа и переоделся в современную одежду из легкой и мягкой ткани.

— Но ваших с Джанни спутников ты все-таки сам обрабатывал, признайся, — заметил Геркаймер.

— Верно. И пироджийскому войску отвагу и мужество также внушал я, и не только за счет призывов, которые произносил вслух, — кивнул Магнус.

Он взял в баре-автомате высокий стакан с холодным напитком и впервые за несколько месяцев уселся в мягкое, удобное кресло.

— Ты бы мог остаться, если бы пожелал, Магнус.

Но Магнус только головой покачал.

— Без такой причины, какая появилась у Медаллии, — нет, Геркаймер. Я пока не нашел места, где мне захотелось бы обосноваться на всю жизнь.

— Ну и куда же мы направимся на этот раз? — поинтересовался компьютер.

— Покажи мне перечень заброшенных колоний, где народ страдает от притеснения властей, — отозвался Магнус.

Перечень незамедлительно появился на настенном экране. Магнус, откинувшись на спинку кресла, пробежал его глазами, раздумывая, на какую планету отправиться, чтобы найти там, быть может, любовь и дом, а быть может — внезапную, благословенную смерть.

Волшебник в Бедламе

ДЕРЕВЕНСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

— Мы оба — младшие сыновья. — Дирк кивком указал на Гара. — У нашего лорда не нашлось для нас места. Волей-неволей приходится искать службу на стороне. Мы решили, что в городе короля нас примут в королевское войско.

— Сэр, прошу прощения, — неожиданно сказал сержант, — а разве не было сказано, что странствующие дворяне подстрекают простолюдинов к бунту?

Дирк решил изобразить праведный гнев.

— Сэр! Мы — воистину дворяне! Мы верны королю!

— Господа, придется вам отправиться с нами. — Сквайр обернулся к сержанту и кивком указал на Дирка и Гара.

Сержант тронул с места коня и поднял заряженный арбалет...

Глава 1

Взревели двигатели, и грузовой корабль неуклюже выбрался из стартовой камеры. Он завис на несколько мгновений, пытаясь удержать равновесие, и ринулся в небо, рыча, как дикий зверь.

Покинув атмосферу, корабль вышел на орбиту.

Пилот у пульта управления ударил по рычагу и перевел корабль в автоматический режим.

— Так надежнее. Немного покрутимся на пуповине, а через полчаса отправимся обратно в матку.

Капитан Домины поморщился.

— Слыхал я, бывало, двусмысленные метафоры. Как бы вам, лейтенант, это не аукнулось.

— Сэр, вы слишком строги, — изобразил притворное изумление штурман. — А я уж был готов восславить его образный, красочный язык.

Штурман был черноволосым, худощавым и очень походил на пилота. Близнецами их назвать было нельзя, но братьями — вполне, хотя никакие близкие родственные связи их не объединяли.

— Можно было выразить ту же мысль гораздо пристойнее, — не сдавался Домины. — Мне бы не хоте-

лось, чтобы понятие «корабль-матка» употреблялось столь буквально. — Он отстегнул ремень безопасности, встал и потянулся. — Ну, ладно. К делу. Будьте любезны, пригласите сюда Зерно Мятажа.

Пилот подмигнул и нажал клавишу на пульте.

— А я думал, мы покончили с метафорами... Лейтенанта Дюлейна в отсек управления, пожалуйста.

Капитан ехидно усмехнулся и, согнув руку, другой рукой стал массировать бицепс размером с ананас. Капитан был широкоплечим, мускулистым, у него были маленькие, зоркие глаза, лоснящееся лицо и волосы с проседью.

Штурман задумчиво насупил брови.

— Капитан, полагаю, что ваше определение не совсем точное. Нет нужды сеять на Меланже зерна мятежа. Судя по тому, что говорили лорды Порт и Кор, мятеж уже готов расцвести пышным цветом.

Капитан сердито зыркнул на штурмана.

— Чартс, я наивно предполагал, что совещание было тайным.

— Нет, сэр, — усмехнулся пилот. — Оно перестало быть тайным в тот момент, когда вы приказали Дирку подслушивать при помощи жучка, установленного в комнате переговоров. Соответственно и я поддался искушению.

— Уж против чего вы устоите, так только не против искушения, — проворчал капитан и снова уселся в кресло.

Сдвинулась крышка входного люка, и в отсек вошел молодой человек в жилете, штанах до колен, белых чулках и в башмаках с пряжками. Он был так

похож с пилотом и штурманом, будто их произвела на свет одна мать. Но тот, кто решил бы, что это так и есть, ошибся бы: все дело было в их далеких общих предках.

Капитан, взглянув на вошедшего, выразительно вздернул брови:

— Дирк! Ты все слышал?

Дирк изысканно поклонился.

— Ваше желание — закон для меня, мой капитан.

— Лейтенант, будьте так добры, включите вентилятор, — попросил капитан. — Что-то душновато тут у нас.

— Разве здесь душно! Вот там... — Дирк потянулся и стал разминать костяшки пальцев. — Все вышло немножко не так, как мы рассчитывали? В том смысле, что лорд Кор явился с лордом Портом?

— Ага, от тебя это не укрылось, — обрадованно проговорил Домињи.

— Мне показалось немного странным, что лорд Кор продвинулся с тех пор, как я батрачил в его поместье. Лорд тайный советник его величества и все такое прочее... Но чтобы он снизошел до беседы с капитаном торгового корабля? Ничего себе!

— Ах ты мой понятливый... — Капитан покачал головой. — Ну и как ты это расцениваешь?

Дирк сел на пол, обхватив руками колени.

— Если навскидку, я сказал бы, что пахнет жареным. Наши лазутчики сообщают, что мятеж просто-таки носится в воздухе. Правда, они помалкивают насчет воздуха в непосредственной близости от престола.

— Не исключено, что воздух возле престола чист. Хотя о чем можно судить наверняка, когда имеешь дело с царственными особами. Кто знает, что с его величеством? Ведь его никто не видел со дня коронации.

— Да, да. И, как мне помнится, вид у него был весьма затравленный. Бедняжка. — Дирк почесал за ухом. — Да и кто бы выглядел иначе при лорде Коре в должности регента? Но как бы то ни было, насчет мятежа ходят упорные слухи — настолько упорные, что наверняка они дошли и до лорда Кора. Вот потому он и явился — не запылится. Решил окончательно удостовериться в том, что мы не высадимся и не окажем помощь мятежникам, если дела пойдут из рук вон плохо.

— Не слабо, — кивнул Домињи. — Немного поверхностно, но все-таки не слабо. Ну и что же все это значит в свете твоего задания?

— Они будут отслеживать нас с зоркостью ястребов, — без запинки ответил Дирк. — Каждый лорд выставит часового около своего радара. Как только я там появлюсь, сработает сигнализация, и ее вопль будет слышен в радиусе ста миль.

— Ну, ста — это ты, положим, загнул. Десяток миль — это ближе к истине, — рассудительно возразил Домињи. — На наше счастье, согласно высочайшему соизволению лордов, на планете — только один космодром. Вот на него-то и будут устремлены алчные взоры василисков. И если мы высадим тебя подальше от него, есть шанс, что тебя не заметят.

Дирк покачал головой:

— Все основные события будут происходить в столице, в непосредственной близости от короля. Сто миль пешком — это не по мне, увольте. Но вы не переживайте. Я оторвусь от любой погони.

Капитан вздохнул и покачал головой:

— Как это ни прискорбно, тебе решать. Лично я предпочел бы высадить тебя вдалеке от столицы.

— А я позволю себе усомниться в правильности такого выбора, — сухо проговорил Дирк.

Капитан свирепо зыркнул на него, но не смог удержать улыбки.

— Может быть, ты и прав. Одному Господу известно, как бы я хотел оказаться на твоём месте, но у тебя преимущество — молодость. А как ты расцениваешь то, что теперь тут запретили, назовем это так — туризм?

— Из кожи вон лезут, верно? — Дирк угрюмо усмехнулся. — «И чтобы больше никаких «случайных» рекогносцировочных полетов» — так он сказал? А потом еще ввернул насчет того, что ему понятно законное любопытство членов экипажа к планете, с которой ведется столь интенсивная торговля, и все же он категорически против высадки. Думаете, он что-то подозревает?

Доминьи пожал плечами.

— Ты его лучше знаешь. Что он может подозревать?

— Все что угодно, — быстро ответил Дирк. — Вплоть до того, что мы готовы нависаживать чертову уйму агентов-подстрекателей.

— Но за пятьсот лет нашей с ними торговли мы множество раз «случайно» высаживались на планету. Разве это не должно было развеять его подозрения?

Дирк покачал головой:

— Его предшественников — может быть. Но не лорда Кора. На этот раз, если он обнаружит, что вы кого-то высадили, он свяжется с вами и аннулирует вашу привилегию на торговлю.

Домињи угрюмо усмехнулся.

— Это им самим невыгодно. Слишком долго придется искать новую торговую компанию. К тому же они хотят отгородить свой маленький «лучший из миров» от любого постороннего влияния. Именно поэтому они и имеют дело с одной компанией — с нами. Наступил момент, когда их забота о безопасности заработала против них. Они так надежно задвинули засовы, что теперь вынуждены сидеть взаперти. А впрочем, — махнул он рукой, — не наша это забота. Пусть не пускают нас. Мы же все равно никуда отсюда не уйдем. — Он протянул палец к экрану. — Будем торчать вон там, за ближней луной, в тени радара, и ждать твоего сигнала. Как только ты нас вызовешь, мы накроем планету сетью кораблей, и они зажужжат над лордами, как растревоженные шершни.

— А что, если все снова сорвется? — негромко спросил Дирк. — Ведь Декейда постигла неудача. Что, если восстание будет подавлено?

— Не будет, — резко ответил Домињи. — Мы ждали этого пятьсот лет, Волшебник исчез с планеты под прикрытием беспорядков, спровоцированных Декейдом. Он положил немало сил для того, чтобы организовать первый торговый маршрут, а потом добился привилегий для нашей компании. Он ушел из жизни счастливым, веря в нашу победу.

Дирк внимательно слушал капитана. Эти слова он знал наизусть, но они превращали тлеющий в его груди огонек в бушующее пламя.

— Поколения за поколениями мы бежали от своих хозяев на торговые корабли, — продолжал Доминьи. — Покидали родную планету, пичкали наши мозги знаниями так, что те начинали трещать по швам, вкалывали до седьмого пота, чтобы маршрут работал, чтобы мы, торгуя с этой самой родной планетой, использовали любой шанс забросить туда то нужные сведения, то оружие. — Он помолчал, глядя на Дирка. — Мятеж не должен провалиться!

Дирк глубоко вздохнул и медленно поднялся.

— Не провалится.

— Не провалится, если ты сделаешь свое дело, — ты это хотел сказать? — Доминьи, не спуская глаз с Дирка, встал с кресла. — Но учти: если мы высадимся до того, как поднимутся крестьяне, и из-за этого мятеж пойдет прахом, я тебя в сопло засуну перед стартом, понял?

Дирк понял, что капитан не шутит.

— Найди вождя повстанцев, — продолжал Доминьи. — Свяжись с ним. Узнай, чем мы можем ему помочь. Если он не захочет нашего участия, и мятеж разгорится, подумай, как нам себя вести в этом случае. Главное, чтобы, позвав нас, ты был совершенно уверен в том, что время пришло.

— Не беспокойтесь, — небрежно проговорил Дирк. — Я позову вас тогда, когда буду совершенно уверен.

Доминьи еще на миг задержал взгляд на Дирке, а потом улыбнулся и крепко пожал его руку.

— Удачи! И как только выскочишь из нашей повозки, сразу ноги в руки, и наутек!

Капсула вывалилась из тьмы и шлепнулась на траву. Звякнув, сдвинулась крышка люка. Дирк выпрыгнул наружу.

Перевернувшись в прыжке через голову, он вскочил на ноги и кинулся к деревьям. Разок оглянулся. Увидел, что тележка уже поднялась, и ускорил бег.

Он мчался с такой скоростью, будто тысяча снайперов следили за каждым его движением и ждали, когда он остановится, чтобы разглядеть знак простолюдина прежде, чем выстрелить в него.

Как только Дирк оказался среди деревьев, он перешел на быстрый шаг. Он хорошо знал этот лес, который приютил его двадцать лет назад после бегства из деревни. С тех пор Дирк семь раз высаживался на Меланже, и всегда это было связано с лесом.

Дирк двигался через подлесок, легко находя тропинки, внимательно вслушиваясь в обычные звуки ночного леса — шум ветра в ветвях, шорохи в траве, писк летучей мыши. Все было, как и должно было быть в лесу. Ему даже хотелось услышать что-нибудь необычное. От ожидания опасности его нервы были натянуты, как струны рояля.

Дирк был высокий, худой, гибкий мужчина и одет — как дворянин восемнадцатого века. Широкие поля шляпы затеняли глубоко посаженные серые глаза, оставляя под лунным светом острие носа, выступающие скулы, впалые щеки и квадратные челюсти.

Дирк быстро шел по широкой тропе, наступая на пятна света звезд, который пробивался сквозь листву деревьев.

Внезапно, прислушавшись, он остановился и тут же, тихий, как облачко тумана, скользнул с тропинки. Он прижался к стволу дерева, стоявшего в глубокой тени, и слился с его корой.

Ночь затаилась.

Дирк выжидал.

Издалека, сначала еле слышно, затем все явственнее раздался конский топот.

Лавина звуков обрушилась на тихий лес. Мимо пронеслись суровые всадники в железных шлемах и в кольчугах. Посреди кавалькады Дирк увидел лорда в лиловом камзоле, в напудренном парике, развевающимся на ветру.

Всадники пронеслись, и звон металла поглотила тишина ночного леса.

Плохо, что у Дирка не было ружья. Или хотя бы арбалета. Дворянину не положено носить оружия, если он не на военной службе.

Дирк выждал, пока топот копыт окончательно затихнет. Отошел от дерева, но на тропинку решил не выходить.

Скорее всего радар местного лорда обнаружил приземление капсулы, но возможно, лорд торопился в гости или на свидание с дочерью простолюдина. Нет. Вернее всего, охотятся за ним. Лорд и его солдаты ничего не нашли на поляне и стали прочесывать подлесок. Они побоялись забираться слишком глубоко в лес. Там могли встретиться опасные животные, боль-

шей частью — двуногие да зубастые, у которых была дурная привычка оставить где-нибудь в ветвях стальной крюк, который так неприятно вонзается в шею невнимательного всадника.

Не стоило Дирку выходить на тропу. Он двинулся через лесок, довольный собой. Как замечательно быть живым...

Через два часа Дирк вышел из леса и остановился на опушке в тени дуба.

Перед ним расстилалась равнина, которая убегала вдаль к скалистым горам.

Над равниной плыл туман. В небе поблескивали звезды. До восхода луны оставалось не больше часу. Этого времени не хватило бы, чтобы дойти до ближайшей деревни. Нужно было поискать укрытие в скалах.

Дирк начал взбираться по склону, и тут на него напал великан.

Вниз с горы на Дирка мчалось, рыча и размахивая руками, триста фунтов человечины в образе мускулистого бродяги.

Дирк отступил и выставил вперед свою дубинку. На мгновение его охватил малодушный страх. Но он быстро вспомнил, как из него готовили искусного убийцу, расставил ноги пошире и направил дубинку прямо в солнечное сплетение гиганта.

Великан затормозил.

— Rrrrr-p-p! — зарычал он и стал размахивать руками над головой.

Дирку неожиданно стало смешно.

— Рроррр? — еще раз осторожно рыкнул гигант. — Б'ишься? Б'ишься меня?

— Уж извините. Не боюсь. — Дирк покачал головой, потом резко топнул ногой и завопил: — Бу-у-у!

Великан вздрогнул, отпрыгнул назад и стал внимательно рассматривать Дирка. А Дирк начал рассматривать гиганта. Тот был семи футов высотой и фута два с половиной в плечах. Его сильное обнаженное тело прикрывала лишь набедренная повязка. Кожа была измазана серой грязью, волосы, свисающие до плеч, тоже были грязные и сальные. Над крупными, широко поставленными глазами нависал выпуклый лоб. Нос когда-то давно был сломан. Тонкие губы огромного рта слегка подрагивали. Похоже, великан испугался Дирка.

Дирк решил усилить впечатление и, снова подняв палку, заорал:

— Хвала Господу нашему и Святому Георгу!

Великан подпрыгнул и бросился бежать.

Размахивая дубинкой над головой, Дирк с криком погнался за ним. Неожиданно гигант метнулся в сторону и пропал из виду. Только камешки посыпались из-под его ног, поэтому было понятно, где он спрятался.

Великан, пытавшийся взобраться на скалу, испуганно оглянулся через плечо и увидел Дирка. И тут великан присел на корточки, закрыл голову руками и захныкал, как ребенок.

Дирк бросил дубинку на траву, подбоченился и наклонил голову. Во имя всех святых! Что же с ним делать?

Печальные глаза и изможденное лицо гиганта выражали мировую скорбь. Возможно, он был умственно неполноценным. По деревьям бродило много помешанных. Правда, таких огромных Дирку встречать не доводилось. Куда чаще попадались карлики. Но обычно век этих несчастных был недолог. Лорды за этим внимательно следили. Душевные болезни и психические отклонения были здесь частым явлением, как следствие многовекового инбридинга.

Так что же с ним делать?

Дирк вздохнул и сдвинул шляпу на затылок... Откланяться и — вперед! Было бы слишком обременительно тащить его с собой. Ситуация не позволяла.

И все-таки какое-то сомнение не покидало Дирка.

Великан отважился украдкой глянуть наверх. Его, должно быть, успокоила нерешительность Дирка. Он поднял голову и медленно встал на колени.

Дирк кивнул ему, слегка улыбнувшись.

— Не бойся, парень. Я ничего плохого тебе не сделаю.

Рот великана растянулся в широченной улыбке. Он пополз вперед и коснулся одежды Дирка.

— Бедный Гар хочет есть!

Дирк присвистнул.

— Да ты умеешь говорить!

Гар кивнул и умоляюще сложил руки.

Дирк вздохнул. Порывшись в сумке, вытащил оттуда серебряную монетку.

— Возьми денежку и не пытайся больше нападать на путешественников. Ты меня понял?

По лицу Гара скользнула улыбка и тут же погасла.

— И прекрати рычать, — продолжал Дирк. — Меня этим не испугаешь.

Гар опустил глаза, как нашкодивший щенок.

Дирк подбросил монетку. Она покрутилась в воздухе и упала в пыль. Гар схватил монетку и зажал ее в кулаке.

Дирк улыбнулся и пошел искать место для ночлега. Его все-таки мучило чувство вины перед Гаром, но он ничем не мог помочь бедняге.

Взбираясь на скалу, Дирк услышал позади себя топот. В пятидесяти ярдах от него карабкался улыбающийся Гар.

Пришлось Дирку снова поднять дубинку и нахмурить брови.

Гар остановился, но продолжал улыбаться.

— Ты что меня преследуешь? — спросил Дирк.

— Славный человек! — с надеждой вымолвил Гар. — Добрый человек!

В голове Дирка загорелся красный свет: **ОСТОРОЖНО! ПРИЛИПАЛА!** С Дирком такое уже случилось. Однажды за ним увязался жеребенок. Он не отставал всю дорогу, пока Дирк не добрался до дома. Потом этот жеребенок вырос в лошадку, которая съедала больше половины зарплаты. А отношения с девушками! Нет, с этим надо покончить...

Гар перестал улыбаться.

— Не друг?

— Послушай, — устало сказал Дирк. — Ну не могу я брать на себя такую ответственность. Особенно теперь! Тебе нельзя идти за мной. Может быть, потом мы еще и встретимся, но сейчас — невозможно.

Лицо великана сморщилось, нижняя губа оттопырилась, и из глаз брызнули слезы.

Дирк насторожился. До сей поры все было понятно — нападение, страх, угрызения совести. Но слезы? Это — игра. Слезы должны были вызвать у Дирка жалость.

Каждый, у кого есть мозги, понял бы, что идиот не может заплакать сознательно.

Дирк выпрямился, оперся на дубинку и сказал:

— Ты, друг, заигрался. Ты не больше идиот, чем я.

Гар уставился на него.

Потом нахмурился, челюсти его сжались, плечи расправились и неожиданно он принял облик умного человека.

К тому же — опасного человека.

— Хорошо. Игра закончена. Я не должен был так далеко заходить в своей шутке.

— Шутка? — тихо спросил Дирк. — Игра?

Гар пожал плечами.

— Фигура речи.

— Ага. Понятно. — Дирк кивнул. — А в чем заключалась игра?

— За одну ночь дважды оказаться в трудной ситуации... Я хотел нанять тебя в проводники.

Дирк ответил не сразу.

— Местным проводники не нужны. Местные делятся на лордов, сквайров и простолюдинов. Во всяком случае, местный не шатается по окрестностям, если он не разбойник. Но разбойников тут вылавливают.

— Весьма проникательно, — пробурчал Гар. — Да. Я не с этой планеты. Если бы я хотел это скрыть, я не заговорил бы о проводнике.

Похоже на правду, подумал Дирк. Но если Гар дал понять, что хочет взять Дирка в проводники, то что-то еще он собирается утаить. Второй закон перестановок Финагля: «Если что-то признано истинным, значит, это — ложь».

— Если ты не хотел, чтобы я догадался, — медленно спросил Дирк, — то почему вел себя, как идиот?

— Идиот? — Гар нахмурился. — Конечно, мне хотелось бы, чтобы ты принял меня за местного. Но ты раскусил меня, поэтому пришлось открыться.

Дирк кивнул, будто поверил Гару. Это давало Дирку некое преимущество.

— Как ты очутился здесь? Если бы ты прилетел на грузовом корабле, то я бы об этом знал.

Гар пожал плечами:

— У меня свой корабль.

Дирк старался ничем себя не выдать. Частная яхта, это значит — деньги. Большие деньги.

Но с какой целью миллионер прилетает на Меланж?

— Значит, вы просто решили поглядеть на достопримечательности? — тихо проговорил Дирк. — А разве вы не знаете, что туристам запрещено посещение Меланжа?

— Как мне известно, тут вообще все запрещено, — презрительно улыбнулся Гар. — Но это лишь подогревает любопытство.

Дирк вскипел от гнева. Мало того, что людей здесь преследуют, как диких зверей, так еще некоторые рассматривают это, как любопытный аттракцион.

Он заставил себя успокоиться.

— Выходит, вы просто хотели поглядеть на поисковую партию, а тем временем найти себе проводника. Дружок, это звучит неубедительно.

— Перестань сомневаться. Все не так просто. Я здесь уже около месяца. Я чуть не заболел, глядя, что тут с людьми делают, ведь они всю жизнь вынуждены удовлетворять капризы и прихоти своих господ! — Он уставился на Дирка. — Почему вы все это терпите? Мужчины вы или нет? Почему вы до сих пор их не скинули?

Дирк с удивлением подумал о том, как он ошибался, приняв Гара за большого обиженного ребенка. Но ведь так оно и есть. Избалованное дитя. Совестьливый сыночек какого-то богача, которому нечем заняться, ищет смысл жизни. Не смог найти таковой в своем мире и стал прыгать с планеты на планету в надежде найти нечто, достойное приложения его сил.

И, предположим, нашел...

— Вы могли напасть из засады на любого прохожего. Но почему-то выбрали именно меня. Почему?

— Да все в порядке! Все в порядке! — раздраженно пробурчал Гар. — Мне был нужен некто с другой планеты, и когда я увидел скачущую в ночи поисковую группу, я понял, что ищут не сбежавшего простолыдина. Точно так же охотились за мной, когда я приземлился! Вот почему я догадался, где тебя искать. Теперь понятно?

Дирк медленно кивнул. Замечательное объяснение, если не обращать внимания на оговорку Гара о мятеже. Нелегальный визитер на закрытой планете — это или лазутчик, или мятежник. Возможно, все, что он говорит, — неправда, и он просто лазутчик лордов, который пытается установить контакт с мятежниками.

Нет. Не похож на лазутчика. Видно по лицу. На этой планете всегда можно определить принадлежность человека к тому или иному сословию с первого взгляда. Это тоже последствия инбридинга. Допустим, Гар ищет связи с мятежниками, но не хочет, чтобы Дирк догадался об этом.

Да, вот уж действительно ребенок.

— Ну и как? — настаивал Гар. — Пройдешь по острию ножа? Или мне продолжать свои странствия в одиночестве?

Велик был соблазн отказаться, ведь это был восторженный любитель. Пусть идет один. Вообще, пусть идет к черту... Но...

Мятеж может провалиться. И в этом случае простолюдинам нужна будет помощь из внешнего мира, чтобы провести расследование деяний здешнего правительства. А где есть деньги, там есть и влияние.

Детка достаточно богат, чтобы иметь собственную яхту...

Дирк пожал плечами.

— Ладно. Годится. До тех пор, пока ты не захочешь сойти с дистанции. Но предупреждаю, прогулка будет нелегкой.

Он повернулся и стал взбираться на скалу.

Спустя минуту услышал за спиной тяжелые шаги.

Глава 2

Они подошли к деревне как раз перед восходом солнца. Дирк остановился. На лице застыла маска страдания, в глазах — печаль.

Гар удивился.

— Что случилось?

— Возвращение в места, где долго не был, всегда болезненно, — пробормотал Дирк. — Деревня эта очень похожа на ту, где я вырос. Все так, словно я бывал здесь раньше... и этот дом... Но этого не может быть. Я теперь чужой здесь.

Дирк понял вдруг, что выболтал нечто очень сокровенное первому встречному.

— Пойдем, пойдем. Нам нужно спрятаться.

В мешке Гара нашлась одежда дворянина, и после переодевания он стал выглядеть столь же пристойно, как Дирк. В этом мире только дворяне имели право путешествовать от деревни к деревне. Только дворяне и лорды.

Дирк и Гар шли по деревенской улице. Гар усиленно старался не пялиться на поселян, хотя все же отметил, что мужчины здесь довольно низкорослые,

плотные, лица у них — круглые, глаза — карие, а носы курносые, женщины же — крепко сбитые, полногрудые, задастые и тоже круглолицые, правда, чуть по-симпатичнее.

И все одеты одинаково. Поселяне — в красных или зеленых куртках и коричневых штанах. Поселянки — в голубых или желтых домотканых платьях и красных фартуках. Иногда встречались мужчины атлетического сложения — широкоплечие и мускулистые и с другим типом лица, но таких было немного.

Дома были под стать хозяевам — низкие, широкие, округлые, с соломенными крышами и глиняными стенами, покрашенными розовым, бледно-голубым или светло-зеленым.

— Они все по-прежнему кажутся одинаковыми, — пробормотал Гар.

— А? — Дирк вышел из глубокой задумчивости. — Что это значит «по-прежнему»?

— Я был здесь месяц назад и думал, что теперь смогу найти какие-то различия.

Дирк вяло улыбнулся.

— Не удастся.

Гар повернул к нему голову.

— Почему?

— Эти различия тебе бы пришлось искать всю жизнь, — грустно сказал Дирк, — и даже тогда ты бы все равно не избежал ошибок. Все дело в том, что ты с другой планеты. Они же *все одинаковые*. Я ведь рассказывал тебе об инбридинге, помнишь?

— А разве у вас нет табу на инцест?

— Да, есть и очень тщательно разработанное. Но это мало помогает, если с самого начала у всех одинаковые гены.

— Это невозможно, — сказал Гар.

Дирк покачал головой.

— Возможно, если генетический фонд очень мал.

— Общество с ограниченным генофондом нежизнеспособно. Ни физически, ни социально.

— Тем не менее это произошло. — Дирк посмотрел на деревню. — Видишь ли, мы слишком плохо знаем свою историю, это лордам удалось.

— А что говорится в отчетах?

— Корабль, который доставил...

— Корабль? — скептически переспросил Гар. — Только один корабль?

— Да. Один корабль на всю колонию, — ответил Дирк. — Наши хозяева, лорды, в их безграничной мудрости решили не обременять себя слишком большим багажом в виде людей. Поэтому на корабль загрузили шестьсот семей, а в контейнерах со льдом везли достаточное количество спермы и яйцеклеток, чтобы избежать впоследствии чрезмерного инбридинга.

— Так-так, — пробормотал Гар, — две тысячи простолудинов, то есть по сотне фермеров на каждого лорда.

— По две сотни, — перебил его Дирк, — ты забыл о дворецких, поварах, горничных, истопниках и парикмахерах. А ты видел, что у этих людей под одеждой?

— Видел, — ответил Гар. — Заглавная буква «К» — крестьянин.

Дирк кивнул:

— Знак рабства. Ставится при достижении совершеннолетия. У меня-то его нет. Я успел сбежать раньше. А знаешь, что на самом деле означает это «К»? Буква должна обозначать «Крестьянин», но за этим стоит еще одно значение — КЛОН.

Гар с испугом посмотрел на Дирка.

— Да, — тихо сказал Дирк. — Они взяли с собой только двенадцать слуг и потому взяли по кусочку ткани этих двенадцати и вырастили клонов, затем клонировали эти клоны — сотни клонов, сотни тысяч клонов, пока у каждого лорда не стало столько слуг, сколько ему захотелось. — Дирк остановился перевести дыхание. — И вот так моему народу была дана жизнь.

— А я догадался, почему вы все так похожи.

— Да. А очень эффективный способ, верно? Глянешь на человека — и сразу знаешь, кто он. Высокие, мускулистые — кузнецы или плотники. Есть семьи дворецких, торговцев, истопников, солдат, дровосеков, рыбаков. Да, еще не забыть поварих, горничных и домашних хозяек. Здорово, а?

— Бесчеловечно! — прорычал Гар.

— А вот сейчас тебе представилась возможность посмотреть на представителей семьи солдат. Вот они сопровождают истинного джентльмена, местного сквайра.

Гар увидел, что к ним приближалась группа из пяти человек. Все на лошадях. Четверо были в стальных шлемах и кольчугах, а пятый, выступавший перед ними, был невысоким, худым человеком с вьющими-

ся золотыми волосами, на нем были бледно-голубые штаны и камзол пурпурного цвета.

— Его можно назвать «гибрид», — тихо сказал Дирк, — если следовать правилам приличия. Наши лорды перенесли сюда все аспекты земных обычаев аристократов. Включая *droit de seigneur*, право соблазнить или изнасиловать любую простолюдинку. Когда ему угодно. И незаконнорожденных отпрысков здесь называют джентльменами. Из них получаются рыцари и сквайры, которые управляют деревнями.

Гар понимающе кивнул.

— А как называются бастарды от союза благородной дамы и простолюдина?

— А это называется словом «смерть». Что так же относится и к даме.

Сквайр подъехал и натянул поводья. Его солдаты окружили Дирка и Гара.

Дирк был спокоен. Он обернулся к джентльмену.

— Добрый день, сквайр.

— Добрый день, — любезно ответил сквайр. — У вас очень усталый вид. Путешествие было долгим?

— Очень долгим. — Дирк подумал, что бы сказал сквайр, если бы знал, сколь долгим было это путешествие. — И утомительным. Мы не смогли найти места для ночлега, волей-неволей пришлось идти всю ночь.

— Вам не повезло, — посочувствовал сквайр. — Могу полюбопытствовать, кто вы по профессии и что заставило вас отправиться пешком так далеко, да еще в это беспокойное время?

Дирк отметил эти слова: «неспокойное время», хотя деревня являла собой образец размеренной спокойной жизни.

— Мы оба — младшие сыновья. — Он кивком указал на Гара. — У нашего лорда нет для нас места, поэтому волей-неволей мы должны искать себе службу где-нибудь еще. И вот мы направляемся в город короля.

Он увидел напряжение, возникшее в солдатах. Что же произошло в Альбемарле?

— Значит, у вас нет никакого дела? — Сквайр владел собой лучше, чем солдаты.

— Нет, — ответил Дирк, — мы решили устроиться в королевскую армию. — Дирк отметил, что сквайр слегка расслабился... Слегка...

Сквайр кивнул:

— В таком случае вам действительно лучше отправиться в город короля...

— Сэр, прошу прощения, — неожиданно вступил в разговор сержант, — но ведь было объявлено, что некие странствующие дворяне подстрекают простолюдинов присоединиться к бунтовщикам!

— Да, я слышал об этом. — Сквайр испытующе посмотрел на Дирка.

Дирк почувствовал, как занервничал Гар.

— Два джентльмена, без определенных занятий, направляются в Альбемарль, — задумчиво проговорил сержант. — Может быть, это связные между разными гнездами бунтовщиков?

Сквайр кивнул, внимательно глядя на Дирка.

Дирк решил изобразить праведный гнев.

— Сэр! Мы — верные королю дворяне!

— Точно так же, как и я, — тихо сказал сквайр. — Однако каждый человек прежде всего предан своим собственным интересам. По правде сказать, мы здесь ищем шпиона, переодетого дворянином.

— Одного. — Дирк кивнул на Гара. — А не двух. Сквайр пожал плечами:

— Да нам просто повезло, что шпионов двое, а не один.

— А еще то, что милорд Кошон очень нуждается в солдатах для пехоты, — сказал сержант.

Дирк постарался подавить в себе панику и, улыбаясь, сказал:

— Сквайр, я уверен, что вы шутите. Откуда здесь могут быть шпионы?

— И бунтовщики, — напомнил ему сквайр. — Вы разве не слышали рассказы о бунтовщиках?

Дирк, нахмурившись, кивнул.

— Конечно, слышал. Но в это с трудом верится. Не вижу никаких признаков.

— А я вижу, — мрачно сказал сквайр. — Господа, придется вам отправиться с нами. Если вы не мятежники, я перед вами извинюсь и передам вас лорду Кошону. Но если вы... — Он нарочно прервал фразу, мерзко ухмыльнулся и, повернувшись к сержанту, качнул головой в сторону Дирка и Гара.

Сержант понимающе кивнул, двинул коня вперед и поднял лук.

Дирк размахнулся. Его дубинка ударила по руке сержанта. Сержант завизжал и выронил лук.

Над головой Дирка взвился ремень Гара, отразив меч сквайра. Углом глаза Дирк увидел, как второй солдат повернул на них свою лошадь, а третий старался прижать их слева, подняв меч.

Дирк размахнулся, стал раскручивать дубинку и попал по руке солдата, меч упал на землю.

Услышав крик позади себя, Дирк крутанулся и увидел, как Гар что есть силы лупит четвертого солдата дубинкой.

Тем временем сквайр переложил меч в левую руку и замахнулся на Дирка. Дирк поднял дубинку, но меч с силой опустился на нее, и дубинка ударила по лбу Дирка.

Мир потемнел. Из глаз посыпались искры. Дирк упал на колени и сквозь туман в глазах увидел, как сквайр поднимает меч для второго удара. Вдруг огромное тело заслонило все перед ним, он услышал *Чанк!* И дикий крик сквайра. Хвала Господу! Гар! Но тут один из солдат поднял свой меч и бросился на Дирка, который нашел в себе силы встретить солдатский меч своей дубинкой. Солдат неуклюже полетел вперед и ударился о землю.

Дирк вскочил... и увидел, что в него целятся из двух луков. Слева сержант, справа солдат. Дирк бросился на землю, перевернулся и заметил при падении, что Гар исчез. Над головой Дирка просвистела стрела, вторая — задела ногу. Поднимаясь с земли, Дирк увидел, как длинная рука высунулась из-за хижины и схватила за горло солдата. Дирк оказался между сержантом и сквайром. Увидев, что сквайр снова заносит над ним свой меч, Дирк извернулся и ударил

сквайра концом дубинки прямо в живот. Сквайр свалился с лошади, его меч, звеня, рассек воздух в футах от лица Дирка, но Дирк уже обернулся к сержанту.

Его рядом не было.

Он бежал к Гару, мыча и размахивая мечом, как дубиной.

Но Гар встретил его сильнейшим ударом своей палицы. Сержант схватился за ключицу, отпрыгнул назад, рухнул, извиваясь, на землю и затих.

На деревенской улице наступила тишина.

Дирк осмотрелся и увидел, что вблизи нет ни одного деревенского жителя. Разумно.

Дирк глянул на пять неподвижных тел, на Гара, который стоял рядом и усмехался.

Дирк, прихрамывая, подошел к Гару.

— А ты оказался лучше, чем я себе представлял. Где это ты, сынок, научился так управляться с дубинкой?

— Моя родная планета... как бы это сказать, немного примитивна. — Он кивнул на валявшихся врагов. — Мы себя обнаружили.

— Похоже на то.

— Так. Но ты же знаток местных условий. Что будем делать?

Резко отворилась дверь ближайшей хижины, и оттуда вышла девушка.

— Быстро! Сюда! Пока они не очнулись...

Девушка была высокой, темноволосой, с небольшой полной грудью, выглядывающей из тесного зашнурованного корсажа. Широкая юбка нежно обвиняла округлости ее бедер. Такой могла бы быть любая

горничная, но овал лица, маленький прямой нос, полные губы, большие темные глаза с длинными трепещущими ресницами и роскошные темные блестящие волосы делали ее такой красавицей, каких Дирк не встречал ни разу в жизни. *Как только лорд ее пропустил?*

— Ну, быстрее! — прошипела девушка — Вам надо скорее спрятаться!

Дирк помотал головой, стряхивая оцепенение, и медленно вошел в хижину. Гар последовал за ним. Девушка юркнула внутрь и заперла за собой дверь.

Дирк огляделся. Грязный пол, в центре — очаг, слабый свет, пробивающийся сквозь маленькие пергаментные окна. Обычная крестьянская хижина, и в ней обычная деревенская женщина, две ее дочери и два маленьких сына.

Женщина была ширококостной, как и все домашние хозяйки. Девочки еще не успели раздаться вширь, а мальчишки еще не утратили розовую младенческую умильность. Типичная фермерская семья. Одно только не типично: в их доме появились два беженца.

Дирк снова посмотрел на их спасительницу. Похоже, она не из домашних хозяек. Что же она тут делает?

Девушка схватила Дирка за руку и потащила его к лестнице.

— Быстро наверх, на чердак! Это — шанс на спасение. — Она обернулась к домашней хозяйке: — Занимайтесь своими обычными делами. Забудьте нас, будто бы нас здесь никогда не было. Мы скоро уйдем. Вам надо потерпеть от силы час.

Хозяйка нахмурилась, но все же кивнула в знак согласия и занялась своим выводком.

Дирк и Гар растянулись на дощатом настиле чердака. Семейство спокойно, неторопливо собиралось, готовясь уйти.

А Дирк забыл обо всем, чувствуя рядом теплое тело в шуршащей одежде. Он увидел, что девушка сосредоточенно рвет кусок холстины на полосы.

— А ты не заметил, что тебя ранили? — С некоей долей сарказма спросила девушка. — Не подумай, что особенно забочусь о тебе. Просто не хочу, чтобы кровь протекла вниз через щели и выдала бы нас.

В Дирке шевельнулось раздражение.

— Понятно, я не стою твоей заботы. Но почему тогда ты рискуешь, пряча нас здесь?

— Напряги воображение, — огрызнулась она. — По-твоему, я похожа на деревенскую?

Дирк понимающе кивнул:

— Так. Значит, ты из бунтовщиков.

— Помогаю беглецам. А ты от наших «друзей» с неба?

Дирк почувствовал холодок осторожности, коснувшийся его, когда он услышал, как она сказала «друзья». Будто бы с обидой.

— Как ты это поняла? — медленно спросил он.

Она пожала плечами.

— Когда лорд Кошон и его отряд проскакали среди ночи, как Дикие Охотники, стало ясно, что они ищут не сбежавшего простолюдина. Явно это была облава на кого-то, кто был заброшен к нам. Я кину-

лась в деревню и пошла от дома к дому, пока не увидела вас.

Дирк не мог оторвать от нее глаз. Он почувствовал горячий поток желания, разлившийся по всему телу. Мало того, что красавица, так еще и умница.

Ему не удавалось успокоиться, и это его испугало. Сотни раз он испытывал вожделение, но сейчас происходило нечто другое. Ее обаяние его оглушило. Будто гулкий колокол бился в голове.

Девушка поднялась на колени и сняла чулки, обнажив икры ног.

— Эта повязка ненадолго, только чтобы впиталась кровь. Ты легко отделался, обычная ссадина.

Дирк тихонько лежал, пытаясь не обращать внимания на ее прикосновения.

— Мы переждем здесь, пока они не очнутся и не уйдут из деревни?

— Нет. Мы останемся тут еще час после их ухода. Если двинуться раньше — можем наткнуться на них, они ведь будут обыскивать всю деревню. Но и дольше оставаться нельзя, потому что они напустят Ишейку лорда.

Гар поднял голову.

— Ишейку? Что это такое?

— Жалкий телепат, — объяснил Дирк, — обычно, идиот, эти два качества часто совмещаются в одном человеке. С ним обойдут все места, где мы могли бы спрятаться. Как только он учует какие-либо неординарные мысли — это сразу покажет, где надо нас искать.

Гар удивился:

— Ты говоришь так, будто телепатия — обычное явление.

Девушка перестала бинтовать ногу Дирка и усмехнулась:

— А что в этом удивительного?

— Это всего лишь один из эффектов тотального инбридинга, — резко сказал Дирк.

Гар отвернулся и стал с любопытством наблюдать за действиями людей внизу.

Девушка, заметив это, презрительно улыбнулась:

— А я думала, что все небесные люди считают себя простолюдинами...

— Так и есть, — поспешно ответил Дирк. — Он бежал отсюда на руках матери, когда ему было всего два года. Кстати, красавица, как тебя зовут?

— Я — Мейделон. И нечего радоваться, — хитро сказала она, увидев, что Дирк улыбнулся. — Если хочешь, чтобы я вам помогала, шевели мозгами, простолюдин!

Дирк решил ничего не отвечать и повернулся к Гару.

— Что ты все разглядываешь? Что нашел там внизу необычного?

— В том-то и дело, что ничего.

— Разве ты никогда не видел простолюдинов?

— Меня поражает одинаковость их поведения.

Дирк грустно улыбнулся.

— Что же в этом странного? Все люди варят обед, чтобы утолить голод.

— Да. Но абсолютно идентичные движения... Одинаково сыпать соль в тарелку, одинаково ухватывать

горшок с одинаковым наклоном тела и поворотом головы...

Дирк посмотрел на него и усмехнулся:

— Ты ведь знаешь, что определяет поведение людей?

— Ну... окружающая среда, конечно. Наследственность.

— Вот-вот, — кивнул Дирк. — Вдобавок к тому, что у людей одни и те же гены, лорды заставляют их жить в одинаковых домах, носить одинаковую одежду и пользоваться одинаковой утварью... — Он пожал плечами. — Все различия, какие и были, с течением времени совершенно сгладились.

— И как глубоко заходит эта идентичность? — почти сердито спросил Гар.

Дирк нахмурился.

— Если ты хочешь понять, думаем ли мы одинаково, отвечу тебе — да. Кроме таких людей, конечно, как я. — Дирк посмотрел вниз. — Я с десятилетнего возраста жил в другой среде. Поэтому я — другой. И если ты спросишь меня, о чем думают эти мальчики, я смогу предположить, но не могу *знать*...

Дирк увидел в глазах Гара сочувствие и оглянулся на Мейделон. В ее взгляде было напряженное внимание и что-то еще. Не то чтобы влюбленность, но нечто большее, чем простой интерес. У него екнуло сердце.

С улицы долетел голос сквайра, отдающего отрывистые приказы, стоны, бряцание оружия и ругательства. Потом стал слышен удаляющийся стук копыт.

— Они уехали. Теперь ждем. А вы должны думать о чем угодно, о чем может думать простой деревен-

ский мужик, например, о голой девушке. Думайте об том сладострастно, сосредоточив на этом все свои мысли и чувства. — Мейделон замолчала и легла, положив руки под голову.

Гар взглянул на Дирка. Дирк кивнул ему, свернулся калачиком и затих.

Казалось, легкое перышко прикоснулось к голове Дирка, какое-то предчувствие появилось и исчезло, оставив после себя ощущение опасности.

Дирк поднялся на колени.

— Тише! — прошипела Мейделон. — Еще не прошло и получаса, как отряд уехал из деревни.

Дирк упрямо покачал головой.

— Не знаю... По-видимому, я тоже телепат... Так или иначе, если я знаю, что надо уходить, я слушаюсь этого приказа. И никогда не ошибаюсь. — Он начал спускаться по лестнице.

— Ты нас погубишь!

— Нет. — Дирк стоял на полу. — Поэтому я и говорю, что надо идти. Гар, идешь?

Гигант в задумчивости посмотрел на Мейделон и начал спускаться вниз.

— Ну и отправляйтесь! Мне еще лучше. Избавлюсь от вас! — Но в ее голосе послышалось отчаяние.

Дирк задержался у входа, поклонился домашней хозяйке.

— Мадам, спасибо за гостеприимство. Желаю вам всего хорошего.

Она нервно кивнула ему в ответ и продолжала месить тесто.

Гар вышел вслед за ним.

— Куда мы теперь?

Дирк махнул рукой.

— К лесу.

Когда они дошли до опушки, Гар задумчиво сказал:

— Знаешь, мы перед ними в долгу.

Дирк коротко кивнул и продолжал шагать.

Но Гар остановился.

— Если твое чутье не обманывает, то Ищейка уже знает, что мы были в том доме.

— Мы ничего не можем исправить. Мы должны отсюда скорее уйти. Я обязан установить связь между Лесными и Небесными. Иначе восстание может провалиться.

— Что лорды сделают с той семьей?

— В этой революции погибнет много простолюдинов! — рявкнул Дирк. — Победа стоит их жизней, включая жизни этой семьи.

Найдя густые кусты, они забрались в самую середину, легли на землю и сквозь ветви стали следить за деревней.

В поисках нектара прожужжал жук. Присел на минутку на веточку и улетел.

— Если у местного лорда есть Ищейка, он должен был запустить его прошлой ночью.

Гар прошептал:

— Почему же он не заметил нас?

— Из-за меня. Я все время думал о каких-то непристойностях.

— Тише! — прошипел Гар. — Они здесь!

Появилась группа солдат во главе со сквайром. Перед ними неуклюже брел костлявый простолюдин с дряблыми щеками и пыльными вихрами волос.

Он остановился перед домом, где прятались Дирк и Гар, и нерешительно указал на него пальцем. Донесся крик сквайра, солдаты спешили и вошли в дом.

Спустя минуту солдаты вытащили оттуда визжащую хозяйку и испуганных детей.

Сквайр сполз с лошади.

— Ублюдок! — Дирк вскочил на колени.

Гар положил руку ему на плечо.

— погоди!

Донесся звук пощечины. Женщина качнулась, прижав руку к щеке.

Последний солдат вытащил из дверей Мейделон.

Сквайр, потирая ушибленную руку, уставился на нее, кивнул одному из солдат, и тот стал раскручивать хлыст. Сквайр потянулся к Мейделон и рванул ворот ее кофты. Солдат, стоявший с ней рядом, схватил ее за плечи, прижал лицом к стене дома и, рванув кофту вниз, обнажил спину девушки и вытащил ремень.

— Вперед! — крикнул Дирк и бросился бежать к деревне. За ним гигантскими шагами неслись Гар.

Кнут солдата со свистом рассек воздух, завизжали дети, завывла домашняя хозяйка. Внезапно солдаты увидели Гара, который, размахивая своей дубиной, как гигантская мельница крыльями, врезал ею по шее солдата с хлыстом. Солдат, как убитый мясником бычок, рухнул на землю, а дубина, не останавливаясь, задела солдата, который держал Мейделон. Он, падая, ударил третьего солдата головой в живот, и в этот момент

хозяйка втащила Мейделон в хижину, дети вбежали в дом, и дверь захлопнулась.

Из-за угла дома появились трое солдат на лошадях. Одна из лошадей толкнула Гара, а меч солдата распорол плечо гиганта. Гар повернулся, поднял дубину и... увидел дуло пистолета сквайра.

Гар окаменел.

Сквайр поднял пистолет, целясь Гару в глаз, но в этот момент Дирк ударил сквайра по спине. Из падающего пистолета вырвался голубой огонь, искры попали на соломенную крышу хижины, и вспыхнуло пламя.

Между Дирком и сквайром завязалась борьба. Дирк, ударив сквайра ребром ладони, свалил его на землю.

Гар сражался с всадником и пешим солдатом. Он дубиной отразил меч всадника, но пеший солдат занес над спиной Гара кинжал. И в это мгновение Мейделон распахнула дверь хижины и ударила ею по руке с кинжалом. Она связала клочья ткани кофты вокруг шеи, в руках у нее был топор. Всадник направил на нее свою лошадь. Два других всадника стали теснить Гара. Дирк прыгнул, взмахнув дубинкой, но она наткнулась на меч пешего солдата.

Земля вздыбилась и ударила Дирка по спине. Резкая боль, пронзившая его, не давала вздохнуть. Между ним и солнцем возникла огромная тень, на него обрушился удар, и боль заполнила все существо Дирка. Затем боль взорвалась черным пламенем, и Дирк потерял сознание.

Глава 3

Он плыл сквозь бесконечную тьму. Он знал, что где-то далеко светят звезды. Он их не видел, но это не значило, что их нет.

Крошечное пятнышко света... Вот! Он понял, что видит! Пятнышко приближалось, увеличивалось... ближе, ближе... это голова, это лицо в обрамлении белых развевающихся волос, глаза, большие голубые, нет — бирюзовые глаза, он знал, это хорошее лицо, ему можно было довериться...

— Ну как, выбираешься? — Звук голоса был похож на звон медного гонга, только это был не звук, а что-то...

— Н-е-е-ет... А здесь глубоко?

— Тебе по плечи, — ответило лицо, — и будет еще глубже. Не пора ли тебе обратно? Просто плыви с приливом.

Здесь было удобно, но что-то раздражало, какой-то соблазн, что-то заставляло его делать нечто приятное, но неправильное, чего ему не хотелось...

Дирк покачал головой:

— Нет. Я понимаю, ты кто-то очень важный и все такое, но... Ладно, откуда я узнаю, что это произой-

дет? Я хочу сказать, кто-то должен заставить прилив начать движение.

— Позволь кому-то еще заняться этим, — предложило лицо.

Дирк задумался. Это было искушение. Искушение! Неприятно. Так. То, что неприятно, станет еще худшим. Он упрямо потряс головой.

— Нет, спасибо. Я не хочу ничего менять.

Лицо вроде бы поморщилось.

— Ты выбираешь. Хотя помни, ты можешь все изменить. — И оно двинулось прочь.

— Эй! Подожди-ка! — Неожиданно Дирк почувствовал, что его сознание прояснилось.

Лицо обернулось.

— Да?

— Ты кто?

— Волшебник с Дальней Башни, — сказала лицо. — Разве тебе никто не говорил?

Лицо снова отвернулось и исчезло.

И Дирк почувствовал, что он тонет и его накрывает темнота. Он стал с ней сражаться, пытаясь выбраться наверх, преодолеть ее тяжесть, преодолеть тяжесть своих век, он напряг все свои силы и не мог с этим справиться. Он не мог продвинуться, не мог проплыть канал, не мог освободиться, надо было найти клапан, чтобы высвободить силы, клапан-слово, любое слово, но его язык, его губы распухли, ему не хватало сил, чтобы двинуть ими, не хватало сил для дыхания, хоть бы немножко пошевелить языком-улиткой...

Он что-то почувствовал, он попытался, и что-то сдвинулось, заструилось.

— Пжжаллссста...

И он ощутил свое тело, траву под спиной, руки, ноги, услышал шум ветра, отдаленное птичье пение, увидел тепло света сквозь закрытые веки.

Он напрягся и, повернувшись, поднялся и оперся на локоть. Открыл глаза, увидел траву, стволы деревьев, листья и мальчика с разинутым ртом.

Дирк с трудом заставил себя сесть.

— Эй, парень... Что...

Мальчик в ужасе захлопнул рот.

Повернулся, подпрыгнув, нырнул в подлесок и исчез.

Дирк оглянулся. Рядом с ним лежала девушка в яркой юбке, по обнаженной спине струилась змейка запекшейся крови, плечи прикрывали темные волосы.

Мейделон. Он потряс головой, пытаясь вспомнить все, что произошло. Мейделон шевельнулась и повернула к нему бледное большеглазое, испуганное лицо.

Она тряхнула головой и села, прижав руку ко лбу. Застонала.

Остатки ее кофты валялись на земле. Дирк, как в тумане, увидел ее круглые полные груди, соски, похожие на недоспелые вишни. Его пронзила такая сильная дрожь, что заболела голова. Он посмотрел ей в глаза.

Она ответила ему взглядом полным боли и недоумения.

— Как... Что...

— Сам хотел бы понять. Последнее, что я помню, это копьё, ударившее меня между глаз. Но почему сквайр не арестовал нас?

Она кивнула. Дрожь прошла по ее телу.

— Да... А где твой друг?

Дирк пожал плечами.

— Возможно, они его взяли. Значит... надо его освободить.

— Да... — Она нахмурилась. — Много ли ему известно?

Дирк пожал плечами.

— Не так уж и много. Единственные знакомые ему бунтовщики — это мы с тобой.

Она прищурилась.

— А сам-то он *кто*?

— Турист. Человек, путешествующий из любопытства. Вероятно, сын богача, который хочет найти место, где он может делать добрые дела.

— Значит, он не простолюдин, — холодно сказала она.

Дирк покачал головой.

Ее голос дрожал от ярости:

— Зачем же ты его привел?

— Да не приводил я его. Он сам тут появился и просто прицепился ко мне. Я подумал, что лучше держать его при себе, чем допустить, чтобы он объединился с лордами.

— Ну, возможно, ты и прав. Но теперь он все равно попал к лордам. Можно ли ему доверять? Он не проговорится?

— Думаю, что можно, не проговорится.

— А почему? Это же не его война...

— Он принял это близко к сердцу. И еще... что-то в нем есть такое...

— Да. Он странный.

— Он умеет управляться с дубинкой, — вслух размышлял Дирк. — Странно видеть, как сын богача владеет оружием простолюдинов. И почему-то Ищейка не нашел его за тот месяц, что Гар пробыл здесь.

— Как же ему удалось избежать погони?

— Не знаю. А как он оказался около меня, когда я приземлился?

Ею снова овладели подозрения.

— Человек с небес, ты связался с загадочным существом!

— Дирк, меня зовут Дирк. — Он улыбнулся. — Хотелось бы, чтобы ты была добрее.

Она опустила голову и, подобрав остатки кофты, прижала их к груди.

Но Дирк уже не смотрел на нее. Глядя на листья деревьев, он глухо сказал:

— Пока я был без сознания, мне приснился странный сон...

— Уверена, меня в этом сне не было.

Дирк покачал головой.

— Я видел огромное белое лицо, с зелено-голубыми глазами и развевающимися волосами. Оно назвалось Волшебником с Дальней Башни.

Мейделон оцепенела, широко раскрыв глаза.

— Да-а... — Дирк обернулся к ней. — Волшебник Декейд.

— Который вернется, — прошептала она, — когда придет время свергнуть лордов.

Они замолчали. В их памяти всплыли слова Закона:

*Придет день, и Дальние Башни
Опустятся с неба.
Великий Декейд призовет вас,
Простолюдины, восстать.*

Дирк встряхнулся:

— Это всего лишь сон. Нечего рассчитывать на чудо. Мы должны все сделать сами.

— Воз... — ее голос сорвался, — возможно... Ходили слухи...

— О чем? Не хочешь ли ты сказать, что кто-то видел Волшебника? Он умер пятьсот лет назад! Его звали Натаниэл Карлсон, он основал наше общество. — Он замолчал и сжал голову руками. — Конечно, «Придет день, и Дальние Башни опустятся с неба...» Это же наши корабли!

— Видишь, — прошептала она, — слухи были правильными. Он *ожил*.

— Жив только его дух, — сказал задумчиво Дирк. — Его Сон и Его План. А сам человек — мертв.

— Но люди говорят, что он снова среди нас. Он возглавит восстание.

Дирк разозлился, и это дало ему силы, несмотря на боль, подняться на ноги.

— Люди сами в состоянии поднять восстание, без сверхъестественной помощи. Моя задача состоит в том, чтобы найти их и узнать, что мы можем сделать, чтобы восстание победило.

Мейделон собиралась ответить, но в этот момент зашевелились кусты, и оттуда вышел широкоплечий фермер. В его глазах был страх и что-то похожее на благоговение.

— Вы же умерли... — прошептал он.

Дирк протянул руку к дубинке.

— В самом деле? Что-то никто нам об этом не сообщил.

— Солдаты послушали у вас пульс... Потом прикладывали перышко к вашим губам. Вы были мертвы, — убежденно закончил фермер.

— А Гар, тот большой человек, который был с нами, он жив?

Фермер кивнул:

— Жив, хотя ему было очень плохо. Его забрали в замок, а ваши тела приказали бросить на навозную кучу. Но мы оттащили вас в лес, сюда, чтобы вернуться и ночью похоронить вас, как следует.

Мейделон кивнула:

— Нам повезло. Вы правильно поступили.

— Точно, — согласился Дирк. — И спасибо за заботу, но мы пока не нуждаемся в погребении.

— Мы должны освободить Гара. — Мейделон обернулась к фермеру: — Как нам пробраться в замок?

Фермер помолчал, глядя на нее с некоторым опасением, потом кивнул:

— Там служит лакеем племянник мужа моей сестры. Я спрошу человека, который спросит...

Мейделон коротко кивнула, но вспомнив о приличиях, широко улыбнулась.

— Прошу вас, сделайте это, пожалуйста.

Фермер поклонился и двинулся прочь.

— И... добрый человек, — еще шире улыбнулась Мейделон, — спасибо вам.

Фермер оглянулся.

— Слух распространяется, — прошептал он. — Скоро начало. Мертвые оживают... — Повернулся и ушел.

Дирк долго смотрел ему вслед, потом обратился к Мейделон:

— Вот! Видишь, как рождаются слухи? Через два дня это разнесется по всему королевству. Небывалое чудо! И все это было... было...

Мейделон подняла голову, ожидая продолжения.

— Просто случай замедленного оживления. Вот что...

— Сэр, на вашем месте я бы помолилась за то, что произошло. Ведь вам приснился Волшебник, — напомнила Мейделон.

— Случайное совпадение, — огрызнулся Дирк.

Мейделон глянула на него, нежно улыбаясь.

Но Дирк не заметил этого, он не смотрел на нее.

Какого черта! Его не так-то легко одурачить! Известный феномен замедленного оживления, то же самое, что происходит каждую зиму со множеством животных. Такое иногда случается и с людьми и называется «каталепсия» или что-то в этом роде.

Но ведь сейчас это произошло одновременно с двумя людьми? Конечно, возможно, это просто совпадение, но почему же тогда во всем ощущается некий налет мистики?

Странно, Дирку показалось, что Гар смог бы ответить на все его вопросы.

Когда сумерки спустились на лес, вернулся фермер.

— Он в замке и пока еще жив-здоров. Следовательно ждут лорда.

Дирк застыл от плохого предчувствия.

— Ты хочешь сказать, что они не начнут, пока не явятся гости?

Фермер кивнул.

— Лорд Кор, — сказал Дирк глухо. — Это лорд Кор. Мейделон нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

Дирк пожал плечами.

— Он — тайный советник. И он был там, где приземлился мой корабль, подстерегая того, кто появится оттуда, то есть меня.

Мейделон обратилась к фермеру:

— Поможете нам проникнуть в замок?

Фермер кивнул:

— Я отведу вас к человеку, который вас отведет...

Их передавали от простолюдина к простолюдину. Началось все с того, что фермер привел их в деревню, где их ждал другой фермер. И как только они сделали несколько шагов со вторым, первый тут же скрылся в темноте.

— Меня зовут Оливер, — сказал новый провожатый. — Мне сказала Фелис.

— Она в безопасности? — спросила Мейделон.

— Да, — сказал Оливер. — Увидев свой дом в огне, она, не оборачиваясь, ушла с детьми в лес, к изгнанникам. Она — в безопасности. Ее муж узнал обо всем, когда вы еще сражались. Он теперь тоже в лесу.

Дирк старался быть спокойным, но он был поражен разумностью своего народа. Каждый из них точ-

но знал, что ему делать в определенной ситуации. и делал это без колебаний.

Оливер привел их к замку. Дирк посмотрел на хмурую громаду гранитных стен, на скользкую зелень рва, окружавшего замок, и неожиданно почувствовал обновление всех своих сил. Он был снова готов самоотверженно сражаться за свое дело.

Лорды имитировали культуру Франции восемнадцатого века и строили замки, похожие на элегантные дворцы, а не на средневековые крепости. Конечно, у них были и лазеры, и радары, и радио.

Оливер осторожно спустился к краю рва, нашупал упрятанную веревку и дернул за нее. К берегу причалил длинный узкий челн. Путники забрались в челн, и Оливер переправил их к замку. Он поставил челн бортом к берегу и высадил своих пассажиров у задней двери замка, прячущейся в тени. Мейделон подошла к этой двери, а Дирк обернулся, чтобы поблагодарить Оливера, но тот был уже на полпути к другому берегу.

От стен замка потянуло холодом. Здесь все существовало, как хорошо подогнанные части какого-то механизма, с точным расчетом времени согласованных действий. В подобной ситуации только такое поведение давало преимущество, репетиций быть не могло.

Мейделон и Дирк вошли в замок, и Дирк почувствовал, как кто-то на мгновение коснулся его руки. Затем увидел силуэт худого человека в ливрее. За ним двигалась Мейделон в черном платье с капюшоном. Они подумали обо всем.

Без единого слова, прячась в тени стены замка, путники добрались до главной башни, где перед ними открылась дверь, ведущая в темноту.

Раздался стук кремешка о металл и, загоревшийся в трутнице свет явил молодое красивое лицо в напудренном парике. Ливрейный лакей вынул из кармана свечу, зажег ее и протянул Мейделон. Пламя свечи трепетало и чуть было не погасло, пока Мейделон не загродила его рукой.

Лакей погасил трутницу и спрятал ее в карман жилета. Поверх жилета на нем был бархатный камзол цвета бургундского. При таком темном цвете одежды легко быть незаметным в тени.

— Пока мы спускаемся по лестнице, можно говорить, но шепотом. Но потом вы должны молчать, как мертвые.

Лакей взял у Мейделон свечу и стал спускаться вниз по ступенькам. Мейделон следовала за ним. Дирк замыкал шествие.

— Где наш друг? В подземелье?

Лакей кивнул.

— Оба лорда здесь?

— Около часу назад прибыл второй лорд, они наскоро пообедали и пошли в подземелье. Минут пятнадцать назад начался допрос.

Дирк вздохнул. Он хорошо знал, что такое эти пытки, и пятнадцати минут вполне хватит, чтобы замучить человека.

— Как нам его освободить? — спросила Мейделон.

— Это моя забота, — прохрипел голос из ниши.

Дирк понял по акценту, что это говорит солдат. Не стоило забывать, что каждый, кто им помогает, рискует головой. Пусть это солдат, но ему нужно доверять.

Колеблющийся свет свечи выхватил из темноты блеск стального шлема и кольчуги и грубое лицо в шрамах. Даже если это и союзник, Дирк все равно не хотел бы встретиться с ним в темном переулке.

Лакей шагнул в сторону, повернулся и, забрав с собой свечу, ушел вверх по лестнице. Дирк с трудом подавил панику: ведь они остались с этим солдатом в полной темноте.

— Что будем делать? — прошептал он.

— Около пыточной камеры есть ниша, в ее двери — глазок, — прохрипел солдат. — Это место, где могли находиться лорды, если они желали незаметно наблюдать за пытками.

— А сейчас они пользуются этим? — спросила Мейделон.

— Нет, — ответил солдат, — там уже много лет не было никого. Засов на двери заржавел. Но я принес с собой масло для смазки. Это займет немного времени. А потом еще надо будет постараться открыть эту тяжелую дверь. Но предупреждаю, я сразу же отсюда уйду. Я должен остаться вне подозрений. Пока не позовет Декейд.

Опять эти суеверия, раздраженно подумал Дирк и сказал:

— Не знал, что солдаты выступают на стороне бунтовщиков.

Солдат молчал, и Дирк выругал себя.

— Мы тоже из простолюдинов, — наконец ответил солдат.

Дирк, успокоившись, вздохнул.

— Сколько вас перейдет к бунтовщикам, когда... позовет Декейд?

Солдат явно колебался.

— Трудно сказать наверняка. Простолюдины нас ненавидят. Неизвестно, что нас ждет, если они выигрывают. Каждый должен решать сам за себя... когда Декейд позовет.

— Мы понапрасну тратим время, — прошипела Мейделон.

Откуда-то донесся шум, скрипнула дверь, и темноту пронзил луч света. Солдат исчез. Несколько мгновений никто не двигался. Но, видимо, опасность миновала, солдат снова возник из темноты и показал, куда идти. Наконец они подошли к решетчатой двери.

Сдавленный крик боли прорезал тишину.

И одновременно совсем близко раздался звон доспехов. Дирк и Мейделон прыгнули к двери, которую рывком открыл солдат. Дирк успел захлопнуть дверь за собой, и тут же они услышали тяжелые шаги караульных.

Из камеры раздался протяжный жалобный вой. Мейделон отодвинулась от глазка. Дирк увидел ее белое, бескровное лицо. Молча он подошел к глазку. Позади него солдат достал бутылочку с маслом для смазывания заржавевшей щеколды.

На дальней стене пыточной камеры тускло горели два факела. Перед ними металось пламя жаровни. Ог-

ромное тело Гара было привязано цепями к наклонной доске. Рядом с ним стояли два мускулистых обнаженных человека с бритыми головами. У одного из них в руках были клещи, которыми он держал полосу раскаленного железа, явно только что вытащенного из жаровни. Невдалеке беседовали двое в бархатных камзолах и напудренных париках. Один был невысоким, коренастым, другой — высоким и худым.

Дирк еле удержался от возгласа. Он узнал профиль высокого мужчины, это был лорд Кор!

— Ну вот, — усмехнулся Кор, — теперь ты уже попробовал наше угощение. Подать чего-нибудь еще, после закуски? Или расскажешь все, что нам хотелось бы узнать?

— Если бы я знал ответы, то не стал бы молчать, — прохрипел Гар.

Позади Дирка вздохнула Мейделон. Дирк сжал зубы.

Удивившись, Кор наклонил голову.

— Не ожидал такого быстрого согласия на сотрудничество. В чем причина?

Гар улыбнулся.

— Я совершенно уверен, что не знаю ничего такого, что было бы вам до сих пор неизвестно.

Кор помолчал, потом обернулся к лорду Кошону:

— Мне кажется, я не ошибаюсь — он дерзит.

— Пусть им займутся те, с кем он быстро разговорится, — проскрипел Кошон.

Раскаленное железо прижалось к бицепсу Гара. Его тело выгнулось дугой, зубы заскрежетали. Кор взмахнул рукой, и железо убрали.

— Достаточно, — ласково сказал Кор. — Думаю, теперь можно и поговорить.

— Где ваш король? — тяжело дыша, спросил Гар. — Знает ли он хоть что-нибудь о страданиях людей?

Палач снова вынул из жаровни раскаленное железо, но Кор остановил его.

— Ты выдал себя. Житель этой планеты никогда не задаст подобного вопроса.

Гар пожал плечами.

— Да. Я с другой планеты. Это и так понятно.

— Твое признание не имеет никакого значения. — Кор испытующе посмотрел на Гара. — А вот скажи мне, кто ты по происхождению?

— У меня благородное происхождение.

— Какого рода, из какого дома? — настаивал Кор.

— Д'Арман, с Максимы, — усмехнулся Гар.

Кор явно успокоился.

— Я знаю, что такое Максима. Ничтожный астероид. Однако там все претендуют на благородство.

— На Максиме многие гораздо более благородные, чем вы, — огрызнулся Гар, — они не превращают своих слуг в рабов. Они создают роботов.

Кор насмешливо улыбнулся:

— Сущность благородства — это власть над другими. Вот ты, например, в моей власти.

Он сделал знак палачу, и тот стал поворачивать большое колесо. Цепи на запястьях и щиколотках Гара натянулись, и он жалобно замычал.

Кор стал прохаживаться рядом с гигантом.

— Похоже, в этом состоянии ты будешь разговорчивее. Так кто же тебя сюда послал?

— Никто, — прохрипел Гар. — Я прилетел сюда сам. Предугадывая ваш вопрос, скажу: я шатался вокруг этой звезды около двух лет, пытался найти дело, которому мог бы посвятить свою жизнь. — Гар с вызовом вздернул голову.

Губы Кора презрительно скривились, он кивнул палачу. Тот взял тиски и показал их Гару.

— А ну-ка, правду! — потребовал Кор.

— Я говорю правду. Разве это не понятно?

Кор помолчал, сжав губы.

— Все юнцы — лгуны, это свойство есть даже у нашей молодежи. Но мы вырвем это с корнем!

Игры! У Дирка сжалось сердце.

— Но ты ведь уже давно не подросток, — продолжал Кор, — что же ты до сих пор продолжаешь забавляться, рассуждая об идеалах и реформах? Зачем ты так себя унижаешь?

Гар пожал плечами:

— Скука!

Кор, похоже, опешил. Он глянул на палача, но не сделал ему никакого знака.

Дирк увидел, что солдат пытается сдвинуть щеколду, но ему это не удавалось.

Кор снова обратился к Гару.

— Думаю, что ты говоришь правду. Но прошлой ночью транспортная компания, с которой мы торгуем, высадила здесь человека, и у нас есть все основания полагать, что этот человек — бунтовщик.

— Я уже говорил вам, что у меня были другие причины.

— Но если все-таки высадили именно тебя, — не успокаивался Кор, — то скажи мне, есть ли у Небесных связь с Лесными?

— Никакой связи нет, — быстро ответил Гар. — Мне приходится всем им платить, чтобы заставить их пойти на контакт.

Дирк в удивлении вытаращил глаза и обернулся к Мейделон.

— И ты утверждаешь, что ничего не знаешь о бунтовщиках? — продолжал допытываться лорд.

— Именно так! — Гар следил за Кором, будто бы тот был ядовитой змеей.

— А парень, который был с тобой, он, конечно, просто турист!

— Нет. Он был здешний. Он был в хижине, в которой я спрятался, услышав погоню.

Кор рассмеялся.

— А тебя не заинтересовало, почему он прячется?

— Нет! — Гар рассмеялся в ответ. — От облавы любой невинный попытается укрыться.

Кор нахмурился.

— И вы договорились странствовать вместе?

— Нет. Я нанял его в проводники.

Кор молчал, прищулив глаза.

— А что он говорил тебе о бунтовщиках?

— Да ничего, — снова усмехнулся Гар. — Но он рассказал мне много интересного о вашем мире.

Дирк облегченно вздохнул. Разумно. Так можно сбить Кора со следа. Но не слишком ли это рискованно?

* * *

— Они не позволят иностранцу покинуть планету, если он так много знает, — шепнула Мейделон.

Дирк глянул на солдата, и тот снова попробовал сдвинуть шеколду. Но внезапно Дирка одолели сомнения. Не стало бы всем хуже, если Кор увидит, что Дирк остался жив.

— Мне думается, — ухмыльнулся Кор, — наш пленник сможет нас развлечь. Поскольку он хочет как следует изучить наши обычаи, то он бы огорчился, если бы мы не дали ему воспользоваться удобным случаем.

Гар озадаченно нахмурился, а Дирк понял, что не ошибся в своем предчувствии. Его прошиб холодный пот.

— Мы позволим ему участвовать в Играх, — ласково улыбнулся Кор. — Уверен, это покажется ему интересным.

Мейделон схватила Дирка за руку. Он увидел, как она испугалась. Дирк посмотрел Мейделон в глаза и отодвинулся в тень. Не спуская глаз с лица Мейделон, он увидел, что ее испуг сменился злостью.

Не давая ей говорить, Дирк зажал ее рот рукой и прошептал на ухо:

— Если мы сейчас выступим, то можем выиграть, но можем и проиграть. В любом случае лорды обнаружат, что бунт переходит в активную фазу. Если же мы проиграем, то лорды захотят получить ответы на множество вопросов. И не только от нас.

Мейделон задумчиво опустила голову.

Солдат вопрошающе смотрел на Дирка, и когда тот отрицательно покачал головой, снял руку с щеколды.

Дирк снова приник к глазку. Палачи тащили Гара к дальней стене, а Кор и Кошон открыли дверь в коридор. Лорды вышли из пыточной камеры, и дверь за ними захлопнулась.

— Они ушли, теперь можно говорить, — сказала Мейделон.

— Когда начнутся Игры? — спросил Дирк солдата.

— Наверное, через неделю.

Дирк застонал:

— Он не освоит за неделю правила борьбы. Они его зарежут.

— Как раз этого они и хотят, — мрачно сказала Мейделон.

Солдат нахмурился.

— Игры — это всегда резня. Какая разница, научится он или не научится сражаться...

Дирк прикусил губу.

— Так. И каким же образом мы это сделаем?

— Сделаем что? — буркнул солдат.

— Как что? Каким образом мы спасем Гара? Он — за нас, мы — за него. Не говоря о том, что он нам очень полезен.

Мейделон согласно кивнула:

— Надо связаться с заговорщиками и устроить засаду.

— Не согласен. Все равно что вывесить плакат: «Здесь будут сообщать новости о величайшем восстании простолюдинов! Пусть караул на стенах замка будет кругло-

суточным!» Возможно, я пессимист, но мне кажется, надо изобрести что-то более хитроумное.

Мейделон сверкнула глазами.

— Я думала, что у тебя есть какая-то идея... Просто надо показать путь к бегству тому, кто сидит в клетке.

— Путь к бегству? Да сумасшедшая жена так не охраняет своего мужа, как здесь охраняют пленников.

Мейделон упрямо тряхнула головой.

— Разумеется, у нас нет никаких шансов устроить побег до начала Игр. Но кто-то должен попасть вместе с Гаром в клетку, а другой будет на трибунах, чтобы показать путь на свободу.

Дирку этот план показался разумным.

— Это трудно осуществить, но попробовать надо.

— Да им *никогда* нас не поймать, если мы все сделаем с умом. Конечно, в клетку женщину не посадишь, значит, я буду на трибунах...

Дирк почувствовал, как в нем завопил инстинкт самосохранения, но цель, стоящая перед ними, победила.

— Похоже, что у нас нет выбора...

— Разумеется, нет.

Дирк вздохнул.

— О'кей. И как же поместить меня в клетку?

Глава 4

Проще всего Дирку было бы пойти в таверну и, слегка выпив, начать говорить всякие гадости о лордах. Это гарантировало бы немедленное появление пятерки коренастых солдат, которые тут же отвели бы Дирка в магистрат. Оттуда его без задержки и с полным удовольствием перевели бы в клетки.

Дирк был к этому готов, но ему очень не хотелось встречаться с лордом Кором. Довольно трудно было бы объяснить присутствие пред очами лорда мертвеца, особенно если это ты сам. Без сомнения, лорд был бы весьма настойчив в желании получить ответы на свои вопросы, но наверняка его любопытство было бы таково, что дальнейшее существование Дирка нельзя было бы назвать благополучным. А значит, этот способ следовало признать неправильным.

Значит, чтобы попасть в клетки, надо было обращаться к Гильдии.

Дирк и Мейделон добрались до Альбемарля через двое суток. Дирк надеялся, что лорд решит — они скры-

ваются у мятежников. И это было бы недалеко от истины.

Как только открыли городские ворота, Дирк и Мейделон, предусмотрительно спрятавшиеся в телеге под грудой капусты, въехали в столицу.

Простолюдин, хозяин телеги, слегка удивился, когда в некоем укромном местечке его кочаны посыпались на землю, а с телеги соскочили джентльмен и его леди, которые тут же поспешили исчезнуть за углом. Простолюдины здесь были людьми сообразительными.

За углом Дирк и Мейделон слегка замедлили шаг и позволили себе отдышаться. Дирк обратил внимание, что каким-то образом у Мейделон оказалась новая одежда. Он предпочел не расспрашивать ее и стал разглядывать переулок, в котором они оказались. В деревне Дирк приходил в ужас от одинаковости всех деревень, в городе же даже в столь ранний час не было столь удручающего однообразия. На главной улице они увидели дворецкого из замка, управляющего лордскими конюшнями, торговца у входа в его магазин, купцов в очереди к меняльной лавке. Каждого можно было определить по роду его занятий, при этом что-то их всех объединяло. Так, если смешать разные краски вместе, то получится тусклый серый цвет. Здесь у всех были одинаковые серо-коричневые волосы, все были среднего роста, средней упитанности, все были круглолицы. В городах все генотипы смешались и произвели некий гибрид, но только один его вид. Генофонд был строго лимитирован.

Бодрое, легкое состояние сменилось угрюмым раздражением, и Дирк пробормотал:

— И даже если лорды знали, чем все это кончится, они все равно бы это сделали.

Мейделон удивленно посмотрела на него.

— Что «это» сделали бы?

Дирк начал было отвечать, но живо захлопнул рот, вспомнив, что простолюдины не знают, что такое *клон*.

А если бы знали, что бы это изменило?

— Да я об Играх. — И быстро добавил: — Все в порядке, мы наконец прибыли. Теперь куда идти?

— Сюда. — Мейделон указала на таверну.

Дирк посмотрел на вывеску.

— Там могут оказаться солдаты...

— Мы же мертвые, ты забыл? — И она подтолкнула его к двери.

В большой, обитой деревянными панелями комнате плавал жирный чад. Дирк и Мейделон нашли свободные места за длинным столом посреди комнаты. Чад был такой противный, что Дирк старался дышать неглубоко. За столом завтракали несколько человек.

— Что теперь будем делать?

— Поедим, — тихонько ответила Мейделон. — Разве ты не проголодался?

На это желудок Дирка ответил громким урчанием. Дирк вспомнил, когда он в последний раз ел, и стал ощупывать свой кошелек.

Вытирая руки о фартук, подошел хозяин: толстяк, с улыбкой, приготовленной для приветствия незначительного местного дворянства.

— Джентльмен! Леди! К вашим услугам!

— Самое лучшее, что у вас есть, и как можно скорее! — Мейделон помахала в воздухе двумя пальцами.

Улыбка слетела с лица. Хозяин внимательно посмотрел на Мейделон и довольно небрежно ответил:

— Есть домашняя птица и вино. Остальное слишком грубая пища для благородных.

Мейделон утвердительно кивнула:

— Пусть так. И побыстрее принесите вина. Пожалуйста.

Хозяин поклонился и отошел от стола, двигаясь так спокойно, будто не увидел ничего необычного.

Дирк тихо спросил:

— Что это за знак?

— Если тебе об этом до сих пор ничего не известно, значит, ты и не должен об этом знать.

Дирк прищурился, но прежде чем он заговорил, появился хозяин с двумя стаканами для вина и бутылкой.

Мейделон, наполнив стакан, протянула его Дирку.

— Человеку, который претендует быть одним из нас, но, кажется, ничего о нас не знает.

Дирк напряженно посмотрел на сидящих за столом, чтобы понять, кто среди них может быть шпионом лорда. Не заметив ничего подозрительного, обернулся.

— Когда тебе только десять лет, тебе мало что известно о тех, кто вне закона, ты знаешь только одного человека из них — того, кто забрал тебя из деревни, но и он не откроет тебе своих тайн.

— Конечно, — прошептала Мейделон. — И потом ты повстречался с Гильдией?

— Приблизительно так. Но прошло много лет, прежде чем я понял, что это такое — Гильдия. Ведь, когда мне помогли сбежать, я увидел на руках людей знак Гильдии, но они все были из разных Гильдий. Я смутно представлял себе, что существует какая-то общая Гильдия, которая командует, например, всеми торговцами, помогает им в ведении дел, но никогда не организует их против лордов.

Мейделон, подперев рукой щеку, задумчиво слушала Дирка.

— Так вот, — продолжал Дирк. — Только после того, как меня отправили отсюда, я стал догадываться, что сопротивление лордам не связано с обычными Гильдиями, что для этой цели должна быть какая-то тайная Гильдия.

— Да, это сбивает с толку, — улыбнулась Мейделон, — надеюсь, что и лорды в этом запутались. Но разве твои люди не связаны с *Гильдией*?

— О да, конечно, связаны. Но обычно к Гильдии обращаются при необходимости вытащить к нам какого-нибудь ребенка или для того, чтобы убедить их в том, что мы работаем для них. Они всегда держат нас на расстоянии вытянутой руки. Дела с нами ведут, но нам не доверяют.

— Нечего удивляться, коли вы берете только маленьких детей. Почему вы не берете взрослых мужчин и женщин?

Дирк покачал головой:

— Стоит только начать — и каждый простолюдин захочет к нам сбежать. Лорды немедленно все поймут. К тому же дети быстрее обучаются, чем взрослые. А наша работа требует очень обширных знаний. Очень...

— Вот почему вы берете только способных детей, — сухо сказала Мейделон, — а остальные прячутся в лесу, вместе с бунтовщиками. И ты еще удивляешься, что вам не доверяют! Легко сделать вывод, что вы ничего о нас не знаете, не знаете наших страданий!

Дирк засопел.

— Я-то знаю. Я очень хорошо знаю! Моя мать умерла зимой. Отец простоял у замка лорда Кора целый день в надежде получить лекарство для нее, но — не дождался. А когда лорд Кор проезжал по деревне, он увидел мою сестру и приказал доставить ее в замок. Мой отец спрятал ее в лесу, и я больше никогда не видел свою сестру. За это лорд приговорил моего отца к смерти и заставил меня вместе со всей деревней смотреть на казнь.

Мейделон была поражена ненавистью, с какой Дирк это говорил.

— И ты сбежал...

— Да... Не успели еще отца похоронить... Но я поклялся вернуться и отомстить.

Мейделон внимательно смотрела на него, и Дирк увидел, какие темные у нее глаза, не черные, а темно-лиловые, глубокие, бездонные, затягивающие, как омут...

Ее ресницы затрепетали и... волшебство пропало...

— История твоей сестры... так знакома!

Как твоя собственная, подумал Дирк, и его будто что-то ударило. Он почувствовал жалость, и нежность, и гнев. «Только посмейте к ней прикоснуться!»

Потрясенный взрывом своих эмоций, Дирк никак не мог успокоиться. Что же такое в этой девушке?

— Дирк Дюлейн! Теперь я больше не сомневаюсь в тебе. Ты так рассказал о своей жизни, что стало понятно — только тот, кто страдал так же, как страдаем мы, может испытывать подобную ненависть. — Мейделон взяла Дирка за руку. — Прежде я заставляла себя помогать тебе, но теперь я отдаю тебе все свои силы и... свое сердце...

Дирк оцепенел от прикосновения и слов Мейделон. Он старался справиться с ликованием, которое охватило его.

Внезапно он подумал о Гаре, и это охладило его восторг.

Подошедший к столу хозяин подал двух зажаренных птичек. Птички были очень маленькими, а Мейделон и Дирк очень голодными. На время поглощения птичек беседу пришлось прервать. Когда с едой было покончено, Дирк с сожалением отодвинул тарелку. Не пристало дворянину обгладывать косточки. Мейделон, увидев, как ведет себя Дирк, последовала его примеру.

Дирк наполнил стаканы вином.

— Что дальше?

— Ждем. — Мейделон отпила вина. — Думаю, ожидание не будет долгим.

Так и случилось. Около их стола, откуда ни возмись, появился жилистый мужчина с лицом лисы, в его руках был рулон ткани.

— Леди! Вот то, что вы заказывали.

Легкое удивление пробежало по лицу Мейделон, но она тут же вошла в роль, взяла край свисающей

ткани и, приложив ткань к бедрам, стала, улыбаясь, ее поглаживать.

— Да. Вещь великолепная, но меня не совсем устраивает цвет. Хотелось чуть более красный.

— Ага! — Портной согласно кивнул, будто и он думал так же. — В моем магазине найдется то, что вам нужно. Соболаговолите посмотреть.

Мейделон поднялась и двинулась к выходу. Дирк замешкался, он бросил на стол несколько золотых монет, значительно больше, чем стоила их еда. Но революционерам нужны деньги!

Дирк догнал на улице Мейделон, которая оживленно болтала с портным, обсуждая детали туалета, выкройки и способ шитья. Их разговор был так же непонятен Дирку, как сверхзвуковое излучение, издаваемое кремниевой формой жизни. Поэтому он шел рядом, не вмешиваясь в беседу.

Из-за угла дома высунулась рука. Коснулась плеча Мейделон. Ни на секунду не замедлив шага, Мейделон свернула в переулок, будто заранее знала, что ее туда позовут. Дирк свернул за ней. А портной как ни в чем не бывало прошел мимо них.

За углом Дирка и Мейделон встретил новый провожатый — молодой приземистый человек, с волосами цвета песка, с повязкой подмастерья купца на рукаве.

— Я отведу вас к человеку, который отведет вас...

Портной никогда не сможет рассказать, куда исчезли его спутники. Он знает только место, где он с ними расстался, и, конечно, новый их провожатый ему неизвестен.

В конце переулка из подъезда снова высунулась рука, снова прикоснулась к плечу Мейделон, и снова их провожатый пошел своей дорогой, а Мейделон и Дирк вошли в подъезд. Перед ними была лестница, ведущая в подвал, где их новый провожатый отодвинул от стены большую бочку и указал на отверстие в стене. Мейделон и Дирк пролезли в отверстие. Их уже ждал человек со свечой в руке.

Дирка поразила координация действий членов Гильдии. Конечно, эти связи вырабатывались веками, но Дирка не покидало чувство, что все провожатые сверхъестественным образом читают мысли друг друга. Исходя из статистики, законов генетики и собственного опыта, Дирк понимал, что на планете не может быть такого огромного количества телепатов.

Их передали с рук на руки четверо провожатых, они прошли переулок, два подвала и туннель и очутились в большой комнате: стены обиты тканью, богатый ковер на полу, красивый полированный стол, вокруг кресла. Над столом люстра ярко (по местным меркам) освещала комнату.

Дирк, нахмурившись, оглядывал комнату. Все провожатые исчезли, видимо, здесь заканчивалось их путешествие.

— Кто хозяин этого дома?

— Он скоро появится. — Мейделон села к столу и потянулась к бутылке с бренди. — Дирк Дюлейн! Не надо так волноваться. У нас еще в запасе пять дней.

Дирк глянул на девушку, тоже сел и налил себе бренди.

Мирное спокойствие комнаты нарушил скрип двери. В комнату вошел хозяин.

Дирк увидел высокого полного купца в длинном плаще цвета бургундского вина поверх охристой туники и бледно-голубых штанов. Он был круглолицым, с маленькими пытливыми глазками и морщинистым лицом. Поверх плаща он надел перевязь, вышитую символами, которые Дирк сразу же узнал.

Перед Дирком был главный мастер Гильдии.

Мейделон поднялась из кресла.

— Меня зовут Мейделон, моя деревня называется Маркайр, что во владениях лорда Бассета...

Мастер Гильдии кивком прервал ее.

— Я знаю, мне о тебе рассказали те, кто вас встречал. Но кто этот человек с тобой?

Дирк тоже поднялся.

— Один из наших друзей на небе... — ответила Мейделон.

— Друзей, — усмехнулся мастер. — Что поделяваешь здесь, Небесный человек?

— Мы не просто друзья. Мы — родня. — Дирк пригасил свое раздражение. — Я — Дирк, сын Табина, родом из деревни Дюлейн, владения лорда Кора.

Мастер нетерпеливо перебил его.

— Это-то мне о тебе известно. Именно я помогал устроить твой побег. Но мне кажется, что *ты* забыл о *нас*. Ты изредка появляешься здесь. По тебе заметно, как ты хорошо живешь, но помощи от тебя что-то не видно.

— Увидите, — сказал Дирк холодным тоном, — когда придет день.

- Это разговоры.
- Думаю, скоро будут и доказательства.
- Глаза мастера потемнели.
- Да... есть предчувствия...
- Вы видели какие-нибудь знаки?
- Знаки? Ни о каких знаках не может быть и речи.

Если лорды увидят что-то похожее на «знак», хотя бы надежду во взгляде простолюдина, — еще не начавшись, День будет обречен. Но все ждут, все чувствуют приближение...

В этом не было ничего нового для Дирка. Он был разочарован. На какое-то мгновение он позволил себе фантастическую мысль о телепатической передаче эмоции уверенности в чем-то Огромном, Приближающемся, что вдохновит простолюдинов на восстание. Но он быстро вернул себя к реальности.

Внезапно мастер лишил его этой реальности.

— Ходят слухи, что среди нас снова появился Волшебник.

Суеверие! Дирк с трудом сдерживал гнев.

— А что еще?

— Каждый простолюдин выкапывает оружие, зарытое его предками, и, проверив остроту лезвия, снова его зарывает. — Мастер пожал плечами. — А также говорили, что солдаты убили двух агентов бунтовщиков, которые потом ожили...

Взволнованный Дирк быстро сообразил, что коли он был поднят из смертного сна сверхъестественной силой, то надо этим воспользоваться. Он было открыл рот, но его опередила Мейделон:

— Два агента бунтовщиков — это мы.

Мастер вскинул голову.

— Вы?

Дирк кивнул.

Глаза мастера чуть не выскочили из орбит.

— Вы в самом деле были мертвы?

Мейделон смутилась.

Дирк склонил голову.

— Откуда нам знать? Простолюдины говорили, что мы не подавали признаков жизни. Могу сказать о себе — я видел сон.

— Сон? Какой сон?

Дирк откашлялся и выпалил:

— Я видел Волшебника с Дальней Башни.

Мастер окаменел.

— Чем могу быть вам полезен? — прошептал он.

Совесть не позволила Дирку перейти в наступление, он замешкался, и в атаку кинулась Мейделон.

— Схватили нашего человека и держат его в клетках, готовя к Играм. Мы должны его освободить. Если надеемся на... День.

Мастер нахмурился.

— Невозможно вытащить человека из Игр, раз уж он туда попал. Но если это надо сделать — это будет сделано.

— Дирк должен попасть в клетки и сообщить нашему человеку о плане его спасения, — быстро продолжала Мейделон. — Я буду на трибунах и укажу путь спасения. Ваше дело — расчистить нам дорогу туда и обезопасить наш отход.

Мастер кивнул:

— Это мы сможем. А протащить твоего друга в клетки — это тоже наша задача?

Мейделон вздохнула и кивнула.

— Это потруднее, но возможно, возможно... Дайте-ка подумать. Там есть тренер Альфонс, а мастер клеток — кузен нашей... — Его голос стал почти не слышен, мастер, отвернувшись, прохаживался в дальней стороне комнаты.

Мейделон уловила взгляд Дирка и широко ему улыбнулась. Дирк ответил ей такой же широкой улыбкой.

Мастер подошел к ним.

— Все будет сделано. Да, леди и джентльмен! Дело будет сделано. Я должен выйти отдать распоряжения. Отдохните пока в этой комнате. В нужное время за вами придут и отведут вас к тому, кто отведет вас.

Это был хоть и очень вежливый, но приказ.

Мейделон одарила мастера самой ослепительной из своих улыбок.

— Мастер! Мы счастливы! Сказать по правде, мы ужасно утомились. Позвольте поблагодарить вас за вашу доброту.

Мастер смутился.

— Ничего, ничего, леди. Я рад вам помочь! Присядьте, я обо всем позабочусь.

Он повернулся, приоткрылась незаметная дверь, и мастер исчез.

Мейделон, сияя, обратилась к Дирку.

— Сэр! Вы были великолепны! Как вы говорили!

Но Дирк не знал, что ей на это ответить.

Глава 5

В жаркой, суетливой полуденной толпе никто не обратил особого внимания на монаха в коричневом плаще и подмастерье мясника, идущего рядом с ним.

— Отсюда недалеко, — проговорил подмастерье. — Вот-вот придем к началу спуска. А там уж и арену увидим.

Дирк высунул лицо из-под капюшона.

— Рад буду, когда мы там окажемся, как бы странно это ни звучало. Это одеяние кусается, как полчище злобных мух.

Они подошли к основанию холма, и Дирк остановился, оглядывая стадион и сбегающую от него дорогу.

Лорды сэкономили, когда строили этот стадион. Они расположили его в естественной впадине между холмами, на которых раскинулся город, и более высоким холмом, на котором высился королевский замок. Гигантской лестницей ярусы сбежали вниз к арене, засыпанной белым песком. Стены стадиона были сделаны из целлюкрита, отвратительной смеси силикона и целлюлозы, упругой, как броня, твердой, как сталь,

и гладкой, как стекло. Если человек попадал на арену, которая была сто футов шириной и лежала на двадцатифутовой глубине, то оставался там навсегда. Да, в стенах были двери. Но одни вели в клетки, а другие предназначались только для лордов.

— Ни один простолудин никогда не сбежит отсюда, — сказал Дирку его провожатый.

— Веселенькая мысль, ничего не скажешь. — Дирк глянул на своего гида. — Но я вот как раз любитель создавать прецеденты. Ну, пойдем?

Они спустились к площади, мощенной булыжником. В целлюкритовой стене Дирк увидел огромную железную дверь. Она была приспособлена для приема больших телег с заключенными. Для более мелких поставок в стене были устроены двери поменьше.

Подмастерье мясника довел Дирка до дверей и прошел мимо.

У Дирка в этот момент заledenели ноги, и руки мелко тряслись от страха. Одно дело размышлять о том рискованном деле, которое ему предстояло, другое — подойти к этому вплотную.

Он глянул на солнце — как раз полдень. Сейчас должно что-то произойти. Мастер Гильдии не объяснил ему, как это случится, но в любую минуту...

Внезапно сквозь маленькую калитку в железной двери донесся рев рукопашной схватки, крики, бряцание стали. Потом завизжал замок, дверца распахнулась, и сильная мускулистая рука втащила Дирка внутрь. Дверь за ним с грохотом захлопнулась, но этого Дирк не слышал, потому что шум внутри был гораздо сильнее, чем звук закрывающихся дверей.

Дирк оказался перед солдатом.

Солдат был только в набедренной повязке, если не считать множества кожаных ремней. Солдат молча сдернул с Дирка плащ, чуть не оторвав ему руки. От боли Дирк сжал зубы и старался, чтобы они не стучали. Там было так холодно! А на нем осталась всего лишь набедренная повязка!

Солдат схватил Дирка за плечо, толкнул его к двери, вставил ключ в замок, распахнул дверь и впихнул арестанта в камеру.

И Дирку сразу же захотелось оказаться за тридевять земель от этого ада.

В неверном свете факелов он увидел беснующуюся толпу обнаженных дьяволов, которые колотили в решетчатую загородку. Им ответом был пронзительный свист и пики, просунутые сквозь решетку. Но как только у решетки показалась огромная бородатая голова, крики арестантов стали стихать, и они, шаркая ногами и что-то мыча, направились к Дирку. Охранники за решеткой успокоились и пошли прочь, переругиваясь друг с другом.

— Что тут случилось?

— Да, ничего... Как всегда...

И тут Дирк увидел глиняные миски, которые арестанты тащили в руках, увидел в мисках тонкий слой жидкой каши. Он понял, что так здесь раздают еду.

Арестанты с мисками уселись на пол, и посреди камеры осталась стоять огромная фигура — Гар! Дирк двинулся к нему.

С грохотом распахнулась стальная дверь, в камеру шагнул могучий охранник.

— Та-а-ак! Вы — свиньи, отказываетесь от пищи! Тогда стройтесь и выходите! Сегодня начнем послеобеденную тренировку раньше!

Арестанты завывали, поднялись и спрятали миски за спины.

Охранник взмахнул хлыстом, и его свист отразился от стен пушечной канонадой.

Арестанты угрюмо смотрели на охранника.

— Меньше чем через неделю вы все будете мертвецами. А если это случится немного раньше — не все ли равно?

И хлыст взвился снова.

— Ладно, ладно, стройтесь, — уже спокойнее сказал охранник.

Арестанты поставили миски на пол и выстроились в молчаливую шеренгу. Гар дождался, пока все вытянулись в линию, и встал самым последним.

Дирк приблизился, встал за Гаром и прикоснулся к его плечу. Гар обернулся и замер, уставившись на Дирка, не веря своим глазам.

Дирк еле удержался, чтобы не рассмеяться.

Гар пришел в себя.

— Потрясающе! Расскажешь, как тебе удалось это устроить?

Дирк напрягся.

— Что именно?

— Нимб вокруг головы! Может, вспомнишь, что, когда мы виделись в последний раз, ты был в том состоянии, когда уже не передвигают ноги. Если я не ошибаюсь, ты ведь уже и не дышал?

— Эх! Ну... я не знаю. На самом деле, я надеялся, что это ты мне все объяснишь.

По огонькам в глазах Гара Дирк понял, что попал в точку. Но в таком случае почему Гара поразило его появление? Что Гар пытается скрыть?

— Как это ты устроил мою «смерть»?

— Я? — Брови Гара полезли на лоб. — Мой дорогой друг, как я мог это сделать?

— Вот я и жду твоего объяснения.

В этот момент Гар и Дирк оказались около выхода и беседу пришлось прервать.

Дирк ступил за порог и согнулся пополам от внезапной боли. В него, точно в солнечное сплетение, с силой была брошена пара боксерских перчаток. Дирк поднял голову и увидел охранника, который привел его в камеру. В глазах солдата промелькнуло мрачное предостережение. Дирк выпрямился и поплелся вперед.

— Надень их, — пробормотал Гар через плечо. — Эти перчатки для тренировок. Они сказали нам, что в день Игр мы получим кое-что получше — свинцовые внутри и железные снаружи.

— Знаменитые свинцовые кастеты, — прохрипел Дирк, натягивая перчатки.

Они вышли в громадную комнату, где уже все арестанты разбились на пары. Гар поднял руки в перчатках.

— Эти-то не свинцовые, а вот в день боя будут цесты, железные перчатки, такие же, как у римских гладиаторов.

Дирк кивнул.

— Им нравится копировать предметы из древней истории. — Дирк с опаской посмотрел на огромные кулаки Гара. Где-то в подсознании его беспокоило поведение гиганта. Возможно, его спокойствие есть результат действия защитных механизмов, но, несомненно, Гар что-то скрывает.

Мысли Дирка прервало обтянутое кожей пушечное ядро, которое летело прямо ему в лицо. Дирку с трудом удалось от него увернуться, но все-таки ядро задело его по уху. Дирк отскочил назад, трясая головой, чтобы прогнать застилающую глаза пелену.

— Извини, — сказал Гар, — но мы должны делать вид, что сражаемся по-настоящему, иначе нас выпорют хлыстом.

Дирк посмотрел на тюремщиков, которые прохаживались вдоль стен. У каждого в руке лениво извивался кожаный хлыст.

— Ты прав. Я еще не проникся здешним духом. — Если Гар собирался «делать вид», то Дирк сначала думал вовсе отказаться от этой бойни.

Но сейчас он решил действовать и ткнул кулаком в лицо Гара. Тот молниеносно отвел удар и вновь запустил пушечное ядро: Дирк вложил всю свою силу, чтобы отвести удар, и ему это почти удалось, перчатки просвистели около его виска. Но Гар левой уже бил крюком вверх. Сработал рефлекс, и Дирк увернулся.

— У тебя неплохая координация! — Дирк встал в стойку, подняв кулаки для защиты.

Гар улыбнулся.

— Да, люди часто ошибаются, думая, что коли я такой большой, то, значит, должен быть неуклюжим.

Но ты мне нравишься. Пожалуй, ты здесь единственный, с которым не так легко справиться.

Дирк посмотрел на арестантов. Мало кто был выше и мускулистее его.

— Думаю, все они плохо разбираются в технике бокса, — заметил Гар. — Только тут их чему-то и научили...

— Еще бы. Лорды не позволяют простолюдинам учиться боевым искусствам. Если кто-нибудь будет замечен в том, что дерется по правилам...

— ...то немедленно будет доставлен в клетки, — мрачно закончил Гар. — Мне тут пришлось за последние дни побеседовать с умными людьми.

Дирк разозлился.

— Все еще думаешь о нас, как о недоразвитых?

Гар широко улыбнулся.

Это заметил один из надсмотрщиков и, подняв хлыст, двинулся в их сторону.

— Слишком много болтаете! А ну-ка, работайте!

Гар засопел и стал в стойку. Дирку удалось перехватить его первый удар. Это было нелегко, но надсмотрщик удовлетворенно отошел в сторону. Это Дирк увидел, уже лежа на песке и слушая звон в ушах.

Затем Дирк заставил себя встать на ноги, потряс головой и увидел напряженный взгляд Гара.

— Теперь ты попытаешься доказать мне, что бил не в полную силу.

— Вот-вот. Извини, — ответил Гар.

— Да, пожалуйста. Я в твоём распоряжении.

— Не понимаю, — удивился Гар, слегка пошлепывая Дирка кулачищами.

Дирк увертывался, отказавшись от ответных ударов.

— Я же здесь для того, чтобы помочь тебе выбраться отсюда. Ты думаешь, что я делаю? Взял небольшой отпуск? — Он попытался провести апперкот.

Гар с легкостью парировал удар Дирка.

— Я думал, что тебя тоже поймали. Ну, хорошо — спасибо тебе.

Дирк криво усмехнулся:

— И ты вообразил, что мы оставим тебя здесь, чтобы тебя убили?

— Откровенно говоря — да. Я же знаю, что в твоих планах мне не отводится главная роль. Да и ты не казался мне сентиментальным человеком.

— Я бы не называл преданность сентиментальностью.

Гар пожал плечами и, увидев, как на них смотрит тюремщик, выбросил кулак вперед. Дирк не успел увернуться и, когда поднимался с пола, услышал, как бормочет Гар:

— Если революционеры позволяют себе такую роскошь, как преданность, — они проигрывают.

— Не всегда. Иногда им удается спасти ценного человека. — И Дирк ударил изо всей силы.

Гар легко отбил удар.

— Рискую другими людьми. Не знаю, насколько тщательно разработан ваш план. К тому же это предупредит о сопротивлении.

Дирк быстро присел на корточки и почувствовал ветерок от пролетевшего мимо кулака Гара.

— Как мило, что ты так о нас беспокоишься. Не волнуйся. Все это будет выглядеть, как обычный бунт местного значения. — Дирк поднял кулак и двинулся на Гара.

Гар схватил его за руку и придвинул к себе.

— И часто на Играх поднимали восстание?

— Никогда, — согласился Дирк. — Но мы чувствуем себя обязанными спасти гостя.

Дирк привстал на цыпочки и, размахивая кулаками, прыгал вокруг Гара.

— Не переусердствуй, — сказал Гар, следя за движениями Дирка, — а то я почувствую себя особо важной персоной.

— Да... Что-то такое в этом есть... Во всяком случае, мы несем за тебя ответственность.

— Разумеется, — согласился Гар, — тебе не хочется, чтобы мой папочка узнал, что ты обо мне не заботился.

— И опять ты прав. — Дирк прыгнул и выставил правую руку.

Гар отбил удар, но Дирк нанес удар левой в подбородок Гара. Голова гиганта дернулась назад, и Дирк отпрыгнул, ощущая тепло удовлетворения.

...Дирк тряс головой и видел растерянного Гара, но не слышал, что тот ему говорил. Звон в ушах был слишком силен.

— ...всего лишь естественная реакция, — извинялся Гар.

Дирк кивнул, хотя чувствовал себя совершенно пьяным.

— Все в порядке — у каждого свой ответ. А что касается тебя, то ты можешь быть нам весьма полезен.

Гар покачал головой.

— Не настолько, чтобы решиться на первый в истории Игр побег. Я просто по-другому воюю, правда, неплохо. — И он ехидно ухмыльнулся. — Кстати, о моем отце... ты хоть знаешь, кто он такой?

— Только то, что он достаточно богат, чтобы отправить тебя в космос на собственной яхте. Если верить тому, что ты говорил Кору.

— Ты неплохо соображаешь. Все это *почти* правда. Я — д'Арман. А о Максиме ты когда-нибудь слышал?

Дирк усмехнулся.

— Кое-что, Максима — планета роботов, так?

— Ладно, — согласился Гар. — Автоматизированные фабрики производят очень хороших роботов, но это не единственная отличительная особенность.

— Достаточно, — улыбнулся Дирк. — Полагаю, это очень доходное дело.

— Более или менее, — согласился Гар. — Хватает, чтобы каждый жил в роскоши, но недостаточно для того, чтобы иметь собственную яхту.

Дирк сделал вид, что собирается нанести ему удар.

— А откуда ты получаешь деньги?

— Я их сам зарабатываю. — Гар хитро прищурился. — У нас очень прилично платят за спасение имущества, особенно если ты хороший кибернетик.

— За спасение имущества? — Дирку не хотелось, чтобы Гар заметил его недоумение.

— Да, да, именно так. Видишь ли, я — связник и не трать больше времени на разгадывание ребусов.

* * *

Зашлепали сандалии, Гар и Дирк не заметили, как рядом с ними оказался охранник. Пришлось Гару пустить в дело свой кожаный кулак, и Дирк отключился.

Так проходили дни — с утра до вечера тренировки, небольшие перерывы на еду, затем потушенные факелы и глубокий, почти наркотический сон. Арестанты добились кое-какого мастерства в боксе, но это полностью истощило их силы.

— Если так будет продолжаться, — ворчал Гар над миской с жидкой овсянкой, — все станут легкой добычей для котят.

Дирк кивнул:

— Думаю, лорды делают это сознательно.

— Первые десять минут мы будем неплохо выглядеть, — сказал рядом сидящий дворецкий.

— Точно. Ты прав, — ответил торговец. Он вылил свою миску и распластался на полу. — Первые десять минут добрые братья-простолюдины увидят настоящую битву. Затем наши силы кончатся, молодые лорды постепенно начнут одерживать победу за победой и в конце — полный триумф тех, кто по рождению его достоин!

— Да, — улыбнулся купец, сидевший неподалеку от Гара. — Но эти первые десять минут... Кто знает?

— Кто знает, кто знает... — вступил в разговор фермер. — К началу Игр у всех силы на исходе, люди ослабли.

— *Обычные* люди. — Торговец кивнул Гару. — Но мы, мой друг, рассчитываем на тебя.

Гар помолчал, потом ухмыльнулся.

— Надеюсь доставить вам удовольствие.

Дирк почувствовал беспокойство. Что это Гар задумал?

— Надеешься? Всего лишь? — спросил рыбак. — Только надежду и можешь нам предложить?

Гар прислонился к стене.

— А чего бы тебе хотелось?

— Небольшое побоище. Уделать бы пятнадцать—двадцать лордов.

— Двадцать? Два моих несчастных кулака против стальных доспехов и мечей? Двадцать?

— Два твоих несчастных кулака будут со свинцом и покрыты сталью, — сказал дровосек. — А мы, в свою очередь, обещаем отвлекать внимание, чтобы ты мог войти в глубокие и серьезные отношения с каждым из противников.

Гар вздохнул и поднял глаза к потолку.

— Господа! Это соблазнительно! Вы меня почти убедили. Но моя совесть не позволяет мне устроить такое кровопролитие.

— Совесть! — возмутился дровосек. — Что ты выдумываешь?

Дирк с удивлением понял, что вокруг них собрались все, кто был в камере.

Гар поднял руки и скрестил их за головой.

— В любом случае нас ждет смерть, а лордики будут жить. Положим, кого-то из них мы убьем, но это не то, что нам нужно.

— Нет, надо, чтобы это произошло, — мрачно возразил дворецкий. — Нам это необходимо, чужеземец. Мы не можем просто так кинуть им свою жизнь. Ни за что.

Гар вздохнул.

— Вот почему вы так бодро держитесь! Я в восхищении!

Фермер улыбнулся.

— Нет смысла ныть и дрожать.

А торговец засмеялся и приподнялся на локте.

— Чужестранец, не думай, что мы такие уж храбрые. Когда в прошлом году я попал сюда, я был так слаб, так болел, что не мог удержать в руках стакана воды. Но спустя некоторое время я понял, что в любом случае умру молодым.

Купец перебил его:

— Здесь только лорды умирают старыми.

— Теперь я знаю день своей смерти. Это единственное, что изменилось в моей жизни... — На мгновение его лицо побледнело, но он встряхнулся и заулыбался. — И что же, я должен бессмысленно погибнуть? И никто после моей смерти не скажет: «Вот! Вот доказательство того, что этот человек жил на свете!..» Нет! У меня теперь есть возможность убить лорда. Это мой единственный шанс! Да, в стальных перчатках против доспехов и мечей, но я хочу воспользоваться этим шансом и сам, сам убить одного из них... — Его глаза сверкали. — Это — цена моей смерти.

Гар уже не улыбался. Он внимательно смотрел на торговца, который снова улегся на спину.

— Ну, что? Удивился? — спросил торговец. — Похоже, ты не знаешь, что такое ненависть.

— Нет, — медленно сказал Гар. — Мне знакомо это чувство.

— Добро пожаловать в школу, — усмехнулся дровосек.

— Вы меня поражаете. Так спокойно дожидаться смерти, надеясь на сомнительный шанс, в случае уда-
чи прикончить пару негодяев... Если бы у меня была
армия таких, как вы, я бы завоевал мир.

— Эта армия перед тобой, — сказал торговец. —
Где тот мир, который ты хочешь завоевать?

Наступила тишина, которую можно было потро-
гать руками.

И Гар засмеялся:

— Он — за стенами этой тюрьмы. Пройдемся к
речке? Или найдем какую-нибудь таверну, где за ста-
канчиком винца побеседуем о судьбе королевства?

Помимо воли торговец засмеялся.

Вслед за ним рассмеялись и все остальные. Но смех
умолк, и в воздухе повеяло разочарованием.

Торговец встал:

— Мы тратим время на пустую болтовню. Пора
спать. Надо беречь силы.

Арестанты побрели по своим местам.

Гар следил за ними в неверном свете факела.

— Думаю, вот так можно начать восстание, — ска-
зал Дирк.

— Да, — кивнул Гар. — Стоит только кинуть клич.
Это удивительные создания. В тюрьме ожидаешь встре-
тить животных, а встречаешь таких умных людей.

— Но каждый из них, думая только об убийстве, все равно становится зверем.

— Да, это так, — кивнул Гар. — Я всегда считал себя умным человеком, но я получил хорошее образование, а они нет. Выходит, я в этой камере далеко не самый умный.

— Ничего подобного, — ответил Дирк. — Ты порастил меня своим интеллектом, но здесь ты оказался в подходящей компании.

— Что за аномалия присуща этой планете? Такое впечатление, что все умницы становятся преступниками.

— Ни один из здесь присутствующих не является преступником, — спокойно ответил Дирк. — Ты до сих пор не понял, в чем смысл этой игры в гладиаторы?

Гар нахмурился.

— По-видимому, уничтожение самых даровитых. Только тут не спрашивают человека о его происхождении.

— Здесь все бунтовщики. Их вычислили, когда они сболтнули что-нибудь против лорда или в шутку, или по пьяной лавочке.

— Неужели для ареста достаточно нескольких слов?

— Да если бы они что-то *сделали*, их бы здесь не было. За попытку убить лорда или поднять серп на сквайра вешают или рубят голову прямо на месте. Здесь же находятся те, у кого хорошие мозги и горячая кровь, они слишком сообразительны, чтобы совершить что-нибудь ужасное, они прячут свою злость и ненависть.

— А результат один, — медленно проговорил Гар. — Сейчас или через год. Смерть есть смерть.

— Иногда на умного человека, который не вызывает подозрений, надевают рясу и называют его священником. В конце концов им нужно сколько-то простолюдинов, умеющих читать и писать, которые могли бы проповедовать смирение и скромность.

Гар удивился:

— У вас есть религия?

— О да! Христианство на уровне восемнадцатого века со всем, что этому сопутствует. Лорды все предусмотрели. Они только не понимают, что терпеливость простолюдинов означает лишь одно — ожидание возвращения Декейда. Лорды не знают, что священники внушают людям.

Гар понимающе кивнул:

— И конечно, священникам предписывается безбрачие.

— Таким образом, активных умных людей убивают на Играх, а те, кто умен, но сдержан, не передают своих генов следующему поколению. В любом случае гены отфильтровываются.

— Не все так просто. Некоторые умники, будучи натурами страстными, даже не женившись, успевают до Игр засеять поле своими генами.

— Итак, фильтрация никогда не кончается.

— Да, притом лорды стараются постоянно держать всех простолюдинов в поле зрения. Но в результате достигают обратного эффекта. Каждый год толпы простолюдинов уходят в леса. Они не намереваются устраивать кровавую бойню. Они ждут Декейда.

— Вот и главная проблема, — задумчиво сказал Гар. — Как вам удастся начать восстание, если Декейд не появится?

— Мы еще точно не знаем, — вздохнул Дирк.

— А кто же должен решать эту задачу? Ведь, как ты говоришь, все умники уже убиты или вот-вот будут убиты.

— Не совсем так, — твердо сказал Дирк. — Самые умные — живы-здоровы.

Гар задумался, и его лицо посветлело.

— Понимаю. Настоящий умник спрячется так, что его не найдут и не поймают.

Дирк кивнул:

— Все они почти гениальны. В условиях местного инбридинга их много, почти столько же, сколько идиотов. Волшебник — это не случайность.

— Да. Волшебник. — Гар потер рукой лоб. — Большинство мальчиков, забранных с планеты, покидали свои дома довольно неожиданно. Ведь так?

— Верно. Мальчиков выискивали, пока они еще были очень маленькими. Может быть, я слегка преувеличил. Мы не гении, просто очень сообразительные. Некоторых детей забирают из леса, но большую часть — из городов, по указанию тайной организации.

— Тайная организация! Созданная давным-давно! Вероятно, люди из этой организации как раз и начнут восстание...

— Не знаю, — задумчиво произнес Дирк. — Быть может, они вовсе этого и не замышляют...

Глава 6

Арестанты начали терять бодрость духа, нервы были на пределе. Страх, с одной стороны, и желание кинуться в бой — с другой, усиливали напряженность. Во время тренировок бойцы стали излишне агрессивны, да и вечером перед сном то и дело возникали какие-то ссоры.

В день, предшествующий Играм, арестантам принесли обед с кусочками мяса. После обеда все разбрелись по своим местам, лениво переругиваясь.

Купец задумчиво отковыривал известку со стены, кусочки известки падали на пол с противным звуком. Чинк! Чинк! Это действовало Дирку на нервы, однако не мешало в глубине души радоваться завтрашнему побегу.

Фермер Оливер, огромный, гибкий, напряженный, как взведенная пружина, ходил взад-вперед по камере.

— Прекрати это хождение, — закричал дровосек. — Сегодня и так всем паршиво, а ты еще добавляешь...

Оливер повернулся к дровосеку и занес кулак. Но в этот момент раздался окрик Гара:

— Не смей!

Оливер обернулся на голос и прищурился.

— А кто ты такой, чужеземец, чтобы мною командовать?

Гар смотрел прямо ему в глаза.

— Я — это я. Какие подробности тебя интересуют?

Оливер сжал кулаки.

Тут вступил торговец Хью.

— А ну, прекратите! Мало вам того, что лорды завтра нас прикончат? И никто над нами не поплачет?

Оливер постоял минутку и снова начал свое хождение, пробормотав:

— Что-то случится... Что-то должно произойти...

— Точно, — прохрипел дровосек, — не позднее, чем завтра.

— Не надо говорить о завтрашнем дне, — сказал Хью, и в его взгляде можно было прочесть тревогу. Он оглянулся вокруг. — Надо спеть!

В комнате наступила тишина. Все поняли, какую песню предлагает спеть Хью. И все знали, какое наказание ждет того, кто ее поет. Смерть. На месте.

Дирк оглядел людей. Он увидел на каждом лице и страстное желание услышать песню, и страх. Все молчали. Похоже, страх победил.

И тогда Дирк начал петь.

Когда был молодым Декейд,
Как все простые парни,
Он полюбил красу-девицу,
И мир стал лучезарным.

Арестанты подняли головы. В их глазах был испуг и одновременно — благодарность.

За счастье, за любовь — подарок —
Плати за все на свете.
Хотели свадьбу уж играть —
Лорд девушку заметил.

Дирк пел о том, как ночью, услышав крик возлюбленной, Декейд схватил свою дубинку и выскочил из хижины, чтобы спасти ее от солдат. Он увидел, что огромный детина тащит девушку, прижав к ее горлу нож. Декейд ударил его дубинкой по голове, и мозги солдата брызнули во все стороны. Но падая, тот перерезал ножом горло девушки. Декейд застыл, глядя на возлюбленную, лежащую в озере крови, и слезы жалости лились из его глаз, как кровь лилась из ее прекрасного тела.

С последней каплей крови, вытекшей из перерезанного горла девушки, из Декейда ушла жизнь. Он глянул на убитого им солдата и понял, что убил сына лорда.

Дирк пел балладу, а Гар смотрел на него как зачарованный.

В ту ночь Декейд ушел в лес, скрывался там, охотился на лесных зверей и временами убивал солдат или лордов, рискнувших, по глупости, забраться в чашу.

Наступил день, когда Декейд встретился с Лесными жителями, и они признали его своим предводителем.

И тогда простолюдины стали десятками, потом сотнями, потом тысячами убегать в лес. Бежали даже те, кто раньше и не помышлял о побеге.

И нашел их Волшебник — неизвестный, без имени, обладавший сверхъестественной силой. Никто не

знал, откуда он явился. Волшебник дал Декейду волшебное оружие, при помощи которого тот уничтожил целую армию солдат.

Сообщение об этой битве пришло в Альбемарль, в королевский замок.

И король наконец сообразил, что совсем рядом с его замком, в лесу собралась целая армия простолюдинов. И он приказал лордам королевства собрать всех солдат и уничтожить армию простолюдинов.

Но Декейд опередил короля. Получив знак от Волшебника, он собрал свое войско, вышел из леса, внезапно напал на ближайший замок и захватил его. С каждым днем армия Декейда увеличивалась и наконец достигла нескольких десятков тысяч человек. Замок за замком сдавались Декейду, и король с сотней тысяч хорошо вооруженных солдат и с пятьюстами лордов, вооруженными лазерными автоматами, вышел из Альбемарля.

Король встретил Декейда на поле Бланкуер. Битва была столь ожесточенной, что шум от нее достиг небес. Декейд отступил, оставив на поле брани треть своего войска. Король преследовал Декейда, и второй бой состоялся у подножия холма Красная гора. Там Декейд потерял половину своих людей. Его спасли ночь и непогода. Ему удалось отступить к горе Шамбрэ, недалеко от Альбемарля. Проведя ночь на ослепительно белой плоской вершине этой горы, войско Декейда утром кинулось вниз по склону на армию короля и сражалось до тех пор, пока не опустели колчаны и магазины лазерных автоматов.

Тогда король поднялся на вершину горы и началось последнее отчаянное сражение. Простолюдины с ножами и мечами сражались против мечей и лазеров. Каждый воин армии Декейда в ярости битвы стремился уничтожить как можно больше солдат и лордов, видя свою близкую смерть. Когда солнце стало садиться и на землю легли длинные тени, среди мертвых тел одиноко, спина к спине стояли Декейд и Волшебник.

Заговорило волшебное оружие Декейда, и упали сотни солдат из первых рядов королевского войска. На них рухнул и сраженный огнем Декейд. Тогда обезумевшие от ярости лорды сломали ему шею, спину, исполосовали его тело, вырезали внутренности, раскололи все его кости и разломали его волшебное золотое оружие. Лорды хотели быть уверены, что никогда впредь простолюдины не поднимутся против власти короля.

Лорды искали среди мертвых тел Волшебника. Но не нашли его. Волшебник исчез.

Король и его армия вернулись в Альбемарль, кинув останки Декейда стервятникам. Но на следующий день король решил, что даже кости Декейда будут тревожить его покой. Он приказал собрать кости и сжечь их. Однако костей на поле брани не нашли. Исчезло и разломанное волшебное оружие. Только несколько простолюдинов знали, в какой пещере, под какой горой покоятся останки Декейда. Знали они также, что с этой горы взлетел в небо Волшебник и что наступит день, когда Волшебник вернется. Да! Он вернется и разбудит Декейда. И восстанет Декейд! И зазвонит

Колокол! И снова соберется армия простолюдинов, чтобы двинуться против лордов, победить их и дать простолюдинам свободу...

Дирк глубоко вздохнул и потом чуть громче начал последний стих. К нему присоединился Хью, затем Оливер, потом купцы и, наконец, запели все арестанты. Они пели в полный голос, и стены камеры дрожали от звуков их пения.

Держи свой нож или клинок
Упрятанным в подвале.
Пусть он дождется того дня,
Когда Декейд восстанет.

В тот день клинок достанешь ты
И, наточив, сиди и жди,
Как башни дальние с небес
Падут на землю, как дожди.

Декейд пришел!
Зовет на бой!
Свободы песню
С нами пой!

Все смолкли. В глазах арестантов горел огонь сопротивления. Дирк устало откинулся к стене. Он был рад, что решился рискнуть.

В коридоре раздался звон доспехов. За решеткой появился тюремщик. Он просунул сквозь прутья лазерный пистолет и, буравя глазами арестантов, угрожающе спросил:

— Та-а-ак... Кто тут запевала?

Пятьдесят пар глаз уставились на него, просверливая ненавистную морду. В камере стояла могильная тишина.

Гар выпрямился, будто подготовился к прыжку. Дирк оцепенел.

— Отвечайте! — прорычал тюремщик. — Отвечайте, или мы сотрем вас в порошок! Так, что завтра с трудом доползете до арены!

Тюремщик скривил рот в гримасе и поднял пистолет.

— Что грозит человеку, который пел песню?

Голос Гара изменился, он стал более глубоким, более звучным, казалось, он раздается издалека.

Пистолет направился на Гара.

— Это ты спрашиваешь?

Гар медленно поднялся.

— Ну и что вы можете сделать? Убить? Разве этим остановишь песню?

Гар легко двинулся к тюремщику, его неторопливые движения скрадывали скорость перемещения.

— Ты пел? Ты врешь!

— Ну зачем же мне врать!

Пистолет вздернулся на уровень головы Гара.

— Стой на месте!

— Почему? Ты боишься меня?

Неожиданно что-то звякнуло в голове Дирка, он как сомнамбула поднялся с пола и пошел за Гаром.

— Стой!

— Да что с тобой? — издевался Гар. — Ты боишься меня даже за решеткой?

Арестанты напряженно следили за происходящим.

Гар отошел от решетки, тюремщик тоже сделал шаг назад.

— Если это сделал ты, так признайся, — прорычал тюремщик.

— Нет, это был не я. — Гар снова сделал шаг к решетке и поднял руки на уровне плеч. — Я не идиот, не стал бы с тобой так разговаривать, если бы это я пел.

— Ну, так скажи, кто это сделал! — Пистолет направился на глаза Гара. — Не то умрешь вместо заповалы.

Дирк нырнул между Гаром и решеткой.

— Песню пел я!

Глаза тюремщика сверкнули, мускулы напряглись, но в тот же миг гримаса ужаса исказила его лицо — Гар, собрав все силы, один за другим выдергивал прутья решетки.

Страх сковал тюремщика. Гар схватил его руку, вывернул и подхватил выпавший из руки пистолет. Тюремщик вскрикнул от боли и упал, отключившись.

Напряжение оставляло Гара, он снова становился самим собой, как будто нечто сверхъестественное покинуло его и вернулось обычное состояние.

Дирк вышел в отверстие в решетке. Он чувствовал, что знает, как действовать. Арестанты, все как один, двинулись к нему.

— Оливер, Хью, Гаспар! — негромко позвал Дирк, и фермер, купец и дровосек вышли из толпы.

Дирк повернулся к Гару.

— Говори! Что нам делать?

Гар нахмурился, помолчал и сказал:

— Все тюремщики сейчас в караулке около главных ворот. Но они могли услышать шум и, возможно,

пошлют охранников проверить, что тут происходит. Мы разделимся на три отряда. Одни идут за оружием, другие — к воротам на арену, третьи — к казарме. Все важные пункты будут под нашим контролем.

Дирк обратился к трем простолюдинам:

— Оливер, ты идешь к воротам. Гаспар — за оружием.

Ни секунды не мешкая, они скользнули в коридор. За ними двинулись все, кто был в камере.

После них вышли Дирк, Гар и Хью со своими пятнадцатью самыми тренированными воинами.

В караулку вели две двери. Дирк добежал до дальней, и за ним последовала половина отряда Хью. Дирк поразился тому, что заранее знал, сколько их будет у него за спиной. Он завернул за угол и остановился в ожидании. Ему было неизвестно, как Гар подаст ему знак, но он был уверен, что надо выждать. Молчаливый отряд за ним затаил дыхание.

Внезапно что-то звякнуло внутри. Дирк прыгнул в приоткрытую дверь и боковым зрением увидел, что в другую дверь вбежали Гар и Хью со своими людьми. Перед Дирком стоял растерявшийся охранник. Рука Дирка потянулась к горлу охранника, но встречный удар в плечо, сильный, как удар огромным камнем, заставил Дирка перевернуться, в этом повороте тело Дирка ударилось в охранника, и тот шлепнулся на пол. Дирк воспользовался моментом и изо всех сил стал колотить головой охранника о каменный пол. При этом Дирк видел, что волна простолюдинов теснила охранников, которых было меньше, чем арестантов.

Поднимаясь, Дирк ударил головой охранника, занесшего кулак для удара. Охранник зарычал от боли, Дирку удалось и его свалить на пол, в спине тюремщика что-то хрустнуло, но Дирк уже был занят отражением атаки сразу двух стражников, которые, отбиваясь от двух купцов, натолкнулись на Дирка.

Все сражение заняло не более трех минут. Дирк выпрямился и увидел стоящего рядом Гара, который смотрел на поверженные тела. Дирк понял, что означает мрачный взгляд гиганта.

— Слушай, зануда, сейчас не то время, чтобы мучиться угрызениями совести. Не забывай, что мы завтра выходим на арену.

Гар закрыл глаза и спустя мгновение обратился к Хью:

— Собери живых тюремщиков и запри их где-нибудь. Пусть их свяжут. Но не забудьте поставить к ним охрану. Затем все идем к складу с оружием.

Через четверть часа вооруженные простолюдины, облаченные в доспехи, собрались в караулке. Из запертой комнаты в конце коридора временами раздавались стоны.

Хью поднял короткий меч и шлепнул себя по бедру, где висел пистолет.

— Поразительно, как это поднимает настроение! Дирк даже не улыбнулся.

— Не обольщайся, торговец. Завтра нам предстоит встреча на арене с кучей тюремщиков.

Хью пожал плечами и хлопнул по плечу Гара.

— Да ты что! Когда во главе стоит этот зверь, нас никто не сможет остановить!

Гар хмуро улыбнулся.

— Выходит, меня назначили предводителем?

Хью удивленно посмотрел на него.

— А вспомни, что было в самом начале... Ведь ты же сказал, что с нами завоюешь весь мир!

Утро следующего дня выдалось солнечным, без единого облачка на небе. Простолюдины поднялись с рассветом, они шли к арене, прихватив корзины с едой. Впереди был длинный день.

Дирк и Гар, выглянув сквозь решетку ворот, увидели огромную чашу трибун, сверху донизу заполненную людьми.

Гар усмехнулся.

— Не слишком ли спокойно для праздника?

— Уверяю тебя, — хмуро сказал Дирк, — все, кто здесь сидит, предпочли бы сейчас быть на рабочем месте.

Появился распорядитель Игр. Он был в нарядном желтом жилете и в алом камзоле, на голове его красовалась огромная шляпа, надетая набекрень. Он прохаживался между клетками, поглядывая на арестантов, которые заканчивали свой завтрак. Поглощенный важностью своей роли, он не замечал ничего необычного, не видел подозрительных выпуклостей под одеждой арестантов.

— Кажется, что их здесь больше, чем было вчера.

— Да вчера они от страха съежились, а сегодня День Игр, — глуповато ответил единственный насто-

ящий охранник. Это был Беллок, человек, который привел Дирка в клетки.

Распорядитель Игр удовлетворенно кивнул. Он прохаживался по залу, похлопывая по плечам охранников, давая последние наставления. Похоже, он не замечал, как изменились лица тюремщиков.

Когда распорядитель вышел, Беллок закрыл за ним дверь со вздохом облегчения.

— Мы его еще увидим? — спросил Гар.

— Не раньше, чем после Игр, — усмехнулся солдат-бунтовщик, — что означает — *никогда*. Был момент, я думал, что придется его убить.

Теперь Гар стал прохаживаться по залу, проверяя наличие оружия у простолюдинов. У всех «охранников» были лазерные пистолеты.

— Беллок! — Гар обратился к стражнику. — Где вы обычно стоите во время Игр?

— Вон там, за верхним рядом трибун на стенах, — ответил солдат, — на случай каких-нибудь происшествий.

— На тот случай, — криво усмехнулся Дирк, — если парочка простолюдинов задумает напасть на лордов.

Дирк и Гар посмотрели сквозь решетчатые ворота на трибуны. Там солдаты образовали каре, на их оружии и доспехах поблескивали солнечные зайчики.

— Это замковые солдаты, — объяснил Беллок, — мы с ними не имеем ничего общего.

Гар прищурил глаза, ослепленный блеском металла.

— Как я понимаю, это наши достойные противники.

Дирк утвердительно кивнул:

— Мечи, доспехи и десять лет обучения. Младшие сыновья из благородных семей. Не моложе восемнадцати, не старше двадцати одного года.

— Это что, своеобразный экзамен для них?

— Можно сказать, — ответил Дирк. — Лордикам необходимо почувствовать вкус крови простолюдина, здесь или при поимке беглецов. Для большинства из них сегодня будет первый бой с простолюдинами. Но есть еще кое-что.

— Объясни, — попросил Гар.

— Нашим хозяевам не откажешь в хитроумии, они всегда преследуют две цели. Видишь ли, молодежи свойственно идеалистическое отношение к жизни. Часто, несмотря ни на что, некоторые сыновья лордов вырастают гуманистами, они считают, что простолюдины тоже люди, что правосудие равно необходимо для всех, что к побежденным надо испытывать сострадание, что все люди должны быть счастливы.

Гар был удивлен.

— Либералы? Хочешь сказать, что эти динозавры способны производить здравомыслящих людей?

Дирк кивнул:

— В каждом благородном семействе — хотя бы по одному в поколении. Поэтому сыновей приводят сюда, выпускают на арену против простолюдинов, которые достаточно хорошо вооружены, чтобы быть опасными, чтобы угрожать жизни того, кто в доспехах. Не

забудь, эти простолюдины страстно жаждут крови лордов, они полны ненависти.

— Как охотники на волков, — заметил Гар.

— Метод очень эффективный. Перед лицом пятидесяти простолюдинов, хорошо натренированных, в свинцовых перчатках, готовых убивать, человеколюбие куда-то исчезает.

— Да, это охладит любого идеалиста, — согласился Гар.

— Мораль: быть добрым к простолюдину — смертельно опасно. Вот так молодой радикал превращается в реакционера.

— И сколько из них остаются при своих либеральных убеждениях?

— Один, — спокойно ответил Дирк. — Я не силен в истории, но знаю только об одном.

— Да? — Гар поднял брови. — И что с ним случилось?

— Когда он стал по-человечески относиться к своим подданным, соседским лордам это не понравилось, поскольку это могло плохо повлиять на их простолюдинов. Либералу объявили войну, и король послал на подмогу своих солдат. В итоге — либерал покоится на глубине шести футов под землей.

С арены донеслись звуки трубы. Беллок коснулся руки Гара:

— Чужеземец, собирай войско. Настал ваш час.

Нервно помахивая свинцовыми кулаками, ворча друг на друга, простолюдины прохаживались по коридору перед воротами на арену. Вошел Гар. Ворчание

прекратилось, и все головы повернулись к гиганту. Он быстро осмотрел бойцов и удовлетворенно кивнул.

— При выходе войте погромче, этого от вас ожидают, но особенно не увлекайтесь. Следите за мной. Я постараюсь хоть кого-то из вас вывести отсюда. Не останавливайтесь, чтобы подстрелить какого-нибудь лордика. Просто следуйте за мной. Не упустите свой шанс остаться в живых.

На середину арены вышел распорядитель. Громким голосом он оповестил об открытии Игр, быстро направился к дальней стене арены и вскарабкался по лестнице, которую тут же убрали.

Вперед выступило войско лордов, они выстроились ровной линией. Помахивая мечами, лордики тревожно поглядывали друг на друга.

Завопила труба. Подъемная решетка ворот поползла вверх, и Гар вышел на арену. За ним выпрыгнул Дирк. Оглянувшись, он убедился, что Хью, Бертран и Оливер со своими людьми следуют за ними.

Гар остановился, подал знак, и его войско ровной дугой выстроилось против линии лордигов.

Трибуны возбужденно зашумели. Никогда прежде гладиаторы-простолюдины не выходили на арену строем.

Лордики окаменели от удивления.

И Гар, пантера в свинцовых перчатках, медленно двинулся вперед. За ним — Дирк, Хью, Бертран, Оливер и линия бойцов.

Снова проревела труба, раздался барабанный бой, и громкий голос прокричал:

— Начинайте!

Противники стали сходиться.

Между ними проскочила, подняв облако пыли, лазерная молния. 4

Гар сморщил нос от запаха озона и остановился, уперев кулаки в бока. Остановились и простолюдины и лордики.

— Они что-то чувствуют, — прохрипел Дирк. — От страха выпустить ситуацию из-под контроля, они могут остановить Игры.

— Ну же, чужеземец! — зарычал Хью. — Как раз это нам и нужно!

Но Гар медленно покачал головой и улыбнулся.

— Что они могут сделать? Расстрелять нас? Тогда они сейчас же это и сделают. Нет. Надо посмотреть, из-за чего они хотят остановить это шоу.

Из трибуны выехала лестница и опустилась на песок.

— Ох не нравится мне, когда нарушаются правила, — прошептал Дирк.

— И ты называешь себя революционером? — усмехнулся Гар.

По лестнице спускалась высокая худая фигура в камзоле цвета сливы, в белом жилете, белых штанах и чулках. Следом за человеком спускалось двадцать солдат с лазерными автоматами на изготовку.

— Кор, — выдохнул Дирк.

— Я был уверен, что мы должны встретиться, — пробормотал Гар.

Глава 7

Кор приближался, и Дирк увидел, что его белые одежды запачканы дорожной пылью. Видно, он долго был в пути.

— Что же случилось такого, чего мы не знаем?

— Не переживай, Дирк, — усмехнулся Гар. — Лорд Кор — сама вежливость. Он непременно сейчас же все объяснит.

Кор остановился в десяти футах перед ними, подняв меч.

— День добрый, милорд, — сказал Гар, помахав перед собой кулаком в свинцовой перчатке.

— Мне надо было быть пожестче с тобой, — фыркнул Кор, — похоже, меня подвели моя мягкость и доброта.

Гар снова улыбнулся:

— А в чем дело? Я вам говорил только чистую правду.

— Тогда как ты объяснишь корабль, вышедший на орбиту вокруг нашей планеты этим утром?

Гар улыбался во весь рот.

— Да очень просто! Это же мой собственный корабль! Я хотел его иметь под рукой, на случай, если он мне понадобится.

Дирк удивленно посмотрел на Гара.

От негодования Кор покраснел.

— Но ты же говорил, что тебя высадила торговая компания?

Гар пожал плечами.

— Я попался — я вас обманул тогда.

Кор сжал челюсти.

— Сколько человек на борту твоего корабля?

— Ни одного.

— Не до шуток, парень. — Кор шагнул вперед, поигрывая мечом. — На этой арене тебя ждет быстрая смерть, но я ведь могу растянуть это удовольствие на целую неделю.

— Зачем? — ответил Гар. — Я вас не обманываю. На борту корабля нет людей.

— Ты принимаешь меня за дурака? Кто же им в таком случае управляет?

— Но ведь я рассказывал вам, что мы производим очень хороших роботов. — Гар стал растирать бицепс свинцовым кулаком, и Дирк заметил, что у него под перчаткой надет широкий бронзовый браслет.

Кор гневно нахмурил брови.

— У тебя вместо пилота компьютер?

— Его зовут Геркаймер, — с любовью произнес Гар.

Дирк мог бы поклясться, что видел, как у Кора из ушей повалил пар. Лорд молчал, похлопывал мечом по ногам и оглядывал арену.

Его глаза остановились на Дирке.

Дирку так захотелось спрятаться за широкую спину Хью! Но было поздно. Кор вытаращил глаза и, указывая мечом на Дирка, заорал:

— Это... это... он... он...

— Да, извините уж нас за этот вид, но нас неважно кормили, — вежливо проговорил Гар.

— Опять ты со своими глупостями! — закричал Кор. — Он был вместе с тобой перед твоим арестом! Это твой провожатый!

Гар спокойно кивнул:

— У вашей светлости неплохая память.

— Но я видел его мертвым!

Гар снова кивнул.

— Теперь, когда вы об этом сказали, я тоже припоминаю что-то в этом роде.

— И как ты объяснишь его чудесное воскрешение?

Гар пожал плечами.

— Сказать по правде — никак. Объяснить этого я не могу, но готов обсудить любые гипотезы.

Кор злобно уставился на Гара.

Дирк глянул на Хью, Бертрана и Оливера. Они поймали его взгляд и незаметно кивнули в ответ.

Кор внезапно улыбнулся.

— Хочу ответить учтивостью на учтивость. — Он взмахнул мечом, подзывая своих солдат. — Отведите его в замок, мы там послушаем его разумные гипотезы.

На Гара нацелились лазерные автоматы.

Гар нажал на кнопку на браслете.

Дирк бросился вперед и врезался Гару в спину. Гар упал точно в то мгновение, когда лазерный луч пронзил то место, где он только что стоял. Хью перепрыгнул через Гара, а Дирк отскочил в сторону, чтобы не попасть под ноги людей Хью, кинувшихся вслед за торговцем.

Боковым зрением Дирк видел, как слева люди Бертрана, а справа — люди Оливера приближаются к отряду Кора. Испуганные солдаты подняли автоматы, но опоздали. Свинцовые кулаки обрушились на стволы автоматов, а затем и на солдат. Солдаты один за другим падали на песок арены, увлекая за собой нескольких гладиаторов. Но остатки отряда приблизились к Кору. Он, подняв меч, пятился назад, и в этот момент лордики очнулись, будто вышли из транса. С криками, бряцая оружием, лордики двинулись в атаку. Простолюдины, пригнувшись, собирали брошенное оружие, и Кор, воспользовавшись этой заминкой, смог отбежать в сторону. Но его преследовал Хью, который свинцовым кулаком отбивал удары меча Кора.

Картины детства вспыхнули в мозгу Дирка. Охваченный жадой мщения, Дирк кинулся на лорда, как разъяренный бык, и они оба рухнули на песок. Дирк вцепился в горло Кора, а лорд пытался ударить Дирка мечом. Дирк отразил меч свинцовым кулаком, но в скользком движении меч все же задел его предплечье. Обжигающая боль пронзила Дирка, и, снова увидев, как кровь хлынула из спины его отца, он зарычал и вдарил кулаком по горлу Кора. Лорд дернул головой, и кулак Дирка вмазался в песок. Кор перевер-

нулся и, освобождаясь от Дирка, вскочил на ноги. Дирк тоже поднялся и кинулся к лорду. В голове гудели какие-то голоса, раздавалось лязганье металла, но все это было где-то далеко, все это не имело значения, реально было только насмешливое лицо перед глазами и запах крови отца. Он хотел только бить, бить и бить это мерзкое лицо...

Огромная рука схватила Дирка за шею, и перед ним возник Гар.

— Прекрати! Смотри вон туда!

Дирк обернулся, и Кор, отпрыгнув, побежал к стене арены. Дирк хотел кинуться за ним, но Гар поймал его за плечо и показал глазами на трибуну. Там на ветру развевался большой кусок белой ткани.

— Чего ты хочешь, умереть на этой арене или жить?

Что-то щелкнуло внутри Дирка, и он стал снова самим собой. Лорд Кор исчез, он теперь ничего не значил. Сознание очистилось. Дирк вспомнил Мейделон, их условный знак, и бросился вслед за Гаром, который бежал к трепещущему белому флагу.

На полпути к стене Дирк оглянулся. Кор остановился у основания подъемной лестницы, рядом с ним толпились охранники. На арене бились в рукопашном бою солдаты и простолюдины. И вдруг солдаты, стоявшие на трибунах, стали стрелять из лазерных автоматов по солдатам на арене. Это Беллок со своими парнями, подумал Дирк, он увидел, как на песок за смертью свалились несколько молодых лордов. Казалось, перевес в битве на стороне простолюдинов, но внутренне Дирк признал правоту Гара: пора было уходить.

— За мной! — крикнул Дирк, но в клубке дерущихся тел никто его не услышал. Дирка охватила паника, он бросился назад, схватил за плечо какого-то простолюдина. Это был Хью. Он зарычал и оттолкнул Дирка. В этот момент солдат, с которым он сражался, занес над ним меч. Дирк прыгнул вперед и ударил свинцовым кулаком в лицо солдата. Хрустнули кости. Хлынула кровь, и солдат упал.

— За мной! — снова крикнул Дирк и помчался прочь.

На бегу Дирк оглянулся. Хью и пять или шесть торговцев следовали за ним. Остальные, ослепленные яростью, продолжали схватку. Дирку представился рой мух, вьющихся вокруг лампы.

Гар уже почти добежал до стены арены. Сверху к нему зазмеилась веревочная лестница. Она еще не успела коснуться песка, как Гар ухватился за нее и стал подниматься. За ним веревку ухватил Дирк. Он слышал рев трибун, и мимо его лица пронеслась струя огня. На арене значительно прибавилось солдат, они, встав на колени, подняли лазерные автоматы.

И тут все замерло. На высоте десяти футов над ареной зависла огромная золотая сфера. По ее краям образовались воздушные пузыри, сквозь которые выстрелили рубиновые лучи. Они пронзили воздух и ударили по стенам арены, прожигая в них дыры. Затем лучи переместились на ряды солдат. Солдаты, бросив оружие, разбежались во все стороны. Толпа на трибунах, издав общий победный клич, поднялась и обрушилась на охранников, которые стояли на стенах арены.

Путь к белому флагу был открыт. Гар свинцовым кулаком свалил нескольких обезумевших солдат. Белый флаг стремительно мчался к выходу с трибун. За ним огромными прыжками неслись Гар, Дирк и Хью с торговцами.

Беглецы последний раз слышали крик толпы и провалились в темную прохладу туннеля. Впереди светился треугольник выхода. Пробежав вниз по лестнице, беглецы выскочили к дневному свету. Не сбавляя скорости, они перебежали через пустынную площадь, влетели в переулок между двумя высокими домами и оказались в тупике. Гар, тяжело дыша, остановился, и Дирк чуть не врезался в него. Высокая женщина махнула им рукой и отворила маленькую незаметную дверь в стене. Дирк, только теперь сообразивший, что это Мейделон, глубоко вздохнул, успокаивая дыхание после безумного бега, и увидел подбегающих торговцев во главе с Хью...

Дверь за беглецами захлопнулась и после яркого солнечного света беглецов ослепила крошечная тьма. Все остановились. Дирк прислонился к холодной каменной стене и наконец отдышался. В наступившей тишине неожиданно прозвучал смех Хью.

— Ну, — пробасил Гар. — Вот мы и на свободе.

— Ага, вот за этими стенами, — захохотал Хью. — Чужеземец! Где же тот мир, который ты собирался победить?

Глава 8

Провожатый довел их до провожатого, который довел их до провожатого, который повел их по пути, проложенному пьяной змеей в припадке безумия. Они прошли через лабиринт подвалов, по длинному сырому туннелю, который по логике должен был вывести их под стены города. Однако они вышли на поляну, заросшую травой по колени, и Дирк очень обрадовался тому, что стены города остались далеко позади.

— Скоро за вами сюда придут, — сказал провожатый и ушел сквозь кусты, маскирующие вход в небольшой холмик.

Воздух, кусты, трава, казалось, странно колышутся, все представлялось нереальным. У Дирка закружилась голова.

— Итак, — сказал Гар и опустился на траву около пригорка. — Кор с солдатами уже отправился в погоню за нами.

— Ну, скоро им это сделать не удастся, — ухмыльнулся Хью, присевший на корточки рядом с Гаром. — Пока в городе царит неразбериха, лорд Кор с ребятами по горло заняты работой.

— Думаешь, будут беспорядки?

— Конечно, народ волнуется, — нервно сказала Мейделон. — Я сама чуть не упала, когда появился этот золотой шар.

— Полагаю, это твой шарик? — улыбнулся Дирк.

— Да, это мой корабль... А что?

— Да ничего... Просто непонятно, почему ты не взобрался на борт корабля.

Гар нахмурился.

— Всего лишь потому, что хотел спасти пятьдесят простолюдинов. Не в моих правилах бросать людей в беде.

— Нам повезло, что ты этого не сделал, — задумчиво сказал Хью. — Мне, правда, хотелось бы убить побольше лордов, но все-таки лучше самому остаться в живых.

Торговцы согласно закивали головами.

— Так это твой корабль? — переспросил один из них.

Гар неожиданно взволновался.

— А какое это имеет значение?

— Я подумал, что это Башня Волшебника, — ответил торговец, глядя на Гара, как на какое-то чудо.

Гар чуть улыбнулся.

— Это был всего лишь повод для начала бунта.

— А бунт — всего лишь повод вывести из строя побольше солдат, — добавил Дирк.

Мейделон мрачно посмотрела на него.

— Нам нужно быть очень осторожными.

— А что такое? — спросил Хью. — Теперь у нас есть свой собственный Волшебник.

— Ну, хватит! — Гар вскочил на ноги. — Где же наш новый провожатый?

Дирк задумчиво следил за Гаром. Почему он так волнуется?

— Если ты так торопишься уйти отсюда, посмотри, вон тропинка.

Мейделон тоже посмотрела на тропинку.

— А почему бы нам не двинуться? — сказал Гар. — Наш новый провожатый наверняка хорошо знает лес. Ему не составит труда найти нас.

Мейделон и простолюдины явно нервничали.

— В нашей ситуации личная инициатива совершенно неуместна, — проворчал Хью.

Но Гар громко засмеялся и ступил на тропинку.

Дирк встал и пошел за ним, — может быть, Гар и прав.

Медленно поднялись торговцы и тоже двинулись к лесу.

Мейделон зло посмотрела им вслед и нерешительно последовала их примеру.

Входя в лес, Дирк оглянулся на город. Солнце тронуло верхушки башен, раскрасив пейзаж в розовые и алые цвета заката. Дирк подумал, что дневные развлечения заняли больше времени, чем он рассчитывал.

— Гар! Приближается ночь. Ты подумал о том, где нам устроиться на ночлег?

— Как где? У нас, — раздался голос из-за кустов. Все вздрогнули в испуге.

— Кто это сказал? — осторожно спросил Гар.

— Голос женский, но это не Мейделон, — сказал Дирк.

— Меня это беспокоит, — тихо произнес Гар. — Я не из тех, кто сразу отвечает на приглашение. Хотелось бы посмотреть на того, кто его сделал.

— Можешь посмотреть, — ответило могучее контральто, и из кустов выплыла огромная толстуха в сопровождении двух лучников.

Ее блестящие каштановые волосы свободно падали на плечи. Складки жира почти скрывали маленькие глазки, рот и крошечный нос пуговкой. На толстухе был плащ с капюшоном поверх широкого платья. Шаг ее был твердым, а говорила она с авторитетностью генерала.

Ее лучники были в рыжих кожаных куртках, их колчаны были заполнены стрелами, луки — натянуты.

— Я — Лапен. Добро пожаловать к нам. Хотя было бы лучше, если бы вы нас дождались.

— Того же хотел бы и лорд Кор.

— Гар, поосторожнее! — прошипела Мейделон.

Глаза Лапен потемнели. Она обернулась к Дирку:

— Я ведь могу и обидеться!

Дирк не знал, что ответить, но сзади него раздался голос Хью:

— Не стоит, мамаша Лапен. Прости его. Он нездешний и не знает правил приличия, но человек он хороший, помог мне с моими людьми добраться к тебе.

Гар нахмурился.

— Хью, я благодарен тебе за защиту, но у меня и у самого есть язык.

— И очень невоспитанный, лучше бы тебе им не пользоваться, — проворчала мамаша Лапен. — Думаю,

что тебе необходим адвокат, и вряд ли ты найдешь лучшего, чем мой капитан.

Гар и Дирк оцепенели от удивления.

Хью смущенно улыбнулся.

— Пойдемте-ка, ребята. Я ведь был в клетках не за воровство цыплят.

Когда путешественники оказались в лагере, Хью выдал им обмундирование. Одежда прикрыла их израненные руки и согрела. Ночной воздух в лесу был сырым и холодным. Им достались серо-коричневые куртки, узковатые в плечах, и штаны, тоже на размер меньше. Хью также преобразился. Теперь на нем была рыжая кожаная куртка, как и на остальных лесных жителях. На лице его сияла широченная улыбка.

— Как хорошо оказаться у своих, — признался он. — А теперь пойдемте, поедем как следует.

Он вывел их к большому костру в центре поляны. Дирк потянул носом и унюхал, что кормят олениной. Хью выдал им по деревянной тарелке, и на эти тарелки им положили по куску мяса с пылу с жару. Дирк отошел от костра, нашел удобное бревно, уселся и приступил к еде.

Утолив первый голод, но не прекращая жевать, Дирк стал осматривать лагерь. Лесные, сидящие вокруг костра группами по пять-шесть человек, занимались разными делами. Кто протирали стрелы вороньими перьями, кто затачивал наконечники, женщины скребли шкуры, чинили одежду, некоторые просто сидели и болтали, вокруг играли дети.

Над лесом, на черном ночном небе, мирно сияли звезды.

— Лапен одна сбежала в лес несколько лет назад, — стал рассказывать Гару Хью. — К ней присоединилось еще несколько беглецов, потом еще, потом еще. Всегда найдется кто-то, желающий сбежать из-под власти короля. Год назад нас стало очень много. Сейчас тут больше двухсот человек.

— А почему количество беглецов все увеличивает-ся? — спросил Дирк.

Хью, улыбнувшись, повернулся к нему.

— Да потөму, что они пришли сообщить нам, что снова появился Волшебник, который приказывает простолюдинам приготовиться ко Дню.

Дирк поперхнулся кусочком хряща.

— Жизнь тут нелегкая, — продолжал Хью, похлопав Дирка по спине. — Приходится тяжело трудиться и постоянно опасаться солдат. Зато не нужно гнуть спину, и, хотя часто не хватает еды, мы все делим поровну. От голода никто не умирает.

Гар понимающе кивнул.

— Значит, никто не имеет никакой собственности, вы совместно владеете всем имуществом?

— Что за чепуха! — возмутился Хью. — У каждого мужчины своя одежда, свое оружие, у женщин — их платья, кухонная утварь. Это все их собственные вещи.

Но Гар продолжал допытываться.

— Так. Кухонная утварь — это женское дело, не мужское?

— А как же! Разве мужчины знают, как с нею обращаться? Я тебя, чужеземец, не понимаю.

Но Дирк внезапно все осознал.

Беглецы создали свободное общество. Первое на этой планете. Это был прообраз того общества, которое возникнет после свержения власти лордов. Дирку стало интересно, как тут строится управление.

— Мне показалось, что здесь все слушаются Лапен, — сказал он задумчиво.

Хью удивленно посмотрел на него.

— А как же! Она здесь — Хранитель.

— Ты же сказал, что тут никто не гнет спину!

Дирку почудилось, будто торговец так разозлился на него, что готов его ударить.

— Лапен управляет с нашего дозволения. Если люди недовольны тем, что она предлагает, они протестуют, и если протестующих большинство, то она отменяет свое решение.

Дирк кивнул, а Гар громко спросил:

— Что будет, если люди захотят другого Хранителя?

— А так уже было, — медленно ответил Хью. — Обсуждали, спорили, доказывали и все-таки решили, что будет Лапен.

— Ну а вдруг снова возникнет эта проблема?

— Да нет, не должно бы... — Хью холодно посмотрел на Гара. — Пари держу, здесь никогда не потребуют, чтобы кто-то гнул спину. Я верю мамаше Лапен.

Гар поставил на землю свою тарелку и стал вытирать руки пучком сорванной травы.

— Мне бы хотелось побеседовать с этой образцовой женщиной. Хью, не мог бы ты меня к ней отвести?

— Ох! С радостью! Интересно посмотреть, как ты будешь состязаться в остроумии с мамашей Лапен! — весело ответил Хью и оглянулся на Дирка. — Ты пойдешь?

— Нет, — ответил Дирк, — не думаю, что узнаю что-нибудь новенькое.

Хью нахмурился.

— Что значит «новенькое»?

— Да ничего. Скажи-ка мне лучше, от кого Лапен получает приказания?

— А ни от кого. — Хью пожал плечами. — Пока Декейд не встанет.

Дирк усмехнулся.

— Как я и думал. Нет, идите уж без меня.

— Дело твое. — Хью отвернулся и поманил Гара за собой.

Дирк смотрел им вслед и дожевывал последний кусок оленины. Не имело смысла беседовать с Лапен. Ему был нужен главный предводитель бунтовщиков, и, по-видимому, Лапен им не была. Никого, кроме Декейда...

— Добрый вечер, чужеземец.

Дирк глянул и увидел высокого старика, с тонзурой, в монашеской одежде. Старик сел рядом с Дирком, широко ему улыбнувшись. Дирк улыбнулся в ответ.

— Верно. Вечер — добрый. Но только я — не чужеземец.

— В том, как ты говоришь, как себя ведешь, проскальзывает что-то чужое, разные мелочи. Каждому видно — ты не совсем такой, как мы.

Дирк не выказал раздражения и неохотно кивнул:

— Ты прав. Я — человек с небес. Но я — простолюдин.

— Ну вот. — Старик удовлетворенно кивнул. — С Башен Волшебника. Ты произносишь странные слова, такие, которые нам неизвестны. А помогают ли тебе в жизни твои познания? Друг мой, понял ли ты Загадку Жизни?

— Конечно, нет, — спокойно сказал Дирк. — Но вот я смотрю на ваш лагерь и не могу понять, как это в партизанской армии могут жить дети? Ведь армия должна быть готова подняться в любую минуту?

— Но дети понимают, что такова их судьба. Матери заботятся о малышах. Армия выступит, когда ей будет нужно, или спрячется, если это будет необходимо, так хорошо, как спрятались бы кролики.

— Ага, — Дирк глянул на старика, — тогда почему они называют своего предводителя Лапен, называли бы Кролик?

— Верно. — Старик засмеялся. — Эти люди очень уважают кроликов, они очень хорошо умеют прятаться от королевских охотников. Только у наших кроликов есть зубы и притом очень острые.

— Не сомневаюсь. — Дирк глянул на людей у костра, которые точили наконечники для стрел. — А вы, отец, раньше тоже играли в эти игры?

Старик проследил взгляд Дирка и кивнул:

— Должен признать, что я мастер в этом деле. Наш Бог велел любить врагов и прощать их, но он не запрещал нам сражаться с ними.

— Не уверен, что в этом состоит сущность его проповеди, — покачал головой Дирк.

Старый священник попытался пожать плечами, но они его не послушались.

— Дирк Дюлейн, мы делаем то, что мы должны делать. И если ночью меня будит моя совесть, то это моя личная забота, больше никого это не касается.

Но Дирка сейчас занимало другое.

— Ты знаешь мое имя...

— Знаю. — На лице священника снова появилась улыбка. — Как и все в лагере. Еще никогда никто не убегал с Арены. Ты — герой дня.

— Мои заслуги преувеличены, — сухо сказал Дирк. — А ты, отец, священник всей этой армии?

— Как и ты, я здесь всего лишь гость. — Старик посмотрел на лагерь, и Дирк увидел печаль в глазах священника. — Я странствующий священник — пастырь без прихода, гонимый ветром по миру, несущий слова надежды всем людям...

— Всем... — Дирк задумался над этим словом. — И сколько же отрядов в лесах?

— В этом лесу — дюжина и по дюжине в каждом большом лесу королевства. Кто может точно сказать? На Меланже нет ни одного леса, где не было бы беглецов.

— Семь больших лесов. Восемьдесят четыре отряда по пятьдесят человек в каждом. Это значит, около пяти тысяч тренированных лучников, готовых...

— А ты пессимист, — перебил его священник, — по моим подсчетам, их двенадцать тысяч.

— И какой отряд самый большой?

— Отряд мамыши Лапен. — Священник усмехнулся. — Как это ни удивительно, самый большой и стоит как раз около столицы королевства.

— Можно спросить, а кто же отдает приказы всем этим отрядам?

— Все отряды признают главенство отряда мамыши Лапен, — сухо ответил священник.

— Против лордов выступит целая армия, если Декейд позовет?

— *Когда* Декейд позовет, — поправил Дирка священник.

Дирка неожиданно пронзило ощущение того, что ему никогда не удастся привести эту крестьянскую армию в движение.

Внезапно спокойствие ночи прорезал тревожный свист.

Все вскочили, повернули головы на восток, туда, откуда раздался свист. Поднялась и опала волна шума от вскочивших людей, треска сучьев, скрипа ремней, затягивающих колчаны.

Силуэтом на фоне костра промчался бегун. Из кустов, как грозная туча, выступила мамаша Лапен.

— Говори! Что случилось?

— Не меньше сотни солдат, — выкрикнул вестник. — Во главе с лордом Кором!

— Кор! — пробежало по толпе.

— Странно, что он сам идет сюда, — проговорила мамаша Лапен.

— Ничего странного, — сказал Гар. — Побег с Игр — неординарное событие. Я думаю, — он обернулся к Дирку, — нам стоит поменять климат.

— Нам всем придется это сделать, — хмуро сказала мамаша Лапен, и ее армия тут же начала собирать пожитки.

— Погодите! — воскликнула Мейделон. — Их всего лишь сотня, нас в два раза больше. Мы можем их победить!

— Да, да! — закричал Хью. — Уйти с поляны, заманить их сюда и, выскочив из укрытия, всех порешить!

— Автоматы, — возразил священник.

— Они не успеют...

— Но если нам удастся захватить лорда Кора — мы победим нашего злейшего врага! — настаивала Мейделон.

— Мы не оставим в живых никого, — упорствовал Хью. — То, что никто ничего не узнает, — наше спасение!

— План хорош, — сказал священник, — но планы не всегда исполняются. Если хоть один ускользнет...

— Как? — воскликнул Хью.

— Достаточно! — негромко, но решительно сказала мамаша Лапен. — Мы уходим.

Наступило молчание.

— Почему? — взорвался Хью. — У нас есть шанс!

— Не о чем говорить, — спокойно, уверенно сказала Лапен. — Нельзя начинать войну, пока не прозвонил колокол.

Хью ничего не ответил, потом с мрачным видом повернулся, подошел к костру и снял котелок с рогадины. Мейделон уставилась на мамашу Лапен сверкающими глазами, но, получив в ответ холодный колю-

чий взгляд предводительницы, вспыхнула и отвернулась.

Дирк был поражен. Одно слово этой могучей женщины — и вся крестьянская армия послушно следует за ней! Он представил себе огромные массы людей в лесах королевства, готовые к восстанию, но замороженные ожиданием слова, которое должны произнести уста, превратившиеся в прах пятьсот лет назад...

— Предлагаю вам пойти со мной, — сказал священник, коснувшись рукой плеча Дирка, — доверьтесь мне, отцу Флетчеру, я хорошо знаю эти леса и отведу вас в безопасное место.

Рядом со священником стояли Мейделон и Гар.

Дирк осмотрел поляну. Она почти опустела, только несколько человек устраивали поклажу на спинах друг у друга. Дирк обернулся к отцу Флетчеру и кивнул:

— Что ж, хорошая идея.

Отец Флетчер широким шагом уходил с поляны.

Дирк, Мейделон и Гар двинулись за ним.

Глава 9

Первые лучи встающего солнца коснулись четверых путешественников, бредущих по главной королевской дороге. Это были старый священник, молодая женщина в темном плаще с капюшоном и двое сумасшедших в набедренных повязках. Один из них, вероятно, был очень высоким, но он горбился и шел, постоянно спотыкаясь. Другой проигрывал в росте, но поражал неумемной энергией. Он прыгал, дурачился и распевал песни, славящие восход солнца.

— У тебя все очень хорошо получается, — сухо сказал отец Флетчер, — но мне кажется, ты чересчур усердствуешь.

— Согласен, отец, хотя заметьте, только сумасшедший будет распевать гимны солнцу.

— А я согласна с отцом Флетчером, — сказала Мейделон. — Мы, конечно, должны маскироваться, и двое сумасшедших с девушкой, да под опекой священника не должны бы вызвать подозрений у королевских патрулей, но хочу вам заметить, что сейчас за нами никто не наблюдает.

— Ты не понимаешь, что такое искусство, — возразил Дирк. — Настоящий лицедей всегда должен быть наготове, ведь никогда не знаешь, когда у тебя появится аудитория.

— С тобой можно было бы и поспорить, — вступил в разговор Гар, — но если принять во внимание, что неподалеку остановились три всадника, то стоит признать, что ты прав.

Дирк вздрогнул и посмотрел вперед. Там, на дороге, сквозь утренний туман были видны силуэты трех верховых.

— Дети мои, успокойтесь. — Казалось, отец Флетчер хочет снять возникшее напряжение. — Не забывайте: два несчастных сумасшедших идут в Бедлам под опекой их сестры и старого священника.

Дирк перекувырнулся и с новой силой заорал «Хвала Солнцу!», и когда он пел второй куплет, голос из тумана крикнул:

— Прекратить!

Дирк дернулся, вскинул руку над головой и, застывши в позе статуи в фонтане, выпучил глаза на подъехавшего солдата.

Отец Флетчер остановился и вопрошающе посмотрел на всадника.

Гар продолжал, шаркая по пыли, двигаться вперед, и Мейделон ухватила его за руку, чтобы он не ушел.

С лошади на путешественников внимательно смотрел сержант.

— Что это вы тут делаете, батюшка?

— Это всего лишь двое сумасшедших и их нормальная, несчастная сестра, — спокойно ответил отец Флетчер.

Один из солдат сдернул капюшон с головы Мейделон. Роскошные каштановые волосы упали на плечи девушки. Солдат присвистнул.

— Под моей опекой, конечно, — добавил отец Флетчер.

Сержант сердито глянул на солдата, и тот отъехал в сторону.

Это поразило Дирка, он не подозревал, что священник имеет здесь такой авторитет.

— И куда же вы, отец, направляетесь?

— Разумеется, в ближайший Бедлам. В Приют святого Ортикона в Шамбрэ.

— Если выпрямить этого согнутого, — неожиданно вступил в разговор солдат, — то...

— Молюсь, чтобы вы и не пытались этого сделать, — пробормотал священник. — Если его тронуть — он придет в неистовство.

Солдат посмотрел на мускулы Гара и чуть отодвинул свою лошадь.

— Ну так что? — прохрипел первый солдат. — Мы их арестуем?

Отец Флетчер с удивлением посмотрел на него.

— За что? Уверяю вас, эти бедняги не сделают ничего дурного.

— Я в этом не сомневаюсь, — усмехнулся сержант. — Но как ни смешно, я подозреваю, что даже вы можете протащить преступников под видом сумасшедших.

— Сержант, — мягко ответил священник. — Я — человек мира!

Дирк вспомнил о стрелах и с трудом удержался от хохота.

— А мы — люди войны, — покачал головой сержант.

— Сержант, — неожиданно сурово заговорил священник, — если вы будете вмешиваться не в свое дело, принимая во внимание, что эти люди находятся под опекой служителя церкви, вы навлечете на себя гнев Всевышнего!

— Справедливо, — задумчиво ответил сержант, — но в противном случае мы навлечем на себя гнев нашего лорда Кора, который почувствуем значительно скорее, чем гнев Божий.

— Ошибаетесь, этого наказания вам не придется дожидаться слишком долго.

— Опять вы правы. — Сержант посмотрел на Дирка, который сосредоточенно играл камешками в пыли дороги.

Сержант выпрямился в седле и, глубоко вздохнув, вынес решение:

— Хорошо, отец, хватит спорить. Мы не должны вмешиваться в дела священников. Мы разрешаем вам продолжить ваш путь к Бедламу.

— Благодарю вас, — тихо сказал священник.

— Наше уважение к вам так велико, — продолжил сержант, — что мы даже проводим вас.

— О! — воскликнул священник. — Весьма вам благодарен, но не стоит беспокоиться...

— Вовсе нет, вовсе нет, — любезно ответил сержант. — Не хотелось бы, чтобы вы стали жертвой бунтовщиков.

На заходе солнца священник и его подопечные, сопровождаемые тремя всадниками, добрались до Приюта святого Ортикона. Сестра, заливаясь слезами, нежно поцеловала братьев, между поцелуями прошептала:

— Постарайтесь не падать духом, мы попытаемся освободить вас отсюда как можно скорее.

Затем она отступила в сторону, священник благословил несчастных, и из дверей вышел служитель, чтобы увести их в сырой холодный мрак, наполненный запахом экскрементов и немых тел.

Дирк и Гар невольно попятнулись, оглушенные воем и стонами. Дирк пытался хоть что-то разглядеть в темноте. Огромную комнату освещали только несколько маленьких окон, расположенных высоко, почти под самым потолком. Силы света из окошек не хватало, чтобы разрушить мрак, окутывающий груды мертвенно-бледных тел, одетых в рогожные лохмотья.

Сумасшедшие лежали на соломенных подстилках, кто-то сидел, кто-то стоял, прижавшись к стене. Каждый был прикован цепью к кольцу в стене. Дирку захотелось спрятаться, сжаться внутри своей оболочки, только бы не прикоснуться ни к одному из этих безумных, скрыться от этого моря стонов, от этих стен отчаяния, от криков боли и раскатов кошмарного хохота. Промелькнула мысль: а сможет ли он продержаться здесь хотя бы одну ночь... Но в этот момент

Дирк почувствовал, как служитель приковал его цепью к стене и увидел себя и Гара, помещенного между торговцем и фермером, сидящим на корточках и облизывающим болячку на руке.

— Это — сумасшедший дом, — пробормотал ошеломленный Дирк.

— Да. — Гар нервно глотнул, оглядывая комнату выпученными глазами. — Это тебе не психиатрическая лечебница, а настоящий средневековый сумасшедший дом. Бедлам. — Он снова судорожно сглотнул.

— Да тут невозможно провести даже одну ночь.

— Заткнись, — рявкнул Гар и вытер пот со лба.

Дирк вздрогнул и почувствовал внезапный страх, увидев злобный блеск в глазах Гара. Гигант показался ему раненым, сражающимся с болью, которая когтями разрывает его внутренности.

— Что с тобой? — участливо спросил Дирк.

— Стены... агония... отчаяние... — Гар со злобой обернулся к Дирку. — Заткнись, говорю тебе! Не можешь помолчать? Ты действуешь мне на нервы!

Дирк присел на корточки, страх сделал его ноги ватными, они его не держали. Дирк замолчал.

Наступила ночь. Гар опустился на пол, спина его прижалась к грубому камню стены, глаза, не моргая, уставились в одну точку, по лицу стекал пот.

Служитель принес поднос с едой. Каждому полагалось по куску черствого хлеба, кружка воды и миска овсяной каши. Ложек не дали, кто-то ел кашу руками, а кто-то по-звериному лакал ее из миски.

Гар к еде не прикоснулся. Дирк мудро решил не трогать его, оберегая свой покой.

Раздалось звяканье ключей, и Дирк увидел, что к ним подошел надсмотрщик. Эта небольшая горилла, несомненно, была выбрана для роли служителя в этом месте из-за своей деликатной и чуткой натуры. Служитель рявкнул, глядя на Гара:

— А ну-ка, ешь! Мы не хотим тебя потерять и лишиться целого пенни, что король нам платит за тебя!

Но Гар не шевельнулся и продолжал так же упорно смотреть в пространство.

Служитель расстроился. Дирк с удивлением понял, что неандерталец действительно обладает чуткой душой, он опустил на корточки и пытался убедить Гара.

— Давай-ка, поешь, еда не так уж и плоха. Как только поешь — жизнь тебе покажется получше.

Гар продолжал молчать.

Надсмотрщик нахмурился, и Дирк подумал, что даже лучшие чувства могут обернуться своей противоположностью. Он вздохнул поглубже и прикоснулся к плечу Гара.

— Слушай, братишка! Не жди королевского приглашения. Дают есть — радуйся. Тут на тарелочке жирный цыпленочек и вино с королевского стола!

Надсмотрщик почти улыбнулся и кивнул Дирку.

— Вижу, ты неплохой парнишка. Попробуй уговори его.

— Уж я постараюсь, величество, будьте уверены! — И Дирк, наклонившись к уху Гара, прошепел:

— Очнись, идиот! Ты что, хочешь, чтобы тебя стали насильно кормить?

Голова Гара странно повернулась, будто бы она двигалась отдельно от тела. Голос его был хриплым и еле слышным.

— Стены...

— Ну, стены. Да к черту их! Ты, мужик, съешь эту проклятую кашу, не то тебе ее запихнут в глотку!

Взгляд Гара оставался все таким же стеклянным.

Дирку стало очень страшно.

— Ну! Ну! Что с тобой случилось? — Он шлепнул Гара по щеке и закричал: — Братец, подымись! Луна тут бросилась в полет, а солнце перед нею, а из-за ночного озера...

Неожиданно эти слова подействовали на Гара. Что-то щелкнуло в его голове, глаза оживились, он хмуро уставился на миску с едой и начал есть.

Надсмотрщик удовлетворенно кивнул и поднялся на ноги.

— Ты хоть и слабоумный, но немного соображаешь. Позаботься о брате, надеюсь, на это у тебя хватит мозгов.

В дальнем углу камеры вскрикнул человек. Он вскочил, царапая что-то в воздухе, и пытался скинуть с руки цепь. Надсмотрщик кинулся к нему. Подбежал и второй надсмотрщик, и они вдвоем схватили безумного за руки.

— Ну-ну, старина Джин, ну-ну, — рычал надсмотрщик тоном, который должен был выражать участие. — Все пройдет, Джин, это у тебя всегда проходит. Они сейчас уйдут...

Дирк отвернулся, но краем глаза видел, как старик, дрожа и хныча, сполз вниз по стене.

Обернувшись к Гару, Дирк увидел, что тот судорожно дышал, зажмурил глаза и снова окаменел.

— Ты опять! Да что такое с тобой?

— Не могу... — Гар с трудом глотнул, его голова быстро затряслась. — Не могу... больше не могу... Камни! Проклятые! Здесь и так ужасный шум, но камни... в десять раз страшнее! Их... эмоции... крики ярости, отчаяния... — Он говорил с трудом, казалось, что язык отказывается ему повиноваться.

Дирка охватила паника. Похоже, что Гар сходит с ума. Может быть, все это лицедейство? Но нет! *Это слишком реально, чтобы быть лицедейством!* Дирк слышал о подобных случаях. Актеры так вживались в роль, что начинали себя чувствовать своими персонажами. А если это роль сумасшедшего?

Мрак ночи опустился в камеру. Лишь вдалеке горела одинокая лампа, под которой резались в карты охранники. Больные во сне стонали, иногда во сне поднимаясь и раскачиваясь из стороны в сторону. Внезапно кто-то вскакивал и начинал размахивать руками, будто отгонял невидимых врагов. Это была ночь кошмаров, наполненная воплями и демонами.

Гар прикоснулся к руке Дирка.

— Говори, говори что угодно. Или дай мне кусок чего-нибудь пожевать.

Дирк понял, что Гару нужно чем-то отвлечься.

— Хорошо. Но ты же знаешь, тут нет психологов. К человеку приклеивают ярлык — «сумасшедший», и

на этом все кончается. Всем известно, что никто не в состоянии понять, что такое «безумие». Согласен?

Гар кивнул:

— Ты прав. Но отношение общества... Посмотри! — Он ткнул пальцем в темноту.

Дирк глянул, куда указывал Гар, и увидел девушку лет двадцати. Она была прекрасна. Под коркой грязи золотились длинные волосы, прелестный овал лица, полная грудь и тоненькая талия, что хорошо просматривалось в дыры одежды из грубой дерюги. Но поражал пустой взгляд остекленевших глаз.

Гар печально смотрел на нее.

— Кто-нибудь задумался, почему такая прекрасная девушка доведена до сумасшествия?

Внезапно лицо девушки исказилось в беззвучном крике, она стала рвать на себе одежду с такой яростью, будто ее жег огонь.

Гар опустил голову, сжал кулаки, снова зажмурил глаза и сидел так до тех пор, пока девушка, расслабившись, заплакала и села на пол. Тогда, глубоко вздохнув, он открыл глаза.

— Что случилось? — тихонько спросил Дирк.

— Если бы ты знал, что творится в ее голове!

Дирк похолодел. Что это значит?

— А потом будет еще хуже. Вон там, на полу человек, который следит за ней, как дикий зверь за добычей. Посмотри, как он высунул язык.

Дирк увидел горбуна, который алчным взглядом уставился на девушку, и струйка слюны бежала из его раскрытого рта. Гар не поворачивал туда головы. Как же он узнал?

— Они не обращают внимания на то, что она с ним делает. Ведь она нарочно держит его в этом напряжении.

Дирк обернулся к нему.

— А ты откуда это знаешь?

Гар нетерпеливо покачал головой и продолжал, будто не слыша вопроса.

— А рядом с ним сидит один несчастный с культей левой руки и без левой лобной доли мозга, и все это результат инбридинга, он таким родился.

Дирк ничего не мог понять. Неужели у Гара такое острое зрение? Нет, тут что-то другое.

— Ты слышишь их мысли? Да? И не можешь от этого избавиться?

Гар покачал головой:

— Не думай, что я слышу только одного или двух. А эти стены! Эти камни! Год за годом они впитывали все страдания, отчаяние. Здесь все копилось веками. И мне никуда от этого не деться!

Дирк нервно оглянулся, не слышат ли их надсмотрщики.

— Потихе!

— Если бы не дотрагиваться до этих стен, если бы тут положить хотя бы толстую доску. Но нет. Это не поможет. Это идет ко мне со всех сторон, проникает в мою голову, и я не могу... не могу... не могу от этого избавиться!

Он покачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками.

— Останови их, проклятых, заставь их замолчать! Я... должен выйти отсюда! *Они разорвут мои мозги!*

Дирк вскочил, увидел, что к ним кинулись служители. Тело Гара сотрясали конвульсии, цепи натянулись, скрежетал металл. Один служитель схватил Гара за горло, другой за руки. Гигант крутился, рычал, стряхивал служителей, как крыс. Подбежали еще три служителя и придавили всем своим весом несчастного Гара. Дирк кинулся в гущу сплетенных тел, чтобы помочь другу. Внезапно Гар поднялся во весь свой огромный рост и пронзительно завизжал. Затем, спустя несколько минут, бешеная энергия, которая подняла его с пола, медленно пошла на убыль, визг каскадом перешел в хрип, и Гар рухнул на пол.

Надсмотрщики отступили и хмуро смотрели на неподвижное тело.

Дирк шагнул вперед и протянул руку к шее великана.

— Ну что, жив? — спросил один из служителей.

Дирк потряс Гара за плечо.

Гигант содрогнулся в агонии, одна нога выпрямилась, другая лежала неестественно подвернутая, руки раскинулись в стороны, глаза бессмысленно уперлись в потолок. Один служитель подошел, наклонился и шлепнул Гара по лицу.

— Ну-ка, отвечай, ты меня слышишь?

Лицо повернулось к служителю, с тем же бессмысленным взглядом.

— Уходит, — глухо пробормотал служитель и обратился к Дирку: — Слушай, парень, он ушел, ты хоть понимаешь, что это значит?

Дирк вспомнил, что он сумасшедший. Он удивленно поднял брови и изобразил улыбку:

— Ай! Это мой брат!

Казалось, грубое лицо надсмотрщика смягчилось.

— Несчастный идиот! Но, посмотри, он еще здесь? Дирк удивленно глянул на Гара.

— А где же еще он? Брат точно такой, каким был со дня своего рождения. Кроме... — Стоя на коленях, он придвинулся ближе к Гару, осмотрел его с разных сторон и, подавив в себе внезапно нахлынувшую волну печали, с сияющей улыбкой посмотрел на охранников: — Кроме того, что теперь он стал больше ростом.

Надсмотрщик покачал головой и отошел в сторону.

— Ай, парень. Ай-ай, больше... и все. — Он протянул руку к Дирку, будто бы потрепать его по голове, но раздумал и опустил руку.

— Ну, раз он твой брат, то позаботься о нем.

Дирк подумал, что надсмотрщик прав. Гар уходил, или это его разум уходил. Возможно, это кататония. Надо быть специалистом, чтобы определить. Теперь Дирк точно понял, что Гар был телепатом. Он улавливал мысли окружающих его людей. Но мало этого, он слышал также и мысли мертвых, тех, кто жил там, где Гар в этот момент находился. Дирк знал, что есть такая наука — психометрия. В теории сильные эмоции производят отрицательные изменения в электрическом потенциале объекта, и особый вид мышления расшифровывает этот потенциал спустя столетия и слышит далекое эхо этих эмоций и видит людей, испытывших эти чувства.

Хороший психометрист, взяв кусок камня, или чашку, или что-нибудь еще, принадлежавшее объекту, может описать характер владельца предмета и главные события его жизни.

Здесь, в камере, не было ничего, кроме негативных эмоций психически больных людей... Дирк понял, через что прошел Гар, и вздрогнул, прогоняя из себя это ощущение. Гар попал в ад. Возможно, в человеке должна быть какая-то защита против этих волн, которая автоматически отключает сознание от негативных сигналов. Но даже самая крепкая плотина может быть разрушена наводнением. Или переполнена...

И что же случается тогда, когда плотина рухнет и воды заливают все вокруг? Ты стараешься спрятаться так, чтобы тебя не коснулась стихия, и выбрасываешь ключ от убежища, не желая быть найденным.

Разум уходил из сознания Гара, оставляя мозг свободным для игр демонов.

Дирк неистово молился, чтобы скорее наступил рассвет.

Глава 10

Сквозь окна под потолком вяло сочился серый свет раннего утра. Надсмотрщики, потягиваясь, лениво ворчали, что дневная смена запаздывает.

Но вдруг — громкий стук в дверь.

Дирка внезапно пронзила надежда. Так скоро? Разве возможно было за ночь собрать армию? Разве Колокол уже прозвонил?

Служитель подошел к двери, загремела шеколда, и заскрипели петли открываемой двери.

Стали слышны неразборчивые звуки переговоров, затем служитель с обескураженным видом вернулся в караулку. Он что-то пробормотал главному надсмотрщику и протянул ему лист пергамента. Тот взял лист, разложил его на столе и, шевеля губами, стал складывать буквы в слова. Затем пожал плечами и кивнул. Служитель взял большой молоток и стамеску и двинулся к Дирку и Гару.

У Дирка забилось сердце. Впервые в жизни ему так не терпелось выйти на улицу. Подошли еще двое служителей. Тот, который нес инструменты, встал на

колени, в два удара разбил стамеской и молотком цепь. Затем он поднял голову и спросил:

— Зачем это они понадобились его светлости?

— Нас это не касается, — прорычал второй служитель. — Давай заканчивай поскорее. — Он обернулся к Дирку: — Парень, вставай!

Дирк встал, не понимая, что же происходит, и тут вспомнил о том, что должен играть.

— Хвала солнцу, луне и звездам! Выкуп заплачен! Король странствует свободно! Хвала скороходам...

— Ну-ну, хватит, — сказал надсмотрщик. — Постой спокойно, будь хорошим. А мы пока освободим твоего братца.

Молоток ударил по стамеске, и цепи Гара упали на пол. Но Гар сидел неподвижно, упершись взглядом в стену.

Дирк опустил на колени.

— Эй, братец! Вставай! Ночь ушла! Солнечное колесо повернулось на день...

Он забросил руку гиганта себе на плечо и, рывком поднявшись на ноги, чуть не свалился назад. Но Гару был необходим только толчок. Он встал на ноги, но не сделал ни шагу.

Дирк обратился к надсмотрщикам.

— Теперь пойдем. Я поведу брата. Ведите нас к лорду Выкупщику, выведите нас из Замка Заточения!

Надсмотрщики обменялись понимающими взглядами и повели их к выходу.

Разбуженные сумасшедшие провожали их криками и стонами. Они мычали и царапали воздух. Дирк почувствовал, что его трясет, он пожалел надсмотр-

щиков, которым приходится проводить здесь всю жизнь.

Надсмотрщик открыл дверь, и на Дирка хлынул дневной свет. Он прищурился и, когда открыл глаза, то увидел... пажа с пятью солдатами. Паж был одет в ливрею лорда Кора. В этот момент Бедлам показался самым уютным, теплым и безопасным местом на свете.

Присмотревшись внимательнее, Дирк узнал в паже Мейделон. Он глубоко вздохнул и решил, что еще ни одна женщина никогда не доставляла своим видом столько радости.

В солдатах Дирк узнал Хью и пару его друзей из клеток, а двух других он явно видел около костра в лагере.

— Посадите их, ребята, на своих лошадей, — про-рычал Хью. — Лорд Кор сгорает от нетерпения.

— Да-да, побыстрее, — сказала Мейделон и обернулась к надсмотрщику: — Благодарю вас, вы — добрые люди, я шепну лорду, расскажу, как хорошо вы принимали его гостей.

Надсмотрщик явно выглядел озадаченным.

— Мы сделали все, что могли сделать, молодой джентльмен.

— Спасибо вам и прощайте.

Надсмотрщики повернулись и захлопнули за собой дверь. Дирк вскочил в седло и облегченно вздохнул.

Все смотрели на Гара, который беспомощно разглядывал коня.

Мейделон нахмурилась.

— Давай забирайся. Оставь свое притворство. Кроме нас на тебя никто не смотрит.

— К сожалению, это не притворство, — сказал Дирк и спешился. Он подошел к Гару, поднял его огромную ступню и вставил в стремя. Затем взял тяжелые руки великана (Дирк не предполагал, что руки человека могут быть такими тяжелыми) и закинул их на луку седла. Огромное тело все еще стояло одной ногой на земле. Дирк вздохнул и сильно толкнул Гара в спину. Рефлекс сработал. Гигантское тело взвилось вверх. Дирк схватил правую ногу Гара, перекинул ее через коня, и наконец Гар был водружен на лошадь.

Дирк увидел изумленные лица Мейделон и Хью.

— Вперед! — крикнул Хью и тронул коня. Все двинулись к лесу.

Дирк обернулся через плечо на мрачное здание Бедлама. Он подумал, что если революция победит, как хорошо будет поселить лорда Кора в этом славном домике.

Когда всадники вошли в лес, появился отец Флетчер на муле.

— Отец, как вам удалось так быстро устроить наше спасение?

— Это не только моя заслуга, — смущенно улыбнулся священник, — все придумала Мейделон.

— А где же вы взяли ливреи?

Хью ухмыльнулся.

— Кажется, несколько людей лорда Кора заблудились в лесу прошлой ночью. Пришлось пожалеть бедняжек и дать им ночлег.

— Под корнями? — предположил Дирк.

Хью пожал плечами.

— Да, вроде бы. Впрочем, я ничего не знаю в подробностях. Знаю лишь, что нашим девушкам надо было поработать иголками, чтобы приодеть «парнишку». — Он кивнул на Мейделон. Она, казалось, не слышала этого разговора. — А дальше все было просто. И письмо написать, и поставить печать лорда Кора — не составило труда. Все остальное ты знаешь сам.

— Но я не знаю, — сказал с сожалением отец Флетчер, — ты мне расскажешь обо всем, когда мы остановимся отдохнуть. — Священник обернулся к Гару и попытался пожать его руку. Гар безучастно смотрел вперед, его тело опасно раскачивалось.

Дирк увидел испуг в глазах священника.

— Отец, спасение пришло вовремя, я не смел надеяться, что мы так скоро будем освобождены. Но даже если бы это случилось в полночь, все равно было бы слишком поздно.

— Но что с ним случилось? — прошептал священник.

Дирк покачал головой:

— Он был окружен безумием, отец. Оно проникло в Гара. Почему он лишился рассудка — не знаю, но это так.

— Расскажи нам, как это случилось, — попросила Мейделон. Дирк увидел на ее лице тревогу и нежность и почувствовал укол ревности.

— Сначала Гара охватила ярость, потом он окаменел и рухнул. С тех пор он не произнес ни слова, взгляд его — бессмысленен, будто бы его здесь нет. Все это произошло вскоре после захода солнца.

В глазах Мейделон Дирк увидел благодарность и еще что-то странное, проникающее прямо в сердце. Это удивило Дирка, он улыбнулся ей. Они неотрывно некоторое время смотрели друг на друга, затем Мейделон резко отвернула голову и послала лошадь вперед.

— Нам нужно поторопиться. Кор скоро узнает о том, что двое сумасшедших исчезли из Приюта святого Ортикаона, — сказал отец Флетчер. — Нам повезло, что удалось забрать Дирка и Гара до прихода солдат Кора.

— Как только надсмотрщики расскажут им о похищении, — перебил его Хью, — они бросятся в погоню за нами.

— Да, да, — кивнул священник, — и они пустят по нашему следу собак.

— Что ты думаешь, Хью? — спросил Дирк. — Это твои места. Мы можем долго скакать по лесу, но рано или поздно нам придется где-то спрятаться.

— Я уже об этом подумал, — тихо сказал Хью. — Тут поблизости есть только одно удобное местечко.

Лесные с испугом, даже с ужасом посмотрели на Хью.

— Хью, осквернение этого места может навлечь на нас проклятие.

— Какое же это осквернение, если мы будем петь гимны у могилы менестреля?

— Но мы с собой принесем туда дух битвы, — возражали Лесные.

Хью ничего им не ответил, улыбнулся и прищипнул лошадь.

* * *

По силе света, пробивавшегося сквозь листву деревьев, Дирк понял, что наступил полдень.

Из кустарника выскочил один из людей Хью, посланный проверить, близко ли погоня.

— Хью, они совсем рядом, я слышал лай собак.

Хью кивнул:

— Наши лошадки довели нас так далеко, как только смогли. Пора дать животным свободу. Друг Дюлейн, помоги нашему молчаливому спутнику слезть с лошади.

Все спешили, расседлали коней.

— А ну, пошли! — закричал Хью, шлепнув коня по крупу. — Отправляйтесь на прогулку и уведите за собой собачек!

Конь Хью отпрянул в сторону, за ним последовали и остальные кони, воодушевленные шлепками хозяев.

Дирк стал оглядываться, надеясь найти место, где бы им спрятаться. Они остановились около пологого холма, густо поросшего деревьями, это в основном были сосны.

— Теперь навех! — скомандовал Хью. — Прошу наших гостей стараться наступать на камни, чтобы не оставлять за собой примятую траву.

Один из Лесных срезал пушистую сосновую ветку и, встав последним в группе, заметал ею следы. Расчет был правильный. Сосновая смола могла сбить собак со следа.

Внезапно Хью остановился и поднял руку.

— Тс-с-с!

Все замерли, вытянули шеи и прислушались.

Издалека донесся лай собак.

— Это погоня, — тихо сказала Мейделон.

Хью помрачнел.

— Быстренько они до нас добрались.

— Нечего медлить, — решительно потребовала Мейделон.

— Идемте вон туда, к той широкой полосе тени, — махнул рукой Хью.

Дирк увидел, что там, куда показал Хью, над тропинкой нависает скала.

Путники ускорили шаг и, миновав деревья, ступили на траву, а потом на голые камни. Под нависающей скалой Дирк увидел что-то похожее на вход в пещеру.

Да, это была огромная пещера с низким сводом, но человек мог там спокойно пройти.

— Становится прохладно, — сказал Хью и, сняв с себя куртку, накинул ее Дирку на плечи. — И не сопротивляйся, друг мой, сейчас нельзя болеть.

— Спасибо, Хью! — Дирк натянул куртку.

Тогда один из Лесных снял свою куртку и протянул ее Гару, и Дирк помог ему ее надеть.

Вперед вышел отец Флетчер и повел группу. Судя по всему, он хорошо знал дорогу.

Чем дальше они отходили от входа, тем темнее становилось. Священника в темном плаще было почти не видно, и неожиданно он исчез во мраке.

— Стой, — воскликнул Хью.

Дирк увидел расщелину в стене. Ширина ее и высота были достаточны, чтобы пройти человеку. Трудно было протащить сквозь это отверстие Гара, но в конце концов им это удалось.

Откуда-то сверху проникал слабый свет.

Раздался голос священника:

— Путь свободен!

Путники двинулись вверх по очень крутому подъему. Дирк спотыкался, ему трудно было удерживать Гара.

Они поднимались по узкому спиральному коридору. Наконец проход расширился, и впереди забрезжило неяркое свечение.

Они вышли в зал, где было множество сталакти-тов. Справа возвышалась арка из белого известняка, сквозь которую струился дрожащий свет. Этот свет, попадая на стены, отражался радужным сиянием. Дирк остановился, у него захватило дух.

— Вперед, вперед! — подтолкнула его Мейделон. Она явно была взволнована. За аркой стоял отец Флетчер, его глаза как-то особенно блестели.

Дирк прошел под аркой и оказался в полукруглой пещере, огромной, как собор. Сквозь невидимые отверстия в высоком потолке вниз падали снопы солнечного света, которые встречались в центре зала, образуя сверкающий купол.

Под этим куполом лежали человеческие кости.

Человек лежал на огромном каменном постаменте. Это был мужчина-гигант — семи футов ростом, около трех футов в плечах. Левая сторона черепа была

расколота, грудная клетка раздроблена, таз — разбит, а кости рук и ног сломаны в двух-трех местах.

Рядом со скелетом лежала дубинка восьми футов длиной, три дюйма толщиной, с широкими медными ободами на конце и в том месте, где владелец брался за нее рукой. Дубинка была сломана пополам.

Дирк оцепенел, пораженный благоговением, царившим в пещере.

Затем медленно двинулся вперед, ведя за собой Гара. Мейделон, подойдя к постаменту, упала на колени. Один за другим, Лесные последовали ее примеру. И отец Флетчер тоже преклонил колена.

Мейделон подняла лицо.

— Ты хотел найти нашего предводителя. Вот он. Здесь.

— Догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь, — мягко сказал отец Флетчер. — Не сомневайся — это и есть Декейд. Мы узнали об этом от тех, кто его здесь положил. Кому еще так переломали бы кости? Чьей могла бы быть эта громадная дубинка?

Дирк подумал, что дубинка — это действительно оружие гиганта. Странно, что металлические ободы не выглядели очень потертыми. И место разлома... Дирк придвинулся, чтобы поближе это рассмотреть. На месте разлома были какие-то блестящие точки. Он протянул палец...

— Смерть! — крикнул Хью и схватил Дирка за руку. — Эта дубинка проклята, Дирк Дюлейн!

Дирк поднял голову и глянул в глаза священника.

— Я не верю в проклятия...

— В это — придется поверить, — сказал священник. — Тот, кто попытается взять дубинку Декейда, тот, кто попытается тронуть эти разбитые кости, — умрет. Это, мой друг, не пустая угроза. За пять прошедших веков это случалось трижды. Трижды люди, которые думали, что они достойны повести простолюдинов за собой, брали в руки дубинку и трижды падали, поверженные Светом.

— Поверь, здесь — смерть, — добавил Хью.

Дирк подумал, что даже если он не верит в это проклятие, то его друзья в это верят. Коли он хочет остаться с ними в добрых отношениях, он должен соблюдать их табу. Его рот сжался в узкую полоску. Он прикрыл глаза и кивнул:

— Не волнуйтесь. Я не трону дубину.

Но его продолжало интересоваться то, что он увидел на разломе дубинки. На обеих ее половинках отчетливо был виден золотой центральный стержень, окруженный равномерно распределенными золотыми точками. Возможно, это электрические контакты для контура на молекулярном уровне... Нет, пятьсот лет назад это было невозможно, хотя у них был полный цикл операций, включающий в себя микросхемы... Да, три дюйма в диаметре, восемь футов длиной... Что ж, это может вместить маленький компьютер, не очень умный, но все же... Да, в дубинке была сила.

И — внезапно он поверил в проклятие. Емкость атомных батареек очень мала, но если контакты совместить неправильно... Он встал в испуге...

— Нет-нет, не беспокойтесь, я к этому не прикоснусь.

Священник глубоко вздохнул с облегчением.

— Мой друг, рад это слышать. Оставайтесь здесь — ты, Мейделон и несчастный Гар до тех пор, пока лорд Кор со своим отрядом не прекратят свои поиски.

Дирк насупился.

— А вы все?

Хью покачал головой:

— Мы пришли сюда только затем, чтобы преклонить колена у останков Декейда, чтобы набраться сил перед восстанием. А теперь мы вернемся вниз, посмотрим, что там происходит, и если охотники окажутся в опасной близости, мы постараемся увести их отсюда.

— Но они могут вас поймать!

Хью серьезно посмотрел Дирку в глаза.

— Друг Дюлейн, они не должны найти это место. Если надо умереть — мы умрем.

— Тогда почему бы мне и Гару не умереть вместе с вами? Ведь это нас они ищут!

Хью усмехнулся.

— Не думай, друг Дюлейн, что я полный дурак. Ведь и так понятно, кому из нас можно найти замену, а кому — нет.

И с этим Хью повернулся и двинулся к выходу. За ним тронулись и все его люди.

Отец Флетчер замешкался.

— Сейчас я спущусь вместе с ними и вернусь, когда путь будет свободен.

Дирк долго смотрел ему вслед, затем разыскал большой камень и сел на него со вздохом, стараясь унять

тревогу. Глянул на Гара. Гигант сидел недалеко от скелета, уставившись на него невидящими глазами. Интересно, подумал Дирк, что скажут Гару *эти стены*?

Зашуршали одежды, и Дирк увидел Мейделон, которая грациозно присела рядом с ним.

— Это ранит твое сердце, верно? — проговорила она, глядя на Гара. — Человек, полный жизни, живой, деятельный превратился за одну ночь в бессмысленное дитя.

Дирка захлестнуло чувство вины.

— Временами думаю, что лучше бы он умер. Это было бы милосерднее.

Она скорбно глянула снова на Гара и в отчаянии заломила руки.

Дирк почувствовал, как его снова пронзило жало горячей ревности. Что именно она испытывает к этому гиганту?

Мейделон обернулась к Дирку.

— Расскажи, как это все случилось?

Рот Дирка скривился в гримасе, будто ему на язык попал сок алоэ.

— Не могу... Это ужасно... — задыхаясь, проговорил Дирк и взял руку девушки.

Они оба следили за Гаром, который поднимал с пола камешки и разглядывал их.

— А может быть, разум все-таки вернется к нему? — вздохнула Мейделон.

Дирк медленно кивнул головой.

— Надеюсь на это. — Он обернулся и посмотрел ей в глаза. — Что-то удивительное есть в этом месте.

Здесь приходят в голову только мысли, полные благоговения. Что же касается Гара... Я уверен, что он обладает способностями к психометрии. Он слышит мысли, испытывает чувства всех людей, бывших в том или ином помещении. Заметь, *всех людей*. А когда он оказался в Бедламе, где нет ничего, кроме ужаса, боли и отчаяния...

— То он лишился рассудка, — прошептала Мейделон, и Дирк увидел в ее глазах ужас.

— Думаю, его разум отступил, спрятался где-то в уголке мозга, чтобы защититься, чтобы выжить.

— Ну да, — ее глаза блеснули, — и вот сейчас он попал в такое место, где может прийти в себя, где только благоговение и почтение.

— Ты права, может быть, высокие мысли людей, столетиями посещавших этот зал, смогут его излечить.

В этот момент Гар двинулся к постаменту и протянул руку с кристаллом кварца, очевидно, поднятым с пола.

Дирк вскочил и шлепнул гиганта по руке.

— Проклятие! Я должен был это предусмотреть! Если бы я подумал о том, как он меня нашел, какие задавал мне вопросы, как быстро усвоил обычаи арестантов в клетках, как легко он там всему обучился, за что его там и выбрали предводителем. Все, все должно было объяснить мне, что он телепат! Я должен был понять, что произойдет с ним в Бедламе!

— Никто не смог бы всего этого предвидеть!

Дирк вздрогнул, пораженный теплом и нежностью в ее голосе. Глаза Мейделон наполнились слезами, лас-

ковое выражение ее лица изумило Дирка. У него перехватило дыхание от красоты этого лица.

— Не казни себя, — тихо продолжала Мейделон, — этого нельзя было заранее угадать. Но даже если бы ты догадался, что ты мог сделать, чтобы предотвратить его безумие? Тебе это было бы не по силам. Успокойся.

Дирк посмотрел в ее глаза, затем медленно придвинулся к ее лицу и коснулся ее губ своими губами. Это был их первый, долгий, сладкий поцелуй. Дирк закрыл глаза. Ничего на свете не существовало, кроме ее губ, которые отвечали ему, таяли, требовали, пофыхали, сочные, влажные, трепещущие...

Внезапно губы исчезли, и Дирк услышал отчаянный крик.

— Нет!

Он открыл глаза.

Гар стоял на коленях около скелета, он держал в руках обе половины сломанной дубинки.

— Стой! — снова крикнула Мейделон, и Дирк бросился к великану.

Но Гар успел точно соединить обломки.

Оглушительный гром. Горячий белый свет. Гигант взлетел, как пылинка, и рухнул. Наступила тишина.

Спустя мгновение Мейделон кинулась к Гару, упала возле него на колени и схватила его за руку. Дирк подошел, глянул на помертвевшее лицо гиганта и его горло сжал спазм жгучей вины. Опять он недоглядел. Несколько минут, он отвлекся всего лишь на несколько минут!

— Он еще жив, — сказала Мейделон. — Пока — жив.

Дирк посмотрел на дубинку, которую крепко сжимала рука Гара. Место перелома было едва заметно. Дирк задумался и внезапно увидел... что Гар наблюдает за ними.

Лицо великана морщилось, кривилось и разглаживалось, будто он боролся с болью, но при этом он явно с интересом разглядывал Дирка, словно видел его впервые.

Тревога в Дирке уступила чувству опасности. Но, вспомнив, что Гар был его другом, Дирк обрадовался проблеску разума в его глазах.

— Ты жив! — воскликнула Мейделон. — Ты единственный взял дубинку Декейда и остался жив!

Гар посмотрел на девушку и его губы раздвинулись в насмешливой улыбке.

— Маленькое чудо...

Дирк оцепенел. Голос изменился, голос стал глубже и более хриплым. Это говорил не Гар.

— На самом деле нет никакого чуда, — продолжал Гар, — потому что Я — ДЕКЕЙД.

Глава 11

Дирк слышал, как гулко билось сердце, обрывки воспоминаний хаотически проносились в его мозгу. Всем своим существом он ощущал прикосновение Судьбы. Он начинал понимать смысл происходящего.

Гигант прищурил глаза и прижал руки к голове.

— Моя голова болит так, будто тысяча шахтеров буравят ее своими отбойными молотками.

Глянув на Дирка, он неожиданно начал подниматься на ноги, при этом опираясь на дубинку.

— Я вспоминаю, что... ты мой друг. — Гигант обернулся к Мейделон. — И ты тоже. Я что-то помню... о жизни за небесами, в странном мире... Так много снов, пролетающих по ночному небу... — Его глаза широко раскрылись. — Это тело было властителем!

Дирк понял, что гиганту надо помочь. Все это было тарабарщиной, но где-то в глубине лежало что-то важное.

— Он не был властителем этого мира. А разве ты не помнишь, что пришел сюда, чтобы помочь нам свергнуть власть лордов?

Гар-Декейд нахмурился, пальцы рук прижались ко лбу.

— Что-то такое я... вспоминаю...

— Ты должен вспомнить, как однажды пытался это сделать, — быстро сказал Дирк.

Гигант кивнул, перекосившись от боли.

Дирк внимательно наблюдал за ним. Изменилось все — голос, позы, манеры. Может быть, безумие привело к раздвоению личности, с манией величия? Вероятно, так и случилось. Гар не мог *быть* Декейдом.

А если это правда? Если это Декейд?

— Перед нами Декейд, — прошептала дрожащим голосом Мейделон.

Ее лицо осветилось радостью.

— Это Декейд, он вернулся, как и предсказывал Волшебник.

— Волшебник... — Что-то соединилось в мозгу Дирка. Недостающий кусочек в мозаике нашел свое место. И Дирк поверил. Полностью. Без сомнений.

Декейд смотрел на скелет на постаменте. Разглядывал переломанные кости. Затем медленно вытянул палец, указывая на проломленный череп.

— Это я помню, но больше ничего... Хотя понятно, остальное они сделали, когда я уже был мертв... Как, должно быть, они меня ненавидели!

В зал вбежал отец Флетчер.

— Здесь гремел гром! Мы думали, что рухнул купол! — Он остановился, увидев гиганта, и упал на колени.

— Слава великому Декейду!

Великан улыбнулся.

— Великий? Не слышал о таком титуле, но это показывает, что ты меня знаешь!

Священник улыбался, его глаза сияли.

— Кто же еще, кроме Декейда, может держать эту дубинку! Теперь понятно, что жестокость обернулась благом. Бедный парень был лишен рассудка, но это освободило его мозг для разума Декейда. Хвала Декейду!

Дирк недоумевал, строились ли рассуждения священника на догадках или священник владел знаниями о природе пси-факторов?

Декейд усмехнулся.

— Жестокость во благо... Красивые слова, которые ничего не значат. Не доверяю такому ходу мыслей. — Он обернулся к священнику. — Что до «Хвалы», то я в этом сомневаюсь. Надеюсь только, что бедный парень не разболеется...

— Отец! Они ушли! — В зал ворвался Хью со своими ребятами. — Они уже далеко и их почти не... — Он остановился, глядя на великана.

Декейд горделиво поднял голову.

И Хью упал на колени.

— Слава великому Декейду! — Лесные последовали примеру Хью.

Декейд смущенно улыбнулся Дирку.

— Это заразительно. — Затем обратился к Хью: — Поднимись! Все поднимайтесь! А ты меня знаешь?

Хью вскочил на ноги.

— Ты — Декейд, ты вернулся к нам, как и предсказывал Волшебник.

Декейд кивнул и расправил плечи.

— А кто ты?

— Я — Хью, капитан Лесных, великий.

— Мне не нравится этот титул, — резко сказал Декейд. — Я Декейд и все. А ты самый главный у Лесных?

— Один из главных. Наш предводитель — мамаша Лапен. — Хью не мог не улыбнуться. — Наше войско, вооруженное, обученное, ждет ваших приказаний. Мы готовы выступить.

Декейд задумчиво кивнул и обратился к священнику:

— А что вы скажете, отец?

— Я всего лишь бедный священник, мое дело — служить связным между Лесными и Гильдией. Гильдия тоже готова и ждет вашего, Декейд, приказа. Как только вы скамандуете, они разрушат город.

— Думаю, такого приказа не будет, — засмеялся Декейд, — город нам пригодится, когда восстание завершится. А вы, леди? — Он обернулся к Мейделон.

— Меня зовут Мейделон. Я связная между Гильдией, деревенским народом и девушками из борделей.

— Деревенский народ... да, в конце концов все зависит от них. И что про них скажете?

— Они готовы, Декейд, только и ждут вашего слова. Отец Флетчер вступил в разговор.

— Каждый курьер сообщит в своем участке. Каждый простолюдин выкопает свое оружие, завернутое в промасленную тряпку.

У Декейда загорелись глаза.

— А корабли! Волшебник обещал мне, что будут корабли, могущественные высокие башни, которые опустятся на землю!

— Корабли тоже готовы, — вступил в разговор Дирк, не веря в реальность всего происходящего. — Декейд, корабли — в ожидании вашего приказа.

Ошеломленные Хью и отец Флетчер с испугом уставились на Дирка, им трудно было понять, что именно он приведет в действие Дальние Башни.

— Я — Дирк Дюлейн. Я выступаю от имени Небесных.

Декейд опять сжал голову руками.

— Да... я теперь вспоминаю, как ты говорил, что был послан найти вождя простолюдинов.

Дирк кивнул:

— Вот я и нашел его. Хочу вам сказать, что с обратной стороны луны дрейфуют двадцать башен-кораблей, оснащенных пушками и огнеметами.

Декейд вздрогнул.

— Да, да, они называются лазерными пушками. В этом участке памяти такая боль! — Он поморщился. — А лазерные пистолеты? Волшебник и это мне обещал.

— Все, все есть. Как только вы отдадите приказ, мы скажем, где они спрятаны.

— Значит, все действительно подготовлено... Вы хорошо, очень хорошо потрудились... Сколько времени ушло на эту подготовку? Как долго я спал?

В пещере стало тихо.

— Пятьсот лет, — наконец тихо сказала Мейделон. Декейд побледнел, но потом улыбнулся.

— Да-а-а. Волшебник говорил мне, что могут пройти столетия. Но жизнь не должна была так изменить-

ся, чтобы я ничего не вспомнил. Во всяком случае, на Меланже.

— Вы правы, — сказал Дирк, который читал летописи. — Если и была где-нибудь жизнь, в которой все окаменело, так это здесь. Но палеозойский период правления динозавров, которые называются лордами, подходит к концу.

Декейд широко улыбнулся.

— Отправьте сообщение: через пять дней зазвонит Колокол! Все готово!

— Ну, не совсем, — быстро сказал Дирк.

Декейд насупился.

— В чем дело?

— А Волшебник? Ведь он тоже должен появиться!

— Но он же пришел! — воскликнула Мейделон.

— Простолюдины видели его, — добавил Хью. — Уже повсюду это известно.

— Все это только слухи, — настаивал Дирк. Станный холодок пробежал по его спине, когда он почувствовал на себе пристальный взгляд Декейда.

— Всего лишь? — сказал гигант. — Дружище Дюлейн! Волшебник здесь. Это тело помнит его. Оно видело Волшебника. — И Декейд двинулся к арке.

— Все за мной! Хватит скрываться и прятаться! Поднимем шум!

С возгласами радости все двинулись к выходу. Что оставалось Дирку, как не последовать за ними?

Когда все вышли на солнечный свет, Декейд через плечо улыбнулся Дирку.

— Я вижу, ты нервничаешь. Не надо. То, что делает наших людей безумными, дает им и силу для победы. Твои глаза увидят это.

— Увидят, увидят, — произнес чужой холодный голос.

Дирк поднял голову и понял, что выход из пещеры преграждает полукольцо одетых в сталь вооруженных людей. В центре, на несколько шагов впереди солдат, стоял лорд Кор.

Смеясь и балагурия, вышли из пещеры Хью и его люди. Они глянули на лорда Кора и окаменели.

— Что за славная компания, — проговорил Кор. — И даже в моих ливреях! Это делает мне честь. — Он посмотрел на Декейда. — То-то мне показалось странным твое безумие.

Губы Декейда искривились в язвительной усмешке.

— Интересно! А как ты думаешь, кто я такой?

Кор забеспокоился, явно удивленный переменой в гиганте.

— Ты — чужеземец, называющий себя Магнусом д'Арманом, а тот, тощий, рядом с тобой — твой проводник.

Дирк дернулся. Тощий? Конечно, он не силач, но все-таки...

Декейд сонно опустил веки.

— Не ждешь больших неприятностей от двух ничтожных чужеземцев?

Кор презрительно усмехнулся.

— Да ну, сэр! Мы всегда очень внимательны к чужеземцам!

— Какая же от меня может быть угроза? Неужели ваш мир так неустойчив?

Лицо Кора сморщилось, будто он получил пощечину, ступил вперед.

— Ну, хватит! У меня перед вами десятикратное преимущество в силе. Сотня моих стальных солдат или жалкая кучка твоих людей. Сдавайся, Магнус д'Арман, или встречай свою смерть!

— Что ж, — сказал рассудительно Декейд, — я так и сделал бы, будь я Магнус д'Арман.

Кор поднял брови.

— А что, теперь у тебя другое имя? Могу ли я поинтересоваться какое?

— Декейд! — прогремел гигант и взмахнул своей огромной дубинкой.

У Кора была хорошая реакция. Он быстро отскочил в сторону, и поэтому дубинка только слегка задела его по плечу. Кор схватился за меч — и в него врезался Дирк, когда из-за деревьев выскочили Лесные с блестящими на солнце ножами.

Два десятка солдат сразу же рухнули под натиском Лесных. Ножи вспарывали кожаные одежды солдат, и крик зарезанных людей раздавался по всему лесу.

Но войско Кора очнулось от неожиданности, и вскоре поляна превратилась в место ожесточенной рукопашной схватки.

Дирк отступил от Кора, чтобы можно было размахнуться и ударить того кинжалом, который Дирк вытащил из ножен Кора. Но меч лорда выбил кинжал из рук Дирка. Дирк дернулся в сторону и споткнулся о лежащее под ногами чье-то тело. Кор ра-

достно закричал и сделал новый выпад в надежде убить Дирка, но Дирк подпрыгнул, да так ловко, что ударил ногой Кора в подбородок. Кор как-то увернулся, но Дирку удалось ударить его другой ногой в пах. И на этот раз Кор устоял, да еще и полоснул мечом по ноге Дирка. Дирк упал, перевернулся на спину. Как раз вовремя, потому что Кор, разинув мерзкий рот, направил свой меч прямо в глаза Дирку. Дирк дернул головой в сторону, и меч только задел его ухо. И все-таки Дирку удалось схватить Кора за руку и вывернуть ее. От боли Кор рухнул на спину, и Дирк ударил его в челюсть.

Внезапно между ними просвистела дубинка, она разломила меч Кора пополам, ударила Кора в грудь и это дало возможность Дирку вскочить на ноги. Декейд снова поднял дубинку для последнего убийственного удара, но не успел ее опустить. Кор, неожиданно резво вскочив с земли, спотыкаясь, побежал к лесу.

Декейд помчался за ним огромными прыжками.

Мимо пробежала напуганная лошадь. Кору удалось вскарабкаться в седло. Декейд снова взмахнул дубинкой, но попал всего лишь по животу лошади. Заржав от боли, лошадь кинулась под прикрытые деревья, Кор орал и бил ее по ребрам, продираясь сквозь кустарник.

Из ноги и из уха Дирка хлестала кровь. Он не мог двинуться с места, не столько от боли, сколько от унижительного чувства поражения.

— Дураки! — застонал Декейд.

На тихой поляне лежали трупы солдат и Лесных.

Декейд, размахивая над собой дубинкой, закричал:
— Идиоты! Болваны! Предатели! *Дали им сбежать!*

Оставшиеся в живых Лесные попятились в благоговейном ужасе.

— Порождение шакалов! — воскликнул Декейд и прыгнул к Хью. Хью отшатнулся. За ним стояла мрачная, огромная Лапен.

Декейд уставился на суровую великаншу, его лицо исказила гримаса боли.

— Я тебя знаю... Ты — предводитель Лесных...

— Да, это так, — медленно, с трудом, Лапен опустилась на одно колено и склонила голову. — Хвала великому! Но скажи мне, за что ты гневаешься на нас? Если мы и виноваты в чем-то, то не настолько, чтобы прийти в такую ярость. Что дурного мы сделали? Мы явились на помощь тебе и твоим людям. Мы убили всех твоих врагов. И если одному из них удалось убежать, в этом нет нашей вины.

— Его нельзя было выпускать! — продолжал негодовать Декейд. — Это же лорд! Он домчится в Альбемарль быстрее, чем мы его нагоним. К рассвету король будет знать, что я жив, что простолюдины восстали. Король известит об этом всех своих лордов. И когда простолюдины поднимутся с мечами в руках, их встретит армия с лазерными пушками! Я слишком долго ждал этого дня! Я не хочу снова потерять этот мир! — Его громоподобный крик бил по нервам.

Лесные опустили головы, а Дирк уставился на Декейда.

— НАМ ГРОЗИТ ПОРАЖЕНИЕ! И МЫ НЕ МОЖЕМ ЭТОГО ПРЕДОТВРАТИТЬ! — Как безумный, завопил Декейд.

Дирк подошел к нему и тихо спросил:

— Ты можешь до утра позвонить в Колокол? Можешь разнести этот призыв по всей стране?

Декейд пронзительно закричал:

— Не могу! Вы упустили лорда! Наше дело проиграно! Уж если я не мог его убить!

— Декейд! — Дирк крикнул изо всех сил, и его голос прозвучал, как выстрел.

Гигант удивленно повернул голову к Дирку.

Дирк не знал еще, что сказать, но знал, что должен вывести гиганта из этого истерического состояния. Дирк вспомнил, для чего он послан на Меланж.

— Звони в Колокол! Я сделаю так, что еще до рассвета его услышат все простолюдины!

Декейд оцепенел.

Все устали на Дирка.

Безумие еще не ушло из глаз Декейда, но Дирк стойко выдержал его взгляд.

— Скажи, как ты это сделаешь? — еще с угрозой в голосе, но уже без ярости спросил Декейд.

— В моем поясе, — Дирк показал на веревку, которой был подпоясан, — проложены провода, через них осуществляется связь. Не буду объяснять, это слишком сложно. В общем, это волшебство. Твои слова долетят до Дальних Башен Волшебника и вернутся обратно ко всем Небесным, таким же, как я, ждущим здесь твоего сигнала. Эти Небесные передадут новость простолюдинам и выкопают лазерные пистолеты. Скажи, объяви свою волю, и страна поднимется прежде, чем лорд Кор доскачет до Альбемарля.

Декейд помолчал, и внезапно тишину пронзил его крик:

— Мы спасены! Мы свергнем лордов! Великие люди! — Он прыгнул к Хью и Лапен, схватил их за руки и вытащил в центр круга. — Пусть все святые благословят этот день и вас, которые заботились о человеке, который был моим телом. Ваши имена войдут в историю! Пусть все бунтовщики запомнят этот день. Пусть их дети и дети их детей до двадцатого поколения будут гордиться своими предками, которых Декейд поднял, чтобы свергнуть лордов!

Он отпустил руки Хью и Лапен, стал размахивать дубинкой над головой и, уже радостно, закричал:

— Мой Колокол звонит!

Простолюдины ответили ему хриплыми криками радости, а Дирк, присев на землю, развязал свой пояс и дал один его конец держать рядом стоящему Лесному.

— Держи крепко!

Он вытащил из своего кольца кроваво-красный гранат, вытянул из него длинный тончайший провод и засунул камень себе в ухо. Вереvoчный пояс совмещал в себе микрофон, передатчик и антенну, кольцо представляло собой приемник, гранат был наушником, а провод соединял их, дублируя антенну.

Дирк начал говорить, поднеся ко рту конец веревки. Он понимал, как глупо это выглядит со стороны.

— Дюлейн — КЛЭРИОНУ! КЛЭРИОН, прием!

Он повторял вызов, шум на поляне утих, и наконец Дирк услышал ответ:

— КЛЭРИОН Дюлейну! Получено, продолжай.

— Примите инструкцию. — Дирк глянул на Лесного. — Подзови Декейда.

Лесной взмахнул свободной рукой Декейду, и тот подошел к Дирку.

— Что-нибудь случилось? У тебя не получается?

— Ты знаешь, что ты хочешь передать по всей стране? Это должны быть точные слова, чтобы я не ошибся!

Декейд нетерпеливо пожал плечами.

— Вы слышите звон Колокола Декейда! Вы должны до рассвета свергнуть лордов! Затем идите на Альбемарль!

Дирк внимательно посмотрел на гиганта.

— Уверен?

— Уверен! А что?

— Думаешь, достаточно?

Декейд только усмехнулся в ответ.

Дирк кивнул и наклонился к концу веревки.

— Дюлейн КЛЭРИОНУ. Передайте всем агентам: Главный вызов. Срочно. Красный сигнал. Вы слышите звон Колокола Декейда. Вы должны до рассвета свергнуть лордов. Затем идите на Альбемарль.

Ответа не было. Дирк замер. Но слышал, что связь не прервана.

— КЛЭРИОН! Отвечайте!

— Передаем. — Голос на другом конце был напряжен, будто бы не верил тому, что сказал Дирк.

— Дюлейн, держись. — Дирк недоумевал. Что случилось? Но голос продолжал: — Мы начали переда-

вать сообщение. — Дирк понял, что это голос капитана. — Дюлейн, что-нибудь еще?

— Следуйте инструкции. — Дирк глянул на Декейда: — Когда и где опускать Дальние Башни?

— Ты говоришь, у них есть для нас оружие? И сколько же его?

— На каждом корабле по тысяче автоматов и по десятку лазерных пушек. Это только для простолюдинов, но еще на кораблях остаются по четыре пушки и по сотне бомб.

Декейд задумался.

— А сколько всего кораблей?

— Двадцать один. По одному на каждую провинцию и два на Альбемарль. Поверь, этого будет достаточно.

Декейд долго молчал, затем спросил:

— У тебя есть твой собственный план сражения?

Дирк кивнул:

— Тебе нужны детали?

— Надеюсь, что наши планы совпадают. Что касается времени — пусть корабли появятся к рассвету. Надо выступить всем одновременно.

— Можно поднять страну в полночь.

Декейд недоверчиво спросил:

— Почему ты раньше об этом не сказал? Ты... уверен?

— Совершенно уверен...

— Тогда — в полночь! Тем больше будет лордов, которые ни о чем не ведают! Пусть корабли для Альбемарля появятся только тогда, когда я их вызову.

— Принято. Дюлейн! Что еще?

Дирк глянул на Декейда.

— Хочешь сказать что-нибудь еще?

Декейд покачал головой. Его глаза сверкали нетерпением. Дирк склонился к микрофону.

— Капитан, все сказано.

— Принято. — Внезапно голос капитана потеплел. — Здорово поработал, Дюлейн! Если бы у нас награждали медалями, ты получил бы свою. Как тебе удалось найти предводителя?

— Я не мог его... найти, — медленно ответил Дирк, — поэтому я его создал. — И, не дожидаясь ответа капитана, сказал: — Связь окончена.

Глава 12

На закате солнца старейшина одной южной деревни вел группу крестьян домой после работы в поле. Они пели балладу. Если бы ее услышал какой-нибудь лорд, он подумал бы, что это не песня, а абракадабра.

Как только раздастся колокольный
гром.
Джин побежит к девяноста
трем,
И каждый из них сообщит трижды
трем,
И эти помчатся к девяноста
трем.
Беги, Джин, беги, забеги в каждый
дом.

Из зарослей кустарника по краю дороги незаметно вышел простолюдин в такой же запыленной одежде и смешался с толпой. Никто, казалось, не обратил на него внимания, но внезапно между людьми пробежала искра напряжения.

Незнакомец подошел к старейшине. Старейшина глянул на предмет, висящий у запястья незнакомца, и равнодушно отвернулся.

— Что скажешь, Небесный?

— Колокол прозвонил. В полночь — свергните лорда. Затем посылай людей в Альбемарль.

Старейшина задумчиво кивнул и снова присоединился к хору.

Люди шли с работы домой. Ничего не случилось. Дождавшись, когда деревья близко подступят к дороге, незнакомец скользнул в лес. Работники вернулись домой. Наступил обычный вечер. Поужинали, вышли на улицу поговорить с соседями, кто-то уселся чинить инструменты, кто-то латал кожаную куртку. Солнце стало садиться, на небе появились первые звезды. Люди разошлись по домам и легли спать.

Когда все успокоилось, из домов начали выскальзывать молодые люди. Они вышли в поле и разбежались в разные стороны.

Старейшина соседней деревни был разбужен среди ночи стуком в дверь. Он насупил брови и, когда стук настойчиво повторился, пошел к двери. Он увидел высокого парня, который тяжело дышал.

— Сын фермера Тье из Тьерри, — задыхаясь, проговорил парень.

— Что это за глупости, будить среди ночи? — насупившись, проворчал хозяин дома.

— Декейд позвонил в Колокол. Свергните лорда, затем посылайте людей в Альбемарль.

Фермер побледнел и посторонился, приглашая парня войти.

— Входи скорее. Тебе надо попить и перекусить, ты устал, бедняга.

Парень благодарно улыбнулся и вошел. Дверь за ним захлопнулась.

Чуть позже из дома старейшины выскользнул его сын и пошел по деревне от двери к двери.

И девять молодых людей выбежали в поле и разбежались в разные стороны.

Вот так узнала о сигнале Декейда восемьдесят одна деревня, и каждая из них послала своих скороходов.

Отряд Декейда бесшумно шел по лесу.

Декейд подошел к Дирку и вопросительно посмотрел на него. Дирк вытащил камень из кольца, вставил его в ухо и взялся за конец веревочного пояса.

— Мы получили донесения от всех агентов, — прозвучал голос капитана, — известие дошло до тысячи деревень.

— Наши агенты добрались до пятидесяти деревень в каждой провинции, — доложил Дирк Декейду.

Мамаша Лапен, слушавшая их разговор, удовлетворенно кивнула.

— И каждый сказал девятерым другим, а они еще девятерым... Сначала я сомневалась, признаюсь тебе, Дирк Дюлейн, но теперь вижу — в полночь народ будет поднят.

— Не могу поверить, что все началось, — вздохнула Мейделон.

— Поверишь, когда увидишь кровь, — хрипло сказал Декейд.

На большой лесной поляне около замка лорда Лоуврес собрались все простолюдины его поместья. Они взволнованно поглядывали на небо, но луна спрятала свое лицо, и только грустно светили звезды.

Внезапно воздух наполнился низким дребезжащим звуком. Все задрали головы вверх и увидели, как звезды исчезли за огромной черной тенью. По толпе пронесся ропот страха и благоговения.

Тень стала спускаться вниз, и черный космический катер опустил на траву. Все стихло. Простолюдины застыли в ожидании, но затем кто-то выкрикнул негромкое приветствие, и все кинулись к кораблю.

В оболочке корабля образовалась щель, вперед и наружу выступил треугольный щит, и яркий свет вырвался из корабля на поляну. Простолюдины, перешептываясь, остановились.

В открытом люке появилась высокая худая фигура в черном. Человек осмотрел людей на поляне и ступил на землю. Следом за ним вышел второй, держа в руках коробку. Это был картонный куб полутора футов высотой. Куб был поставлен на землю, и третий человек, появившийся в люке, вынес еще один такой же.

Первый из вышедших разорвал обертку коробки и вытащил оттуда лазерный пистолет. Он протянул его ближайшему простолюдину. Тот застенчиво взял его, а Небесный уже протягивал следующий пистолет другому простолюдину.

В двухстах милях от поляны с космическим катером лорд Проупин закончил свои дела с любовницей и повернулся на бок, отходя ко сну. Девушка тихо лежала рядом, прислушиваясь к дыханию лорда. Наконец она услышала, как лорд захрапел, но и тогда не

пошевельнулась, только на лице ее появилась гримаса отвращения и ненависти. Выждав еще немного, она выскользнула из постели, надела платье и вытащила из ножен, висящих у кожаного пояса, украшенный драгоценными камнями кинжал. Она прошла в луче лунного света к той стороне кровати, где спал лорд, улыбнулась, подняла кинжал и погрузила его туда, где лезвию стало жарко и приятно.

В высоком замке лорда Убикви, у дверей спальни лорда, стояли, опираясь на пики, два стражника. К старшему из них подошел дворецкий и прошептал ему что-то на ухо. Охранник помрачнел и коротко кивнул. Дворецкий поклонился и ушел.

Младший охранник удивился.

— Что он тебе сказал?

— Это ужасно, — ответил ему старший, — но это не должно коснуться его лордства. Быстро иди в караулку и вели сержанту Гарстэнгу прийти сюда с пятью солдатами. Да не мешкай, иди быстро!

Младший повиновался, недоверчиво оглядываясь на старшего.

Когда затихли шаги ушедшего, охранник открыл дверь в спальню и, войдя туда, убил своего лорда.

В шато Гренобль к главному дворецкому подошла поденщица и что-то пробормотала ему. Он выслушал, кивая головой, и отослал служанку. Затем приказал одному из слуг отнести некое послание сержанту охраны. Затем дворецкий подошел ко всем слугам замка, поговорив с каждым в отдельности. После чего все

слуги спустились в кухню и разобрали там ножи и топоры мясников.

Все двинулись вверх по лестнице к опочивальне лорда и леди. По дороге каждый вспомнил об унижениях, обидах, потерях любимых. Встретившиеся им охранники присоединились к процессии, и к спальне подошел отряд из пятидесяти вооруженных человек.

Лорд Милтрейт был человеком подозрительным, поэтому в своем замке он расположил хорошо вооруженную армию и взвод молодых лордиков (по большей части — его собственных сыновей). Лордики были вооружены лазерными пистолетами.

Лордики несли ночную охрану в казармах. Вот почему, несмотря на то, что кто-то из своих открыл простолюдинам ворота, те не могли свободно проникнуть в замок.

По двору замка мелькали лучи света, раздавались хриплые вопли, яростные крики, плясали лучи лазерных пистолетов и оглушал лязг металла. В центре двора стоял лорд, обвешанный оружием поверх ночной рубашки. Он рубил, колот, стрелял и рычал, как дикий зверь.

— Вперед, мои солдаты! Выставьте этих червей за ворота! Освободите замок! — И медленно, пядь за пядью, двор замка был очищен. Простолюдины оказались за воротами.

Но над замком тихо, незамеченным появилось огромное черное яйцо. Одна из его орудийных башен выдвинулась вниз и направилась прямо на лорда. Он поднял голову, увидел то, что закрыло сияние звезд, и

отпрыгнул в сторону, криком предупреждая остальных. Но башня, как живая, следовала за ним и, выпустив снап красного огня, поразила и лорда, и шеренгу молодых лордиков. А остатки армии лорда Милтрейта стали добычей ножей ворвавшихся во двор простолюдинов.

Леди Помгрэн мчалась по залу главной башни замка, где кипел бой, где воздух дрожал от лазерных вспышек, и сталь билась о сталь. Ее муж, с горсткой джентльменов, расчищал ей путь, но простолюдины давили на его маленький отряд со всех сторон.

Леди Помгрэн удалось добраться до двери на винтовую лестницу, удалось проникнуть туда и крепко запереть за собой дверь. Тяжело дыша, она карабкалась все выше и выше, пока не достигла верха башни.

Под крышей башни было пусто и чисто. Там не было ничего, кроме металлической консоли со стоящим на ней экраном. Леди Помгрэн подбежала к экрану, нажала кнопки, и экран осветился. Она插ила ключ и сказала в отверстие на консоли:

— Тревога! Тревога! Срочно! В поместье Помгрэна восстали простолюдины. Они захватили замок! Они убивают джентльменов! Пришлите помощь!

Послание помчалось от замка Помгрэн в огромный открытый мир. Оно бежало от замка к замку, и приемник в каждом замке пробуждался к жизни.

Тревога распространилась по всей стране. Но в большинстве замков сообщение лишь сотрясало воздух, поскольку никого не было рядом с передатчика-

ми. Некоторым удавалось услышать сигнал тревоги, но одновременно они слышали и тяжелые удары в ворота своих замков.

Известие о восстании выдернуло из сна молодого лордика в королевском замке Альбемарля. Он испугался и помчался доложить лорду Кору.

Кор как раз только что вошел в замок после своей безумной скачки. Он был возбужден. Его платье было покрыто грязью. Он недоверчиво выслушал доклад и злобно влепил молодому лордику пощечину. Молодой лордик хотел было дать сдачи, но лорд Кор уже уходил, раздавая приказы направо-налево.

Через десять минут с крыши дворца поднялся десяток маленьких караульных кораблей с большими лазерными пушками. Корабли разлетелись в разных направлениях.

Король ничего не слышал, король бездействовал.

Маленькие серебряные кораблики взлетели высоко, и первые лучи встающего солнца окрасили их в веселый розовый цвет.

Но над серебряными корабликами неожиданно появились крошечные черные пятнышки, которые очень скоро превратились в черные корабли с выведенными лазерными пушками. Они летели со скоростью камней, выпущенных из пращи гиганта. Серебряные кораблики не успели даже навести свои лазерные пушки, а уже были сражены огнем из черных пришельцев.

В поместье милорда Мегрена простолюдины с цепями и косами вошли в ворота замка. Охранники,

которые стояли по стенам, закричали в тревоге, и к ним подбежал капрал.

Перед простолюдинами распахнулись ворота, и встреченные слугами и несколькими солдатами, люди вошли во двор замка. Дворецкий молча провел их в главный зал, где они, став полукругом, остановились в ожидании лорда.

Милорд Мегрен, его жена и трое их детей вышли и встали под аркой. Они были подняты прямо с постелей, поэтому все были в ночных рубашках. Рядом с ними стояло несколько хмурых солдат.

— Что все это означает? — в негодовании закричал лорд. — Зачем вы тут собрались? Разве я вас приглашал?

Вперед выступил дворецкий. Он был преисполнен серьезности момента.

— Милорд! Прозвонил Колокол Декейда. По всей стране восстали простолюдины, чтобы свергнуть власть лордов.

Лорд побледнел, а его жена упала на колени и прижала к себе детей.

— Скажите, был ли я жесток с вами? — неожиданно спокойно спросил лорд.

— Нет, милорд, и вы это хорошо знаете. Вы мудро управляли нами. Нам очень повезло. Ваши наказания всегда были справедливыми и никогда не были жестокими. Вы всегда следили, чтобы в поместье не было голодных и нуждающихся. Ваша жена лечила наших больных, и вы заботились о нас и нас защищали. И как вы поступали с нами, так и мы поступим с вами и вашей семьей.

Лорд вздохнул и успокоился. Его жена, недоверчиво подняла глаза, в которых спустя мгновение заблестели слезы радости.

— Но вы должны понимать, — еще более важно продолжал дворецкий. — Случилось то, что должно было случиться. Слишком многие наши братья жили в мучениях и унижении. Колесо жизни повернулось. Теперь у власти станут простолюдины. И вы больше не лорд в этом поместье.

Лорд побагровел, но медленно склонил голову.

— Однако, поверьте, мы разумные люди, — сказал дворецкий, — и мы понимаем, что никто из нас не мог бы управлять поместьем даже вполовину так хорошо, как это делали вы. Теперь поместьем владеем мы, но если вы желаете, вы можете продолжать управлять им.

Лорд смотрел на дворецкого, не веря своим ушам.

— Хочу быть уверенным, что я вас правильно понял. Вы хотите сказать, что теперь я — *ваш служащий*?

Дворецкий кивнул:

— Как и все члены нашей коммуны. Мы все здесь служащие.

Лорд подумал и рассудительно ответил:

— Что ж, это более чем справедливо. Если произошло восстание простолюдинов, то мне и моим близким оказана большая честь.

— Это, милорд, вам воздается за ваше отношение к нам.

— Но разве вам это позволят? Разве Декейд или тот, кто поднял восстание, не жаждут нашей крови?

— Возможно, — хмуро сказал дворецкий, — но только прежде они убьют всех нас. Вы *наш* лорд, и никто не посмеет вас тронуть!

По толпе пронесся шепот согласия.

Из глаз лорда хлынули слезы.

Войско Декейда вышло из леса на луг. Дирк, прислушавшись к чему-то, протянул руку, чтобы привлечь внимание Декейда.

— Прикажи остановиться!

Декейд удивился, но отдал приказание.

С неба раздался тихий рокот. Показался большой черный корабль. Он сделал круг над лугом и опустился. Открылись люки, и из корабля вышла группа людей, одетых в черное.

— Наше оружие, — сказал Дирк.

У Декейда загорелись глаза, он взмахнул рукой, и простолюдины с криками радости кинулись к кораблю. Небесные стали раздавать оружие, и в этот момент приземлились еще пять космических катеров.

Получив необходимые инструкции по пользованию оружием, армия Декейда двинулась к Альбемарлю. Песня, которую они пели, звучала как ветер, несущий угрозу.

Сквозь окна казармы замка лорда Бритона лился лунный свет. Солдаты посапывали в своих койках.

В дверном проеме появилась приземистая фигура посыльного в ливрее. Он молча прошел между двумя рядами холмиков, покрытых серыми одеялами, остановился около сержанта, тронул его за пле-

чо и что-то прошептал ему на ухо. Сержант мгновенно проснулся, вскочил, снял одежду с крючка и схватил свое оружие.

Сержант пошел по проходам между койками. Около некоторых коек сержант останавливался, вспоминал, как лорд изнасиловал сестру сержанта в свадебную ночь, ударял спящего солдата кастетом за ухом и шел дальше. Когда со всеми солдатами, преданными лорду, было покончено, сержант разбудил оставшихся в живых и приказал им одеться для сражения. Солдаты надели кольчуги, стальные шлемы, взяли арбалеты, мечи и построились перед сержантом. Он внимательно их осмотрел и вывел из казармы.

Один из солдат, получивши тихий приказ сержанта, проскользнул через двор к воротам башни.

Привратник сладко дремал на посту. Меч солдата отправил привратника в глубокий вечный сон. Солдат стал осторожно раскручивать лебедку, и мост стал медленно опускаться вниз. Отряд простолюдинов вышел из тени деревьев и почти в военном порядке прошествовал во двор замка. У дверей в главную башню их поджидали слуги, которые повели войско в замок. Замок осветился факелами. Джентльмены выбегали из своих спален, вынимая мечи из ножен. Но некоторые джентльмены уже спали мертвым сном, о чем позаботились сержант и его солдаты.

Джентльмены кроме мечей были вооружены и лазерными пистолетами. Держась плотной группой, они отбивались от простолюдинов, и многие простолюдины погибли от лазерного луча. Но их бра-

тъя мстили и острыми ножами отрубали руки, державшие пистолеты.

Шаг за шагом джентльмены отступали к двери, ведущей в спальню лорда. Лорд распахнул перед ними дверь, и все джентльмены скрылись в спальне. Дверь за ними захлопнулась.

Простолюдины, упустив добычу, подняли ужасный крик, и два солдата стали разбивать дубовую дверь боевыми топорами.

А лорд открыл потайную дверь в спальне и, когда все уцелевшие джентльмены и вся семья лорда выбрались на винтовую лестницу через потайной ход, тоже вошел туда и закрыл за собой незаметную снаружи дверь.

Солдаты и простолюдины ворвались в спальню, но там никого уже не было.

Через полчаса, на расстоянии мили от замка, лорд и его спутники вышли из подземного хода, добрались до деревни, где не оставалось к тому моменту ни одного мужчины, взяли крестьянских лошадей и умчались прочь.

Дирк не вынимал камень из уха. Один за другим приходили сообщения. Дирк огляделся. Вокруг были только черные деревья, не было видно ни одного Лесного. Казалось, что их маленькая группа, состоящая из Декейда впереди и Хью, Мейделон, отца Флетчера и Лапен позади, движется в полном одиночестве. Никто не жаловался на усталость. А Дирк только притворялся, что не устал. На самом деле его ноги стали как

вареная лапша и сами собой подгибались. И только через три часа Декейд объявил привал.

Прожужжал наушник.

— Дюлейн на приеме. — Дирк молча выслушал сообщение. — Получено с благодарностью. Жду следующей информации. — Он глянул на гиганта. — Декейд! Большинство замков взято. В нескольких, где не было наших солдат, продолжаются сражения.

Декейд молча выслушал.

— Так я и ожидал. Они будут драться до завтра, а где-то, может быть, потребуется осада. Но это уже не имеет значения. Нам нужно много людей для завтрашнего главного выступления.

Дирк задумался. Похоже, гиганта не интересуют эти неудачи. Возможно, он прав...

— Но из многих замков лорды сбежали в Альбемарль.

Декейд кивнул:

— Разумеется. Но пусть скачут к городу короля. Мы не будем их останавливать.

Дирка удивила тактика Гара. Зачем усиливать и без того сильный гарнизон в Альбемарле? Но он только пожал плечами и передал распоряжение Гара-Декейда наверх.

— Слушай, некоторые агенты наблюдали бои в замках и удивлены, что все так быстро кончается.

— Да?

Дирка охватило раздражение, но он заставил себя успокоиться.

— Да. Ты должен согласиться, что довольно странно, как орда простолюдинов оказалась хорошо обу-

ченной, дисциплинированной армией, где каждый точно знает свое место, свою задачу. Где все точно рассчитано по времени, будто бы между ними существует хорошо организованная связь.

— А почему тебя это удивляет? Разве не то же самое происходило на арене?

— О да! Но как я не понимал этого там, так и до сих пор не понимаю.

— Ты чувствуешь, как эффективно все устроено, — улынулся Декейд, — но все еще не можешь найти этому определения?

Дирк кивнул:

— Уж так мы, Небесные, устроены. Должны знать все до тонкостей.

Гигант поднял голову, тяжело вздохнул.

— Ну, хорошо. Ты ведь знаешь, что наш народ произошел всего лишь от дюжины человек, которые были путем магии, как ты говоришь — путем «клонирования», — размножены в тысячи и тысячи людей.

Дирк внимательно слушал.

— Прошло семьсот лет, — продолжал Декейд, — кровь этих двенадцати человек снова и снова смешивалась, но не смешивалась между типами. И теперь здесь существуют двенадцать кланов — где каждый член клана отличается от другого так же, как горошины различаются в гороховом стручке.

— Генетическая идентичность, — вставил Дирк.

— Да. Это ваш термин. Нужно обладать очень острым взглядом, чтобы отличить одного торговца от другого. Лорды заставляют членов каждого клана строить одинаковые дома. Внутри каждого клана люди каждо-

го следующего поколения становятся все более и более похожими друг на друга. В клане — одни и те же традиции, один и тот же образ жизни. Дом торговца отличается от дома фермера, дом деревенского торговца отличается от дома городского торговца. Но городской торговец несколько лет живет в городе. Где родился и жил твой отец, там же живешь и ты.

— Да, — промолвил Дирк, вспоминая, каким семейным обычаям обучал его отец. — И так семьсот лет.

— Ну вот. Значит, внутри каждого клана одинаковая наследственность и одинаковая окружающая обстановка. Ты понимаешь, что это означает? Если один торговец получает некий импульс, такой же импульс получают и все остальные торговцы. Мы все одинаково чувствуем и одинаково поступаем. Все знают, что будут делать его соседи, прежде чем начинают действовать. При этом в нас достаточно сильно развито чувство осторожности. Никто не двинется, пока не будет уверен, что все рядом с ним готовы к движению. Как только перед ними оказывается лидер — все идут за ним.

— И предводитель обязательно один из клана. — Дирк представил себе рой бабочек, порхающих вокруг цветочной клумбы. Он тряхнул головой, чтобы освободиться от этого видения. — Но у некоторых кланов должна была возникнуть естественная реакция недовольства ситуацией.

— Им должно было быть понятно, что молчание необходимо, чтобы не потерять преимущество, которое дает неожиданность. Именно поэтому несколько ве-

ков назад Волшебник закодировал свой план в стихи. Его план восстания был зашифрован в песне. Простолюдины из поколения в поколение учили эту песню. Отцы передавали ее своим сыновьям, матери — дочерям. Эта песня стала частью существа каждого простолюдина. Благодаря этой песне ни один человек сегодня ночью не сделает неправильного шага.

Дирк подумал о том, как выглядела бы эта армия, если бы ее послали в космос.

— Таким образом, — продолжал Декейд, — лорды успешно подготавливали свое падение. Они спланировали жизнь на многие годы вперед, но такой план не мог учесть все факторы. Жизнь — изменчива, никто не может узнать будущего, пока оно не придет. Человеческая натура капризна, ведь так? Мы часто идем по дороге, которую ни разум, ни здравый смысл не выбирают.

Озаренные лунным светом, скакали галопом лорд Бритон с семьей и его свита. Копыта лошадей гулко стучали по пустынной дороге.

На перекрестке двух дорог отряд лорда Бритона столкнулся с отрядом другого лорда. Лорды выругались, мужчины разразились проклятиями, женщины завизжали. Лошади, внезапно остановившись, подняли облако пыли. Лорд Бритон схватился за меч, но через минуту понял, что перед ним лорд Монтрасс. Оба лорда расхохотались, и смех прокатился по двум столкнувшимся отрядам.

Спустя несколько минут всадники, похлопывая друг друга по плечам, со смехом облегчения двинулись соединенной колонной к Альбемарлю.

Через некоторое время им встретилась еще такая же соединенная группа, затем еще одна. Вскоре армия из тысячи всадников скакала по главной королевской дороге к столице.

Дирк принял позывные в наушнике и, выслушав сообщение, стал пробираться сквозь массу отдыхающих людей к Декейду.

За ночь к отряду добавились небольшие группы Лесных и простолюдинов из близлежащих деревень. Это была довольно пестрая армия, которая, конечно, нуждалась в распределении по кланам. Дирка огорчало, что люди очень устали, но поскольку по планам Декейда они должны были прибыть в Альбемарль к полудню, то получалось, что на отдых отводилось около шести часов. Что было неплохо.

Декейд сразу же спросил:

— Что услышал?

— Лорды, которые бежали из замков, скачут по главной королевской дороге к Альбемарлю. Их около тысячи.

— Все идет по плану. Важно не давать им передохнуть. Передай, чтобы отстающих расстреливали, это усилит их страх и увеличит скорость.

Дирк нахмурился.

— Ты уверен в своем решении? Это же удвоит гарнизон Альбемарля!

— Дальше — больше, — усмехнулся Декейд. — В замке захотят спрятаться тысячи три, а может быть, и все пять. Замок рассчитан на пребывание одной тысячи человек. Кору будет неприятно наблюдать этот беспорядок.

— Но таким образом возрастает число наших противников! — возмутился Дирк.

Декейд покачал головой:

— Пусть все крысы соберутся в одной норке. Так легче покончить с ними одним ударом.

Дирк подумал о симпатичной маленькой бомбе, брошенной на замок.

— А ты уверен, что...

— Дирк Дюлейн, отправляя сообщение, — отрезал Декейд. — Все это спланировано Волшебником.

Дирк с досадой подумал, осталось ли в этом теле хоть что-нибудь от Гара. И, встретив суровый взгляд Декейда, решил, что ничего не осталось.

Дирк встал и, отойдя на свободное место, послал свое сообщение. Можно было бы это сделать и не отходя от Декейда, но почему-то сейчас Дирку стало неприятно его общество.

— Декейд чем-то озабочен?

Дирк увидел Мейделон.

— Похоже, что так. Но не тем, о чем ты думаешь. Девушка удивленно глянула на Дирка.

— Что ты хочешь сказать? Разве это не чудо, что человек ожил, войдя в другое тело?

— Это было бы чудо, если бы ему не помогали некие механизмы.

— Механизмы! Какие же механизмы были в пещере Декейда?

— Дубинка! — Дирк, не обращая внимания на ее негодующий взгляд, сел рядом с ней. — Я разглядел место разлома. Там были видны тонюсенькие прово-

дочки. Каждый из них — часть контурной схемы, магии внешнего мира. Тогда я не понял, какого рода этот механизм, а теперь, кажется, понимаю.

— О! Могу я поинтересоваться, что же это за магия?

— Приемник и усилитель пси-фактора. Когда пятьсот лет назад Декейд держал в руках эту дубинку, через медную рукоятку в дубинке собрались все его мысли. При складывании вместе частей дубинки цепь замыкалась. Те три человека, которые пытались овладеть дубинкой, не вынесли присутствия в себе второго сознания, которое передалось им через медную рукоятку. Люди умирали от шока.

Мейделон широко раскрыла глаза.

— Но, помню, ты мне говорил, что Гар был психо... психометрист.

— Да. Это так. Он воспринял всю личность Декейда, прикоснувшись к дубинке.

— Значит, когда он только дотронулся до дубинки... — прошептала Мейделон.

Дирк кивнул:

— Он получил все сполна. Не только воспоминания, а всего Декейда. Говорю же тебе, всю его сущность.

— *И он стал Декейдом*, — снова прошептала она. — Но если, как ты полагаешь, он читает мысли, почему же дубинка его не убила?

— Потому что он тогда был в состоянии шока. Его собственный разум спрятался в самом отдаленном уголке его сознания. Все было свободно, чтобы дать место Декейду.

— И Декейд ожил! — Она посмотрела на гиганта, сидящего на пригорке. — А как ты думаешь, разум Гара еще в нем?

— Конечно. Ты должна была слышать, как он говорил, что в нем живут воспоминания хозяина тела. Более того, сохранилась и личность Гара, возможно, все еще в каком-то дальнем уголке, и она то и дело прорывается наружу. Мне кажется, это происходит, когда Декейд стоит неподвижно и гримасничает, как от жестокой боли. Как я слышал, у Декейда горячая голова, он действует, особо не раздумывая. Но у Гара другой метод. К тому времени, когда приходит пора действовать, у него уже все обдумано. Уверен, он все еще здесь. Он знает, что сейчас наступил самый подходящий момент для революции. И для этого надо заранее просчитать все действия Декейда.

Во взгляде Мейделон ясно читалось, что она поражена той ересью, которую только что изложил Дирк. Она снова посмотрела на Декейда, сидящего со склоненной головой, опустившего руки на дубинку, которая лежала у него на коленях.

— Интересно, а разговаривают ли они друг с другом? Соглашаются они или спорят?

— Откуда мне знать? — хмуро ответил Дирк, неожиданно поняв, что он натворил. Мейделон почитает Декейда, но у нее никогда не возникнет мысль прикоснуться к нему. Как можно подумать о романе с божеством? Теперь же, благодаря разговору с Дирком, она знает, что Декейд не святой, что его смертное тело доступно. Видно было, что ее это очень заинтересовало. Недовольный собой Дирк встал.

— Откуда мне знать? — повторил он. — Но я обязательно найду ответ на этот вопрос. — И он отошел от Мейделон, не слушая, что она говорит ему вдогонку.

Дирк подошел к Декейду и присел в ожидании, когда гигант обратит на него внимание.

Спустя несколько минут Декейд прикрыл глаза и спросил:

— Чужеземец! Что тебя тревожит?

Дирк задумался, пытаясь правильно поставить вопрос. Как разговаривать с человеком, в котором живут две личности?

— Ну-у-у... Нельзя ли поговорить с твоей лучшей половиной?

— Ты мне не доверяешь? — неожиданно задал вопрос Декейд.

Дирк улыбнулся.

— А ты мне, Декейд? Почему ты называешь меня Чужеземцем?

— Но ведь ты не будешь отрицать, что ты и есть Чужеземец.

Дирк покачал головой:

— Как и все вокруг, я родился простолюдином. Правда, с десяти лет я живу среди Небесных, но я все равно простолюдин.

Декейд усмехнулся.

— Нет, ты не такой, как мы все. Ты знаешь тайны Небесных и тебе знакома свобода. Ты отличаешься от нас, Дирк Дюлейн, независимо от того, где ты родился и вырос.

Дирк постарался обуздать свое раздражение. Ведь Декейд был прав.

Декейд настойчиво посмотрел Дирку в глаза.

— Почему *ты* сомневаешься во *мне*?

— Нет, Декейд, я тебе доверяю, но... — Он ответил гиганту долгим взглядом. — Хорошо ли ты спишь?

Декейд нетерпеливо пожал плечами.

— Что такое сон? Свет уходит, и когда он возвращается, ты пробуждаешься. Дюлейн, снов нет. Зато есть дураки, которые своими загребушими руками хватали мою дубинку. Они ведь надеялись с ее помощью стать королями. Это были мелкие, слабые людишки. Им не было дано удержать меня в себе.

— Но вот Гар смог это сделать, — мягко сказал Дирк.

— Он — истинный мужчина. Такой же великий, каким был и я. — По его лицу пробежала тень. — Возможно, даже более великий, чем я... Не важно. Мы — два сильных человека и вдвоем возглавим восстание. — Его глаза излучали почти гипнотическую силу. — Мы оба в этом теле, я диктую народу свою волю только потому, что Гар, как ты называешь этого парня, полностью участвует в этом.

Дирк вздохнул с облегчением. Только теперь он убедился в присутствии Гара.

— Что ж, прекрасно. Я рад, что вы живете в согласии.

Декейд усмехнулся.

— Ох! Как это было трудно вначале! Мы оба были напуганы, встревожены и были готовы к битве. Твой друг кипел от проникновения в него захватчика, но

после того, как понял, кто я такой, почему я оказался в нем, мы пришли к осознанию ситуации. Я ведь тоже помог ему, вывел его из полузабытья.

— Да, — медленно заговорил Дирк, — он, кажется, хорошо читает мысли людей?

Декейд нахмурил брови.

— А что вообще ты знаешь об этом человеке?

— Довольно многое. Хотя узнавал об этом постепенно. Я догадался, что он читает мысли по предметам, которых касались разные люди. К сожалению, я догадался об этом слишком поздно... Итак, теперь вы оба в одном теле, оба живы...

— Да. И я доверяю тебе, Дирк Дюлейн, больше, чем кому бы то ни было.

— Объясни почему?

Декейд посмотрел на лагерь.

— Я верю, что эти люди выполняют любое мое приказание. Волшебник потрудился на славу. Но эти люди преданы легенде, которую веками вбивали им в мозги песни Волшебника. Эти люди слепы, не задавая вопросов следуют за мной, и та часть меня, которая плоть от плоти этого народа, питается их любовью и их доверием. Но... — он глянул на Дирка, — теперь во мне живет и другое существо, с другим жизненным опытом, и это существо — чужеземец, как и ты.

Дирк понимающе кивнул.

— И эта часть знает, что моя преданность основана не на слепой вере, а на разуме.

Декейд улыбнулся и хлопнул Дирка по плечу.

— Нужно, чтобы ты предостерег меня, когда увидишь, что я могу в чем-то ошибиться.

— О да! Можешь быть уверен, что я не смолчу. Например, мне непонятна твоя тактика в отношении лордов.

— Это потому, что ты изучал эту страну, глядя на нее с Неба. Да, я готов отвечать на твои вопросы. Только не задавай их в тот момент, когда мне не захочется тебе отвечать.

Дирк увидел выражение глаз гиганта и почувствовал, как у него по спине пробежал холодок.

Армия лордов и джентльменов, скакавшая к Альбемарлю, опасаясь нападения, со страхом поглядывала по сторонам дороги. Уставшие лошади шли шагом, но их хозяева пришпорили бы, если бы возникла какая-нибудь опасность.

Лес перед городом был идеальным местом для засады. Но ни одна стрела не вылетела из кустов. Лорды недоумевали. Что случилось? Почему простолюдины не нападают? Кое-кто решил, что простолюдины трусили, кто-то подумал, что восставшие разошлись по домам при виде грозной армии лордов. Только самые разумные понимали, что нападения на замки спланировал кто-то очень мудрый и, если он позволил им собраться всем вместе, значит, это не случайность, а какой-то коварный замысел. Но у лордов не было выхода. Им нельзя было разделяться на мелкие группы, чтобы не стать легкой добычей бунтовщиков.

И поэтому они продолжали свой путь в Альбемарль.

Подъезжая к замку короля, лорды повеселели. Кто-то запел, другие просто шутили и громко смеялись.

Веселье продолжалось и в городе. Один из лордов начал боевую песню, к нему присоединились остальные, и у всех возникло чувство уверенности в победе.

В лесах тоже звучала песня победы. Ее пели сидящие вокруг костров простолюдины, Лесные, солдаты, перешедшие на сторону восставших, и члены Гильдии. Они воспевали Декейда.

Глава 13

Простолюдины отдохнули и стали просыпаться, когда близился закат. У большинства был хлеб и сыр на ужин. Но и тех, у кого не нашлось еды, кормили разносчики, старики из соседних деревень, которые рады были хоть чем-то помочь воинам перед их тяжелой работой.

К Декейду подошли Хью, Лапен и Мейделон. Дирк увидел это и подошел вслед за ними.

— В Альбемарль прибыли лорды со своими семьями и с джентльменами. Всего их собралось тысяч пять, — сказала мамаша Лапен. — В замке уже была тысяча человек. Так что теперь их там — шесть тысяч.

Декейд кивнул:

— А что слышно об их простолюдинах?

— Они выступили сразу же, как только прозвонил Колокол.

Декейд резко поднял голову.

— Надо устроить ловушку для знатных крыс.

— В лесу собралось одиннадцать тысяч простолюдинов и все время еще подходят небольшие отряды, — сказал Хью.

— Значит, одиннадцать тысяч против шести? — задумчиво сказал Дирк. — Но ведь у них есть лазерные пушки!

Декейд обернулся к Дирку.

— Важно то, что пушки, стоящие на стенах, не могут быть наведены точно вниз. А мы должны оказаться под стенами замка прежде, чем они догадаются, что мы уже пришли. Надо сделать так, чтобы их пушки стали нашими до того, как в замке объявят тревогу.

Дирк был озадачен.

— А ты забыл о часовых на стенах?

— Да, да, но я верю в ловкость наших людей. Кстати, Хью, ты выяснил, как расположены их пушки?

— Конечно, — ответил Хью. Он явно нервничал. — Здесь у нас много королевских солдат. Им можно доверять.

В разговор вступила Лапен:

— Великий! Не сомневайтесь, наши Лесные смогут взобраться на стены. Они уничтожат часовых и, воспользовавшись их лазерами, будут держать площадь под прицелом.

— И лорды откроют огонь по ним из центральной башни, — сердито сказал Декейд. — Нам необходимо какое-то прикрытие, чтобы у простолюдинов было время, чтобы открыть ворота.

— Мы сами их откроем, — пообещал Хью. Он ухмыльнулся. — В королевском главном зале будет великая битва.

— Но и на площади тоже, — сказал Декейд. — Раз там будут наши люди, мы не сможем открыть по ним огонь.

— Лорды тоже не смогут стрелять, — хмуро сказала Лапен.

Декейд усмехнулся.

— Думаете, они выйдут на площадь, чтобы сказать нам «Добро пожаловать!» — Он обернулся к Дирку. — Вот когда должны опуститься твои башни. Надо повергнуть лордов в благоговейный ужас.

Дирк покачал головой:

— Не имеет смысла. Они поймут, что мы не будем стрелять по своим.

— Нет будем, — жестко сказала Лапен.

Дирк в изумлении уставился на нее.

Великанша нетерпеливо пожала плечами.

— Если надо умереть — мы умрем. Смерть в бою или смерть от руки лорда, какая разница...

— Вот какие у нас люди! — воскликнул Декейд. — Да, кстати, а вы разделили войско на отряды, назначили командиров?

Хью кивнул.

— Слуги дали нам схему расположения комнат в замке, — сказала Мейделон, — и каждому отряду указаны помещения, которые они должны занять.

Декейд был доволен.

— В таком случае все готово — за исключением одного.

Дирк удивился.

— Что ты имеешь в виду?

— Король. — Глаза Декейда вспыхнули.

Дирк все еще удивленно смотрел на него.

— Мы должны захватить короля. — Декейд встал. — Это ключ к схеме Волшебника. Мы можем уничтожить всех лордов, но если королю удастся бежать, то вокруг него соберутся силы противника.

Дирк вспомнил о межпланетных пиратах, кочующих в космосе, о солдатах удачи и подивился мудрости Волшебника. Если королю удастся сбежать и послать сообщение в космос, то соберется целая армия наемников, которые будут драться, чтобы вернуть королю королевство, да и себя не забыть.

— Но когда мы покажем лордам связанного короля, они дрогнут и капитулируют, — закончил Декейд.

Дирк почесал затылок.

— Не стоит обольщаться. Мне лорды показались весьма эгоистичными. Дело в том, что многие из них с удовольствием наблюдали бы, как вешают их короля, если бы это сулило им хотя бы самую маленькую прибыль.

Декейд пожал плечами.

— В таком случае можем убить его и покончить с этим раз и навсегда.

Дирк подумал, что, пожалуй, здесь он — единственный, в ком еще есть малая толика человеколюбия.

— Ну, хорошо, — неуверенно сказал он, — но как нам удастся пробиться сквозь кучу лордов, чтобы добраться до короля?

Декейд оперся на дубинку.

— Расскажу вам одну историю...

— Интересно! — Дирк уселся поудобнее, подперев голову кулаком. — Я как раз настроен послушать вечернюю сказочку.

Лапен зло глянула на него, но он игнорировал ее взгляд.

— Много лет назад, — нараспев начал Декейд, — когда люди впервые попали на эту планету, наш благородный король-праотец согнал тысячу простолюдинов на строительство королевского замка. Люди, которые строили королевскую спальню, жили изолированно. Как только строительство было закончено, всех, кто строил спальню, — убили.

Дирк быстро сообразил, в чем дело.

— А он был хитрец... Думаешь, он что-то утаил?

— Ага, — усмехнулся Декейд. — Слушайте дальше. Бедняжка король! Один простолюдин перед смертью исхитрился рассказать о тайне простолюдину, который не подлежал смертной казни, тот рассказал еще одному, тот — другому... и так история дошла до наших дней.

— Да ну!

— Вот-вот.

Дирк поднял руку.

— Можно я скажу, что это за тайна? Это — туннель.

Декейд кивнул:

— Туннель, ведущий в коридор, который кончается дверью в личные покои короля.

— И тебе известно, где найти этот туннель.

— Мало того, мне показали это место. — Кажется, Декейд смотрит в прошлое, его глаза видели то,

что произошло много веков назад. — Однажды темной ночью мы с моим провожатым подошли к Альбемарлю и нашли... Не важно. Я знаю, где это место, и отведу вас туда.

— Неужели все так просто? — с сомнением сказал Дирк.

Декейд пожал плечами.

— Ну уж доверьтесь мне...

А это у него от Гара, подумал Дирк. Какая самоуверенность!

Как только зашло солнце, первыми двинулись Лесные. Простолюдины пока выжидали. Они точили свои ножи, переговаривались охрипшими голосами, стараясь успокоить нервы. У них были мрачные лица, суровые взгляды. Наконец подошло время и им выступать, и на лужайке не осталось никого, кроме Декейда, Дирка и двадцати самых отважных Лесных с дубинками, ножами, лазерными пистолетами и жадой мщения в сердцах.

Декейд осмотрел их и коротко сказал:

— Загасите костер.

Самый младший из Лесных стал закидывать огонь комьями грязи. Все остальные молча наблюдали за ним. Стояла тишина. На лужайку струился мягкий свет звезд. Не оглядываясь, Декейд двинулся по тропинке. Дирк нагнал его.

Великан вел свой отряд к лесистому оврагу, который когда-то был руслом небольшой речки. Теперь она бежала маленьким ручейком, что-то шепчущим каменному берегу.

Дирк коснулся плеча Декейда.

— Как ты думаешь, король удивится, увидев нас в своей опочивальне?

— Впереди — ночь сюрпризов. Но я ничего не боюсь. На каждый их сюрприз у меня найдется свой.

— Не поделишься со мной своими секретами?

— Чужеземец, ты должен понимать меня не хуже, чем я понимаю тебя.

Дирк решил не настаивать, вспомнив, что Декейд обладает всей памятью Гара... Как бы то ни было, это был очень вежливый способ отказаться отвечать.

— Декейд, я не сомневаюсь в том, что у нас могут быть одинаковые секреты. В конце концов мы — одной крови.

— Да, но мы оба отделились от этого источника. Ты двинулся в одну сторону, я — в другую. В результате образовалась широкая трещина, и это мешает беседе.

Дирк насупился, убеждая себя, что нет причины чувствовать себя отверженным.

— Декейд, напрасно ты мне это сказал. Потому что если это правда, то мне никогда не найти своего дома.

— Найдешь, если ты заставишь себя к чему-то приспособиться, — не согласился Декейд. — Или ты будешь лгать себе и окружающим, а думать, что отличаешься ото всех. Или жить без претензий, быть самим собой, оставаться одиноким странником.

Дирк попытался проглотить это предположение, но комок застрял в его горле. Он ничего не ответил.

Декейд тоже молчал, затем остановился и показал на тень в склоне ущелья.

— Посмотри вон туда.

Дирк видел только кусты и траву.

— Не понимаю... Что там?

Но Декейд уже карабкался по склону, и Дирк поспешил за ним.

Декейд остановился и, резко взмахнув дубинкой, содрал большой клочок травы — открылся вход в пещеру. Отверстие было небольшим, но человек мог туда протиснуться. Декейд махнул рукой Лесным, и кто-то из них поднял лазерный пистолет. Его рубиновый луч лизнул ствол сосны, и на землю упал толстый сук, который от того же луча превратился в факел.

Декейд вошел в пещеру, за ним шел Лесной с факелом, освещая путь небольшому отряду.

— А ты не думаешь, — спросил Декейда Дирк, — что здесь может быть устроена западня?

— Какая западня?

— Из истории, которую ты рассказывал, я понял, что король прибыл сюда с Земли? Он вполне мог предусмотреть защиту от грабителей.

— И что это может быть?

Дирк пожал плечами.

— Полагаю, ты знаешь не хуже меня, что это могут быть спрятанные лазеры, невидимые лучи, которые поразят мозги нежелательного гостя... что-то в этом роде.

Лицо Декейда выражало изумление:

— И как же эти симпатичные игрушки приводятся в действие?

— Как... Обычно — нажатием на кнопку, вделанную в пол, ультрафиолетовым электрическим глазом, сонаром, инфракрасным детектором, анализатором волн сознания... как угодно. Поскольку мы не знаем, что именно здесь оставлено, надо пройти, как-то миновав невидимые лучи. Для этого нужно перестать думать и нагнуться на восемьдесят пять градусов. Тогда не о чем будет беспокоиться.

— Все не так просто, — усмехнулся Декейд. — Однако спасибо за предупреждение. — И Декейд продолжил свой путь.

Дирк был несказанно удивлен. В несколько прыжков он догнал великана.

— И ты так смело идешь вперед? Ты что, смертник?

— Ничего себе предположение! Нет, я не собираюсь умирать, пока не умрут все лорды. А теперь посмотри туда. — И он указал вперед.

В темноте, за кругом света факела, мерцал горячий туман. Он занимал все пространство туннеля, от стены до стены, от пола — до потолка. Лицо Декейда было искажено напряжением, казалось, он испытывает сильную боль. По спине Дирка пробежал холодок. Очевидно, Гар обладал способностями, о которых Дирк и не подозревал.

— Что это? Силовое поле?

Превозмогая боль, Декейд улыбнулся.

— Ты очень скоро поймешь. Возможно, это силы внешнего мира, но, думаю, это за пределами знаний

чужеземцев. Тот, кто во мне, ничего в себе не лишился. Думаю, он был одинок. Очень одинок.

— Думаешь? — удивился Дирк. — А может быть, знаешь?

Декейд покачал головой:

— Свои самые тайные знания он держит в тайниках своего разума, запертыми от меня. Он — мудрец. Он осознает, что он чужой, и не пытается стать похожим на нас.

— Поэтому он и остался самим собой? Потерять себя как личность или остаться одиноким? Это слишком просто. Существуют и другие варианты.

Декейд пожал плечами.

— Большинство людей приспособливаются к окружению, сохраняя свою истинную суть надежно запертой в глубине души. Они холят и лелеют этот тайник и, таким образом, всегда остаются самими собой. Но они вечно ищут родственную душу, до самой смерти. Хотя многие живут, как все, и не задумываются об этом. Вот мы с тобой... родились здесь, но мы не такие, как все... Мы только можем из всех сил пытаться стать похожими на наших, но для этого нам нужно сильно измениться.

— Не получится, — покачал головой Дирк. — Себя изменить невозможно. Хорошая актерская игра может одурачить наших ребят, можно даже обмануть самого себя. Но рано или поздно все выйдет наружу. И потребует расплаты.

— Да, — быстро сказал Декейд. — В этом варианте тоже есть свои трудности.

— А мне кажется, самый верный путь — не оставлять поисков, пока не найдешь подобных себе, — уверенно сказал Дирк.

Декейд вежливо улыбнулся.

— Что ж, возможно... Но почему тебя, друг Дюлейн, это так заботит? Разве ты не такой же, как все остальные Небесные?

— Конечно, — нахмурился Дирк, — но ты не перестаешь быть странником, став одним из группы странников.

— Да, похоже, что есть ответы на твои вопросы... — Но вдруг Декейд замер, уставившись на что-то впереди.

Пятно рубинового цвета прожгло дыру в каменном полу в трех футах перед ними.

Дирк почувствовал, как у него глаза вылезают из орбит.

Рубиновый луч погас. Позади Дирка испуганно бормотали Лесные.

— Мы прошли и включили силовое поле.

Голос Декейда прервал это бормотание.

— Нечего бояться. Меня предупреждали об этом. Идите за мной.

Дирк, немного поколебавшись, ступил за Декейдом. Второй шаг он сделал несколько более уверенно. Делая третий шаг, он почувствовал, что его заполнила горячая вера в Декейда.

— Кто тебя предупредил об опасности? — спросил он у великана.

— Человек, который строил этот туннель. — Декейд облизал губы, пот катился по его лбу. — В этих стенах, Дирк Дюлейн, столько страданий!

Конечно, подумал Дирк с досадой. Рабочие, устанавливавшие лазер, были совестливые люди, их мучило то, что кто-то пострадает от этого устройства. Эхо от чувства вины донеслось до психометриста.

Неожиданно Дирк с ужасом подумал и о другой сущности оставшегося в стенах страха.

Гигант утвердительно кивнул головой.

— Да, да, Дирк Дюлейн, убитых рабочих хоронили, замуровывая в эти стены.

— Господи! Как, должно быть, тебе больно!

— Угадал. Неприятно...

— Ты уверен, что...

— Да, — перебил его Декейд, — я это перенесу. Там их не больше ста человек. — И он двинулся вперед.

Дирк последовал за ним, медленно оценивая возможности гиганта. А может быть, он рассматривал возможности Гара?

Декейд снова остановился.

— Осторожно. Здесь опять опасно.

Он нахмурился, сзади возникло беспокойное ворчание. Декейд, не обращая на это внимания, вглядывался прямо вперед. Дирк не мог понять действий великана. То ли он нажимает на какую-то точку в силовом поле на каменном полу, то ли, давая лучу пройти перед собой, останавливает поток фотонов? Выходит, что Гар при помощи телекинеза может ускорить движение молекул, изменить температуру воздуха, задер-

жать энергию силового поля? Если так, значит, Гар обладает такой пси-энергией, о которой Дирк даже никогда не слышал. Интересно, есть ли какой-нибудь пси-фактор, который недоступен Гару?

Внезапно туннель заполнился грохотом, будто прогремел раскат грома. Огромная железная решетка вывалилась из потолка и вонзилась в камень пола. Наступила тишина.

И снова заворчали Лесные.

— Так. Это случилось. — Голос Декейда перекрыл недовольное ворчание.

— Сейчас мы удалим эту железку с нашего пути. Дюлейн, достань-ка свой лазер.

Дирк поднял пистолет, и рубиновый луч начал резать железо в правом верхнем углу. Трое Лесных направили свои лазеры на остальные углы. Четыре рубиновых луча медленно двигались по четырем сторонам решетки.

Когда металл был оплавлен, Декейд размахнулся и ударил своей дубинкой в центр решетки. Огромная масса металла рухнула вниз.

— Ребята, путь открыт, — спокойно сказал Декейд и шагнул вперед, стараясь не коснуться горячих обломков раскаленного железа.

Факел осветил узкую пыльную лестницу.

— Дирк Дюлейн, теперь только добраться до верха и мы найдем то, что искали. — И тут Декейд стал к чему-то прислушиваться.

В этот момент Дирк почувствовал, что пришло *точное время*.

— Мы попусту тратим минуты, — сердито сказал Декейд, — а там штурмуют стены замка. Идемте быстрее.

По северо-восточной зубчатой стене прошел молодой лорд из караульной команды. Он посмотрел вниз на широкий овраг, склоны которого, свежеекрашенные известкой, белели под светом звезд. Он удовлетворенно улыбнулся. Ни один простолюдин не сможет перебраться незамеченным через ров. Чернь заставила лордов спрятаться в королевском замке, но к ним скоро придет помощь из Галактики, там всегда найдутся наемники. Спасение аристократии даст им хорошую прибыль. Кор и король, должно быть, уже вызвали флотилию кораблей на подмогу и пока можно пересидеть за этими стенами в покое и уюте. В столице много продуктов, и черни никогда не одолеть неприступный замок.

Точно под тем местом стены, где стоял молодой лорд, один из Небесных, прижавшись к грубому камню, прилаживал лазер к плечу и целился в часового. Рядом с ним стоял Лесной, который положил руку на плечо Небесному, чтобы дать сигнал к выстрелу.

Над ними, у зубцов крепости, восемь часовых зорко, как ястребы, нервно высматривали, нет ли хоть малейшего признака нападения.

В глубине души каждый из них мечтал, чтобы скорее пришла смена.

А под стеной лежали Небесные с лазерными автоматами и рядом с ними, опустившись на колени,

стояли Лесные. Положив руки на плечи Небесных, они ждали.

Вдруг каждый Лесной услышал внутри себя: *время*.

Легкое нажатие рук на плечи.

Рубиновые лучи пронзили сумрак ночи, и часовые на стенах упали. В каждой груди зияла дыра, прожженная лазерным лучом. Один из часовых вскрикнул, другой застонал, и все стихло.

На белом склоне рва появилось восемь отрядов Лесных. Они бежали к стенам замка с длинными лестницами, баграми, крюками и канатами. Основания лестниц оперлись на наружный край рва, их верхние концы дотянулись до стен. Лесные карабкались по лестницам. Остановились на последней ступеньке. Сняли абордажные крючья на канатах с плеч, раскрутили их, крючья взвились вверх над стеной и упали вниз, впившись в камень. Внизу другие простолюдины поймали хвосты веревок и потянули их. Абордажные крючья еще крепче вцепились в стены.

Те, кто уже был на верхних ступеньках лестниц, снова поймав канаты, подтянулись на них и оказались на стенах около бойниц. Вскочив на ноги, они вытащили крюки и молотки и стали забивать крючья в стены. К этим крючьям быстро прикрепили веревочные лестницы и спустили их внутрь.

Прошло всего несколько минут, а Небесные уже лежали около лазерных пушек и были готовы к действию.

Через стены переваливали все новые и новые отряды Лесных. Заполняя площадь, они бежали к глав-

ным воротам и на ходу вынимали дубинки и лазерные пистолеты.

Лорд охраны играл в карты с тремя другими лордами. Караульную комнату тускло освещала масляная лампа. Блики от пламени лампы играли на металлических частях лебедки, которая приводила в действие подъемный мост, но углы комнаты и входная дверь тонули во мраке.

Неслышно приоткрыв дверь, в комнату скользнули трое Лесных.

Один из лордов, недовольный своими картами, раздраженно бросил их на стол, поднял глаза и заорал.

В открытую дверь ворвались еще пятеро Лесных.

Первого лорда дубинка задела по уху, и он упал. Трое других вскочили из-за стола и схватились за мечи. Одному из них не повезло, у него в черепе образовалась довольно большая дыра. Другому досталось по солнечному сплетению. Последний закричал, получив удар по руке, но, когда к этому добавился удар по основанию черепа, он молча рухнул на пол.

На мгновение Лесные остановились. Они смотрели на своих бывших хозяев и не верили своим глазам. Затем часть из них стала оттаскивать трупы в сторону, а другая половина занялась лебедкой.

Во главе армии, которая переправлялась через ров, стоял Хью. Большой подъемный мост застонал и начал опускаться, скрипя цепями. Он коснулся проти-

воположного берега, и армия из тысяч простолюдинов снесла ~~заградительную~~ решетку. Толпа с горящими от возбуждения глазами ворвалась на площадь, а за ними из леса валами накатывались новые колонны восставших.

Тишину ночи взорвал громоподобный звон медного колокола главной башни.

В тревоге лорды высывались из окон. Хью, про себя, выругался. Теперь не удастся быстро и без потерь захватить замок.

Хью подбежал к двери в главную башню, он хотел лазером выжечь замок двери. Но дверь распахнулась, и оттуда выбежали вооруженные лорды.

Хью приказал своим людям спрятаться за телегами, бочками, водосточными желобами, потому что Небесные уже открыли огонь со стен по площади.

Лазерные лучи расцвели ночное небо геометрическими узорами. Кричали умирающие лорды и простолюдины, они погибали, но их места тут же занимали их товарищи. Простолюдины теснили лордов, но, казалось, в главной башне их были тысячи, они все выходили и выходили оттуда и сразу же вступали в бой на площади и на зубчатых стенах.

Наконец десяток простолюдинов врезались в ряды лордов и за ними двинулись сотни восставших. Лорды поняли, что лазерные пистолеты теперь опасны для своих, и схватились за мечи.

Простолюдины ответили им длинными ножами. Защищая вход в главную башню, лорды схватились в

рукопашной с бунтовщиками, каждый из которых жаждал разделаться хоть с одним лордом. Простолюдины дрались молча, сжав зубы, их глаза горели жестокостью мести, а лорды орали и визжали.

И из главной башни все выходили и выходили защитники короля, а из ворот через подъемный мост накатывались все новые волны восставших.

Глава 14

Изо всех сил Лесной нажал на рычаг задвижки и отворил тяжелую дубовую дверь. Под скрип заржавевших петель Декейд ворвался в пышную опочивальню, держа наготове дубинку на случай засады. Но в спальне никого не было. Декейд медленно двинулся по комнате, рассматривая покои, в которых жила знать.

Под ногами расстился мягкий, как газон, пушистый ковер. Стены были обтянуты роскошными гобеленами. У окна стояли стол и стулья изящной формы, сделанные из красного полированного дерева. Посреди комнаты находилась огромная кровать, плотно затянутая бархатными темно-красными драпировками.

Декейд шагнул и раздвинул ткань.

В кровати сонно потягивался жирный, бородатый юноша. Он глянул на Декейда, в ужас завизжал и стал тащить на себя одеяло, выгаращив бессмысленные глаза. На нем была надета богато расшитая рубашка в пятнах от пищи. Рядом на подушке лежала королевская корона.

На лице Декейда возникла гримаса презрения.

— Это король?

Существо с длинными, спутанными черными волосами, с жидкой бородашкой мычало от страха и судорожно комкало грязными руками простыню.

Декейд снял шляпу, насмешливо изображая почтение королю.

— Приятно встретиться, ваше величество... Вам нечего сказать?

— Ты же знаешь, что нечего, — вступил Дирк. — Посмотри на его глаза.

Глаза были широко открыты, это были пустые глаза идиота. На губах блестела струйка слюны, которая капала на бородашку.

— Да, знаю, — ответил Декейд, — инбридинг коснулся не только простолюдинов.

— Всегда шел слух, что его никто не видел.

— Неудивительно. Ты бы стал показывать короля-идиота?

Дирк покачал головой.

— Но кто же управлял королевством?

— Я...

Дирк обернулся и выронил из рук лазер.

Часть гобеленовой стены отъехала в сторону, и в комнате появился лорд Кор с пистолетом в руке. Он издевательски поклонился и выпрямился, мстительно улыбаясь.

— Добро пожаловать, лорд оборванцев. Я это предвидел.

Казалось, Декейда забавляла ситуация.

— Может быть, и предвидели. Да не надо много ума, чтобы догадаться, что мы первыми доберемся до короля.

Кор нахмурился.

— Но так же не трудно было и догадаться, кто стоит во главе бунтовщиков. Так что же вы так глупо попали в мою ловушку?

— Интересно! — Декейд сделал удивленное лицо и оглянулся на стоящих за ним Лесных. — Можно поинтересоваться, кто из нас попал в ловушку?

Кор засмеялся и взмахнул рукой. Все гобеленовые стены раздвинулись. В комнату вошли пятьдесят лордов с мечами и лазерными пистолетами.

— Вы у меня в руках! — заливисто засмеялся Кор.

Декейд захохотал, взмахнул дубинкой, задел ею Кора и ничком упал на пол. Рядом упал Дирк, в падении выстрелив из лазера.

Лорд вскрикнул и тоже упал, и когда по комнате заплескали рубиновые лучи из лазеров Лесных, за ним попадали еще двадцать лордов.

Лежащие на полу лорды превратились в живой горящий ковер. Декейд быстро вскочил на ноги.

Дубинка Декейда выбила из рук поднявшегося Кора пистолет, но тот выхватил из ножен меч. Декейд отбил дубинкой удар меча и схватился с лордом врукопашную.

Дирк ударил своего противника ножом под ребра, и тот свалился замертво.

Декейд пытался ударить дубинкой по голове лорда, но Кор отбивал его удары мечом. Меч задел Декейда и порвал на нем одежду, но дубинка наконец обрушилась на голову Кора. И снова тот увернулся, хотя дубинка попала ему по подбородку. Он зашатался и прислонился к стене. Огромная рука схватила его

за горло и стала душить. Вытаращив глаза, задыхаясь, Кор вытащил кинжал и полоснул им по боку Декейда. Гигант вывернулся, но лезвие все же полоснуло его по груди. Рыча от боли, он поймал руку своего врага и вывернул ее. Кор заорал. Нож выпал из сломанной руки. Декейд сплюнул от отвращения и швырнул Кора на кровать. Идиот вскрикнул и стал царапать лорда, пытаясь выбраться из-под него. Кор наотмашь залепил королю пощечину, перевернулся и, вытащив из сапога другой лазер, направил его на Декейда.

Гигант отступил назад, внимательно следя за движениями лорда. Кор злорадно смеялся и целился в грудь гиганта.

В этот момент в бок лорда вонзился кинжал Дирка.

Кор завопил и завертелся волчком. Его лазер рассеивал огонь по сторонам, но Дирк успел упасть на колени. Ему удалось схватить лорда за руку и вывернуть ее. И второй пистолет валялся на полу, а лорд визжал. Дирк вскочил на ноги, взмахнул кинжалом и снова вонзил его в бок Кора, вытащил и вонзил снова... и снова... и снова...

— За мою мать, которая умерла, когда ты отказался дать ей лекарство... За моего отца, которого убила твоя плетка... За мою сестру, убежавшую в лес от твоей похоти... За годы, которые я провел, прячась от твоих ищеек...

Рука Декейда остановила Дирка.

— Он уже мертв, — тихо сказал гигант.

Дирк понемногу приходил в себя. Он посмотрел на Кора.

Из дюжины красных отверстий в теле лорда вытекали остатки жизни.

— Мертв... — прошептал Дирк, — всю жизнь его тень затмевала мне мир.

— То же самое было и со всеми нами, — ответил Декейд. — Пусть, Дюлейн, успокоится твое сердце. Он мертв.

Дирк поднял голову. В комнате стояла тишина. Оставшиеся в живых Лесные молча смотрели на Дирка, мертвого лорда и на своих погибших товарищей, лежащих попеременно с лордами на кровавом ковре.

Дирк понял, что каждый из Лесных в этот момент видит в нем себя.

Кто-то тихонько плакал в тишине.

Глава 15

Король-идиот, сжавшись в комочек, сидел у изголовья кровати. Его глаза побелели от ужаса, губы дрожали, борода была залита слюной. Дирка передёрнуло от отвращения, но одновременно возникло чувство вины.

— У нас нет времени, чтобы его нянчить! — рявкнул Декейд. — Внизу на площади идет битва! Свяжите этот кусок мяса и тащите его за собой. Быстро!

Идиот вжался в подушки, он издавал жалобное мычание.

Дирк нахмурился.

— Но почему нельзя оставить его здесь?

Декейд покачал головой.

— Он, конечно, идиот. Но при этом он все еще — король. Чужеземец, тебе понятно, что такое — король? Это один из могущественнейших символов. Покажи народу *символ в цепях*, и люди, которые сейчас сражаются против этого символа, будут сражены видом этих цепей.

Трое Лесных подошли к своему королю и начали осторожно связывать ему руки. Интересно, подумал

Дирк, они ведут себя так почтительно из-за того, что еще не померк ореол королевской власти, или просто из жалости к этому несчастному?

Затем все вслед за Декейдом двинулись по залам и коридорам замка, волоча за собой короля. Декейд, обернувшись через плечо, сказал Дирку:

— Вызывай свои корабли. Пусть они приземлятся за замковыми стенами и откроют огонь по бойницам.

Дирк удивился, но вынул свой веревочный передатчик.

— Если ты приказываешь...

Он связался с кораблями и передал сообщение.

Пройдя по пустым залам дворца, они вышли на балкон. Дирка испугал рев и вой, стоявший над площадью. Огромная масса людей бурлила в этом сражении. Мечи, ножи и дубинки — вот каким оружием сражались противники, ведь лазеры могли погубить своих и с той, и с другой стороны. Сталь звенела, сталь проливала кровь и отсекала головы. Сталь решала исход битвы.

Площадь была покрыта трупами, но из ворот все еще накатывали новые отряды простолюдинов, и каждый, пришедший из леса, надеялся утолить здесь свою жажду мести. Стальные мечи отступали под натиском простолюдинов, которые побеждали в битве за землю, но ценою этой победы было море крови.

— Мне нужно, чтобы все утихло, — сказал подошедший Декейд. — Я хочу, чтобы все услышали мой голос. Кстати, *где твои корабли?*

Дирк посмотрел на небо, он увидел их — звезду, которая двигалась!

— Смотри вон туда!

Декейд проследил взглядом за рукой Дирка.

Звезда разделилась на две. Они росли в размерах, превратились в планеты, затем в луны, и вот над шумом битвы Дирк стал слышать отдаленный рокот. Луны разрастались и превратились в два высоких, ярко освещенных корабля, несущихся вниз в языках пламени.

Замок задрожал от раскатов грома, когда две огромные, сверкающие башни с воем и скрежетом врезались в землю.

Люди на площади оцепенели, в страхе уставившись на громадные пламенные горы. Храбрые воины съежились, их губы дрожали, а руки закрывали уши, чтобы спастись от грохота, сотрясающего их мир.

Башни медленно повернулись, и из них выдвинулись блестящие пушки, вытянувшиеся над каменными стенами в направлении главной башни. Затем моторы были выключены, и тишина свалилась на площадь.

Но через минуту тишину нарушили два взрыва, и два шара белого пламени вылетели из пушек кораблей.

Крик ужаса, вырвавшийся из глоток толпы на площади, был громче раскатов грома. В центре площади мгновенно образовалась пустота. И простолюдины, и лорды кинулись к стенам, чтобы спастись от неумолимой магической силы.

Дирк нервно вздохнул. Лучше способа, чтобы остановить сражение, трудно было придумать. Однако лорды прекрасно знали, что такое космические ко-

рабли, они еще могли, пользуясь растерянностью простолюдинов, собраться с силами и разделаться с ними.

Но неожиданно для всех над площадью раздался громовой голос Декейда:

— Смотрите! Перед вами ваш король!

Двое Лесных подвели идиота к балюстраде балкона, и глаза всех, стоящих на площади, уставились на короля. Он кричал, дергался и в конце концов дико завизжал.

Дирк увидел, как исказились лица лордов, понявших, какую шутку сыграла с ними судьба.

Снова раздался грохот, и белый огненный шар взорвался на зубчатой стене, погубив всех охранников, еще остававшихся там.

Отчаяние охватило лордов, им стало понятно, что они бессильны перед мощью кораблей.

И тогда из одной космической башни раздался громоподобный глас:

— Великий Декейд! Готовы вам служить! Что прикажете сделать?

Голос Декейда был слышен в каждом уголке заполненной людьми площади.

— Если лорды откажутся выполнить мое распоряжение — сожгите всех на этой площади!

Простолюдины не поверили своим ушам, но лорды, глядя на лицо Декейда, будто высеченное из гранита, понимали, что он так же тверд, как его угроза.

— Будет так, как ты скажешь, Великий Декейд! — донеслось из корабля после некоторого молчания.

И только теперь Дирк увидел, как лорды испугались.

А Декейд спокойно приказал:

— Милорды, бросить мечи, собраться в центре площади, руки сцепить на затылке.

Простолюдины ликовали. Но Декейд все быстро понял и сказал:

— Если хоть один простолюдин прикоснется к лордам, которые бросили свое оружие, *я сам убью этого человека!*

Среди простолюдинов наступило благоговейное молчание. И Декейд обратился к Лордам:

— Вам будет лучше, если вы сделаете это *сейчас же!*

Тишина затянулась. Дирку показалось, что он идет по лезвию бритвы. Затем на булыжник площади со звоном упал меч, и из толпы выступил лорд, сцепивший руки на затылке. Тишина. Затем упал еще один меч, и еще один, и еще, воздух наполнился лязганьем стали, лорды столпились в центре площади.

Высокий, широкоплечий торговец проложил себе путь к балкону. Это был Хью.

— Здесь все лорды, что остались в живых, — сказал он Декейду.

— Отведи их в главный зал да приставь к ним надежную охрану. Этого, — кивнул он на короля, — тоже надо увести, только будьте с ним поосторожнее.

Хью, резко крикнув, собрал своих верных людей. Они образовали длинный коридор для прохода лордов в главную башню. Проходя мимо стражников, лорды испуганно подрагивали, явно опасаясь лазерного выстрела в спину. Но их, разумеется, никто не тронул.

* * *

Внезапно Дирк увидел, что Декейд вздрогнул, наклонил голову, его тело будто бы обмякло и он рухнул на пол. Дирк упал на колени рядом. От страха у него сжал горло спазм. Декейд лежал у стены, его рот был сжат, глаза закрыты. Дирк потрепал его по щеке.

— Поднимись, дружище! Все кончено, ты победил! Ну-ка, вставай!

Декейд открыл глаза, но смотрел он не на Дирка, а сквозь него. Все тело гиганта вытянулось, мускулы напряглись, руки его сжали дубинку и переломили ее через колено.

Две половины дубинки с грохотом упали на каменный пол. По телу Декейда прошла конвульсия, оно расслабилось, и голова его упала на грудь.

Дирка охватила паника. Он не знал, что ему делать, он схватил Декейда за плечо и потряс его.

— Что с тобой? Ты здоров? Надо встать, ты же победил!

Огромная голова поднялась, на лице появилась улыбка безумца.

— Да, я выиграл, но я и проиграл.

Дирк почувствовал, что его коснулось дыхание потустороннего мира, оно проморозило его до мозга костей.

С лица Декейда сошло присущее ему высокомерие, лицо стало спокойным, взгляд был мягким и лукавым.

— Добро пожаловать назад, дружище Гар, — с улыбкой сказал Дирк.

Глава 16

Полная луна освещала лордов-заключенных, ее свет вспыхивал искорками, отражаясь от металла и драгоценных камней на их одеждах.

Посреди площади, на только что сколоченном помосте, восседала величественная мамаша Лапен. Рядом с ней стояли Хью и мастер Гильдии. Лапен время от времени поглядывала на дальний угол площади, где около стены сидел Гар и валялась его разломанная дубинка.

Неподалеку от мамыши Лапен стояли Дирк с капитаном Доминьи и его офицерами. Дирк увидел около помоста Мейделон, она сидела в компании с отцом Флетчером и несколькими незнакомыми мужчинами и женщинами.

— Их так много, что придется потратить уйму времени, чтобы всех казнить, — хмуро сказала Лапен. Понятно было, что судьба лордов решена и не подлежит обсуждению. — Что нам с ними делать?

— Но многие из них заслужили смерть, медленную и мучительную казнь, — проворчал мастер Гильдии.

— Что же, мы должны каждого из них подвергнуть пыткам? — спросил Хью.

Вперед выступил капитан Доминьи.

— Если мне позволят сказать...

— Не позволят, — резко ответил мастер Гильдии.

Капитан остолбенел от такой резкости, но открыл рот, чтобы снова заговорить. Лапен не дала ему этой возможности.

— Небесный, не стоит заблуждаться. Мы благодарны вам за все, что вы для нас сделали. Без вас нам не удалось бы победить. Мы хорошо это понимаем. Но вы никогда не страдали так, как страдали мы. Вы живете свободной жизнью, вам незнакомы наши несчастья. Вам не надо было горбатиться на лорда, чтобы прокормить семью. Вашу жену или вашу дочь не уводили из дома для утех лорда. Вашего сына не забирала на Арену. Вы не можете понять чувств наших людей.

— Теперь выслушайте меня, — громко заговорил Дирк. — Всего лишь на прошлой неделе я несколько раз был на волосок от смерти. Я был на Арене. Я совершил побег и жил в лесу вместе с Лесными. Семь раз я прилетал с разведкой на эту планету и каждый раз подвергался смертельной опасности. И так было со всеми нами. Мы делали дело всей нашей жизни. — Он обвел рукой группу Небесных. — Наша жизнь ушла на то, чтобы осуществлять связь между простолюдниками на Меланже и остальным миром. Только благодаря этому в нужный день Дальние Башни Волшебника смогли здесь приземлиться. Наша работа была легкой и безопасной — провести всю жизнь в тесной

хрупкой скорлупке корабля, где любая мелкая неисправность или случайность может стоить жизни. Мы прошли через грозные опасности, как и вы, наши переживания тоже были очень нелегкими.

Не многие из нас имеют семью, мы не можем рисковать судьбой жен и детей. Мы посвятили свои жизни одному великому дню — *дню вашей свободы!* Мы приговорили себя к одинокой, трудной жизни ради одной цели — *вашей свободы!*

— Я знаю, что вам тоже пришлось нелегко, — размеренно произнесла Лапен, — но у нас были разные мучения, разная боль. Не забывайте, вы жили свободными людьми.

Дирк гневно глянул на великаншу.

— Свобода! Ни один из нас не был свободен! Пятьсот лет мы были рабами одной идеи — вашего освобождения. Но ваше освобождение стало и нашим освобождением. А вы теперь говорите, что здесь нет для нас места, что мы не можем вернуться домой!

— Да, Дирк Дюлейн, — Дирк слышал боль в ее голосе, — вы стали чужими. Все вы, Небесные, слишком далеко ушли от нас, вы не сможете здесь жить. У нас с вами разные взгляды на мир и на жизнь.

— Вам не отказывают от дома, — вступил в разговор Хью, — вы можете поселиться среди нас, вам дадут землю, вам окажут любую помощь. Мы поделимся с вами богатствами лордов. Можете начать торговлю, устроить мастерские — нам как раз это очень нужно. Мы построим школы, где вы будете нас учить. Вас будут окружать почет и уважение...

— Но вы не допустите нас до управления страной, — мрачно сказал Домины.

Хью посмотрел прямо ему в глаза и кивнул:

— Не допустим.

Дирк шепнул ему на ухо:

— Нечего ждать этого от них, капитан. Вся наша работа, все наши надежды...

— Они должны понять и создать закон, они же теперь верховная власть!

— А если напомнить им о наших кораблях, наших пушках?

— Не будем же мы стрелять по своим, — ответил Домины, все еще продолжая сверлить взглядом Лапен.

— Она, разумеется, это понимает. Она пользуется нашей добротой! Капитан! Это же несправедливо! После стольких лет нашей работы ради них!

— Ты, что, Дюлейн! Ждал благодарности?

Дирк грустно покачал головой.

— А что вы скажете обо мне? — раздался грохочущий голос от дальней стены.

Все головы повернулись к гиганту.

Гар поднялся на ноги, держа в руках обломок дубинки, и в упор смотрел на Лапен. Он шагнул и медленно подошел к помосту.

— А со мной что будет? Мне тоже не дадут здесь права голоса?

— Ты — Декейд, — воскликнула, сияя глазами, Мейделон.

— Ты — Декейд, — эхом ответила ей Лапен. — Твой голос всегда будет услышан. — Она поднялась, как величественная гора. — Приди. Займи среди нас

место судьи. Твой голос будет решающим во всех наших делах. Стоит тебе только пожелать этого. Ты — Декейд.

— Я — не Декейд, — хрипло сказал Гар.

Над площадью повисла тишина. И снова все глаза устремились на гиганта.

Он медленно поднял обломки дубинки.

— Декейд жил в этом. Это — сломано. Декейд ушел. Я снова стал самим собой. Я снова тот, кого вы называли Гаром.

Мамаша Лапен открыла от изумления рот. В глазах Мейделон стояли слезы горя. Дирк видел, что она пыталась улыбнуться сквозь слезы.

— Это еще не все, — горько усмехаясь, сказал Гар. — Вы должны знать, что я — чужеземец. Ну что, вы и теперь дадите мне решающее слово в вашем правительстве?

— Нет. Не дадим, — хмуро сказала Лапен.

Гар кивнул. Казалось, он доволен суровым ответом.

— Не дадите голоса тому, кто принес вам победу? Тому, кто носил в себе Декейда?

— Перестань нас мучить! — закричала Лапен. — Ты заслужил все, все, но мы не можем этого допустить.

— Да я все понимаю, — тихо сказал Гар, — и облегчу вашу совесть. Знайте же, что мое имя — д'Арман и что я младший сын из благородного дома!

Простолюдины издали общий вздох, а лорды зашипели. Охранники схватились было за оружие, но лорды уже не представляли опасности.

Лапен наконец обрела дар речи.

— А где же Декейд?

— Он выполнил свою задачу, он утолил свою жажду, у него теперь нет цели. И поэтому я смог освободиться от него, поэтому сломал его дубинку. Он вернулся обратно в свой вековой сон. А у меня снова моя собственная жизнь и я опять — хозяин своему телу.

Гар спокойно стоял среди моря горящих глаз, не обращая внимания на растущий на площади ропот.

Лапен подняла руку, и шум стих.

— Декейд ушел, и это был его выбор. Но зачем было ломать дубинку?

— Декейд убил бы любого, кроме меня, кто захотел бы владеть дубинкой.

Медленно Лапен протянула руку.

— Отдай нам эти обломки.

Дирка передернуло, когда он представил себе, как простолюдины один за другим будут пытаться соединить части дубинки.

— Отдай нам остатки дубинки! — закричал Хью, и его команда Лесных двинулась к Гару, но остановилась, все еще с благоговением глядя на гиганта, сжимающего в руках половинки магического оружия.

Площадь хранила молчание.

Гар стал на колени, положил на землю части дубинки и сказал, грустно улыбнувшись:

— Пусть кто-нибудь возьмет ее.

Все глядели на дубинку со страхом. Даже Хью, шагнувший вперед, снова отступил назад.

Дирк каждым нервом, всей кожей чувствовал напряжение, исходящее от толпы.

Гар обернулся к помосту и поднял глаза на Лапен.

— Я — чужеземец, как и те Небесные, которым вы отказали в праве голоса. Но я носил в себе вашего героя, и это была нелегкая ноша. Без него вы до сих пор оставались бы рабами. Без меня вы не стали бы свободными людьми. И теперь вы лишаете меня права голоса. Я снова спрашиваю вас: готовы ли вы принять меня к себе?

Дирк снова увидел глаза Мейделон, полные страдания и надежды.

— Нет, — с трудом выговорила Лапен. — Мы полны благоговения к тебе, но тебе не место среди нас. В тебе течет кровь лордов.

— Так я и думал, — хмуро сказал Гар и обернулся к простолюдинам: — Я пришел сюда ради вас. Я сражался и проливал свою кровь. Теперь вы меня изгоняете. Но я выполнил свою работу и теперь — ухожу.

Он опустил на колени, поднял обломки дубинки и выпрямился.

— Я забираю дубинку с собой, потому что это оружие такой силы, что вам с ним не совладать.

Поднялось злое ворчание, но Гар остановил его, крикнув:

— Попробуйте только помешать мне!

Хью поднял лазерный пистолет, но Лапен ударила его по руке.

— Дурак! Ты можешь повредить дубинку!

Любопытно, подумал Дирк, что случилось бы, если бы лазерный луч коснулся дубинки. Только ему не захотелось присутствовать при этом эксперименте.

Простолюдины один за другим тоже подняли лазерные пистолеты. Однако, когда Гар начал медленно двигаться через площадь, кое-кто схватился за мечи.

Гар шел, подняв обломки дубинки, готовый к любой неожиданности. Его глаза сверкали, мускулы напряглись.

До первого ряда простолюдинов оставалось десять футов.

Пять.

Два.

И тут Хью что-то крикнул, и простолюдины опустили мечи. Они расступились, чтобы дать Гару пройти. Они ворчали, но явно испытывали облегчение.

Гар медленно прошел сквозь толпу простолюдинов, подошел к главным воротам, перешел через подъемный мост и исчез из виду.

Мейделон огромными, несчастными глазами смотрела вслед Гару.

Дирк видел это, и в нем поднималось досадное раздражение. Он обернулся к капитану Доминьи.

— Капитан, ты последуешь примеру Гара? Или останешься здесь, обслуживать этих людей и быть человеком второго сорта?

Капитан посмотрел в глаза Дирку.

— Я остаюсь здесь.

Дирк скривился в гримасе презрения.

— Разве этого мы ожидали? Мы бросили свой мир, мы работали до изнеможения только ради того, чтобы стать высококвалифицированными рабами? «О, сэр, будьте уверены, мы наладим вашу промышленность! О, мадам, мы, конечно, организуем ваш бизнес! Большое спасибо, что вы предоставили нам такую возможность! Школы? Великолепно! Немедленно начинаем курс обучения — не сомневайтесь! Мы будем только рады сделать для вас все то, чего вы сами не сможете сделать. Только не забывайте всегда гладить нас по головке. А может быть, мы получим от вас и вкусную косточку? О, как мы будем счастливы!» И это стоило наших жизней?

Доминьи побагровел.

— Всю мою жизнь, Дирк Дюлейн, я работал для своего народа. И буду это делать до конца своих дней! Думай что хочешь, но я все эти годы не рассчитывал на благодарность или славу. Я делал то, что считал необходимым и правильным, и каковы бы ни были последствия моих действий — я принимаю это. — С этими словами он обернулся к мамаше Лапен: — Я остаюсь здесь и с радостью принимаю все ваши условия!

— Чем ты будешь заниматься? — спросила она.

— Я многое умею делать. Могу работать в школе, на фабрике, в торговле, где угодно. Хочу принести пользу народу этой планеты.

Толпа на площади встретила его заявление восторженными криками.

Дирк посмотрел на Лапен и на Хью. У них были радостные, смеющиеся лица. Мейделон на его взгляд ответила взглядом долгим и приветливым.

Дирк еще раз посмотрел на капитана, повернулся и пошел к главным воротам.

В наступившей на площади тишине он услышал громкий стук каблуков. Мейделон догнала его, схватила за рукав и, задыхаясь, сказала:

— Не уходи! Останься с нами!

— Зачем? Какая в этом необходимость?

Она внимательно посмотрела на него.

— Разве я ничего для тебя не значу?

Он помолчал, наклонив голову.

— Чего-то я не понимаю. Только что, когда уходил Гар, я видел твое трагическое лицо.

— Верно, — грустно сказала Мейделон. — Но как только он сказал, что дух Декейда покинул его, передо мной пронеслось все, что произошло. Я поняла, все получилось только благодаря тебе. На Арене *ты* убедил простолюдинов, что Гар — предводитель. *Ты* готовил его принять в себя Декейда. *Ты* вложил дубинку ему в руки. *Ты* поддержал его, когда ему стало казаться, что все его планы рушатся. *Ты* опустил на планету Дальние Башни. Теперь я уверена, что *ты*, больше, чем кто-либо другой, помог нам победить, потому что в тебе жил дух Волшебника!

— Все это твои фантазии, — не глядя на нее, ответил Дирк, — все это неправда. Все дело в том, что гигант ушел, и ты решила обратить внимание на меня.

Мейделон вздрогнула.

— Я говорю то, что очевидно. А ты, как и большинство мужчин, не знаешь, каков ты на самом деле.

— Значит, теперь ты хочешь получить меня, — сказал Дирк и грустно, но иронично усмехнулся.

— Да, я тебя хочу, — яростно прошипела Мейделон. — Можно ли за это упрекать?

— Можно. Потому что, если бы Декейд снова ожил, ты немедленно отвернулась бы от меня.

Он увидел, как больно ей стало от его слов, и почувствовал раскаяние. Он нежно коснулся ее лица.

— Прости меня. Я был слишком резок. Но хочу, чтобы ты поняла — я не могу быть *вторым*.

Дирк еще раз посмотрел ей в глаза, повернулся и пошел прочь.

Простолюдины расступились, как это они делали, когда уходил Гар. Дирк шел мимо притихших людей, не глядя на них. Он остро чувствовал доброту этих людей и почтение, которое они испытывали к нему, но одновременно у него было и ощущение, что надо скорее выбраться из этой западни.

Он быстро прошел подъемный мост и оказался на пути к холму. Здесь он позволил себе остановиться. Он глубоко вздохнул и расправил плечи. Оглянулся на оставшийся позади город. Его теплые огни мерцали в вечернем тумане. Дирку нельзя было останавливаться, он должен был нагнать одного человека и, странно, он знал, где его искать.

Ему было нужно найти лошадь.

* * *

Дирк бесшумно вошел в пещеру и ступил под каменную арку. Был темный холодный час перед рассветом. Лучи лунного света, проникающие сквозь щели свода, мерцали на костях огромного скелета.

Высокая фигура, одетая в черное, склонилась над серебриющимися останками и долго, недвижно стояла в глубокой задумчивости.

Дирк затаил дыхание.

Затем черная фигура разогнулась и, вытащив из складок своей одежды две половины дубинки, положила их по обе стороны скелета, и тут же отошла назад, склонив голову.

Лунный свет посеребрил волосы, нос и лоб Гара, только под бровями залегли черные тени.

Гар долго смотрел на Дирка, будто не видя его, потом внезапно схватил Дирка за плечо и глухо сказал:

— Давай скорее выйдем отсюда.

Они быстро прошли под аркой и через винтовой ход вышли в низкую пещеру.

— Тебе пришлось нелегко, — пробормотал Дирк.

Гар кивнул:

— Эта дубинка, Дюлейн, обладает мистической силой, она увеличивает энергию владеющего ею человека в сотни раз. Имея эту дубинку, я стал бы самым могущественным психометристом во всей галактике.

— Так почему же ты от нее отказался?

— Потому что она не моя, — без колебаний ответил Гар. — Она принадлежит Декейду и его народу. — Он поднял голову и задумчиво смотрел на бледный

свет раннего утра, пробивающийся сквозь отверстие входа в пещеру. — К тому же была опасность привыкнуть к ней. Владея ею, надо было бы постоянно приводить ее в действие. До тех пор, пока я оказался бы не в состоянии управлять ею. Она все время требовала *крови*.

— Ты поэтому ее сломал?

— Ну, не совсем так, — ответил хмуро Гар. — Декейд был великим человеком, но он был таким же, как его дубинка, он должен был все время сражаться, все время воевать. До конца дней моих я буду опасаться, что память о нем, которая наверняка осталась где-то во мне, может завладеть моей личностью. Сохрани я эту дубинку — у меня не было бы шанса остаться самим собой. Поверь, Дюлейн, велико было искушение, хотелось присвоить себе это оружие. Но оно разрушило бы меня.

Они вышли к подножию холма, и Гар, развернув плечи, вздохнул полной грудью.

— Хочу тебе сказать, что надеюсь никогда больше в жизни не испытать того, что я испытал! Сначала это было невыносимо, чувствовать в себе сознание другого человека. Наши мысли как щупальца выскакивали из клеток мозга и бешено боролись между собой. Мы сражались в стране метафор, под символическим небом, в полях рассудка и были близки к тому, чтобы убить друг друга. Но спустя некоторое время мы установили перемирие и стали почти друзьями. Хотя всегда оставалось недоверие, всегда шла незаметная битва, так как мы оба хотели жить по-своему. Всегда существовала угроза еще одного боя за первенство, но

ведь все это происходило в моем теле, в моих мускулах, в моем мозгу.

— Но, к счастью, этого боя не случилось!

— Да, ведь мы были союзниками, у нас была общая мечта... А теперь — он ушел. Нет его жизненной силы, его души. Остались только воспоминания. Он умер в мире с собой. Он испытал сладость мести, сила его иссякла, и он вернулся назад, туда, откуда пришел. Я знаю, что ему не было бы покоя, если бы дубинка оставалась целой. Я не хотел, чтобы он стал привидением.

— Еще бы... Я тебя понимаю...

Гар поднял руку, показывая на вершину холма.

— Давай заберемся туда. Посмотрим на этот мир с вершины могилы Декейда.

Они двинулись вверх, и неожиданно Гар спросил:

— Она пыталась тебя остановить?

— Да, — печально ответил Дирк. — Но ты крепко держал ее в руках.

— Я? Или Декейд?

Дирк пожал плечами.

— Или он, или ты. Это не имеет значения. Как бы ни было — я с тобой.

Гар молча продолжал шагать.

— Вот и еще одна причина, чтобы не оставаться на этой планете.

— Что она, что все остальные — все одинаковы.

— И тем не менее все не так просто.

Дирк остановился и вопросительно поднял брови.

— Тебе что-то непонятно? Волшебник? Невидимая рука, направляющая каждый мой шаг?

— Нет, конечно, нет. — Но, казалось, Гар сказал это нарочито небрежно.

Дирк был озадачен. А затем рассмеялся.

— Да не волнуйся. Я давным-давно все понял. Это ты распространял слухи, ведь так? Ты же начал свое странное путешествие по стране, чувствуя, что *нечто* должно было произойти, — и повсюду стали видны следы присутствия Волшебника.

Гар кивнул.

— Где-то пустить слух, где-то — телепатическое внушение...

Дирк поднял брови.

— О! И это тоже в списке твоих талантов?

— Да, я — ничто, если нет рядом восприимчивого существа.

— Ну конечно, — усмехнулся Дирк. — Когда лорд Кор нашел Мейделон и меня, как это ты устроил, чтобы мы казались мертвыми? Мне что-то неизвестны пси-факторы, которые могут такое сделать.

Гар только улыбнулся и продолжал шагать.

До самой вершины холма Дирк ждал ответа на свой вопрос.

На вершине холма Гар встал, скрестив руки на груди. Вокруг, куда ни глянь, простиралась страна, просыпающаяся с первыми лучами солнца.

— Какой покой, а?

— Да-да, — согласился Дирк. — Ну и?..

— А сам-то ты? — Гар вопросительно поднял брови.

Дирк смотрел на него, стараясь сохранить лицо спокойным.

— Наконец-то ты хоть что-то заметил. Удивительно.

Гар пожал плечами.

— Ты только теперь решил все выяснить... Скажи мне, она действительно ничего для тебя не значит?

— Нет, — помедлив, ответил Дирк, — для меня много значил народ, а не она, но теперь все позади.

— Ты совершил все, что от тебя требовалось, и теперь они тебе больше не нужны. Совсем не нужны.

— Так и есть, — опять не сразу ответил Дирк. — Я — молод. Я в них не нуждаюсь. Теперь наступило время подумать о доме.

— Да? — Гар вопросительно поднял брови. — И каковы же твои планы?

— Двинуться отсюда к эпсилон Эридана, к ближайшему порту, для начала, — сказал Дирк с грустной улыбкой. — Сложность лишь в том, что моя команда что-то не торопится улетать отсюда, мне не с кем отправиться в путешествие. Видишь, стою на дороге и голосую... Может, подберешь?

Гар захохотал и хлопнул Дирка по плечу.

— С радостью, Дюлейн! Всю дорогу будем обсуждать события, которые здесь произошли.

Неожиданно для себя Дирк тоже улыбнулся.

— Слушай... а то, что мы могли бы стать соперниками?

Гар покачал головой:

— Друзьями, Дюлейн. С самого начала — друзьями. Но тогда я еще этого не мог сказать, ведь так? —

Гар закатал рукав и нажал на браслете кнопку вызова корабля.

— Похоже, что не мог, — согласился Дирк. — А теперь скажи мне: когда ты осознал, что стал Волшебником?

Гар только усмехнулся.

С неба спускался золотой корабль.

Содержание

Волшебник не в своем уме 5

Волшебник в Бедламе 333

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТАСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Сташеф Кристофер
Волшебник не в своем уме
Волшебник в Бедламе

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.05.01.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 10 000 экз.
Заказ 1070.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84 .

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Сын легендарного «чародея поневоле» Магнус — это, что называется, оригинальное слово в искусстве Высокой магии!

Есть, знаете, масса чародеев, бродящих из мира в мир во исполнение своей высокой миссии... а вот как насчет волшебника, ч бродяжничает В ПОИСКАХ этой самой миссии — а найти ее ну никак не может?..

Есть, знаете, просто куча магов, готовых сей секунд пустить свое искусство в ход во имя благого дела... а вот как насчет волшебника, что во имя благого дела чародействовать КАК РАЗ НЕ НАМЕРЕН?..

Это — блистательный сериал Кристофера Сташефа.

Самая забавная смесь фэнтези и фантастики, невероятных приключений и искрометного, озорного юмора, какую только можно вообразить.

Вы смеялись над славными деяниями «чародея поневоле»? Тогда не пропустите сногшибательную сагу о странствиях ВОЛШЕБНИК БРОДЯГИ!

ISBN 5-17-006502-

9 785170 065028